

Юрий Стрелов

Сон в тумане

Роман

Мистика. Фантастика. Приключения

**Иркутск
2014**

УДК 821-161-1
ББК 84(2=Рус7)

С 84 Стрелов Ю. Сон в тумане: Роман. – Иркутск, 2014. – 316 с.

© Ю. Стрелов, 2014

Часть первая

Лишние люди

Разговор с сосной

Шел по знакомой тропе. По ней хожу с молодости. Под ногами хрустел опавший лист. После утреннего легкого инея, тайга медленно отогревалась под лучами яркого солнца. На небе ни облачка. Оттаявшая тайга наполнилась резкими запахами. Недалеко чирикали и шумели таежные воробьи. Надо мной свистнула белка, мимо проскочил бурундук с грибом. Они не боятся меня. Возможно, привыкли к моим частым прогулкам. Порой я останавливаюсь и долго стою и прислушиваюсь к тайге. Она живет и дышит по своему, таежному в разные времена года. Я даже зимой слышу её дыхание. Тайга живет и дышит круглый год. Её надо уметь слушать. И в каждый сезон у неё разные запахи и разные звуки. Вот и сейчас она не притихла перед снегом. Под легким ветерком деревья словно разговаривают. Любое дерево радуется, если среди его веток копошатся разные птички, добывают орешки белочки. А вот стоят три осины. Они печалятся. Как и положено их покидают горькие листья. Не в этом дело. На них не садятся птички, оббегают их белочки, даже муравьи не бегают по их стволам. Я подошел к осинам. Мне захотелось успокоить их. Каждую из них я нежно погладил.

– Что подружки веточки повесили? Так уж вышло. Куда теперь денешься? Вокруг вас кедры, березки да сосны. Они что-то дают лесному братству. Поколения свое надо растить. А разве вы не даете радость? Вы посмотрите, какие под вами грибочки подосиновики! Сейчас я уйду, и не буду мешать бурундукам и белочкам собрать все грибочки. А среди вас так их много! Целое

ведро можно собрать. Выше веточки! А какой воздух возле вас! Аромат! Вы каждый год радуете меня. Вот и сейчас мне стало так легко и радостно! Я ещё навещу вас мои красавицы.

Чтобы не мешать, лесному братству собирать грибы, я пошел по тропе. Мне показалось, возможно, от ветра, но ветки от осин вроде приподнялись и легонько зашумели. Показалось? Но, я уверен, что они благодарили меня. Тайга живая. Она всё понимает. С молодости я никогда не ругался в тайге. Доброе слово не только люди ожидают, но и тайга.

Вышел к парку. Сел на скамейку под навес. С этой скамеечкой вот уже многие годы дружу. Солнечные лучи ласково пригрели мое тело. Кажется, задремал. Вот уже шесть месяцев меня никто не посещал. В этом маленьком провинциальном городишке Туманске, который в своих книгах я взял за отправную точку, мои товарищи разъехались по стране. Некоторые бывали со мной в параллельном мире. Кирьян Подгузников уехал к сыну в деревню, неутомимая Октябрина Правдина тоже уехала к дочери. Аграфена Железянкина тоже куда-то уехала. В последний раз она плюнула на местную крошечную партийную организацию, прилюдно сожгла партийный билет, показала всем партийным бабулям и дедулям кукиш, обозвала их шизофрениками, и пинком открыла дверь в партийном кабинете, увешанным портретами партийных деятелей. Муж и жена Пелагея Пантелеймоновна и Петр Петрович Длиннохвостиковы продали коттедж, всех животных и куда-то уехали. Может, ещё с ними встретимся в параллельном мире. Хотелось бы встретиться.

Кто-то сел рядом со мной. Открыл глаза. Наконец-то хоть кто-то появился из другого мира. Это был Дюрд. Это представитель от светлых сил. Значит, я куда-то ещё нужен.

– Мои товарищи убыли из оных мест, – сказал я.

– Убыли. Это так. Теперь они будут назначены в другие команды, – ответил Дюрд. – Больше ты с ними не встретишься. Олег Битна-Шляхта поехал в Эстонию. Там у него есть родственники. Он им рассказал, что он был с русскими в другом мире. Правда, у них не было документов. Один из родственников, состоящих в администрации города, возмутился, что он был с русскими. Пришлось убегать из этой страны. Он уехал в Польшу. Там у

него тоже есть родственники. В Польше его встретили хорошо. Решил там остаться навсегда. Иван Иванов уехал в Сочи. Он мечтал поселиться на юге. Мечта сбылась. Сергей Чемулаев и Саша Хилопатов живут в Москве. Просвещают народ. Странно, но со священниками не встречаются. Мне эти два друга сказали, что современные священники совершенно не соблюдают заповеди Иисуса Христа. Безмерно обогащаются. Володя Тымнева-кат кочует по тундре с оленями. Степа Клубков путешествует по стране. Как только узнает, где начинают строить церковь, едет туда. Помогает строить храм. И все они стали глубоко верующими в Бога людьми. За богатством не гонятся, как и ты. Я читал в твоём ноутбуке новую книгу «Отчаянные придурки». Вот её надо бы тебе издать книгой. Там много ответов, как надо жить. В вашем мире пока это невозможно.

– Значит, я больше с ними не встречаюсь?

– Нет. Каждый из них в другом мире начнет жизнь с чистого листа. И рядом с каждым из них станут появляться другие люди. Будут создаваться новые команды. Как ты уже знаешь, что созданный мир Всевышним очень сложный и многогранный. Ты ведь тоже начинал в другом мире жить в одиночестве. Постепенно у тебя появились друзья.

– Когда я отправлюсь в новые приключения?

– Пока отдыхай и набирайся энергии от природы. Отдыхай духовно.

Дюрд исчез.

Дрема прошла. Я снова пошел по тропке к городу. Вокруг меня золотилась березовая роща. В солнечных лучах плавали, кувыркались березовые листочки. Они не очень старались упасть на землю. Это был их последний танец. Я даже уловил только им понятную мелодию. Такой музыки я нигде не слышал. Я не композитор. Но, как бы мне хотелось записать такую мелодию на ноты. Хоть бы какой-нибудь городской композитор приехал бы в нашу сибирскую тайгу, походил бы по лесным тропам, послушал бы мелодию хотя бы вот этих плавающих в лучах солнца листьев. Художники бывают на природе. Они создают шедевры тайги, леса, рек, морей, гор. А вот композиторы любят города, живут на дачах. Разве можно сравнить дачную приро-

ду с тайгой? Никогда! Дачная природа, это бутафория. Бывал я на южных Домах отдыха. Бутафория. Я оттуда быстро убежал. Тайга всегда манила меня. Она лечила меня от духовной болезни, она придавала мне энергии и силы. Она вдохновляла меня на творчество. Любая южная, сказочная бутафория с разными красивыми цветами и фруктами навевала на меня тоску. Уверен, что Иван Иванов сбежит с благодатного юга.

Да, теперь я остался один. Больше я не увижу своих друзей и товарищей. Возможно, у меня появятся новые товарищи. Когда это произойдет, мне неизвестно. Начнется новая страница в моей сложной судьбе.

Облился контрастным душем, выпил чашечку кофе, и решил полежать на диване. В моей однокомнатной квартире в стареньком четырехэтажном доме из хрущевской эпохи, я, как старый и одинокий волк жил среди скромной мебели, и в тоже время не чувствовал себя одиноким. Порой мне казалось, что вся эта мебель, зеркало в мой рост, и даже посуда, одежда разговаривали со мной. Я задавал им вопросы, отвечал, иногда смеялся, шутил, а бывало, и сердился на глупые вопросы. А, когда начинал разбираться, то вопросы-то не были глупыми. Тогда просил прощения. Вот если бы меня послушали соседи или знакомые люди на мои чудачества, то имели право сказать, а Стрелов-то настоящий придурок. По ним психушка плачет. Очень серьезные люди удивляются моим причудам. Почему я без дела хожу в тайгу? Видите ли, он слушает тайгу. Чего это её слушать? Тайга, она и есть тайга. Там растут грибы, есть шишки. В разные годы можно набрать там ягоду. Бери и не ленись. Что там слушать? Одним словом, придурок. А то, что я путешествую в другие миры – молчу. А книги я назвал фантастическими. И то, некоторые смотрят на меня с подозрением. Чего это я там нагородил и наврал? Пиши правду, и не смущай умных и серьезных людей какими-то выдумками. Даже свой маленький городок, который почему-то называют городским поселением, переименовал в Туманск.

Тополь под моим окном ещё не сбросил листву. Надо сказать, что листва на тополе всех дольше держится. И вот сегодня одна из веток коснулась стекла, постучала, как бы приглашая на бе-

седу. Что она собралась мне сообщить? Форточки у меня открыты до самых морозов. Порой холодный ветер свободно гуляет среди мебели. Даже прилетают снежинки, и они долго не тают на холодном полу. Я сел у окна, ощущая свежий ветерок, принесший в мою комнату запахи тайги. Я прошептал:

– Что, милая холодно тебе? С листочками прощаешься? А куда денешься? Природа. Я тоже годы свои теряю, как ты листочки.

И я услышал ответ:

– Конечно, жалко их. Я вижу в твоих глазах скрытую тоску? Что с тобой? Хочешь, я тебе исполню нашу песню. Я вот пытаюсь не унывать. А ты, что это тоску наводишь? И в комнате из-за тебя стало тоскливо. Послушай музыку. Ветерок нам поможет.

Грешным делом я подумал, о какой песне может петь тополь? Это дерево в тайге не растёт, оно не дружит с другими деревьями. Тайга может петь, а городской тополь никогда. Зря это я так подумал. И тут я услышал едва уловимые звуки незнакомой мне музыки. И эта мелодия, тонкая, нежная словно жила во мне. Она согрела мне душу, подняла настроение. Было такое ощущение, словно всё вокруг пело и веселилось. Ничего не видел вокруг, потому, что сами собой закрылись глаза. Я словно не сидел на стуле, а плавал в воздухе, а вокруг меня кружились в танце листья. Нет, они не падали, они плавали вокруг меня, касались моего лица, отдавали мне нежные запахи из моей любимой тайги. Господи, какая музыка! Если бы злые и недоверчивые люди слышали бы, хоть раз эту нежную и запашистую музыку, может в них что-то и сдвинулось бы в лучшую сторону. Неужели эти люди так глухи? Как им помочь измениться в лучшую сторону? Мне всегда казалось, что человек только сам может изменить себя. Но, многие не желают меняться. Просто надо прислушаться к себе и понять себя. Ведь я не всегда был таким, какой сейчас. Из моей первой книги «Зона», можно узнать каким был в молодости. Ещё есть пример. Мои товарищи по путешествиям в другие миры, стали другими. В моей книге «Придурки» я описал их. Мне не дано, с ними встретиться. Но, я бы с ними пошел в любую разведку. Это надежные товарищи. Когда меня отправят для новых приключений, возможно, мне встретятся другие

люди. Кто они? Какие они? Но, я уверен, что и эти люди будут такими же, как мои бывшие друзья и товарищи.

Странно. Наступила тишина. И что удивительно, на душе стало тепло, радостно. Появилась надежда, что я буду не одинок. Ветка успокоилась. В комнате было тихо, и очень светло. Теплые лучи солнца освещали голые стены, пол, потолок. Слава Богу, ковров и дорожек у меня нет. Я продолжал сидеть у окна. Листья медленно плавали, кружились вокруг тополя, словно прощались навсегда.

Некоторые люди с рюкзаками и сумками спешили на автобус, чтобы поехать на дачу. Там ещё есть работа. Надо всё подготовить к зиме. Из окна я видел деловые и хмурые лица. Такими хмурыми эти люди и садятся в машины и в автобусы. Как-то я решил съездить к моему товарищу на дачу. Он пригласил меня провести день среди спелой клубники, помидор и прочей другой овощной культуры. Я пробился в автобус. У меня было такое ощущение, будто автобус тоже нахмурился. Конечно, он был недоволен. Сиденья были заняты, и люди стеной стояли в проходе. Передо мной торчал пропахший непонятно чем грязный в заплатках рюкзак. За спиной нервно дышал водочным перегаром небритый мужик. Он то и дело ворчал.

– Куда все едут? Я хоть по делам еду. Не могут выделить дополнительный автобус. Так нет же, надо над людьми поиздеваться! Ты чо там, в спину своим рюкзаком тычешь? А ты чо мне в рожу сумку суешь?

– Надо было меньше вчера жрать! – раздался визгливый голос женщины. – Развонял здесь перегаром, скотина!

– Сама скотина безрогая. Пил на свои любезные!

– Я все-таки, женщина! И не хаами, пожалуйста! Никакой культуры!

– Хватит визжать! – отозвалась какая-то женщина. – Зачем из себя культурную корчишь? Женщина она! Не смехи! Пьянь сраная! Гришка подобрал тебя, отмыл тебя, обул, одел, в свою квартиру прописал, на дачу тебя завез. Знаем таких баб культурных! Чуть причиханастилась и сразу нос кверху? Культурной сразу заделалась? Не выйдет!

– А ты переучка, помолчи! Мужик у тебя в две смены вкалывает, а ты по домам отдыха разъезжаешь. Знаю, чо ты туда катаешься. Тебе одного мужика мало! Я хоть и такой была, зато чичас предана мужу. Вот так. И дитя заведем.

– Хватит, бабы болтать! – закричал какой-то мужик. – Со-роки чёртовы!

Я едва выбрался из автобуса. Меня шатало. В любой толпе шатает. Недалеко был лесок. Направился в этот лесок.

Кто-то крикнул:

– Стрелов, ты чего это от народа отрываешься! Будь как все. Вечно у тебя ни как у людей. Всё тебя куда-то от людей тянет.

Я вошел в лес. Стал часто вдыхать свежий лесной воздух. Вскоре силы восстановились. Надо идти к товарищу. Люди разбредлись по дачам. Странно, я не видел в автобусе ни одного светлого лица. Такими хмурыми и злыми они и явятся на свои участки. Но, ведь я жил на даче круглый год. И никогда не хмурился и не злился. Помню, что даже некоторые на меня смотрели с подозрением. Чему, мол, я радуюсь? Все деловые, серьезные, а он радуется. Подозрительный тип этот Стрелов.

И вот я пришел к даче своего товарища Ивана Попова. Обыкновенная дача. Дом пять на пять. Две теплицы, наполненные спелыми помидорами, теплица с огурцами. Четыре гряды клубники. Много и другой огородной культуры. В загоне четыре сви-ньи, куры ходят между ними.

Мы сели на скамеечку. Я заметил, что он какой-то растерянный. Глаза так и бегали. Что изменилось? Он ведь сам меня пригласил посетить его дачу. Он хотел похвастаться своим отменным урожаем на помидоры. О чем-то другом поговорить с ним не решился. Понял одно, что зря к нему приехал. Его жена, худенькая, остроглазая то и дело появлялась в разных местах. Зря приехал. Надо включиться в дачный разговор.

– У тебя, Иван, добрая теплица. Помидоры так и смотрятся в стекла.

– Да так. Ерунда. Что-то стали подгнивать.

– Свиньи и куры в одной сарайке. Нельзя. Куры гадят сви-ньям на спины. Мало ли какую заразу внесут бедным хрюшкам.

Иван серьезно ответил:

– Мы свинушек содой с мылом моем до белизны.

Когда-то он увлекался поэзией. Его стихи печатались в областной печати. Спросил:

– Бросил писать стихи? Конечно, хозяйство тоже надо поддерживать.

Он хотел что-то ответить, но мимо пробежала жена.

– От его стихов меня мутит. Да и толку никакого от них. Дурью мучился. Теперь поумнел. А тебе, Стрелов, что дала твоя писанина? Ничего у тебя нет. Гол, как сокол.

– Гусей у вас что-то нет, – сказал я. – В таком хозяйстве гуси не помешают. Да и веселее с ними.

– Надо подумать, – серьезно ответил Иван. Он даже очень нахмурился.

Да и я решил нахмуриться. Ответил:

– Гуси умные птицы. Их надо весьма караулить. Бывали случаи, когда улетали на юг за дикими гусями. За их голосами га-га надо следить. Хитрая птица. Ну я пошел, а то твоя жена от нервов может и того... Не надо бы. Жалко будет. Всего доброго. А гусей ты заведи.

Я встал. Шутки в сторону. Да и скучно стало. Надо уходить. Зря приехал. Но напоследок сказал:

– А насчет кур подумай. На спину ведь гадят. Нехорошо и не культурно с куриной стороны. Что с курицы взять, а свиной жалко.

Быстро уходил в лес. Только там почувствовал себя хорошо. После того случая, Иван Попов при встрече пытался не замечать меня. Это его дело, это его жизнь.

На другой день я пошел в тайгу. Иней побелил дальний лес. Трава ещё сильнее замерзла, чем вчера. По тропке вышел к своей любимой сосне. Легкий иней посеребрил её сверху. До нижних веток иней ещё не добрался. Днем потеплеет, и под солнечными лучами всё оживет. С молодости прихожу к моей сосне. Бывали случаи, когда от этой сосны уходил в другой мир. Там встречался с моими друзьями на острове Диком. Теперь их не увижу. Конечно, жалко. Не от меня зависит. Стал думать насчет того, кто со мной отправится для новых приключений. Может, кого-то из

нашего городка отправят? Но кого? Не знаю. Перебрал всех знакомых. Не знаю. И когда отправят? Мне неизвестно.

Постоял у сосны, погладил её теплый, шершавый ствол. Решил поговорить с ней.

– Что, красавица, пока я там не нужен. Каких громкоголосых людей знал, уехали отсюда. Они будут в других командах. Возможно, меня оставили для поиска голосистых товарищей? Не знаю. Может, Федя Копылов, и Михаил Бутаков подойдут? Не знаю. Чтобы уничтожить улыбчиков, нужны не только громкие голоса, но складно говорить. Надо умело врать, как врали наши лекторы из советской эпохи. Кто такие улыбчики? Я о них много написал в моей книге. Коротко сообщу. Разумные существа на двух ногах прибыли из глубин далекого космоса на нашу планету для её захвата. Сами они прибыли или нет, никто не знает, но фантомов послали. Они начали проникать и в наш мир. Мы уверены, что они сдружились с темными силами. Совместно они проникают в сознание людей, и творят зло. Отличие от наших людей то, что они постоянно улыбаются. Вот мы и прозвали их улыбчиками. Улыбаются и творят зло. Порой человек, совершивший злодеяние, не помнит, что он натворил. Конечно, они Сатане на руку. Только вряд ли Сатана отдаст им свою власть. Он на земле царствует с незапамятных времен. Он считает себя хозяином на нашей планете. И, чтобы он отдал кому-то власть? Конечно, не отдаст. А вот война может произойти. Всевышнему Богу надоест смотреть на безобразия темных сил и на разных злых пришельцев. Вот и начнется война светлых сил с темной силой. И разве мы, добровольцы, можем стоять в стороне? Мы обязаны помочь в этой войне с врагами нашего Бога. Ещё я уверен, что есть ещё добрые пришельцы из других миров. Они давно следят за нашей планетой. Кто-то же оберегает планету от разных метеоритов.

Я не слышал, но почувствовал, что сосна что-то ответила мне. Легкий ветерок помог донести до меня её голос. Верхние ветки, облитые солнечными лучами, начали сбрасывать густой иней в виде дождевых капель. Они касались моего лица, шеи. Они доставили до меня почему-то запах грибов, и свежего снега. Ветки тихо шелестели. Но, среди этого шума, уловил отдельные слова,

адресованные мне. Странно, но я никогда не слышал, чтобы она говорила со мной. Хотя, порой что-то улавливал странное в этом шуме веток. Бывало, встану под её мощные ветки, прислонюсь к её теплому стволу, и духовно отдыхаю. И вдруг ветки начинали издавать странные звуки. На это я не обращал внимание. Шумят и пусть шумят. Правда, меня иногда удивляло то, что не было никакого ветра, а ветки вдруг зашевелились. Возможно, подул верхний ветер. В народе его называют верховик. Кстати, в словарях этого слова нет. Пусть простит меня читатель, но я иногда применяю простонародные слова. Внимательный читатель это, конечно, заметил. Бывают слова грубые, но они народные. Я их применяю в нужный момент, где они просто необходимые. Мои герои часто пользуются такими словами. С пришельцами из другого мира, как фантомы-улыбчики, иначе нельзя. Ещё не знаю, кто будет со мной рядом? Какие это люди? Заменят ли они моих бывших товарищей? Хотя бы один был таким, как Подгузников, Степа Клубков, Володя Тымневакат, Саша Хилопатов, Пелагея Длиннохвостикова, Октябрина Правдина. Я буду скучать по ним. В этом городке мне скучно без них. Конечно, есть у меня хорошие товарищи, как Саша Ниточкин, Варвара Зверева, Саша Кувалдин, Ольга Голубкина, Миша Игрушкин. Но, они люди серьезные. И мою фантастику в моих книгах не воспринимают, а некоторые и совсем не понимают. Ищут только блошки. А в суть произведения не вникают. Я на них не обижаюсь. Раз не дано им, понять, значит, не дано. Я ведь не виноват. Всё получается странно. У многих людей я во всем виноват. У многих знакомых многое что есть, а у меня ничего нет. Оказывается, я виноват, что у меня ничего нет. Это людей настораживает. Дожил до старости, а ничего не нажил. Для этих людей я, конечно, виноват. Порой мне бывает стыдно перед людьми, что у меня ничего нет.

Ветки шелестели, это я хорошо слышал. Но, что-то сквозь этот шелест ещё проникали до моего слуха и другие звуки. Решил вникнуть в эти звуки. И вот, что услышал.

– Тебе должно быть стыдно, что не слышишь меня. Много десятилетий, с молодости, ты подходишь ко мне. Рядом со мной есть вход в другие миры. Недалеко от меня есть ещё карстовый

разлом. Через него тоже можно попасть в другой мир. На земле есть много таких мест. Стареем, братец, стареем. Телом ты стареешь, но душа у тебя остается молодой. Хотя, что я болтаю. Душа никогда не стареет. Я хочу поправиться. Твое сознание, твой внутренний мир не стареет. Мне интересно встречаться с тобой. Ты ничего у меня не просишь, ничего не клянчишь, ты просто иногда просишь у меня прощения, что давно не видел меня. Иные люди, особенно женщины, притыкаются к деревьям, чтобы они дали им здоровья. Хотя бы кто-то вот так, как ты поговаривал со мной. Эти люди попросили бы у нас прощения за свои хотя бы дневные грехи. Подавай им здоровья. Я чувствую, как над тайгой витает зло. Если и здесь есть зло, то оно должно быть и в вашем городке. Что-то темное происходит в нашем мире.

Я ответил сосне:

– Чувствую это зло. Но, никогда не скажу, что знаю. Почему? Невозможно всё знать. А вот стремиться к этому надо. Я всю свою жизнь иду к слову «знать». Оно манит меня к себе, сильно притягивает. Это слово для меня, как наркотик.

– Может, в этом и есть главный смысл твоего бытия в нашем мире, – ответила сосна. – Таких странных людей, как ты и берут в другие миры. Ты постоянно копаешься в себе, всегда бываешь неудовлетворенным от непонимания чего-то познать. Ты никогда не злишься на людей, которые тебя не понимают.

– Откуда ты знаешь о моей жизни?

– Мне ли тебя, братец, не знать? Редко, но, иногда мимо меня проходят странные люди. Как правило, у всех у них, ломаные судьбы. Среди богатых нет странных людей. Странные люди всегда вызывали подозрение.

– И это знаешь? – спросил я. В жизни многое что испытал, но то, что происходило сейчас, такое было впервые. Конечно, я всегда говорил с ней. И никогда она мне не отвечала. – Что-то ты сегодня разговорилась?

– Неправда. Я всегда с тобой вела беседы. Просто ты, братец, не обращал на меня внимание. Любимая сосна и только. Почему сегодня ты меня услышал? Да, очень просто. Ты больше не увидишь своих друзей и товарищей. Да и в этом городке у тебя, братец, больше, возможно, нет тех людей, которые бы отправи-

лись искать приключения в других мирах. Многие товарищи не понимают тебя. Ты стал чаще обращаться к природе. А в соприкосновении с природой, обостряется слух. Ты стал отлично слышать тайгу, и в ней животный мир. А теперь и меня услышал.

– Может, ты ответишь, когда и с кем я там встречусь?

– Этого я не знаю. Хотя, мне известны некоторые странные люди. Они тоже дружат с природой. Ты их называешь лишними людьми. Может, их возьмут?

– Ты можешь меня познакомить с ними?

– Как же я познакомлю, если я стою на одном месте. Один из них вчера подходил ко мне. Очень странный человек. Он мне знакомый. Понимаешь, братец ты мой, когда человек вот так подходит ко мне, как ты, я пытаюсь узнать о нем всё. Доброго человека и злого я сразу отличу. Злой человек редко подойдет ко мне. Тот человек добрый. Я чувствую энергию человека. И эта энергия всё передает мне. Любое дерево в тайге пытается помочь человеку, даже лечит его. Злой человек хоть на немного становится добрее.

– Значит, я встречусь с ним. Ты дала мне, сосна, надежду. Спасибо тебе за откровенность и понимание. Так бы вот люди понимали меня. Для многих людей я лишний человек.

– Ты не сердись на них. Я тебе дала много доброй энергии. Вот и делись с ними этой энергией.

– А я что делаю? Сейчас только и занимаюсь тем, что несу людям добро. Мои три слова: «Всё будет хорошо!» многие знают в нашем городке. Я и здесь, с вами, набираюсь, энергии и несу в люди. Тайга насыщает меня энергией.

– Ты правильно делаешь. Приходи в тайгу и ко мне чаще. Я даже отсюда чувствую, как над вашим городком иногда витает темная сила.

– Витает, – ответил я. – Я тоже её чувствую. Ладно, я пошел в мой городок, над которым повисла темная сила, и своими присосками выкачивает из мозгов некоторых товарищей последние мысли. Кстати, эти присоски я не чувствую над своей бедовой головой. Если я лишний человек, то, что у меня брать?

Не оглядываясь, я пошел в парк. Надо посидеть на скамеечке, а потом уж пойти домой.

Вот я и дома. Заварил чай. Попил. Лег на диван и тут же уснул. Сон был здоровый и без сновидений. Завтра надо пройтись по городу. Обещание, которое я дал сосне надо выполнять.

Настораживает

Серые тучи медленно плыли над городом. Иногда они сбрасывали колючий снег. Но он быстро таял. Земля не готова принять его. Легкий ветерок отдельные снежинки забрасывал под скамейки на автобусных остановках. Там он мог лежать долго. Я тоже медленно и бесцельно шел по улице. Тополя начали сбрасывать свою листву под ноги прохожих. Под моими ногами они тихонько шумели, и старались прилипнуть к обуви. Я поднял несколько листиков. От них пахло свежим снегом и почему-то грибами. В городе нет грибов. Да и в тайге они исчезли. А вот запах грибов я унюхал. Я шел и нюхал листву.

Кто-то тронул меня за плечо. Когда-то он работал в райисполкоме. В районе заслуженный человек. Был он одним из лучших лекторов.

– Всё, Юра, дурью маешься? Зачем тебе эти листья? Я что хочу сказать-то тебе. Ты опять что-то там, в районной газете написал о старом времени. Нехорошо. Нельзя. Смотри у меня. Заключение, политических описал. Какие они у тебя все хорошие. Как они у тебя страдали. За дело их сажали. И расстреливали за дело. Мы сообщили в газету, чтобы твои зарисовки о том времени не печатали. К нам прислушались. Не стали печатать. У тебя все стройки начинали строить заключенные. Комсомольцы начинали строить. Вот и пиши о них. Наша активистка Нина Алексеевна Пузикова так сказала о твоих материалах и книгах, что после их прочтения надо мыть руки с мылом. Брось. Не пиши. Нехорошо. Нельзя.

Не стал спорить с этим товарищем. Он стоял передо мной, уткнув кулаки в бока. Привычка всегда быть на полусогнутых ножках осталась у него навсегда. В глазах злоба, но, как не странно, он тихо улыбался. Пусть улыбается, если ему нравится улыбаться. Я не бросил листья, но миновал бывшего лектора район-

ного масштаба. Таких людей не переспорить, не переубедить. А вот нервы можно испортить.

Я продолжил путь. Навстречу шли две женщины. Они громко разговаривали и смеялись. Дорогу никому не уступали. Впереди их шли два мальчика лет по десяти. Я всем им уступил дорогу. Один из мальчиков крикнул мне:

– Здорово, чувак! Здорово, чмо!

И оба мальчика громко засмеялись. Обе мамы не обратили на это внимания. Мамаши кого-то обсуждали. Они прошли мимо, и я увидел в их глазах злость. Но, они улыбались.

В метрах десяти от меня шла женщина. Мальчики тоже что-то сказали женщине. Она остановилась и начала стыдить мальчиков и мамаш. То, что произошло дальше, меня чрезвычайно удивило. Одна из мамаш, довольно объемная, с животом, напоминающим бочонок с пивом, уткнула кулачищи в бока и закричала:

– Крыса намалеванная, ты на каво пасть раззявила?! Это ведь дети! Сыночка мово, зачем задела своими ублюжькими словами!? Стервоза навозная! Я тебе быстро глазенки-то твои поганые выцарапаю!

– Как вам не стыдно?! – ответила женщина. – Они ведь и сейчас продолжают мне языки показывать, и кулаками грозятся!

– А чо им делать?! Вы их оскорбили! Назвали маленькими паршивцами!

– Они вон и деда оскорбили! Значит, они всех подряд так обзывают! Вы ведь мать! Как вы воспитываете ваших детей?! Это ведь ужас!

Другая женщина, тонкая и высокая, с выпученными, рачьиими глазами неожиданно вся затряслась и звонко закричала:

– Второй мальчик мой! Ты тоже его оскорбила! Какой он паршивец, если он мой сын. Евдокия Ивановна, она ведь и нас с тобой оскорбила! По-твоему, мы не умеем воспитывать детей?! Ах, ты, сволочуга окултуренная!

– Змея очковая! – кричала толстушка, и при этом вся тряслась. – Я те покажу чичас. Как деток забижать! А ну, снимай свои поганые очки! Думаешь, если напялила их, так сразу же и поумнела?! Я их у тебя сброшу, и сразу станешь душой!

Женщина не стала с ними спорить, а свернула в переулок.

– А ты чо высторожился?! – крикнула мне толстушка. – Некаво глазеть! Некаво! Двигай куда шел!

Странно, но они улыбались. Они достали из сумочек сигареты и закурили. Высокая и худая женщина сказала:

– Надо же, все нервы нам вымотала! Учительница она. Чему она детей научит? Никакого уважения к детям. Подойди ко мне, Ванюша.

Продолжая улыбаться, Ванюша подошел к мамаше. Она погладила его по головке, и поцеловала в макушку. Тут меня будто кто подвинул к улыбающимся товарищам. Я подошел и сказал.

– Я на вашей стороне. Вы правильно защитили своих отпрысков. Они такие славные ребятишки, культурные. Зачем она их только оскорбила. Она даже не знает, что обозначают слова: «чувак и чмо».

– Так она их так и назвала? – спросила толстушка. – Не знает.

Ванюша и его друг нагло смотрели на меня и ехидно улыбались. Высокая и худая, затянулась дымом от сигареты, потеряла белый и узкий лоб и сказала:

– Кто чо сказал, это не обязательно. За дело сказали. А то, чо она окрысилась на ребятишек, это не дело. А ты, мужик, молодец. Умный мужик, а мы думали, чо ты такой же дурак, как и она.

– Я сразу понял, что вы весьма умные женщины. И отпрыски ваши умные. Таких отпрысков умных сейчас всё больше размножается. Один весьма умный отпрыск взял железный прут и стал разбивать стекла на машинах. Когда его поймали, и стали спрашивать, зачем он это сделал, то он ничего не мог ответить. Он не понимал, зачем это делал. Но он улыбался, как и ваши сыночки.

– Ты зачем нам это тут долдонишь? – насторожилась толстушка, и бросила сигарету на асфальт. – Ты чо нам здесь-ка мозги втираешь? Умничать начал? Улыбаются? Пусть улыбаются. Тебе чо до этого, придурошный? Пошел отседа, законченный дурак!

– Но, позвольте, вы только что назвали меня умным!

– Подумашь, назвали! Был умный и весь сразу и вышел. Дурак потому что, вот кто ты есть! Дураки не могут быть умными. Пошел отседа!

Надо уходить. Толстушка готовилась пустить в ход кулаки. Странно было то, что мамыши и дети улыбались. Меня это насторожило. Вспомнил я тут один малозначительный случай. Шел я как-то по аллее. Один мальчик лет десяти насторожил меня. Он шел впереди меня и подпрыгивал. Потом он свернул с аллеи и стал рвать траву. Он рвал её зло и быстро. Рвал и складывал в кучку. Зачем он это делал, я не знаю? Я остановился и смотрел на нервные действия мальчика. Он заметил меня. В глазах была устоявшаяся злоба, но он улыбался. До сих пор я не могу дать ответ, что это было? Один мальчик беспричинно бил стекла на машинах, другой рвал траву. И вот сейчас два мальчика нас с женщиной обозвали и улыбались. Везде что-то происходит странное. В Москве в храме Христа Спасителя, девушки перед иконами плясали, танцевали и пели. Парень топором рубил иконы. Хорошо, что их лица показали. Все они улыбались. Я видел в телевизоре лицо маньяка Чикотило. Он улыбался. И он говорил, что не знал, что делал. И эти не знали, что творили в церквах. Всё это меня настораживает. В своей книге «Отчаянные Придурки» я описал пришельцев из глубин космоса улыбочков. Они творят зло и улыбаются. В наш мир они тоже проникли. Свободно входят в людей. А вдруг они вошли во всех этих бешеных людей? Мы попадали в параллельный мир и вели там с ними жестокую борьбу. Если меня отправят в соседний мир, то мне дадут в напарники новых товарищей.

Я вышел на окраину города. Солнечные лучи растопили последние снежинки, иней и в траве ярко поблескивали прозрачные капли, похожие на мелкие стеклянные шарики. Иногда по густым веткам лиственницы или ели медленно скатывались блестящие капельки. Я подставил ладонь, и несколько капель я все-таки поймал. Они тут же собрались в одну крупную каплю. И вот уже у меня несколько таких капель. Они превратились в маленькое озерцо. Оно искрилось, играло в солнечных лучах, отдавало прохладой. Странно, но оно пахло свежим снегом. Многие говорят, что снег не пахнет, как и вода. Неправда. Снег и вода

пахнут. Запах этот не передать на словах. Его надо чувствовать. В этом озере я, кажется, что-то увидел. Там ничего не должно быть. Просто солнечные лучики решили покупаться в озере.

Кто-то стоял за моей спиной. Этот кто-то сказал:

– В каплях тоже есть жизнь.

Голос знакомый. Оглянулся. Странный человек. Михаил Бутаков. Я о нем напоминал в конце книги «Отчаянные придурки». Он, как и я, лишний человек в нашем сложном мире. На нем старенький кожаный, ичиги, за спиной рюкзак покрытый заплатами.

Показал ему ладонь с озерцом.

– Конечно, раз вода, значит, есть жизнь. Снежинки с неба упали.

Он помолчал. Долго смотрел в озерцо. Потом ответил:

– С неба упали. Это так.

И тут он меня совершенно сбил с толку.

– Ты много лет странствуешь по другим мирам.

– По каким мирам? – тихо спросил я. Хотя, мог бы и не спрашивать.

– По таким. Мне немного показали тот мир. Многое объяснили. Тебе проще. Ты всё записываешь. Даже две книги издал «Зона» и «На острове снов». Хотя тебя никто не понимает. Думают, что ты нафантазировал. А ты всю правду написал. Мне сложнее. Рассказывать людям опасно. Засмеют.

– Придурком назовут, – ответил я. Стал успокаиваться, но проверить надо. – Кто тебе показал тот мир?

– Я сидел у костра. Размышлял о том, куда податься, где остановиться на зиму. А тут рядом возник, словно из воздуха человек. Вначале я вроде испугался, хотя я человек не испугливый. Да и давно догадывался, что что-то есть кроме нас. Даже ждал подобной встречи. Он заговорил по-русски. Сказал, что он посланник от светлых сил Дюрд.

Я совершенно успокоился. Вот и появился ещё один придурок в соседний мир в борьбе с улыбочками.

– Давно туда-сюда мотаюсь. И от темных сил тоже есть нормальные мужики, – ответил я.

– Дюрд говорил. Эти улыбочки и в наш мир попадают. Всё это меня настораживает. В какие годы, чтобы молодые женщины, девушки почти все курили? Сейчас все курят и пьют пиво и водку. По городу ходят в плавках. Многие из них улыбаются. Это меня и настораживает.

Я стал рассказывать о моей встрече с шумными женщинами. За это время озерцо на моей ладони испарилось. Я сказал:

– Исчезло. Жаль. А вот, такие люди не исчезают.

– Не исчезают. Мне надо идти в город. У меня есть комната в цоколе деревянного дома. Думаю, что мы скоро с тобой встретимся.

И он скрылся в чашу.

Я побродил по осеннему лесу и отправился в город.

Хотел ничего не записывать. После окончания рукописи «Отчаянные придурки» больше ничего не записывал. Не было желания. Странно, при встрече с Михаилом Бутаковым я взялся за ручку. Понимал, что ничего путного из этого не выйдет. Зачем нужна эта новая книга? Её никто не напечатает. Почему? Потому что, у меня на её издания нет денег. Писать просто так? Зачем? Какой в этом смысл? Странно то, что я уже не мог остановиться. Буду писать для себя. Конечно, обидно. А куда денешься? Вот написал несколько страниц, и сам себе стал читать. Всё ясно. Буду писать, печатать на мой ноутбук, и сам буду себе читать. Буду первым читателем. Сам выдумщик, читатель и сам себе критик. Написал, прочитал и успокоился. Всё. Теперь можно и отдохнуть.

Новички

Темные тучи накрыли тайгу. Наползли на город. Густой снег медленно ложился на тропу, по которой я шел к сосне. Подошел к ней, и положил руки на её шершавый ствол. От него шло тепло. Хотелось вот так стоять, и поговорить с ней. Она молчала. И тут почувствовал что-то необычное вокруг. Хотя мог бы и догадаться. Вокруг меня всё стало растворяться. Стоял на берегу широкой реки. Значит, я ещё кому-то потребовался. Почти от берега была невысокая гора. Узнал это место. Много раз здесь

бывал. И всегда на бугре горел костер, в стороне стоял шатер. Вокруг костра сидели пираты, и они что-то варили в котле. Даже улавливал запах свежего мяса с луком. Сейчас здесь не было никого. И шатра не было. Странно. Неужели обознался? Можно и проверить. Пошел в правую сторону. Там была пещера. Грешники таскали тачки со своими грехами. Пещеру нашел. Заросла кустарником. Раздвинул его и вошел внутрь. Никого здесь не было. Не мог обозначиться. Странно было то, что я чувствовал необычное в этой пещере. Словно кто-то присутствовал здесь. Вышел из пещеры. У самого берега стоял неизвестный мне парень. Подошел к нему. Он будто не обращал на меня внимания. Роста он был среднего, стройный, спортивный. Короткая прическа из густых черных волос, почему-то напомнила мне, что такие прически в далекие годы моей молодости, носили боксеры и борцы. Я встал рядом и тоже стал смотреть в воду. Почти у берега резвились непуганые человеком рыбы. Парень заговорил первым:

– Жаль, что нет удочек. Сейчас можно было бы и уху сварить.

– Для того чтобы сварить уху, нет котла. Ничего у нас нет.

– Это плохо, – ответил он. – Дюрд мне говорил, что здесь должны быть пираты. Могли бы у них и удочки одолжить. Ничего и никого нет. Весьма странно. Как ты, думаешь, товарищ Стрелов?

Я не удивился. В другом мире ко всему привык. Значит, прибыл сюда новичок. Кто он? А вдруг это Михаил Бутаков? Почему-то подумал, что он должен первым появиться. Тоже решил удивить парня.

– Мы с тобой недавно встречались, товарищ Бутаков. С новосельем тебя. Меня тоже удивило то, что привычной картины нет. Но, надо как-то выкручиваться. Мы здесь бывали в таких переплетах, что ко всему привыкли. В пещере что-то необычное чувствовал.

– Я вот только что появился. Я шел за тобой. Ты подошел к сосне и неожиданно исчез. Будто ты вошел в сосну. Конечно, я всё понял. Тоже подошел к сосне, и вот я здесь. Пещеру ещё не видел. Смотри. Что это?

Вначале на бугре появился туман. Потом что-то стало там проясняться.

– Смотри, Михаил, смотри. Сейчас всё встанет не свое прежнее место.

Туман рассеялся, и возникла прежняя картина. Горел костер. В котле варилось мясо. Один из пиратов длинной деревянной ложкой мешал в котле. Был и шатер.

– Интересно, помнят ли они, как их раскидали здесь наши шумливые женщины. Особенно постаралась Длиннохвостикова. Я описал её в моей книге «Отчаянные придурки».

– Может, подойдем к ним? – спросил Михаил. Мы поднялись к костру. Пираты на нас никакого внимания. Гнатона среди них не было. Во всех своих книгах я упоминал о нем. Это был злейший пират ещё из времен Спартака и Цезаря. Гнатон мой злейший враг.

– Не надо им мешать, – тихо сказал я. – Пойдем в пещеру. Думаю, что ты там увидишь что-то интересное.

В пещеру я вошел первым. Как и в другие моменты, грешники таскали тачки с грехами. Надсмотрщики стегали их по голым окровавленным спинам.

Наконец-то, Михаил удивился. У него даже рот открылся. Представляю себя, когда я впервые увидел подобное.

Михаил прошептал:

– Откуда они взялись? Кто они? Где это происходит?

Значит, Михаилу об этом ещё никто не поведал. Для него это удар.

– Как-то надо их выручать, – тихо сказал Михаил.

– Бесполезно, – ответил я. – Ты здесь ещё не на такое насмотришься. Это только начало.

– Ты счастливый. Везде побывал. И я хочу побывать. Господи, – прошептал Михаил и перекрестился. Ближайший к нам кнутобой вдруг выронил кнут из своих мощных рук. Я уловил его испуганный взгляд. Он заторопился вглубь пещеры.

Михаил, конечно, заметил это. Он прошептал:

– Он креста боится?

– Великие грешники все креста боятся. Как я заметил, что один только Сатана ничего не боится.

– Я его увижу?

– Нет. А вот посыльных от него увидишь. Ты пока не накладывай крест на себя. Ты лучше наблюдай, смотри и удивляйся, но только молча.

К нам подошел человек в расстегнутой черной, кожаной куртке. Под ней красная рубашка из сатина. Такие рубашки я носил в своей бурной молодости. Из-под шляпы торчали черные кудрявые волосы. На ногах хромовые сапоги. Будто передо мной появился я из далекого прошлого. Вот только кнута у него не было. Смуглое лицо показывало, что он откуда-то с юга. Аккуратная борода, но усов не было. Большие глаза были похожие на спелые вишни. Он не улыбался.

– Приветствую вас, дорогие товарищи Стрелов и новичок Бутаков. Знаю, вы не любите слово «господин». Да и какие вы господа? Было бы смешно вас так называть. Не надо, Михаил, в таком месте креститься. Здесь это не любят.

– Кто эти грешники? Это и есть ад? – спросил Михаил.

– Один из отсеков ада под землей.

– Ты есть представитель от Сатаны? – снова спросил Михаил.

– Скорее всего, представитель от темных сил.

– Ещё не хватало мне такого представителя! – строго ответил Бутаков.

– Стрелов тебе объяснит насчет некоторых представителей. Кто грешники? Всякие здесь есть.

Человек в кожанке исчез. Он будто растворился в воздухе.

– Веди меня, Стрелов, подальше от этого места, – прохрипел Михаил.

Мы покинули пещеру. Свежий воздух ворвался в легкие. Тем более чуть моросил дождь. Конечно, мне тоже не хотелось находиться в пещере. От спертого воздуха, пропахшего гнилью и потом, у меня даже закружилась голова. Я сел на поваленное дерево. Рядом сел Михаил.

– Ну и дела, – прошептал Бутаков. – Какой-то кошмар.

– Это только начало. Были среди отправителей от темных сил и нормальные ребята. У них к нам тоже своя задача. Просто тебе надо привыкать к разным моментам. Впервые, как я пом-

ню, попал во времена древнего мира к пиратам. Меня уже ничем не удивить. А вот от такой пещеры меня всегда мутит. Но, надо терпеть, и не показывать вида. В этом мире трусость не в чести. Прежде чем тебя направить в другой мир, тебя просветили на несколько рядов. В команде, с которой я много путешествовал, были смелые товарищи. Нам приходилось драться и воевать.

– Это я знаю. Просто мне стало противно смотреть на этих грешников. А драться и воевать меня не надо учить. Я занимался боксом, каратэ. Как говорят, могу и белке в глаз попасть. Был тунеядцем. А ещё раньше учил студентов в университете. Даже был профессором.

– Вот такие парни и были в нашей команде, – сказал я. – Не знаю, кто сейчас будет. Как я понял, нам предстоит борьба с улыбчиками.

– Расскажи мне о своих товарищах, и ваших путешествиях.

И я начал ему рассказывать о том, что я пережил в другом мире. Пришлось поведать и о своей жизни. Я говорил, а он иногда задавал вопросы. Солнце уже село за гору, что возвышалась на том берегу. Было ещё светло. Я встал. Михаил сказал:

– Удивительная у тебя судьба.

Он тоже коротко рассказал и о своей жизни. Окончил учебное заведение по философии. Преподавал историю в школе, потом учил студентов в институте. Кандидат исторических наук. Профессор. За кое-какие выступления против советской власти посадили в тюрьму. Жена после освобождения из лагеря не приняла его. А ведь у него было двое детей. Потом сослали в Красноярский край. Кстати, он родился в Братске. Много бродяжничал. Судили за тунеядство. Ушел в тайгу. Жил в зимовье. В нашем городе поселился в подвале деревянного дома. Ранней весной и до поздней осени жил в тайге. И в наше капиталистическое время тоже стал неугоден. Одно время работал на рынке грузчиком. Молодые парни вытеснили его.

– Смотри, Юрий, на берегу, будто из воздуха появился человек. Чудо!

У кромки воды стоял здоровый, широкоплечий парень.

– Кто это со мной решил баловаться? Не уснул же я, мать твою за ногу! А ну покажись, баловник!

Потом он заметил сидящих мужиков у костра. Закричал:

– Эй, вы, потусторонние ублюдки, где это я образовался?

И тут я подумал, что этот парень подходит в нашу новую команду. Надо знакомиться. Я встал и подошел к нему. За мной последовал и Михаил. У парня мощные кулаки упирались в бока. В глазах можно было увидеть злость и удивление. Я его понимал. Он мне напомнил Степу Клубкова. Он был одним из героев в моей книге «Отчаянные придурки».

– Приветствую тебя, наш новый друг, – сообщил я. – Мы с Михаилом тоже только что здесь появились. Но не шумим. Ты кто? Мы тоже из несчастной России.

Я назвал наши имена. Он вроде стал успокаиваться.

– Федька Копылов. Шофер. Где это мы?

Пришлось ему коротко поведать, куда он попал. Значит, он здесь нужен.

– Понял. Всё понял. Будем кости кое-кому ломать. А эти хмыри, чо там сидят и молчат? – совсем спокойно спросил Федор.

– Потом всё тебе объясним, – ответил я.

– Я бы их нежно тронул.

При этих словах я засмеялся. Ответил:

– Ты мне напомнил моего друга Степу Клубкова. Он тоже многих трогал. Мы с ним в параллельном мире многих улыбочков уничтожили.

– Что это за твари такие?

– Потом, всё потом расскажу. Да и сам потом поймешь.

Он говорил, и всё внимательно разглядывал меня. Потом вдруг улыбнулся и сказал:

– Надо было мне сразу догадаться. Ты Юрка Стрелов. Я тебя в тайге ружьем пугнул. Потом ты вошел в дерево и исчез. Я тогда чуть не рехнулся. После той катавасии во мне перевернулось всё. Я тебя зауважал. Значит, и я здесь потребовался для какой-то канители.

В метрах трех от нас вдруг, словно из воздуха появились два парня.

– В нашей лихой команде прибавилось ещё два оболтуса, – громко засмеялся Федя. Парни испуганно озирались. При смехе Феде они испуганно посмотрели на нас.

– Ну, чо высторожились на нас, чо удав на кролика?! Вы теперь в нашей команде.

Оба парня среднего роста, худенькие, но шустрые. У одного из них большие глаза под цвет утреннего неба. Я сразу обратил на них внимание. Эти глаза напомнили мне Виктора Ивановича, богомольного старичка. Я описал его в книге «Отчаянные придурки». Он путешествовал по стране, и помогал людям словом. Неужели это Виктор Иванович? У другого паренька глаза маленькие, недоверчивые. Он посмотрел на нас и хмыкнул:

– Что это за команда? Бросьте выпендриваться.

И тут я решил проверить свою версию насчет Виктора Ивановича.

– Вот ты, по-моему, Виктор Иванович? Вы в нашем городе одно время жили. Сидели на рынке с иконой. Народ к вам шел. Угадал?

И вдруг недоверчивый парень тихонечко так засмеялся.

– Ну, будет. Ну, хватит. Ну, чего ты? Будто не узнал я тебя. Ты есть Юрка Стрелов.

Оба парня быстро стали успокаиваться. Я узнал парня. И тоже засмеялся.

– Юра Вычегжанин! Вот это команда! Bravo. Все мы здесь, как на подбор.

Юра Вычегжанин в нашем обществе тоже был лишним человеком. Я тоже о нем писал в моей книге. Какое-то время он жил у меня. Нигде не принимали на работу. У нас так заведено, если был на зоне, или сослали за тунеядство, значит, лишний человек. Я сам когда-то был лишним человеком. Это сейчас некоторые товарищи вздыхают по советским временам. Я не вздыхаю. И вот эти мои товарищи тоже не вздыхают. Просто вздыхателям хорошо жилось в те благословенные времена. Конечно, было что-то хорошее. Бесплатное образование и медицина. А, в общем-то, человек жил в определенной зоне. И это многие знают и помнят. В моих двух книгах, которые уже напечатаны, описана провинция в нашей стране. Такое было везде. То, что происходило в реальной жизни, ничего не придумано. Чистая, правда. А если взять фантастику, то её тоже надо взглянуть с реальной стороны. Зачем опять объяснять? Надо просто прочитать мои

книги, и немного пошевелить мозгами. А если кому непонятно, то я не виноват. Разум у всех людей разный. Есть люди, которые могут и специально не понять. Опять я виноват? Это уже другое дело. Пусть не понимают.

Виктор Иванович, будем называть его Виктором, улыбнулся и ответил:

– Всё ясно. Помню вас, извини, тебя. Мы потом с Юрой встретились в Москве. Он познакомил меня с вашими бывшими друзьями по путешествиям в другие миры Иваном Ивановым, Сергеем Чемулаевым и Сашей Хилопатовым. Извините, с ними было интересно поговорить. Их разослали в другие команды. А нас с Юрой сюда. Мы есть новички. Что делать? Благословляю вас на подвиги на священную борьбу с нечистью. Извините, я сейчас немного буду молиться. Вы подождите.

Виктор встал на колени и стал что-то шептать и креститься.

Мы все уселись на поваленное дерево. Молчали. А я подумал вот о чем. Команда подбирается, что надо. Тоже все разные. Даже есть философ.

Виктор помолился и встал.

– А у тебя ряса есть? – осторожно спросил я. – Помню, у нас был Саша Хилопатов. У него всегда была ряса.

Виктор хитро улыбнулся и ответил:

– Есть. Извините, я с вами буду заменять Хилопатова. Она у меня под рубашкой. Может показать её? Извините, я её могу и показать.

– О, среди нас есть поп? – засмеялся Федя. – А я думал, он чудит. Я, как понял, здесь все собрались чудики.

Мне пришлось ответить:

– Прошлая команда состояла из придурков. И мы все так себя называли. В нашем мире нас так называли, и мы не обижались.

Федя громко засмеялся, и ударил себя в мощную грудь.

– Один из придурков готов к бою!

– Извините меня, конечно, это не культурно, но меня тоже называли придурком, – ответил Виктор. – Конечно, я обижался. А раз все здесь такие, то таковым я и останусь. Я с вами. И теперь мне не обидно. Не я один придурок.

– Нам надо куда-то идти, – поднялся я.

– Ты будешь нашим командиром, – сказал Михаил Бутаков. Юра Вычегжанин криво улыбнулся.

– Ну, хватит озорничать. Побаловались и хватит. Ну, чего вы? Я смотрю, все здесь артисты. И, пожалуйста, не хмурьтесь, не верю в хмурость. Не верю тем людям, кто постоянно хмурится или улыбается. Ну, не верю.

– Улыбающихся постоянно ты ещё, Юра, встретишь. Здесь собрались избрать старшего, – сказал я. – В нашей команде все были равны. Правда, потом мы выбрали нашего бывшего секретаря райкома партии Кирьяна Подгузникова. Отличный был командир. Среди нас такого нет. Я не собираюсь командовать. На это у меня нет таланта. В далеком прошлом, когда я был бригадиром плотников, даже развалил передовую бригаду. Не быть мне бригадиром.

– Ну, хватит озорничать, – сказал Юра. – Хватит. Ну, чего вы корчите из себя артистов. Ну, не надо.

– Перестань, Юра, чушь пороть! – возмутился Федя. – Из меня артист, как слово – арифметика. До пяти классов учился. За уши тащили. Ребята за меня арифметику решали. При слове арифметика, у меня мог даже приключиться понос. А ты мне про каких-то артистов здесь какую-то камуху молотишь.

Когда Федя стал говорить про арифметику, я засмеялся.

Федя ещё более нахмурился.

– Это, правда. Не смешно. Чо, Юрка, смеешься? Правда.

– Я не над тобой смеюсь. В нашей команде был Степа Клубков. Ты теперь заменил его. При слове арифметика у него именно это было. Да и у меня, бывало, при слове арифметика бросало в дрожь, и кружилась голова.

– Да, команда собралась, – покачал головой Михаил. – Все здесь разные. Значит, все достойны, быть в этом мире, для выполнения особого задания.

– Нас ещё называли наемниками, – ответил я.

– Кто-то должен командовать, – сказал Михаил.

– Извините, ты у нас самый грамотный, вот и командуй, – ответил Виктор. – И я тебя благословляю на оный подвиг.

– Подождите, граждане лишние люди и наемники в том числе, подождите, – поднял руки Михаил. – Я бывший ученый.

Преподавал в институте. Я никогда не был командиром. – Он улыбнулся и ответил: – при слове командир у меня тоже может что-нибудь произойти. Головокружение, а возможно и понос. Увольте меня от такого назначения. Командовать людьми, нужен талант, хватка.

– Хорошо, – сказал я. – У нас тоже так было. Когда надо было что-то сделать, мы все советовались.

– Правильно! – засмеялся Федя. – Все мы жили в стране советов. Вот и будем советоваться.

– Ну, хватит, ну, чего вы? Театр здесь развели. Игруны несчастные, – ответил Юра.

– Правильно сказал, Стрелов. В согласии будем решать сложные вопросы, – сказал Михаил. – Теперь-то куда нам идти? Тут-то, Стрелов может подсказать.

Мы все встали. Пришлось ответить:

– В прошлые раза было немного по-другому. Прямо из пещеры мы входили в длинный коридор. Там было много дверей. Разное было в тех комнатах. А сейчас не было входа в коридор. Значит, его надо искать.

– Вдруг в этой вонючей пещере есть-таки вход. Давай проверим, – сказал Федя.

Мы направились к пещере. И вдруг со стороны реки кто-то закричал:

– Братцы! Товарищи, дорогие! Куда я попал?

Мы остановились. Я сразу узнал его. Конечно, это был мой земляк Петр Петрович Длиннохвостиков. Почему его послали в нашу команду? Странно. А где его жена Пелагея Пантелеймоновна Длиннохвостикова? Он семенял к нам на полусогнутых ножках. Сразу можно определить по этим ногам и сутулости, что это бывший работник райкома партии или райисполкома. В руках он надежно держал толстый портфель. Конечно, там были лекции. Он мне говорил, что у него их сорок штук. И он их прятал на чердаке, и ещё где-то. Их могла бы найти Пелагея, и сжечь их. А он всё надеялся, что вдруг вернуться благословенные времена развернутого социализма с человеческим лицом. Сейчас многие забыли, что о таком социализме на всех трибунах болтали. Глашатаи этой бредовой идеи не знали, что в низах, в

самом народе, не верили в это, и смеялись над идеологическими тунеядцами и болтунами. Вот такой болтун шел к нам. Как не странно, а я был рад, что такой человек будет с нами. В моей последней книге этот Петр Петрович тоже воевал с улыбочками. Я не буду повторяться. А то, что он этими лекциями может в этом мире такое устроить, что мои новые товарищи удивятся. Я тихо сказал:

– Товарищи, это удивительный экземпляр из времен позднего застоя и перестройки. Он ещё покажет себя в битве с улыбочками. Но, предупреждаю, его лекции слушать не рекомендую. Может произойти головокружение, конечно, не от успехов. Его лекции надежное оружие с нашими будущими врагами.

Петр Петрович приблизился к нам. Свой знаменитый портфель он крепко прижимал к тощей груди.

– Меня послали к вам. Кто есть, кто из вас я не знаю. Я Петр Петрович Длиннохвостиков из России, из бывшего Советского Союза. Я настоящий лектор, не поддельный, каких было много. Могу доказать, что я настоящий лектор. У меня в этом портфеле сорок лекций. Замечательные лекции. Заслушаетесь. Я могу сейчас вас порадовать и удивить. Вам понравится. Сейчас я до стану...

Мне пришлось прервать лихого лектора.

– Не надо, Петр Петрович, не надо! Умоляю, не надо! Вы ещё порадуете вашими талантливыми лекциями улыбочков. Где же ваша уважаемая супруга Пелагея...

Он быстро прервал меня:

– Не надо о ней, не надо. Мы расстались с ней. Она ушла к другому мужику. Синяк поставила под мой глаз, собрала тряпки и ушла. И того мужика избил, и тоже ушла. Тряпками нас обозвала. Всю свою энергию она отдает в другом мире. Матом кроет улыбочков. Узнал, что она делит власть с Октябриной Правдиной и Авдотьей Железьянкиной. Когда они кричали друг на друга, то вокруг замертво падали улыбочки и местные жители. Они путешествуют по другому миру, и ищут врагов. Когда они приближаются к какому-нибудь селению, то местные жители разбегаются. Убегают от них кошки и собаки. До сих пор не понимаю, как я жил с ней. Кошмар. Один раз я пожелал ей прочитать одну

из лучших лекций. Она сказала мне, что в голове у неё что-то зазвенело. А потом она тюкнула меня по темечку, и я потерял сознание. Она сожгла мою лекцию. У меня была копия той лекции. Я бы мог сейчас прочитать её вам.

– Я ведь тебе сказал, что не надо. Я не желаю звона в голове. А Федя может и тюкнуть тебя по темечку.

– Тюкну, – ответил Федя. – Я этих лекций наслушался. О чем она хоть?

– Прекрасная лекция. В обкоме партии хвалили. Тема актуальная. Там есть Марксизм и Ленинизм. О переходе от развернутого социализма к коммунизму.

Федя начал сопеть и сжимать кулаки.

– Я тебя, свинячье ухо, поросячий огрызок, сухопарый гриб, самого разверну в сторону твоей Пелагеи! Я тебе покажу, куриный пупок, как мне мозги парить! Я и так уже давно вашими лекциями пропаренный!

Я не мог сдержать смех. Мне было смешно.

– Федя, друг наш любезный, – говорил я. – Ты заменил нам Степу Клубкова. Вот теперь я понимаю, что у нас подобралась настоящая команда.

Все смотрели на меня, на Федю и Петра Петровича и смеялись. Нет, нет, не все. Конечно, не все. Хмурился Юра Вычегжанин, и подозрительно смотрел на меня Петр Петрович. Потом он освободил правую руку и погрозил мне длинным и тонким пальцем.

– А ведь я мог и догадаться. Ты Юрка Стрелов. Шляпу натянул на глаза, так думаешь, я тебя не узнаю? Узнал. Остальные кто? А ты, парень, зачем обзываешься. Какой же я огрызок? Не гриб я. Мою лекцию хвалили. Если бы ты почитал её, то бы изменил свой тусклый взгляд на свою жизнь.

Федя прохрипел:

– Держите меня, я ведь могу и тюкнуть этого сморчка!

– Петр Петрович, будь умницей, помолчи, – сказал я. Сдерживал себя от смеха. Просто я вспомнил наших лекторов, политические занятия, которые никому не нужны были. Вспомнил моих товарищей, когда они читали лекции улыбочкам, и те превращались в пыль. Многое что вспомнил смешное, связанное с

лекциями и лекторами. – Помолчи. Скоро твои лекции пригодятся. Ты насладишься их прочтением перед нужной аудиторией. Потерпи. Лучше ты их про себя почитай.

Он опять крепче прижал к груди портфель.

– Да я их почти по сто раз читал. Все их наизусть знаю. Может этим, другим товарищам что-нибудь почитать?

– Ты, Петр Петрович, и меня начинаешь раздражать. Никто здесь не желает слушать лекций. Все слушали их, – ответил я.

– Слушали?! – радостно воскликнул Петр Петрович. – Я же знал! Знал, что мои лекции слушали люди. Одна Пелагея смеялась над моими лекциями.

– Ты когда-нибудь заглохнешь со своими лекциями! – закричал Федя. – Тебе сказали заткнуться? Сказали. Я ведь могу и тюкнуть по твоему темечку! Юрка, разреши тюкнуть. Я слегка приложусь. Руки чешутся.

– Ты потом приложисся к улыбочикам, – ответил я. – Петр Петрович, я ведь тоже не железный. Пора бы уж и уняться.

– Обидно, право обидно, – проворчал Петр Петрович.

– Петр Петрович, а были случаи, когда на ваших лекциях люди падали в обморок? – спросил Михаил.

– Было такое. Они падали от перенасыщения информацией. Такое бывает. У меня лекции умные, деловые.

– От подобных товарищей Дрожжина и Балаболкина даже первый секретарь райкома партии чуть ума не лишился, два дня приходил в себя, – ответил я.

– Да я бы этого сморчка вислоухова в дугу бы согнул! – заревел Федя.

– Федя, успокойся, – сказал Виктор. – Я сейчас для него прочитаю молитву, и он успокоится.

Федя застонал.

– Это чо такое? Они оба решили над нами смеяться?

– Подожди, Федя, – похлопал я по его могучему плечу. – Подожди. Команда напомнила мне прежнюю команду. Коротко я вам расскажу о ней. Есть что-то схожее. Давайте немного посидим, и я вам всё расскажу.

Мы расселись на упавшее дерево, и я стал рассказывать о своих товарищах. Долго рассказывал. Были и вопросы, и я на них отвечал.

Когда я закончил рассказ, солнце село за гору на той стороне реки.

– Да, в общем-то, все мы чем-то похожие на твоих друзей, – сказал Михаил. – Всё это нормально, но нам бы где-то надо заночевать.

– Вернемся в пещеру, – предложил я. – Все согласны?

Решили пойти в пещеру, чтобы там найти вход в коридор.

Начались первые приключения

Мы только что вошли под свод пещеры, как с левой стороны увидели вход в коридор. По сторонам были двери.

– Интересно, бывает ли здесь Октябрина Правдина? – сказал я. Раскрыл одну из дверей, и тут же захлопнул. Там молодые женщины, видимо, что-то не поделили. Таскали друг друга за волосы, и стоял оглушающий визг. Всегда думал, что такие вот визги не уступят визгу свиньи. Наукой доказано, если бы это домашнее животное неожиданно выросло с самолет, то его визг разрушил бы окружающие многоэтажные дома. Почему ученые не докажут, что женский визг не уступит домашнему животному. Странно было то, что в коридоре этот уникальный звук не слышно. Недоверчиво улыбаясь, Юра раскрыл ещё одну дверь. Внутри что-то напоминало арену. Здесь полуголые воины тренировались на деревянных мечах.

Мы прошли дальше. Одна из комнат напомнила деревенскую библиотеку. В следующей комнате был маленький бассейн, и в нем купались полуголые девушки. Они увидели нас, и стали звать. Федя попытался войти в комнату, и я остановил его.

– Федя, пойми, возможно, это вовсе и не настоящие девчата, а утопленницы. Опасно.

– Уж больно они заманчивые, – облизнулся Федя. – Одна там такая бедрастая. Я не люблю баб околетых.

– Федя, я тебя понимаю, – ответил я. – Тоже люблю пышечек. Но, здесь другой мир. Видели мужиков на бугре у костра? Это пираты. Каждый из них из далекого прошлого. Здесь всё другое. Мертвые оживают. Всё ещё увидите и узнаете. Как-то мы раскрыли торцовую дверь, а там была огромная библиотека. Находились там ученые. Их тела уже давно истлели, а здесь они живехонькие. Мы им давали свою кровь, и они что-то там делают, и оживляют умерших людей. Всё это я описал в своих книгах.

Подошел к торцовой двери, раскрыл её. Не было здесь той библиотеки. Небольшая комнатка, два топчана, лавки, и больше ничего. Сначала я не заметил зеркало. Оно стояло в углу. Пыль толстым слоем лежала на его поверхности.

– Вот через такие зеркала мы и попадали в другие миры, – сказал я.

Недоверчиво улыбаясь и, хмыкая, Юра подошел к зеркалу и хотел стереть пыль, но его рука вошла в стекло. Юра отдернул руку. Все увидели это. Притихли.

– Ну, что, Юра, поверил? – спросил я.

– Я, конечно, сомневаюсь, но, это что-то непонятное. Ладно, ладно, хватит надо мной смеяться. Хватит. Знаю, что вы все артисты. Передо мной-то не надо бы выступать. Хватит. Ну, что вы. Будет.

Пришлось мне подойти к зеркалу и просунуть голову. Почти от самого зеркала вдаль уходила дорога. С правой стороны лес, какой бывает у нас, а с левой обыкновенная степь. За ней виднелся лес. Дорога поворачивала в лес. Больше ничего не было видно. Я даже услышал пение птиц, далеко куковала кукушка. Тревоги я не ощутил. Это уже хорошо.

Я вынул голову из зеркала. У моих товарищей в глазах удивление. Никто даже не улыбался.

– Хватит хмуриться, – сказал Юра, и, продолжая недоверчиво улыбаться и хмыкать, подошел к зеркалу. – Бросьте хмуриться. Странно. После моей руки и твоей головы пыль на месте. Сомнение берет. Такого не может быть. Только не хмурьтесь.

Он подошел к зеркалу, и сунул в него голову. Через несколько секунд он отпрянул от зеркала. Он не улыбался, но продолжал хмыкать.

– Сомневаюсь. Гипноз какой-то. Такого не может быть. Юрка, хватит чудить. Кто-то нам здесь тебе знакомый гипноз нам устроил. А вы все и рты раскрыли. Хватит. Ну, чего вы нахмурились? Такого не может быть!

– Юра, а как ты попал в этот мир? Подумай хорошо, – сказал я.

– А я сплю. Я лег у речки на травку и уснул. Вот и сплю. Пусть вылазит этот твой гипнотизер. Хватит играть. Поиграли и хватит.

– Я верю во всю эту канитель, – сказал Федя. – А давай, Юра, я тюкну тебя по темечку. От боли ты и проснешься. На твоих глазах мы начнем себя щипать, чтобы проснуться.

И Федя стал бить себя по щекам.

– Вот и смотри. Я не проснулся. А теперь я тебя тюкну.

Юра быстро отошел от Феде. Все стали щипать себя. Только один Петр Петрович спокойно стоял и улыбался. Он знал, что всё это происходит в реальности. Он решил показать всем, что он имеет опыт в этом деле.

– Дорогие товарищи, друзья, всё это, правда. Мы в другом мире. Оставим это. Видели всё и поняли, что попали в другой мир. И Юрий вам рассказал о своих путешествиях. С зеркалом неувязка. Я тоже с ним столкнулся впервые. Недоверчивый и сомневающийся, Юра, верю в зеркало. От Стрелова слышал про такие зеркала. Мне тоже пришлось воевать с улыбочками. Я их своими лекциями уничтожил. От моих лекций у них что-то происходит внутри, и они рассыпаются в пыль.

– Ты смотри нам здесь лекцию не вотри! – ответил Федя. Всё это время Виктор что-то шептал и крестился.

– Жаль, что никто не желает послушать одну из моих лекций, – не унимался Петр Петрович. – Про развернутый социализм многие не правильно поняли. К сияющим вершинам коммунизма...

Федя схватил нашего лектора за горло.

– Удушю, сморчок тонкобрюхий! Я тебе покажу сияющие вершины!

Мы бросились отнимать нашего лектора от Феде. Оторвали. Портфель валялся у ног. Петр Петрович держался за горло и что-то шептал. Но, я расслышал некоторые слова.

– Какое бескультурье! Какой кошмар! У меня это лучшая лекция про социализм с человеческим лицом. И так испоганить всё! Ведь это мой многолетний труд на благо народа.

Я отвел его в сторону.

– Петр Петрович, прекратите вы с вашими лекциями. Мы все сыты ими до самых костей. Уймись. Ваши лекции ещё сыграют огромную роль для блага человечества.

Он вроде даже обрадовался.

– Ты думаешь? Я так и знал. Придет мой час. Я не зря их хранил на чердаке и в свинарнике. Не зря.

– Петр Петрович, вы бы лучше помидоры пасынковали, да свинок и гусей выращивали.

– Нет, нет, это не моё. Моё призвание читать лекции.

Он поднял портфель, нежно погладил его, и совсем приблизился ко мне. Прошептал:

– Один ты меня понимаешь. Я как-нибудь тебе одному прочитаю лекцию, лучшую лекцию.

– Ладно, ладно, прочитаешь мне лекцию о социализме с человеческим лицом и о сияющих вершинах.

А сам подумал, Петра Петровича ждет надежная больница. Могли бы и не отправлять его к нам. Этого несчастного человека лечить надо. А сколько ещё таких больных в нашей стране! Миллионы. В нашем маленьком городишке Туманске есть такой кабинет. Там копошатся в старых партийных газетах и брошюрах бабушки и старички. Их где-то около двадцати человек. Этим всех товарищей тоже надо лечить. Иногда они собираются в кучу и друг перед другом выступают. По привычке говорят долго и непонятно. В это время в глазах разливается сатанинский огонь. Иногда кого-нибудь приглашают выступить в библиотеках. И там они говорят долго и непонятно. Их никто не понимает. Но из-за уважения к старости, слушают. Мне просто таких товарищей жалко. И вот один из таких лекторов попал в нашу команду. И ещё я подумал. Все они бы пригодились в борьбе с улыбочками. Иногда наши товарищи лекторы проводят демонстрации. Они не понимают, что собравшиеся люди смотрят на них, как на очередной концерт. Лекторы не просто выступают, они кричат. И от этих криков бедных трясет. Они не

понимают, что от подобных криков мир не изменится. Конечно, я многих из них понимаю. Почти все они были при должностях. А партийные деятели и лекторы потеряли дармовую кормушку. Чего греха таить, жили они при советской власти отменно. В одном я с ними согласен, что я тоже против бандитского капитализма, который царствует в нашей стране. К власти приходят отъявленные буржуи. Всё больше появляется миллиардеров. У этих людей нет чести и совести. На всё повышаются цены, народ беднеет, многим молодым негде работать, спиваются и обкуриваются. Наши министры, наши правители не наказывают воров-миллиардеров. Порой мне самому становится страшно. Не знаю почему, я надеюсь, что Всевышний разберется в творившихся безобразиях. А нашим старичкам и бабушкам надо бы уж успокоиться. Прошлое не вернуть. Возможно, наши потомки будут мудрее нас, и всё наладится. Я бы посоветовал этим товарищам молиться Богу, а не сияющим вершинам.

– Мужики, я думаю так. Надо нам проникнуть в другой мир через вот это зеркало.

Виктор перестал молиться и подошел к зеркалу.

– Разрешите мне проникнуть в оный мир.

Он просунул голову в другой мир, а потом и совсем прошел в зеркало. Подошел к нему и Михаил. Он, молча, вошел в него. Юра хмыкнул и тоже скрылся в зеркале. В общем, мы все оказались в другом мире.

– Что дальше, дорогие товарищи? – спросил Михаил. Мы ступили на дорогу. Следов от машин не было. Для чего эта дорога? Михаил продолжил говорить: – Дорога существует для того, чтобы по ней ездить или ходить. Следовательно, дорогие товарищи, надо идти по дороге, и мы выйдем к селению. И там станет всё ясно. В путь.

И мы пошли по дороге. В лесу пели птицы, В чистом небе пел жаворонок.

Дорога повернула вправо, и углубилась в лес. Вышли на полянку. Темнело. Мы решили остановиться на ночевку.

Спички оказались у всех. Мы разожгли костер. Хорошо. Над нами родное звездное небо. Михаил будто понял меня.

– Во всех параллельных мирах звездное небо одинаково. И, все-таки, куда мы попали?

– Дорога нам даст ответ, – ответил я.

В это время Петр Петрович в портфеле перебирал тетради с лекциями. Федя упал на спину и мгновенно уснул. Юра сидел рядом со мной. Он продолжал недоверчиво улыбаться. Виктор сидел в стороне и молился.

– Ты, Юрий, заметил, что всё похоже на наш мир. А вдруг мы дома? – спросил Виктор.

– Тогда какой смысл нас здесь собрать? – спросил Юра.

– Человек в кожанке появился и быстро исчез, – сказал Виктор. – Зачем?

– Обычно эти отправители представлялись нам. Указывали нам путь. Правда, мы часто нарушали эти пути. А здесь появились, и потом исчез. Возможно, ещё появится, – ответил я.

– Загадка мироздания, – сказал Виктор и упал на спину. – Люблю смотреть на звездное небо. Сколько ещё таких, как мы на этом пространстве. А то мы вообразили себя пупами вселенной. Меня всегда волновал вопрос образования вселенной. Допустим, был взрыв. Хорошо. Взрыв. Отправная точка. Значит, до взрыва космос был пустым? Представь того, кто был в этом бесконечном космосе. И Он организовал этот взрыв. Даже представить невозможно величину и величие этого Создателя. И этот Создатель жил в этой бесконечности. Один? Жил всегда и вечно. Для чего-то он организовал этот взрыв.

– А вдруг все эти вселенные в этой бесконечности, множество раз возникали? – сказал я. – В своей второй книге «На острове снов» написал об этом. Вселенные появляются, исчезают, и вновь и вновь рождаются. И рождаются они, как и вселенная бесконечно. Каждый раз обновляются. Это тоже работа Создателя. Поэтому космос и вообще вся бесконечность живая. И никогда космос не был безжизненным. И все мы, живые и разумные существа, какие бы мы не были, все его дети. И у каждого человека, где-то там, есть своя полочка, своя судьба. Когда-то эта полочка возникла, и когда-нибудь она исчезнет. На этой полочке каждого человека, когда-то появился первый человек. Сколько их было и будет только известно самому Создателю.

И когда исчезнет с этой полочки последний человек, только Он знает. Представь этого Создателя, Всевышнего, какой Он. Лично я не могу и не имею никакого права знать каков Он. Непостижимый разум человеческому разуму необъятный Всевышний. Я могу только подумать, что бесконечный космос со всеми вселенными прошлыми и будущими, вообще вся бесконечность, это и есть – Сам Всевышний, Создатель, Бог.

– До чего додумались, – подал голос Юра. – Молодцы. Только не надо носы задираать. Не надо. Нехорошо. Я тоже иногда задумываюсь насчет этого. А вот когда мы здесь появились, то я немного перестал сомневаться. Теперь хорошо понял, что это не сон. Молодцы. Только не хмурьтесь. Не надо хмуриться. Когда человек начинает сильно хмуриться, то я ему не верю, или сомневаюсь, что он начал играть с публикой. Видели, как наши партийные деятели на трибунах хмурились. Я им никому не верил. Некоторым начальникам я говорил, чтобы они перед нами, рабочими, не хмурились, а они меня дураком называли. Давайте лучше укладываться спать.

По совету Юрия мы легли спать. Я долго не мог уснуть, всё думал насчет нашей беседы с Виктором. Надо мной бездонное небо с яркими и так далекими звездами. Уже засыпая, мне показалось, что звезды даже задрожали, и где-то среди них, как в тумане показалась огромная голова с развевающейся бородой. В огромных голубых, как наше небо глазах, были видны звездочки. И я тут же уснул...

Мы проснулись почти одновременно. В метрах пяти от нас стоял человек. Кто он? Такой же новичок, как и мои новые товарищи?

Человек молчал. Что-то его отличало от нас. Одежда. Он был среднего роста, худенький, но одежда на нем была чистая и размера на два больше. Глаза черные и блестящие. Они были большие и не мигали. В них не было радости, удивления, испуга. Может быть, робот? Его подослали нам улыбки?

– Слушай, ты, хмырь узкозадый, отвечай каналья! Чо глаза пялишь на нас? Отвечай, свинячье ухо! – крикнул Федя. Человек пошатнулся и попятился в лес.

– Стой, ядрена вошь! – ещё раз крикнул Федя. Человек исчез в лесу.

– Что это за канитель такая? – спросил Федя. – Умыкнул от нас, падла глазастая.

– Он не улыбался, – ответил я. – Значит, не от улыбочиков.

– Зашатался мужик, – сказал Михаил.

– От такого крика, извиняюсь, и у меня в ушах звянькнуло, – ответил Виктор.

– В лес, конечно, мы не пойдем, – сказал Михаил. – Нам надо идти по дороге. Она всё равно приведет нас к конечному пункту. Аккуратно поразмыслив, я пришел к заключению, что впереди стоящего селения живут подобные живые существа, немного непохожие на нас. И оное селение ждет нас с великим нетерпением.

– Тьфу, мать тебя за ногу, ну и накрутил, – засмеялся Федя. – Если ты переучился, так перед нами-то, зачем выпендриваешься?

– Извините, Федор, – сказал Виктор, – не знаю ваше отчество, но Михаил, извините, тоже не знаю его отчества, говорил правильно. Он, все-таки преподавал в институте. Это его право так говорить. Извините, хотя и ученый, но волею судеб он побывал, извините, туеядцем, и даже, извините, сидел в тюрьме. Федор, извините, Михаил, не научился языку простого народа.

– Боже мой! – схватился за голову Федя, – куда я попал!? Сплошные переучки окружают меня! За какие такие грехи меня турнули в банку с переучками? Господи, огради меня! Где вы так насобачились базарить? Вас так в институтах учат? Петра Петровича я понимаю. Он учился в Высшей партийной школе. Там их учили классно болтать и пудрить мозги простым людям, чтобы они падали в обморок. Он свихнулся на этих лекциях. Здесь он хоть пользу этими лекциями принесет. Своей болтовней он всех улыбочиков с ума сведет и в прах их, мерзавцев, превратит.

– Э, Федя, ты не прав! – возмутился Петр Петрович. – Я не болтаю. У меня сорок умных лекций. Я высшую школу в Москве окончил. Почему это я свихнулся? Попробуй, напиши сорок лекций. Их может написать только умный человек. Да, я умный.

– Хватит спорить, – сказал я. – Хватит. – У меня, Федя, тоже нет образования, но я не козыряю своей необразованностью. Порой мне бывает стыдно, что я не учился.

– Мне тоже бывает стыдно, – подал голос Юра. – Ну, хватит. Ну, чего вы. От того, кто переучился, и кто не доучился, какая разница. Только не надо всем этим показывать себя. Не надо. Ну, чего вы. Не надо. Хватит уже. Ну, что такое? Ну, вот опять. Хватит.

– Я буду за вас всех молиться. Извините, мы все равны. Я тоже необразованный. Ну и что? Я Библию постоянно читаю, и многое, извините, что разумею.

Но, тут опять вмешался Петр Петрович. Он вынул из портфеля тоненькую папочку, развернул её. Бывший лектор выпрямился, сильно нахмурился, но лицо его сияло. Он почувствовал себя в родной стихии.

– Не дали мне закончить речь. Вот здесь у меня есть удивительные строки из моей лекции. Вот. Читаю. Когда люди поймут, что в основе коммунистической идеологии, направленной на учения великого Ленина, лежит основание первого зерна, первого отростка к светлому будущему, люди повернутся лицом к словам великих мыслителей коммунизма. Дорогие товарищи, все мы должны понять, что мы, прожектористы светлого будущего, несем свет в массы. Мы, несущие факел...

– Замолчи, сука, задушу! – заревел Федя. – Я тебе, мерзавец, покажу факел! До каких пор ты будешь мотать нам нервы!

Федя ринулся на Петра Петровича. Мы с Михаилом бросились выручать бедного лектора.

– Стой, Федя, стой! – закричал я. – Он просто тренируется перед выступлением для улыбочков. Петр Петрович, прекрати читать. Потом будешь читать. Потом.

– Но я не тренировался. Я серьезно хотел почитать вам одну из лучших моих лекций по построению великого будущего, – ответил лектор. – Я хотел...

– Не надо хотеть, – ответил Михаил.

– Я думал...

– Не надо думать, – сказал я.

– Я не знал, что так я взволную нашего товарища.

– А надо знать, – ответил Михаил.

Обиделся наш лектор. Конечно, я понял, что он из тех людей, пропитанных насквозь своей идеологией. Его надо лечить, как и

тех, кто сидит в кабинете в нашем городке. Сейчас он необходим здесь. В городе у него было просветление, когда он занимался на даче хозяйством. Свиньи, гуси, козы и куры отвлекали его от дурных мыслей. А когда они с женой всё продали и перебили и решили измениться, вначале вроде шло нормально. Жена ушла к другому мужчине. В параллельном мире со своими подружками они стали «наводить» порядки с улыбочками. Петр Петрович получил полную свободу. Вот здесь-то всё и началось. Он начал без дела тосковать. Лекции позвали его в мир прошлых идей. Они разбудили его, вдохновили. За это время он не успел приобщиться к идейным товарищам из того кабинета. Его приняли в нашу команду. Конечно, ему обидно. И здесь его никто не понимает и не принимает как хорошего лектора из времен раннего и позднего застоя.

– Пойми, Петр Петрович, мы сыты этими лекциями о сияющих вершинах. Ты уже знаешь, что вашими лекциями можно замертво свалить целый взвод улыбочков, – ответил я.

– Но, я ведь хотел как лучше.

– Не надо больше хотеть, – ответил Михаил. – Бывало и я такие же рефераты культурно строчил. Но я ведь их здесь не читаю.

– Я тоже в редакции рефераты писал, – ответил я.

– Хватит спорить, – вмешался Юра. – Не стыдно? Совсем заигрались в политиков. Хватит. И прошу, Петр Петрович, не хмуриться. Я не верю в хмурость. Хватит. Хватит уже. Ну, что такое? Ну, вот опять!

Федя успокоился. Ушел от нас, и смотрел в ту сторону, куда уходила дорога.

– Я за всех вас, извините, буду молиться. Мы должны в этом мире жить в дружбе и согласии.

Федя повернул к нам голову.

– С этим болтливым хмырем в дружбе? Не смеши.

И снова стал смотреть на дорогу.

– Что нам дальше делать? – спросил Михаил. – Надо всё культурно обсудить, куда нам двигаться.

Федя ответил:

– Надо идти по дороге. Я там слышу посторонние звуки.

Мы все стали слушать. Но, как я понял, мы ничего не услышали.

– Кстати, я согласен с Федей. Я тоже слышу звуки присутствия человека.

– Извините, Михаил, здесь никто ничего, не слышит, – сказал Виктор.

– Вы, наверное, все с этим Петром Петровичем забыли, что я охотник. У меня зрение, как у орла, а слух, как у охотничьей собаки. Да и нюх у меня, что у крысы и мыши на сыр. Двигаем, по дороге. Идите за мной, – сказал Михаил.

– И я по тайге ползаю, – ответил Федя.

– Я ведь многие годы шарюсь по тайге, – сказал я. – Увлёкся тут с Петром Петровичем. Здесь вы, Федор и Михаил правы. Вот теперь и я кое-что слышу.

Мы пошли следом за ними. И действительно, я вспомнил, что Михаил и Федя оба таежники. Я тоже люблю тайгу. Но ничего не услышал. Я просто люблю тайгу, и воспринимаю её, как живое существо. Чтобы никто меня не видел и не слышал, я разговариваю со всеми деревьями, ручейками, рекой. Но, я не охотник, чтобы иметь обостренный слух. Просто я тайгу чувствую. И это чувство меня никогда не подводило. Вот и сегодня, что-то тревожное меня пока не беспокоило.

Дорога резко повернула влево, и мы вышли к населенному пункту. Я бы мог написать, что мы вышли к деревне или селу. Перед нами был действительно населенный пункт. Домов было около тридцати. Дома круглой формы. Конусные крыши круглые. Окна тоже круглые, большие. Я любил большие окна.

А вот и люди. Такие же, как и мы. Ничем не отличить. Я всегда думал, что если есть параллельные миры, то люди должны быть такими же как и мы. Планета для всех нас одна, наша общая родина. Вот только жизнь у всех должна быть разной. Я так думал. Побывал в параллельных мирах. Все люди одинаковые. Конечно, жизнь у всех разная. Да оно и должно быть так. А вот судьба у всех разная.

За деревней, буду так её называть, протекала небольшая река. От наших русских деревень можно отличить. Вокруг деревья, цветы. Идеальная чистота. Я видел амбары, значит, есть живот-

ные. Вот и люди. Такие же, как и мы. Два человека остановились недалеко от нас. На них одежда из довоенного времени. Рубашка у одного подпоясана кушаком красного цвета, у другого ремешком. Шаровары, сапоги гармошкой. Какое же здесь время?

– Мужики, а тогда кто тот, что скрылся в лесу? – спросил Федя. – Эти мужики не такие. Они на нас похожие. Копия мы.

– Здесь, видимо, извиняюсь, улыбочков нет, – сказал Виктор.

– В глазах у них, удивление. Видимо, культурные люди, – сказал Михаил.

– Я бы сказал, у них радостное удивление, – добавил я.

– Сомневаюсь, что нас здесь ждут, – ответил Юра.

Действительно, пока мы говорили, у мужиков расширились глаза. В них я заметил удивление и радость. Неужели они нас понимают?

– Я, конечно, сомневаюсь, но они нас понимают, – сказал Юра.

– Возможно, они, как индейцы, когда белые прибыли на новый континент, так же были поражены, – сказал Михаил.

– Если так, то вот где для моих лекций будет простор, – обрадовался Петр Петрович.

– Вот здесь не хватало ваших лекций! – повысил голос Федя. Мужики не шелохнулись.

– А может, у них лектора нет, – не сдавался лектор.

– Да и церкви, возможно, извините, нет, – сказал Виктор.

Конечно, в следующую минуту надо всем нам удивиться, что и произошло с нами. Один из мужиков, подпоясанный красным кушаком на чистом русском языке поразил нас.

– У нас есть свой лектор. Церкви нет. Лектор не разрешает. Кто вы? Откуда? И как сюда попали? Мы здесь много лет живем, а никого не было из посторонних.

– Куда нас угораздило? – спросил Федя.

– Граждане оной деревни, вы, я вижу люди весьма культурные, куда мы прибыли? – спросил Михаил.

– Вы меня познакомьте с лектором, – не унимался Петр Петрович. Федя показал ему кулак.

– Я тебе покажу лектора. Мы тут решили у этих людей выведать, куда мы попали, а ты со своей матерью лезешь.

– Почему у вас нет церкви? – вылез ещё один неугомонный товарищ.

– Ну, хватит уже! – крикнул Юра. – Ну, что такое? Ну, вот опять. Хватит безобразничать.

– Например, я не безобразничаю, – ответил наш лектор. – Если у них есть лектор, то я бы помог ему охватить нужную аудиторию...

– Я тебя сейчас охвачу, падлюга переученная! – заревел Федя. Вот теперь деревенские мужики улыбнулись. Но, это не улыбки. Мужик с кушаком ответил:

– Ну, и шумные вы. Мы не привыкли так шуметь. Не надо бы привлекать внимание. У нас есть свой лектор. А попов у нас нет, хотя мы все здесь крещенные.

– Я бы стал у вас первым, – ответил Виктор. Тут я возмущился.

– Господа, лектор и священнослужитель, только вас и надо слушать. Какие вы нетерпеливые. У нас была такая неугомонная и нетерпеливая Октябрина Правдина.

При этих словах я стал озираться. Но Октябрина не появилась. Надо же, даже при этом имени меня дрожь прошибла. И я продолжил говорить:

– Уймись, мужики. Имейте совесть, хотя я сомневаюсь, что она есть у вас. Нам надо познакомиться с товарищами. Узнать обстановку. Мы ведь не знаем, куда мы попали.

– Дорогие товарищи, будем знакомы. Мы идем издалека. Заблудились, – сказал Михаил. – Нам бы посетить ваше селение...

– В столовку бы нам, – перебил Федя. – Мой живот скоро прилипнет к хребту. Где столовка. Там мясо есть?

– Есть. Всё есть. Мы накормим дорогих гостей.

И вдруг, где-то в глубине моего организма появилась тревога, особенно после этих слов. Что это? Ведь было всё нормально. А тут вдруг что-то такое появилось. Вот этот внутренний знак во мне сидел с детства. Он, как гвоздь. Где-то внутри у меня сидел и всегда покалывал, если что-то было не так. Я о нем писал в моей первой книге «Зона». Это заметил Михаил. Мне он напомнил мо-

сковского бомжа с университетским образованием, моего верного и хорошего друга Ивана Ивановича Иванова, Мы часто с ним путешествовали в другие миры. Вот эти все мои новые товарищи чем-то напоминали мою команду. Конечно, в чем-то есть разница. Но схожесть во многом меня радовала. Как говорится, мы ещё сработаемся. То, что куда мы попали, и ещё попадем, это тоже разведка. Мне теперь с ними быть в этой разведке. И я уверен, что мы ещё поймем друг друга. Надеюсь, что будущие испытания всех нас объединят, и получится хорошая команда.

Михаил подвинулся ко мне и прошептал:

– Что-то не так? Я вижу, ты насторожился.

– Чутье, которое во мне сидит, никогда ещё не обманывало.

– Вроде селение нормальное. Дети бегают. Люди вроде культурные. В общем, посмотрим и понюхаем. Порой за внешней культурой кроется самая низкая подлость. На своей шкуре испытал.

– Я всю свою жизнь эту подлость к себе испытываю, – ответил я.

Мужик с кушаком жестом пригласил нас последовать за ним.

Речка была рядом с селением. Ребятишки, что купались в речке, разбежались. Меня это насторожило. Мимо пробежал мальчик. В глазах я увидел злобу. Но, он улыбался. Я имел право кое о чем подумать. Но ведь мужики не улыбались. Здесь что-то другое и загадочное.

– Михаил, не надо подавать виду, что мы озабочены, – прошептал я. – Меня мальчик насторожил.

– И я это заметил. Одновременно такое не может быть, да ещё у ребенка. В глазах злоба, но он улыбался. Это меня тоже насторожило. Пока не надо об этом говорить нашим товарищам, особенно Федору. Он может всё испортить. А вот наш лектор и поп пусть порезвятся. Через них мы сможем кое-что прояснить.

На этом мы и замолчали. И тут я заметил, что Юра хитро улыбнулся и подмигнул мне. Значит, он слышал наш с Михаилом разговор.

Мужик привел нас к небольшому дому.

- Здесь у нас столовая, – сказал он.
- Слушай мужик, как это всё называется? Дома странные, – сказал я.
- Потом расскажу. Вам надо подкрепиться.
- Но, у нас нет денег, – сказал Михаил.
- За счет колхоза.
- У вас здесь есть колхозы? – спросил Виктор. – Извините, но почему у вас нет церкви?
- Здесь она нам не нужна.
- Извините, как это не нужна церковь? – удивился Виктор. Тут вмешался Федя.
- Всё, парни потом. Пойдемте жрать. Сразу три порции закажу.

Мы вошли в столовую. Столы, стулья. За стойкой стоял человек в белом колпаке. От кухни несло аппетитными запахами.

Мужик в кушаке подошел к повару.

– Это наши гости. Пришли издалека. Что попросят, то им и дай. Так надо.

Второй мужик куда-то скрылся. Тревога во мне не проходила.

В столовой никого не было. Кругом была чистота. Появились двое мужиков с разносами. Принесли в тарелках борщ, гуляш с картофельным пюре. Я вспомнил столовые из времен советской эпохи. Здесь ничего не изменилось. Даже есть колхоз. Я хотел спросить мужика, чтобы он позвал председателя колхоза, но он тоже куда-то исчез.

– Ребята, – сказал я. – Будьте готовы ко всему. Вы должны привыкнуть к тому, что в другом мире, нас всегда будут ожидать неожиданности.

– Давайте, мужики, насыщаться, – сказал Федя. – Потом будем разбираться чо к чему.

Мы хорошо пообедали. Меня потянуло на сон...

Проснулся в подвале. Мои товарищи тоже просыпались. Окно не было. Высоко в потолке было отверстие. Федя встал с нар, и подошел к железной двери. Стал колотить.

– Эй, вы, сморчки колхозные, чем это вы нас угостили? Я вас тут, сук, раскидаю по вашему полю! Открывайте, чучела огородные!

В верхней части двери открылось маленькое окошечко. Лица не видно.

– Чо шумишь, человек приبلудный? Вот придут хозяева, вот и разбирайтесь с ними. Наше дело маленькое. Нам сказали, чтобы мы пришлых сажали в подвал, вот мы и сажаем. Чо шумишь?

– Слушайте, дорогой товарищ, извините, я не знаю вашего имени, мы к вам с миром пришли, – сказал Виктор. – За какие такие грехи мы перед вами провинились? Мы с вами даже не познакомились. А вы нас в подвал. У нас здесь хорошие люди.

– Меня зовут Борис, – ответили в окошечке. – Я не имею право разговаривать с вами. Меня накажут и сошлют в рабство.

Дверка захлопнулась.

– Про какое рабство он долдонит? – спросил Федя.

– Мир так сложен, – тихо ответил Михаил.

Кажется, я догадался к кому мы попали в плен. Надо объяснить моим товарищам.

– Друзья, – сказал я. – Я знаю, где мы, и кто эти хозяева. Скоро вы увидите этих хозяев. Это и есть улыбочики. Потом ещё на эту тему поговорим. Петр Петрович, скоро будет ваш выход со своими лекциями.

– Ясно, всё ясно, – ответил лектор и выпятил тощую грудь. – Я им такую лекцию закручу, что они в прах рассыпятся.

– Мужики, пока не надо ничего делать, – сказал я. – Надо присмотреться. Как они поведут с нами. Мы ведь ещё не знаем об этих местных людях. Кто они? Почему колхозы? Почему они говорят по-русски? И все эти вопросы надо нам разрешить. А потом уж будем действовать. Сначала договоримся так. Не будем повышать свои голоса. Это насторожит их. Мы ещё успеем повоевать. Надо всё узнать. У меня всё. Кто думает иначе – высказывайтесь.

– Надо все делать культурно, – ответил Михаил. – Как бы нам надо затаиться. Даже придется улыбаться. В общем, я согласен, что надо про всё узнать.

– Я буду тихонечко молиться, – сказал Виктор, и стал неистово молиться.

– Ну, хватит. Ну, чего вы? Не надо. Мы ещё ничего не знаем, а уже готовимся воевать, – криво улыбнулся Юра.

Дверь заскрипела. И всё-таки, я был прав. В дверях появилось два человека. Они улыбались. Блестящая одежда плотно облегла стройные фигуры.

– Выходите, дорогие товарищи, – на чистом русском сказал один из них. – Выходите. Мы вас встретим, как дорогих гостей.

Мы вышли из подвала. Недалеко от нас стояло десять улыбочиков. Все они улыбались. В глазах полное безразличие. Значит, это роботы. Одним словом настоящие клоны.

– С вами желает говорить наш командир. Пройдемте в соседний дом. Там он вас ожидает.

И мы пошли за этим роботом. В избе всё было скромно. Длинный стол, лавки, и больше ничего. Я описывал в своей книге «Придурки» про маленький, сказочный городок. Он мог появиться мгновенно, и так же быстро исчезнуть.

– Садитесь, – пригласил нас главный робот. Больше я не мог его как-то назвать. Он был один в доме. Те, что привели нас, остались за дверью. Я хорошо знал, что они могут пройти через любую стену.

Мы расселись на одну лавку. Главный робот сидел в торце стола. Он нежно улыбался, глаза стального цвета, и они совершенно не мигали. Он нагло рассматривал нас, и словно ковырялся в моей голове. Я это сразу почувствовал. В голове покалывало и давило. Все, в том числе и робот, молчали. Первым нарушил молчание Юрий.

– Ну, чего вы? Ну, вот опять. Ну, хватит уже молчать. Чего вы прямо, как не родные. Все мы люди. Давайте поговорим. Хватит надуваться. Хватит.

– И то, правда, – сказал Михаил. – Все мы здесь собрались культурные люди. Давайте и культурно поговорим.

– Я бы вашим людям умную лекцию прочитал бы, – погладил портфель Петр Петрович.

– У него сногсшибательная и умная лекция, мать его за ногу, – сдавливая от волнения голосом, сказал Федя. Хоть бы всё не испортил. Я видел, как он сжимал кулаки, и глубоко дышал. Ми-

хаил положил на его кулак руку. Погладил его. Федя вроде стал успокаиваться. Надолго ли?

– А я бы, извините, помолился за ваше здоровье, уважаемый человек, – тоненьким голоском пропел Виктор, и неистово стал креститься.

Робот поморщился, но улыбка не исчезла. Наконец-то он заговорил:

– Ну, вот что, хмыри потусторонние, почти все недоучки поганые. Я взял эти слова из лексикона Федора, вон того рыжего балбеса, что посмел на меня косым взглядом смотреть и сжимать кулаки. Вы есть наши гости. Так будьте добры слушать меня и подчиняться.

Я хотел ему ответить на его грубость, но не мог произнести, ни одного слова. Федя попытался вскочить, но не смог. Это осложняло наши дальнейшие действия. А робот продолжал говорить.

– Сейчас вы в моей власти. Всё с вами. Я знаю, откуда вы были и зачем. Всё знаю. Вы есть солдаты-наемники. Конечно, это похвально. Мы есть тоже солдаты-наемники от нашей звездной системы. Мы пока бессильны против вашего оружия. Но, пойдем и научимся. Мы не таких, как вы, побеждали на других планетах. Такие, как вы нам и помогут освоить ваше оружие, а главное понять его. Вы не можете. Я знаю. Вы все преданы своей теории. Вот таких людей, как вы и подбирают для борьбы с нами и с посланниками Сатаны. Но, и они тоже бывают разные. Мы удивляемся Сатане. Порой он миндальничает с вами. Конечно, он много пакостит вам, но он далек от нашей идеологии. Если кто нам мешает, мы просто уничтожаем всё на своем пути. С такими людьми, как на вашей планете мы встретились впервые. У вас постоянно происходят войны. Вы мне ответите, что мы тоже воюем. Это так. Мы завоевали много планет в звездных системах. Но сначала мы познали науку. Мы свободно проникаем на любые расстояния. – Он немного помолчал, потом снова начал говорить: – да, мы есть роботы-клоны. А сами гелиозы, так мы называем самих наших создателей, из плоти и крови. Они тоже бывают на вашей планете. Вам их не отличить от вас. Но вам их не узнать. Мы свободно путешествуем по вашей планете. Попа-

ли в ваш мир. Проникаем в ваших детей, в ваших правителей, помогаем умным и хитрым бизнесменам стать миллиардерами. Обедняем народ, стравливаем народы на народы, устраиваем катастрофы. Правда, есть неведомые силы от какой-то планеты, которых мы не знаем, где они. Они, как и мы хотят народить от ваших женщин очень умных ребятишек. В последние годы таких умных детей всё больше рождается. И нас это беспокоит. Наш главный ведун сообщил, что за ними будущее на вашей планете, и в войне с ними мы проиграем. И что возглавит это общество, которое победит нас, человек, пришедший из космоса. Наш главный правитель над двенадцатью планетами, где мы расселяемся, лично отрубил ему голову. Видите ли, он предсказал, что нас на всех планетах уничтожат. Кстати, солдаты-наемники, можете успокоиться. Тот предсказатель сказал, что ваших миллиардеров, правителей которые тоже обогащаются и устраивают войны, ожидает великое наказание за их великие грехи. Чуть это всё. Мы не поверили этому ведуну. Откуда он такое взял, наши палачи так и не добились. Теперь об этой деревне. Этих людей, мужиков и баб, мы выкрали из вашей страны перед началом великой войны с Германией. Кто-то же должен кормить нашу армию. Помогли им организовать колхоз. Вот такие дома есть на нашей родной планете, в таких же вот деревнях. Люди тоже работают на полях. Надо ведь кормить нашу доблестную армию. Бунты возникали, и порой и сейчас возникают. Но их жестоко наказывают. Вешают, расстреливают, отрубают головы. Некоторых отправляют в рудники. У вас тоже такие бунты бывали. И сейчас бунтуют. Я знаю всё о вас. Вы лишние люди в вашей стране. Есть и у нас лишние люди. Они тоже прибыли на вашу планету, и как-то хотят помочь вам справиться с нами. Если мы таких умников обнаруживаем, то уничтожаем. Мы осеменяем ваших баб. Они даже не знают, как это мы делаем. И они рожают детей, с частичным сознанием гелиозов. Это делают и те, непонятные нам представители с неведомой планеты. Они и создают детей на свой лад. И надо сказать, что эти дети весьма умные в раннем возрасте. Кстати, мы и здесь создаем детей по нашему подобию. Теперь о вас. Уничтожать мы вас не будем. Вы будете нашими рабами. Недалеко отсюда есть рудник. Там

уже трудятся ваши земляки, и люди из этого мира. Всем хватит работы. Ну, коль вы созданы из другого теста, мы вас пошлем туда, где есть мощная энергия. Она вас будет подпитывать. И вы можете жить долго и счастливо в темноте и сырости. Ваша цивилизация на много отстала от нас. Вот сейчас вы все слышите меня, но, как оловянные солдатики. Ваше сознание, как не странно, мы не можем отключить. Оно для нас кем-то заблокировано. Тем хуже для вас. Сознание ваше будет работать, а толку никакого. Вы есть рабы. Всё с вами.

Он встал. Сквозь стену прошли его воины. Они взяли нас под руки, и повели из дома. Подъехали две подводы. Кони такие же, как и у нас. Управляли конями два мужика. Нас усадили в телеги, и повезли из деревни. На миг я увидел за одним из заборов голову женщины. Она платочком вытирала слезы. Здорово эти твари напугали наших земляков. Главный начальник растворился в воздухе. Нас сопровождало десять роботов. Говорить мы не могли. Даже невозможно было поднять руки. Мужики молчали.

И вот нас доставили к невысокой горе. Расщелина. Подвели к ней. И тут я увидел, как один мужик сочувственно посмотрел на нас. Да, крепко их напугали улыбки. Значит, в этом параллельном мире есть ещё такие колхозы, чтобы кормить и снабжать всем необходимым армию захватчиков. Мало им этого. Они ещё и женщин насилуют, чтобы они рожали детей на свой лад. Вот эти дети и улыбались. И только злоба в глазах и постоянные улыбки выдавали их. Теперь я окончательно убедился, что некоторые дети и у нас есть от них. Этакий мерзавец подстроится под родного мужа, и сотворит улыбчивого дитя. Бедные дети. Порой они даже сами не ведают, что творят. А разве не сидел подобный мерзавец в тех девушках, что танцевали перед иконами в Москве в главной церкви Христа Спасителя? А разве они не сидели в том парне, который рубил топором иконы в церкви? Их показывали по телевизору. Они улыбались. В книге «Придурки» я писал об этом. Показывали голых девушек в Киеве. Одну спросили, мол, если выйдет Указ, чтобы раздеться, кто разденется? Девушки ответили, что первыми разденутся девушки. И они тоже улыбались. Знаменитые маньяки, как Чикотило

и другие такие же убудки, как не странно, улыбались. Я уже писал. И все они отвечали, что не знали, что в этот момент с ними происходило. А теперь вернемся немного в наше неистовое прошлое, когда отъявленные и разношерстные большевики взрывали и громили церкви, уничтожали церковнослужителей. Что это было? Разве тогда не было посланцев из другого мира? Были. Они давно правят мозгами многих наших людей на нашей планете. Многие ученые выступают, что появились дети индиго. Да, они появились. Их становится всё больше. Современные индиго, видимо, не подвластные темной силе и разным пришельцам в виде улыбочиков. Индиго всегда были. Были гениальные люди-индиго, которые несли добро людям. Такие люди, как Ломоносов, Моцарт, Циолковский, Королев. Темная сила их окружала, но не сломила, не вошла в них. Много бед натворили темные индиго – Наполеон, Гитлер. Мы ещё не знаем, каких детей наплодят нам эти улыбочики. Но то, что эти дети зловердые, их можно отличить, если к ним внимательно приглядеться. Да, я предвижу, что будет страшная битва между светлыми и темными силами. Завоеватели из других планет, соединяются с темной силой на нашей планете. Я думаю, что светлые силы соединятся с пришельцами, которые желают нам помочь. Главное, надо жить надеждой на спасение нашего человечества. На нашей планете много добрых и умных людей. Правда, к власти они не могут пробиться, чтобы помочь бедному народу выпутаться из вредной паутины обольщения от темных сил. К власти во всех странах, начиная от губернаторов до президентов, приходят отравленные темными силами господа. Своей болтовней и обещаниями, они морочат мозги своему народу. Главное для них – обогащение себя и своих сподвижников. Почти все губернаторы прохиндеи и воры. Их смещают, но не судят. Награбленные миллиарды и миллионы остаются за границей, в иностранных банках. И все эти президенты во всех странах, придя к власти, как правило, начинают обогащаться и вооружать армию современным оружием. И я имею право подумать, а не сидит ли в них темная сила от самого Сатаны, а теперь ещё и от улыбочиков? Это страшная сила размножается по всей нашей планете. Сейчас я думал об этом, смотрел на роботов, на бедных и напуганных

крестьян, сосланных сюда в настоящее рабство, чтобы кормить этих улыбающихся ублюдков, и мне стало страшно. Нет, нет, я не испугался. Это нельзя назвать испугом и трусостью. Просто мне стало страшно за мой народ, что многие деградируют, за мой народ, который многое пережил, испытал, выстоял в страшной войне, и вдруг превращается в непонятно кого! Темной силе это выгодно, чтобы люди не очень-то умничали. Всё это я понимаю. Одно пока не могу понять, зачем Сатане эти улыбочки? Какой в этом смысл? Он и сам почти хозяин на нашей планете. Миллионам мозги закрутил. Я понимаю, что, в конце концов, будет смертельная схватка светлых сил с темной силой. Я как-то видел апокалипсис. Я его описал в книге «На острове снов». Возможно, останутся избранные Богом люди, и дети-индиго, которые и были избранные светлыми силами, и добрыми пришельцами из другого созвездия. Неужели Сатана и вообще все темные силы не понимают, что проиграют эту битву? Всевышний, наш Бог не позволит тому, что происходит с его детьми на нашей планете. Главное в человеке теряется его духовный мир. Человек резко меняется в худшую сторону. Вот от чего мне страшно. И мои слова: «Всё будет хорошо» будто стали уходить, как вода в песок. В нашем мире я всячески пытаюсь помочь людям духовно. Конечно, есть люди, которые понимают меня, и тянутся ко мне. Я давно понял, что есть великое оружие в нашем мире, это – слово. В нашем мире это и есть моё оружие. И пока я есть, постоянно буду сражаться за человека словом. Порой мне бывает плохо. Мои силы на исходе. Есть люди, которые изматывают меня, отнимают силу, мою энергию. Бывает, что при встрече с ними, мне становится плохо. В это время им хорошо. Значит, моя энергия помогла. Я едва добираюсь до своей комнатки, и падаю на пол. Порой, придя домой, даже теряю сознание. Мне помогает молитва перед иконами, теплый душ, горячий чай. И тогда я ложусь на мой старенький диван, и стараюсь ни о чем не думать. Это мне помогает восстановить энергию и силу. За окном, растущие деревья, тоже помогают. Иду в тайгу. Она помогает мне. На следующий день я снова иду в народ. Захожу в магазины, на рынок. Меня многие знают. Я им желаю всем здоровья, и что всё будет хорошо. В ответ эти люди мне улыбаются. И эти улыбки добрые.

Глаза светлые. Но есть люди, которые смотрят на меня с подозрением. Для них я ненужный, лишний человек. Дачи и машины у этого человека нет. Ставил здесь первые палатки и щитовые домики, а живет в старенькой «хрущевке», да ещё в однокомнатной квартире. Ничего у него нет, в том числе и нет накоплений. Ходит без дела в тайгу. Живет в одиночестве, как сыч. Чего это он всем здоровья желает, не спорит ни с кем, успокаивает тех людей, у кого горе. Одним словом, я для этих людей не только лишний человек, но и придурок. Один товарищ мне сказал:

– Так жить, как ты живешь – нельзя. Не хорошо. Будь как все.

Не только в советское время мне говорили эти слова, но и сейчас. Вот я и жду того момента, когда меня отправят в другие миры. Там я бываю свободным человеком. Там я не лишний. Как мне хочется, чтобы где-то напечатать все мои книги. Но, поймут ли люди меня? Во многих я сомневаюсь. Не поймут. Конечно, есть люди, которые при прочтении моих двух книг меня поняли. И я им благодарен. Как одна женщина сказала:

– Господи, как трепала тебя жизнь! Ты хоть там, в другом мире, живешь по своим правилам. Там нет этих пресловутых слов – будь как все. Хоть в этом твое счастье. Фантазируешь или нет, меня это не касается. Читаю и словно с тобой я там. Если своим подругам скажу, что это правда, что ты там пишешь, меня засмеют. А ещё душой назовут. Опасно. Между нами, Юрий, я так скажу, всё, что ты пишешь вроде мистики и фантастики, реально. Пиши. Не обращай внимания на неверующих в тебя людей. Есть люди, которые верят тебе. Это я тебе говорю. Но признаться боятся. Опасно.

Так что есть люди, которые верят мне. И я счастлив. А те, которые смеются надо мной, пусть смеются. Интересно, что они подумают и скажут, если в действительности в нашем мире открыто появятся представители из других миров? Ничего не скажут. Постараются всё умышленно забыть, и как всегда, быстро перестроятся. Такие уж у нас есть люди. После разрушения великой страны и коммунистической партии, они показали себя во всей своей сущности.

Роботы стояли и кого-то ждали. Мужики тоже не уезжали. Видимо, ждали приказа.

И вот появился, словно из воздуха робот. Он что-то сказал им, и они пошли к длинному барaku. Робот стоял напротив нас, и молчал. Потом он убрал с лица улыбку. Меня это удивило. Поразили глаза. В них был ум и сочувствие. Он сказал.

– Чтобы вы пока не возникали, помолчите немного. Я не из роботов, и я не гель. Мой народ называется моты. Я есть мот.

В моей книге «Отчаянные придурки» я писал о захватчиках, которых мы называли улыбки. На той планете жил народ моты. Их захватили улыбки и сделали из многих фантомов. С одним из них я был знаком. Его звали Турас. К сожалению, он давно не появлялся. В последний раз он проявлялся в моей квартире. Возможно, его обнаружили и арестовали улыбки.

И вот сейчас ещё один появился перед нами. Это уже хорошо.

– Всё понял, – сказал человек. – Эти гели вас обезвредили. Они вас послали бы в рудник. Здесь есть уран. Вы бы его добывали для них. Уран для вас не вреден. Потому что вы сами в этом мире полны энергии.

– Где эти ублюдки? – подал голос Федя. – Я их быстро самих отправлю в рудник.

Мужики сидели на телеге. Они с испугом смотрели на нового человека, который спас людей. Я понимал состояние мужиков.

– Надо крестьян выручать, – сказал Михаил.

– Я буду за них молиться, – ответил Виктор.

– Ну, и влипли, – сказал Юра. – Что же это такое? Ну, хватит уже! Ну, что такое! Ну, вот опять! Много болтаете. Надо взять этих роботов и в рудник. Вот и вся недолга.

– Не надо так, – сказал человек.

– А как?! – крикнул Федя. Человек пошатнулся, ноги у него подогнулись, и он чуть не упал. Я подбежал к нему, и поддержал.

– Мужики, – обратился я к своим новым товарищам, – будьте немного тише. Это ведь не улыбка. Он за нас. Я таких людей знаю.

Я понял, что надо об этом народе всё рассказать, что я и сделал. Мне помогал и Петр Петрович. Да и сам человек многое, что поведал о своем далеком мире. Петр Петрович даже рассказал, как он своей лекцией большой отряд роботов превратил в пыль. Человека звали Польш.

Федя засмеялся.

– Ты ведь не поляк! Какой ты Польш, ты обыкновенный робот, фантом!

– Ну и что? Сейчас наши ученые в секретных лабораториях работают

над тем, чтобы вернуть нам физические тела. Уже у нас появились такие люди. На нашей планете тоже есть подобные вам, как вы себя называете – товарищи. Но, они скрываются в пещерах. Некоторые из них тайно прилетели на вашу планету. Всё это хорошо. Надо думать, что делать дальше.

– Польш, извините, а как вы научились говорить по-русски? – спросил Виктор.

– Очень просто. Мы можем говорить на любом языке в вашем мире. И у вас есть такие уникальные люди. Они могут говорить и на самом древнем языке, который много веков назад исчез, как и сам народ. Но они боятся признаться. Если такого нашли, то его затаскают журналисты и ученые. Поймите, что каждый из вас может говорить на многих языках. Просто этот отдел мозга в ваших головах спит. А разбудить его, не каждому дано. А мы вот достигли этого. Мы намного вас перегнали во всем.

– Ладно, хватит мусолить нам мозги. У меня уже в голове что-то звянькнуло, как при слове арифметика меня всегда мутило, – сообщил Федя. – К делу давай. А бабы у этих улыбочиков есть?

– Как без них. Весь мир на этом держится.

– А чо вы тогда лезете к нашим бабам и огуливаете их? – не унимался Федя.

– У нас свои есть женщины. Какое некрасивое слово вы говорите про женщин, – поморщился Польш. – У нас женщина только занимается домашним хозяйством, рождает детей и приглядывает за ними. Мы знаем, какие у вас женщины. Они везде участвуют. Мы видели ваших девушек. Танцевали в церкви. Нашлись у вас уважаемые в вашей стране защитники. Над девушками

должен состояться моральный суд. В глубине вашего народа, их осуждают. А вот эти уважаемые защитники...

– Моральные уроды, мать их за ногу, – перебил Федя.

– Если копнуть глубже этих защитников, извините, копнуть их сущность, извините меня, можно придти в ужас, – ответил Виктор.

– Покажи мне одну из баб этих улыбочиков, я бы с ней тоже повеселился! – засмеялся Федя.

– У них женщины в виде рабынь. Они не позволяют того, что творят ваши женщины. Поэтому их не видно. Семья, кухня, и не высовываться нигде. Поэтому, Федор, ты их не увидишь. Это ваши женщины везде лезут. Мужьям, что стоят у власти, подсказывают, что надо делать. И крепко этих мужей подставляют. И, таким женщинам всё мало. Мы и гелиозы давно наблюдаем за вашим миром.

– Хватит хулить наших женщин, – прервал я дискуссию. – Хватит. Надо переходить к делу. У нас чисто мужская команда.

– Мне бы лекцию почитать вон тем роботам, – сказал Петр Петрович.

– Этим не надо. Я их обезвредил.

И тут я увидел, что они все сидели на земле, похожие на тряпичные куклы.

– В этом подземелье люди, – сказал я. – Надо их поднимать вверх.

– Надо, – ответил Поль. – Они могут ослепнуть. Сейчас они не знают счет времени. Есть там такие люди, которые прожили там десятки лет. Мертвых сбрасывали в шурфы. За собой они принесут сюда великий смрад. Но, вытаскивать надо.

Федя подошел к отверстию и закричал:

– Люди, слышите меня? Мы пришли, чтобы освободить вас! Этих поганцев мы уничтожили!

Из этого отверстия поднимался удушливый смрад. Стены гладкие. Но есть металлическая лестница.

– Извините, почему они не поднимались по этой лестнице, чтобы сбежать? – спросил Виктор.

– А на что стража? Сразу убивали.

– Кто им еду, даже одежду подавал? – спросил Михаил.

– Варили еду роботы. Можете представить какую еду, они варили. Колхозникам они не доверяли варить.

– Ублюдки, – проворчал Федя. – Если эти улыбочки все такие подлецы, то я клянусь всеми фибрами своей души, буду уничтожать их на каждом шагу. Юрка, и ты про всё это запишешь на своей гумаге? А мой мат, которым я буду их крыть?

И мне пришлось ответить на мои жизненные правила, которые я пытаюсь соблюдать с молодости.

– Признаюсь честно, я с детства не любил мат. Это моё первое правило. Никогда не спорил и не ругался с женщинами. Не спорил с мужиками-дураками, хотя я и сам придурок отменный. Второе правило. Никогда никому ничего не обещал. Все мы ходим под Богом. Если обещал, то его надо выполнять. Мало ли, что произойдет, тогда как с обещанием? Это третье правило. Никогда не верю человеку, который плохо отзывается о другом человеке. Пока сам не проверю и точно не узнаю. Это моё четвертое правило. Никогда и ни при каких обстоятельствах не ругаю своих мать и отца. Не хую их и не сожалею, что они у меня были не такие, как все родители. Это моё пятое правило. И последнее шестое правило у меня такое. Я пытаюсь не употреблять слово, знаю. Как один древний философ сказал, что он знает, что ничего не знает. Человек не может всё знать, даже в простейшем деле. А вот стремиться к тому, чтобы знать, обязательно надо. Одному образованному интеллигенту сказал о моих шести правилах, то он меня назвал дураком. Вот второй раз в жизни я назвал мои шесть правил. А теперь можете надо мной смеяться. Это можно. А если назовете меня дураком, то я не обижусь. Мне давно известно, что я дурак и придурок отменный. В своей второй книге «На острове снов» я написал об этом в её конце. Наша команда, которая собиралась в других мирах, вся состояла из таких, как я придурков.

– Так, – такнул Михаил. – Значит, и мы такие же? А ведь точно. В нашем обществе все мы лишние люди.

– Поэтому, друзья мои, если надо, то кричите и материтесь и всяко ругайтесь, если для пользы дела, – продолжал говорить. – Я ведь тоже в моей команде, когда встречались с улыбочками, кричал и ругался, но не матерился. Это исключено.

Мужики продолжали сидеть на телеге. И вот они спрыгнули с телеги, и подошли к нам.

– Мы, это самое, всё слышали. Помогите нам, это самое, избавиться от этих теней. Нет никакой жизни от них. Мы, это самое, поняли вас. Да и нам не вернуться в наш мир. Мы теперь, это самое, здесь бы стали жить нормально. Помогите. Меня Гринькой кличут, а этот глухонемой Ивашка. Я у председателя в помогалах состою. Председатель весь, это самое, с ними, с этими тенями, будь они не ладны.

При этих словах он стал оглядываться.

– Не бойся, Гринька, не бойся, – похлопал по его плечу Федя, – мы таперяча с тобой. Умнем этих твоих теней, мать их за ногу.

– Сейчас вы нам поможете вытащить бедолаг из плена, – сказал Михаил.

– Мы привычны, – засуетились мужики. – Мы это самое мигом. Чо-нибудь бы им сгношить? Голодны ведь оне. Да и одежонку бы им, какую привезти. Привезем. Народ узнает о вас, и всё привезет. Спасители наши.

– И церковь бы вам построить, – вмешался в разговор Виктор.

Мужики не ответили. Михаил тихо ответил Виктору:

– Ты забыл, из какого года они доставлены сюда? В то время неистовые большевики всё уничтожали под корень. Подожди ты с этим делом. Дай людям подышать свободой, которым мы постараемся помочь. Всё у них наладится.

Мужики стали спускаться по лестнице в рудник.

Через какое-то время мужики вылезли, и упали в траву. Они глубоко вдыхали свежий воздух. Гринька отдышался и сказал:

– Чичас оне выберутся. Тряпками они друг другу глаза завязали. А мы чичас поедем в деревню. Соберем одежонку, привезем крупки, хлебца, молочка. Чо надо, то и соберем. А здеся наши бабы сгношат чо-нибудь.

Мужики погнали лошадей в деревню.

Появился первый человек. Человек ли это? Кости обтянутые грязной в кровоподтеках кожей. Мы помогли ему вывалиться наружу, оттащили в сторону и положили на траву. Он глубоко дышал и плакал.

– Родненькие мои, я слышу родную русскую речь.

Один за другим люди выползали и падали в траву. Их оказалось двадцать восемь живых скелетов.

– Может там ещё, кто остался? – спросил я. Один из них ответил:

– Нет там более живых. Все мертвы. Сотни мертвых лежат там в шурфе.

– Господи! – воздел руки Виктор, – Господи! – Он подошел к расщелине, встал на колени и стал молиться.

– Это поп? – кто-то из них спросил. – Какое же это время?

– Новый, двадцать первый век, – ответил Михаил. – В нашей стране построено и открыто много церквей. Кто-то из вас обрадуется, кто-то опечалится, но Советского Союза нет. Нет у власти коммунистической партии. Страна называется Россией. Потом всё узнаете. А вы все, в каком году сюда попали, и откуда?

Один из них поднялся. Он последним выбрался из рудника. Видимо, он у них старший.

– Здорово нас здесь продержали. Я командир эскадрона в армии Чапаева. Иван Черкашин. Из донских казаков я. Многие из моих земляков воевали против советов, а я вот к Чапаеву попал.

– А остальные товарищи, откуда? – спросил я.

– Значит, зря мы воевали за мировую революцию? Видимо, зря. Все здесь кто откуда. Разные национальности. Есть два француза, два американца. В основном были русские. Есть здесь немец, поляк, цыган, болгар, еврей, два товарища из Африки. Почти все научились говорить по-русски. Нас ведь было большинство.

– Как же вы все сюда попали? И потом, как выжили? Ведь уже из вашего поколения никого нет в живых. Как?

– Сложный вопрос. Мы потом, когда попали в рабство, то разговорились. Каждый по-разному попал сюда. Я со своим эскадронам рубился с белыми. Потом мы устроились отдыхать у костров. Я заснул. А когда проснулся, то уже был в рабстве. Все по-разному попали сюда. Разговорились. Все угодили сюда до двадцать пятого года. Позже никого не было. Эти рабовладельцы, настоящие упыри. Они обещали нам вечную жизнь в

руднике. Мол, живите здесь вечно и радуйтесь, что мы вам дали вечную жизнь.

– Я бы этих упырей всех перетюкал! – повысил голос Федя.

К нам шел Польш. Черкашин весь затрясся.

– Я, я этого...сам, сам зарублю. Жаль сабли нет...Это они, они нас сюда загнали. Дайте мне саблю...

– Успокойся, товарищ Черкашин, он не из тех, – сказал я. – У них тоже все разные. Есть и против завоевателей. Тебе ещё сабля пригодится. Мы сюда прибыли, чтобы воевать с этими тварями. Этот человек представитель другого народа. Их тоже поработали. Имя ему Польш.

– Я вас понимаю, уважаемый Черкашин Иван Георгиевич. Понимаю. Но мы тоже находимся у них в рабстве, – ответил Польш.

Черкашин стал успокаиваться. Он сел на землю.

– Сил нет больше, стоять, – сказал он. – Расскажите нам всё о вас и этих захватчиках. Нам надо знать с кем и как воевать.

– Всё расскажем, – ответил Михаил. – Вам надо покушать, культурно привести себя в порядок. Надо вас всех поднять на ноги. И у нас будет добрая армия против нечистой силы.

– Я буду с вами в вашем отряде, – сказал Польш.

И тут вдруг я подумал вот о чем. Как же я не спросил?

– Слушай, Польш, может тебе известно одно имя из вашего народа. Его зовут Турас.

– Ты знаешь его? – удивился он. – Это один из ученых.

– Он нашему отряду, который расформировали, здорово помог.

– Он далеко отсюда. Я слышал про три отряда из вашего времени. Значит, в одном был ты? Один из отрядов сбили космический корабль. Вот было шуму! Тогда один из руководителей штаба армии гелиозов был за это казнен. Ему отрубили голову. Надо сказать, что земляне уникальный народ. Живут в постоянных войнах, обладают огромной энергией внутри каждого, но управлять ею не могут. Мы все удивляемся этому. Если бы вы поняли, какой вам дан дар, вы бы не поддались этим гелиозам. Сама ваша планета тоже обладает невероятной энергией. И некоторые представители других планет, прилетают к вам, чтобы

зарядиться. Как же вы всё попусту растрчиваете? Это великое преступление.

– От нас, это не зависит, – пожал плечами Михаил. – Моё мнение такое, надо собрать в одно место всех глав правительств и духовенства, уважаемых людей от каждого народа. Организация объединенных наций изжила себя. Она ничего не решает без США. Потому что здание ООН находится в этой лидирующей стране. ООН поддалась на американскую пропаганду, и бомбили Югославию. Какая же это ООН. Весьма преступная организация. Так вот, её надо перевезти в нейтральную страну, например, в Швейцарию. И всем поставить единственный вопрос. Все мы живем на маленькой планете Земля. Надо всем разоружаться, и начинать мирно жить ради себя и будущего человечества. Всего культурный вопрос. И никаких более вопросов. Вот и вся повестка Планетарного Собора. А как назвать? Там придумают. Мы достукаемся, что нас захватят абсолютно без всякой культуры существа. Вот этот мир они почти захватили. И мы, посланники из нашего мира, где мы являемся лишними людьми, вызвали на бой подлых и наглых захватчиков. Мы хоть в этом мире приносим великую пользу, как этому миру, так и своему. И я доволен, что хоть что-то я делаю ради мира на нашей планете. Вот такая моя маленькая речь.

– А теперь разрешите и мне прочитать вам одну из своих лекций, – подал голосок Петр Петрович.

– Не надо, – простонал Федя. – Не надо. Потом, всё потом. Твои лекции пригодятся в другом месте. Не надо. Я ведь могу легонько так и тюкнуть.

Виктор продолжал стоять на коленях и читать молитву.

Приехало несколько подводов. Приехали и пришли мужчины и несколько женщин.

Здесь стал распоряжаться Григорий. Пришлось нам всем трудиться. Недалеко протекала небольшая речка. Рядом с ней стоял барак и баня. В ней, видимо, мылись роботы. Они тоже имели физические тела. Мыться и роботам надо. Мы натаскали дров, затопили баню. Люди приготовили всем бывшим рабам одежду. Всем дали немного какой-то каши, напоили отваром из трав. Потом всех перетащили в баню.

После бани всем выдали одежду, обувь. Всех нас накормили свежей ухой. Некоторые люди плакали от счастья. Они забыли вкус ухи, чая.

– Ничего, – сказал Григорий. – Женщины их вылечат. У нас есть разные мази из трав. Ничего. Всех поднимем на ноги. И будут крепкие солдаты. Знаете что, товарищи. Надо нам поймать председателя. Он может всё нам испортить. Там остались три крепких мужика. Скрутят его и сюда привезут.

Михаил подошел ко мне и тихо сказал:

– Юрий, я не знаю, как спросить у Григория про некоторых ребяташек.

– Понял, – ответил я. – Некоторые из них улыбаются, а в глазах злоба.

– Мы культурно спросим.

– Не надо, – ответил я.

– Почему? – удивился Михаил.

– А вот здесь будет не культурно. Лучше мы на эту тему поговорим с Полем.

– И то, правда. Действительно, получилось бы не культурно и не вежливо с нашей стороны.

Все отдохали. Женщины занимались ранеными. Иногда давали им пить отвар.

С Михаилом подошли к Полю.

– Я вижу вас, мучает какой-то вопрос. Задавайте его. Я не буду лезть в ваше сознание. И потом, очень многое от меня в вашем сознании заблокировано. Постарались ваши отправители. И это правильно. Какой вопрос? Догадываюсь. Дети. Сложный вопрос. И в тоже время для нас простой. Дело всё в том, что я уже говорил, эти тени, внедряют в детей свою энергию. Например, женщина уснула после тяжелого трудового дня, а этот тень отправляет энергию в зародившегося ребенка. Немного вы не поняли. В вашем понимании он изнасиловал её. Конечно, это неверное понятие. Ребенок зарожден отцом, мужем этой жены. А вот при помощи особых лучей они проникают в зародыш, и оставляют в нем микроскопический элемент. Вот и рождается ребенок с отклонениями. В вашей стране тоже таких детей становится всё больше и больше. И они с радостью встретят этих

теней. Микроскопические элементы они внедряют и во взрослых. Вы теперь уже знаете в кого они вошли. И все эти люди творят зло и улыбаются.

– Хотя бы вот с этими-то детьми хоть что-то можно сделать? А, возможно, потом и в нашем мире попробовать поработать с детьми. Как я понял, с взрослыми, особенно с теми, кто стоит у власти, ничего не сделаешь. В них эти элементы напрочь укоренились?– спросил я.

– Попробуем с местными детьми поработать. В вашем мире будет сложнее. Нас пока мало. И мы не справимся с такой сложной работой. А вот с этими детьми попробуем. Как видите, мы ведь тоже с гелями сражаемся.

– Мы понимаем, – ответил Михаил. – Надо всем сообща сражаться. С этими улыбочками культурно не поговоришь.

– С ними я могу базарить, – засмеялся Федя. – Да вон Петр Петрович своими лекциями замордует их.

В это время Петр Петрович копался в своем портфеле. При упоминании своего имени, он выпрямился и ответил:

– Что там про мои лекции? Если просите, то я могу, хоть сейчас новым товарищам прочитать свою одну из лучших лекций.

– Дернуло меня за язык не во время, – застонал Федя. А я прошептал ему:

– Успокойся, Федор, его лекция про сияющие вершины будет, кстати, нашим новым товарищам и бывшим рабам. Немного хоть вдохновит их.

– Слушай, Юрка, а ведь это, правда. Пусть читает и наслаждается. Одно я боюсь. Мне жалко мужиков. Ведь от его лекций кому-то из них станет и плохо. Он ведь там такого накрутит, что можно и с ума спятить. Они не поймут про вершины и фундамент.

– Пусть объяснит, – ответил я.

– А вдруг и они так же насобачатся болтать? Это же будет полный кошмар.

– Посмотрим. А если такое произойдет, то это к лучшему.

– Почему это? – насторожился Федя.

– Очень просто. Как начнут они так же болтать с этими непонятными словечками надерганных из политических журналов

из времен раннего и позднего застоя, вот тогда и посмотрим, что произойдет с улыбочками. Понял?

– Ты голова. Хотя ты и неграмотный, а башка у тебя что надо, – успокоился Федя. А потом сказал: – Но ведь их много. И если каждый из них при нас начнут так же, как Петр Петрович болтать, мы, ведь можем и того, свихнуться.

– На ходу что-нибудь придумаем, – успокоил его.

Пока мы так шептались, Петр Петрович «работал». Он ухватил Черкашина за пуговицу, а в другой руке у него была тощая папка с лекцией. Он спокойно что-то говорил Ивану Георгиевичу. Лицо Петра Петровича сияло, как его начищенные туфли. Он их постоянно чистил. Мужик он был аккуратный. Тут ничего не скажешь. Черкашин внимательно слушал. Но можно было понять, что он чего-то не понимал. А вот портфель надежно стоял у ног лектора. У меня было такое ощущение, будто портфель был живой. Хотя он был от времени изрядно потрепанный, он почему-то поблескивал, и словно прислушивался к своему хозяину. Я давно заметил, что все вещи любого хозяина живые, как живое любое зеркало, которые в любой момент могут отобразить вашу сущность. Я же вот иногда разговариваю с сосной, с иконами, которые у меня есть. Разговариваю с тайгой, с дождем, со всеми своими вещами. Веду беседу со своим ноутбуком. Так и портфель Петра Петровича сейчас ну просто сиял от счастья, что он и в этом мире пригодился.

Я даже заметил легкую улыбку Поля. Эта улыбка была доброй и понимающей. Он тихо сказал:

– Петр Петрович включился в нужную работу. Не мешайте ему. Это его работа. А вот насчет местных детей мы начнем исправлять немедленно. Попросим женщин привести тех детей, ну, которых они знают, что они не такие дети. Надо родителей уговорить. Такие дети весьма чувствительные. Надо сделать всё осторожно.

– Мол, надо проверить их насчет глистов. Они ведь купаются в речке, вот и могли нахватать этой заразы, – предложил я.

– С этих глистов и начнем лечить, – ответил Польш.

И все-таки я решил спросить у Поля насчет Тураса.

– Поль, я забыл у тебя спросить, где сейчас Турас, и может ли он появиться здесь? Вы ведь какими-то сигналами общаетесь.

Поль не сразу ответил.

– Если нельзя, то и не надо отвечать, – сказал я.

– Отвечу. Турас находится далеко отсюда. Но, он может появиться здесь в любое время.

– Ты уже знаешь, как наша команда воевала и сбила корабль, так-то место далеко отсюда?

– Далеко. Около того места есть другая команда. Они из Франции.

– Из других стран тоже бывают? – спросил Михаил.

– Не будьте эгоистами. Не вы одни бывают в других мирах. Из многих стран есть хорошие команды. В основном, такие же орлы, как и ваш отряд.

– А попадают в другой мир люди высшей прослойки общества? – опять спросил Михаил. Всё это время Юра недоверчиво улыбался, качал головой и хмыкал.

– Очень редко. В основном, посылают таких людей, как вы. Хотя они и грубоватые, как Степа, Федор, но в трудных моментах они бросаются в бой без оглядки.

Федя даже грудь выпятил, и погладил по рыжей голове.

– Вот такие мы, – ответил Федя. – Мы тоже можем быть антеллигентами и культурными. Я помню, даже один раз галстук напялил на шею, и меня некоторые мои собутыльники по двору не узнали. Ведь тряпка, а насколько человека меняет. Живой он чо ли? Я тада удивился. Или от удивления или ишо от чево, не пойму, захмурел я тада. Сбросил ево, и перестал хмуриться. Вот это тряпка сыграла со мной тада. Сам диву дался! Ай да, тряпка! Я завсегда чему-нибудь удивляюсь. От арифметики могу удивиться вплоть до поноса. От галстука тада удивился, чо я это вдруг захмурел? Признаюсь. Я даже лекций боюсь. У нас как-то на работе был лектор. Он такую речугу закатил, что я даже удивился, как он красиво и непонятно болтал. Тада, правда, у меня чо-та с головой случилось. В глазах появилась рябь, в голове раздался звон, чуть не колокольный, во рту пересохло. Я тада, када вышел из мастерской, меня здорово качало, как с хорошего перепоя. Вот поэтому я и кричу на Петра Петровича. Боюсь его

лекций. У меня тада долго в голове звонкая муть была. Друзья выручили. От этого удивления три дня пил без перерыва. Прошло.

– Ну, хватит уже! Ну, чего вы? Ну, вот опять! – подал голос Юра. – О чем это вы с интеллигентными и культурными товарищами говорить будете? Вот главный вопрос.

– А Михаил у нас тоже антеллигент, – возразил Федя. – Он с нами. Нормально говорит. Правда, в другой раз так завернет, чо можно и не понять. Ну, ничего. Нормальный мужик. А Петр Петрович...Он тоже ничего. Вот тока ево лекции смущают меня. Боюсь их. А так, нормальный мужик, хотя он тоже антеллигент, культурный. Вон на шее у него галстук. Я антеллигента и культурного человека сужу по галстуку. Носит галстук, значит, антеллигент. А вот не могу различить человека вот в чем. Загвоздка для меня. Чем они отличаются эти антеллигенты от культурных людей? Кто мне ответит.

– Я отвечу, – быстро ответил Юра. – Один чёрт. Что в лоб, что по лбу. Один хрен.

– В чем-то, Юрий прав, – ответил Михаил. – Интеллигент и культурный человек, это одно и то же лицо. Правда, некоторые товарищи, а потом и господа считают себя таковыми людьми, а на самом деле они даже рядом не должны быть с этими культурными понятиями. В общем, примазались к культуре. Это уже другой вопрос. И не будем сегодня заострять этот сложный вопрос. Я навидался таких людей. Из-за этих культурных товарищей я и попал в тунейдцы, и в бродяги. Не будем об этом говорить.

К нашему месту подошла ещё одна подвода. С неё сошли три мужика. На телеге лежал связанный крепкий мужчина.

– Вот, однако, тово, мужики привезли председателя, – общил Григорий. – Судить таперяча будем этова предателя. Он много душ погубил.

Мужики стащили председателя, и бросили на землю.

– Народ ево будет судить. А вы нам не мешайте.

Прибежали женщины, и стали его таскать за волосы. Здесь вмешался Виктор. Он закричал:

– Остановитесь, товарищи женщины! Извините, но это явный самосуд. Его надо судить по закону!

– Нет здесь законов! – крикнула одна из женщин. – В нашей деревне был один закон, вот этот председатель и мерзкие твари! Вот и весь закон! Мы его сами приговорили к смерти!

– Отжил мерзавец, – отозвалась ещё одна женщина. Они встали и пошли к раненым. Вместо председателя я увидел кровавое месиво. Нет, не было мне жалко этого человека. Русская женщина, если её довели до крайности, страшна в ярости. И я их сейчас оправдывал. Теперь уж они пойдут на всё, чтобы сразиться с клонами. Пусть сами организовываются. Это их дело. У нас своя, мужская команда.

Одна из женщин подошла к Полю.

– Ты, я вижу, нормальный человек, хотя и не наш. Что-то случилось с нашими детишками. Это всё тени натворили. Мы ведь всё понимаем. Злые детишки, беспощадные, родителей не слушают. Никакую ласку не принимают. И всё время улыбаются. Напакают что, и улыбаются. Постоянно от злобы улыбаются. Нам жалко своих детишек. Это ведь наши детки. А кажется, будто не наши. Когда приезжают за данью тени, такие ребятишки встречают их. А тени им гостинцев привозят. Помогите нам. Пожалуйста.

Поль положил руку на голову женщины.

– Успокойтесь, Аграфена, успокойтесь. Мы с корнем вырвем эту заразу. С детьми мы можем это сделать, а вот с взрослыми, особенно вот в их мире, – и кивнул в нашу сторону, – будет сложнее. Там взрослые заражены гелиозной болезнью. Да и многие молодые люди, особенно девушки и молодые женщины, да и дети тоже подхватили гелиозную эпидемию. И эта эпидемия всё больше распространяется по планете Земля. И вот эти солдаты вселенной, а иначе их нельзя назвать, приняли на себя почетную должность – сразиться с нечистью, и постепенно будут уничтожать бактерии гелиоза. Вот так мы назвали эти страшные бактерии. Гелиоза. Обидно то, что эти люди не в чести в родном мире. Просто они там лишние люди. А здесь, и в других параллельных мирах, они отчаянно сражаются с темной силой. В общем, я сей-

час отбуду в вашу деревню. Позову своих помощников, и мы попробуем вылечить детей от страшной болезни гелиоза.

Он словно вдавился в воздух, и тут же исчез.

Женщины продолжали лечить раненых. А мужики своего председателя сбросили в шурф.

Черкашин Иван Георгиевич, отделился от Петра Петровича. Его шатало.

– Уверен, что наш лектор прополоскал мозги бедному кавалеристу, – тихо сообщил Михаил. Петр Петрович растерянно развел руками, и с портфелем подошел к нам.

– Товарищ Черкашин и ещё два казака внимательно слушали мою лекцию, – сообщил Петр Петрович. – Оба казака слабенькие ещё. Они через какое-то время повалились на траву. Слушали меня. Я видел их глаза. Они лежали и во все глаза смотрели на меня, как я им читал. А вот Черкашин сначала задавал вопросы. Он многое не понимал. Потом замолчал. Конечно, я его понимаю. От болезни он начал стонать и хватать меня за рукав, и бредил, что меня надо саблей рубить. Вот когда они станут здоровые, я им обязательно лекции буду читать.

– Слушай ты, лектор вонючий, как тебе не стыдно? – проворчал Федя. – Когда они жили! Неужели не понял? Они воины. Твои лекции наш-то народ не мог понять, а эти-то от чего могут понять? Черкашин зарубить тебя хотел из-за сияющих вершин, граните, и как правильно пробудировать и утрясти твои мозги. Вот и весь твой кворум! Ты свои лекции готовь для улыбочков. Вон женщины отваживаются с казаками. Надо же, до обморока казаков довел.

Тут подошла та боевая женщина, которая просила Поля помочь им с детьми. Она поклонилась нам и спокойно сказала:

– Вы уж извините, товарищи. Не надо бы сейчас больным много говорить о непонятной речи. Мы мужиков едва привели в чувство. Вы, товарищ, – обратилась женщина к Петру Петровичу, – говорили бы лучше на понятном русском языке. Я краем уха кое-что слышала, Убей, ничего не поняла. Там такие непонятные и заковыристые слова, что я диву далась, откуда так умно написано. Но для нас непонятно. Мы люди темные, неграмотные. Нам вас не понять. Вы, наверно, шибко хорошо учились

в школах, и, наверно, переучились. Вот вас и карежит на разные там непонятки. Перед нами-то хоть не кочевряжьтесь. Умничать не надо бы. Нехорошо. Мы и так знаем, чо вы умный, так зачем перед людьми-то выколупываться. А ишо галстук навесил, портфель заимел, и нос кверху? Я давно, ишо када в деревне жила, то ездила в городу. Навидалась я там умных людей. Все они в галстуках. Все такие выколупистые. Не надо так. Нехорошо. Вы, товарищи, успокойте товарища лектора. Он не в городу. А здеся деревня, и некава выпендриваться. Нехорошо. Пошла я. Людей надо спасать.

Петр Петрович совсем сник. Сел на траву.

– Петр Петрович, – обратился я к нему. – Ну, хватит вам с этими лекциями выступать. Ждите своего часа. Улыбчикам прочтете ваши лекции.

– Никто меня не понимает, – совершенно запечалился наш лектор.

– Чо тебе печалиться, лектор? – засмеялся Федя. – Ты вон троих мужиков в нокаут отправил. Гордись.

– Тебе, Федя, смешно, а для меня горе. Никто меня и мои лекции не понимает.

– Петр Петрович, как только появится свободное время, я хочу послушать одну из твоих самых очаровательных и умных лекций, – пообещал я ему. Он быстро поднял голову и спросил:

– А ты не шутишь, как шутит Федя?

– Даю слово. Хочу послушать. Но только потом.

Он даже немного повеселел. Надо ведь как-то поддержать мужика. Не знаю почему, мне всегда бывает жалко человека, который вдруг начал тосковать. В этом деле, главное моё оружие, хоть чем-то развеселить человека. У меня нет привычки, кого-то успокаивать, и сюсюкать перед ним. Надо что-нибудь рассказать смешное из моей собственной жизни. Вот и сейчас я успокоил его тем, что согласился выслушать одну из его лекций. Вот и повеселел мужик.

Женщины приготовили всем нам ужин. И тут проявился Поль. Женщины замерли, да и мужики насторожились. Все смотрели на Поля с надеждой. Поль улыбнулся по-доброму. Ничем не отличить от нашего человека. Он сказал:

– С моими помощниками мы вытравили из детишек заразу и её тут же уничтожили. Теперь вы не узнаете своих детей. И ещё, через несколько дней сюда придет большой отряд теней. Они ещё не знают о вашем освобождении. А как вы? – и он взглянул на нас.

– Как ты думаешь, Польша, а зачем мы здесь появились? – спросил Михаил. – Мы их культурно встретим.

– Я им лекцию читаю, – ответил Петр Петрович и с радостью потер руки.

– Мы им устроим здесь ледовое побоище! – засмеялся Федя.

К нам подошел Виктор. Он неистово перекрестился.

– У меня, извините, подготовлена духовная речь.

– Ну, чего вы? Ну, хватит уже! Ну, что такое? Ну, вот опять за свое. Этим роботам нужна твоя речь, как Петру Петровичу пустой портфель без лекций. Не смешите. Огорошить их надо. Я им такое скажу, что они без ваших речей в прах уйдут.

– Позвольте, Юрий, вам не того, этого, того, возразить. Почему тут мой портфель? Он у меня всегда со мной с лекциями. Вы, Юрий, как-то не так выразились насчет моего любимого портфеля. Он у меня этого, того, с молодости Я его ещё во времена Хрущева купил в Москве, когда был студентом. И он у меня никогда не был пустой. И не надо бы этого, того, с издевкой относиться к моему портфелю. Нехорошо, знаете, этого, вот.

– Не обижайтесь, Петр Петрович, – положил я руку на его худенькое плечо. – Он просто пошутил. Лично я никогда не носил портфелей. Но всегда завидовал вам. У меня нет такого красивого портфеля. Он всегда с вами.

– Да, да, он всегда со мной. Я даже не знаю как, однажды я забыл про него, и сам не пойму, как я оставил его в кабинете. А контору-то закрыли. Я тогда работал секретарем партийной организации в цехе по производству горшков и унитазов. Сторож Кузька в тот день напился и уснул. Я не достучался до него. Я тогда всю ночь не спал. А вдруг кто, этого, того, мой любимый портфель с лекциями украдет? Я даже под утро заболел. Сердечный приступ приключился. Увезли на скорой помощи в больницу. Бухгалтерша, дай Бог ей здоровья, принесла мой портфель в больницу. Мои лекции были все в порядке. Никто их не украл. С тех пор я портфель не выпускаю из рук. Правда, я тогда, когда

вышел из больницы, этого, того, решил поговорить о поведении Кузьки. А он не понял меня, и бросился душить. Темный человек. Что с него взять.

– Ты бы ему лекцию почитал, – сказал Федя и подмигнул мне. Петр Петрович, наивный и не понимающий шуток, ответил:

– Пытался я ему наизусть лекцию передать о чуткости, а он, этого, того, не понял, что я хотел по-доброму по душам поговорить. Не понял он меня. Темный человек. Я ему хотел свет внести в его бедную голову. Не понял.

– А я этим улыбочкам тоже речь выдам, – ответил я.

В общем, мы были готовы к сражению с тенями. Тут к нам подошел Иван Черкашин с двумя казаками.

– Нам бы коней и сабли, – предложил Иван. – За эти дни мы поднимемся на ноги. У нас будет настоящий эскадрон.

– Иван Георгиевич, – сказал Михаил. – Этих улыбочков, как я понял, надо другим оружием брать. Кавалерийские наскоки ушли в историю. В нашем мире, и я как посмотрю и здесь, кони потребны в другом деле.

– Жаль, – ответил Иван. – Мы бы им показали, как мы, бывало, ходили в атаки на своих конях. Шашки наголо, и рубить этих улыбочков до полной победы!

Поль ответил:

– Все вы готовы. Это хорошо. Я пока ухожу. Дела. Через несколько дней я приду.

Сказал он, и тут же исчез.

Черкашин сказал:

– Чудеса. А ведь мы не верили в такое чудо. А здесь чудо, сказка рядом. Появись я в нашем мире, да землякам бы рассказал, никто бы не поверил. Чудо.

– И в новом веке нам не верят. Засмеют, – ответил я. – То, что я рассказываю в своих книгах, все считают фантастикой. А если бы начал доказывать, то меня бы отправили в психбольницу, как Сашу Хилопатову. Я потом вам расскажу о нем. У костра посидим, и я поведаю вам о хорошем, чудаковатом человеке Хилопатове.

Мы решили покинуть это место, и перебрались в деревню. Вот теперь нас встречали все деревенские люди. Даже с полей пришли, чтобы посмотреть на нас. Мы видели детей. Как все

дети, они гоняли тряпичный футбол, кто-то из них купался в реке, двое рыбачили. А тут тоже все прибежали. Нормальные дети. Как бы мне хотелось, чтобы наших некоторых детей излечили бы от страшной болезни гелиоза. Я думаю, что детей, наверное, ещё можно вылечить, а вот с взрослыми, наверное, будет сложнее бороться. В них, конечно, бактерия гелиоза внедрилась навсегда и надежно. А потом, она их устраивает. Ведь если гелиозу убрать, то в этих людях проснется совесть, бескорыстие, сострадание к ближнему человеку. Исчезнет агрессивность, мечта о вооружении страны от несуществующего врага. Исчезнет тяга к воровству и обману. Исчезнет тяга к дворцам, в которых бывает до десяти туалетов, в сорок комнат, в которых можно и заблудиться. Покраснеют от стыда миллиардеры, что так бессовестно обокрали собственное государство и обнищали народ. Наши президенты и министры не станут много и бессовестно обещать, и к тому же не станут обогащаться. Совесть. Вот главное, что появится после удаления страшной бактерии гелиозы. Мир, конечно, изменится. Это моя мечта. Она не сбудется. Почему? Очень просто. У всех этих двуногих существ без совести и чести, если удалить гелиозу изменятся и станут честными? Не станут воровать и обещать? То на нашей планете поднимется не только вой, но и начнется война с теми, кто пожелал удалить из них такую сладостную бактерию, как гелиоза.

Мы ждали улыбочиков. Бывшие рабы повеселели, отдыхали, рыбачили, помогали людям по хозяйству, вечерами у костра на берегу реки слушали наши рассказы о новой родине, которую они не знали.

Нас поселили в крайнем доме, в котором жил председатель. Семьи у него не было. Конечно, крестьянские дома отличались от этого дома. Мы прошлись по домам. Ничего лишнего. Деревянные нары, стол и лавки. И больше ничего не было. У председателя дом был в два раза больше. В нем преобладали ковры и дорожки. Откуда только он всего натаскал? Красивая фарфоровая посуда, кружки и ложки серебряные да золотые. Зеркала, отделанные резным деревом под цвет ореха. Жил председатель, как в сказке. Большой сарай также набит разным добром. Нескольких шкафов были забиты разной одеждой. Куда он столько

нахватал и откуда? На это никто не ответил. Возможно, за его угодничество всё это доставляли из нашего мира улыбки. Мы объяснили народу, что всё это может пропасть. Люди все вещи разобрали по домам. Всем всего хватило. В доме председателя мы оставили стол, откуда-то люди притащили лавки. Остальное мы отдали людям.

Наступила очередная ночь. Кстати, всех бывших рабов устроили у себя крестьяне. В доме осталась наша команда. Вечером женщины принесли в котле борщ. И мы отменно поужинали. Кстати, Федя не заигрывал с женщинами.

– Федя, что это с тобой? – спросил я. – Такие красавицы, а ты хоть бы хны.

– Понимаешь, Юрка, я ведь тоже человек. Они столько натерпелись. У них у всех мужья. И одинокие и вдовушки есть, но у них теперь будут мужья. Их ведь специально разбросали по тем домам, где есть такие женщины. Натерпелись, бедные женщины. Всё-таки, у меня совесть проснулась. Впервые в жизни совесть проснулась по отношению к женщине. От этого даже сам удивился. И даже немного зауважал себя.

Мы на пол разложили матрацы, подушки, и легли отдыхать. Нас в наряд на дежурство не поставили. Над мужиками нашелся командир. Это был Иван Черкашин. Вот он и назначил дежурство. Плохо то, что в деревне не было собак. Этих домашних животных не любили и боялись улыбки.

Меня потянуло на сон. И я крепко уснул.

Дела домашние

Стоял у сосны. Интересно, сколько же прошло времени, как я оказался в кругу новых товарищей? Всё также над тайгой плыли густые тучи, переполненные дождем и снегом. Тайга готовилась к встрече с зимой.

Я положил руки на ствол сосны. Она была теплой, и от неё шла успокаивающая энергия. Потом я попятился, чтобы оглядеть её всю. Мелкий снег покрыл её макушку. А по нижним веткам скатывались серебристые водяные катышки.

Конечно, как и должно быть, я не услышал голос сосны. Я его почувствовал внутри себя. Передать этот голос невозможно, но я попробую.

Что-то похожее на далекие звуки нежной мелодии на непонятном для меня инструменте. Это было бы смешно, если бы я сказал, что это голос парня или девушки, или какого-то мне известного музыкального инструмента. В тайге, если хорошо прислушаться, я каждый раз слышал подобную мелодию. Но она тоже бывает разной. То веселой, то тоскливой, то раздражительной. Все эти звуки я описал в моей лирической повести «Илимская симфония».

Сосна спросила:

– Побывал с друзьями в соседнем мире?

– Был. Но, пока они мне не друзья. Просто товарищи, – ответил я очень тихо. Я боялся отвечать громко. Когда я начинаю слушать тайгу, то больше ничего не слышу, как тот глухарь, что исполняет песню любви. А вдруг, кто-то кроме меня шарится без дела по тайге. Хотя в такую погоду, конечно, есть подобные мне бездельники. Над такими, как я все нормальные люди смеются и даже хохочут. Я стоял напротив сосны. Слушал её и тихо отвечал.

– Недавно вышел из меня Федор Копылов. Он где-то здесь ходит и не может надышаться родным воздухом. Как говорится, везде хорошо, а дома лучше.

– Откуда тебе знать, наши поговорки? Ты ведь сосна. Дерево.

– Да я дерево. Такие, как я даем вам жизнь, а ты обижаешь меня. Тебе ведь хорошо рядом со мной? Хорошо. И мне хорошо, когда руки твои ложатся на мой ствол.

– Извини, сосна, – поклонился я ей. – Вырвалось. Извини ещё раз. Как же ты разговариваешь со мной, если ты дерево. Оно не может говорить. А вот иногда слышу тайгу. Разговариваю с ней. Как это понять? У вас же нет души.

– Кто тебе сказал, что в нас нет души? Она есть не только в человеке, она есть в любом живом существе. Она есть и в растениях, в дереве. Везде она есть. Конечно, она не такая, как у человека. Но, она есть.

– Извини, сосна, но я задам тебе осторожный вопрос, а, то ведь опять обидишься. Но, коль я пишу, то я должен знать всё о тебе. Откуда ты всё знаешь? И почему выбрали именно тебя для отправления меня в другой мир? Не пойму. А когда я что-то не пойму, мне хочется хоть каплю знать.

И то, что ответила сосна, я от удивления чуть не крикнул. Какие слова я хотел громко издать? Сейчас узнаете. Такого я не ожидал. Сосна ответила.

– То, что меня выбрали, этого я не знаю. Ты выбрал меня с молодости. И всегда, когда приходишь в тайгу, то подходишь ко мне. И я всегда помню тебя. Говорила с тобой, но ты никогда меня не слышал. И вот недавно ты услышал меня. Ты лучше стал слушать тайгу, а она живая. Много лет я здесь стою. Этой сосне уже восемьдесят лет. Почти сначала я в ней живу. Моя душа сроднилась с ней. Послушай меня, и не перебивай. Я родилась девочкой в начале двадцатого века в богатой семье купца из Нижнего Новгорода. Дали мне имя Екатерина. Катькой все звали меня. Полюбила я сына лесника. Следил за деревьями, ухаживал, готовил дрова для хозяйства моего отца. Мой отец узнал, что тайно встречаюсь с парнем Ванюшей, ремнем отстегал меня и посадил под замок. И решил мой папаня выдать меня замуж за сына местного купчишки. Никто не знает, сколько я слез выплакала. И решила я на отчаянный шаг. Сбежала я из дома. Встретились мы с Ванюшей на берегу Волги. Везде прятались. Но не дали нам люди жизни счастливой. Отец лишил меня наследства, а мать прокляла меня. Выдали нас люди. Ванюшу забили до смерти. А меня бросили в подвал холодный. И решил отец отдать меня замуж за кривого пьяницу-сапожника. И решила я, не быть мне женой нелюбимого, побежала в лес, выбрала добрую сосну и повесилась. Вот и вся моя печальная история.

– А как же ты здесь-то оказалась?

– Неведомо мне, где я была все годы, пока мою всеми покинутую, матерью проклятую душу определили в росток сосны. Вот и выросла она, и я с ней была постоянно. Неведомо мне, сколько я ещё буду в этой сосне. Может, Боженька простит меня за то, что я руки на себя наложила. Но не могла я жить с нелюбимым. Погубили моего любимого, погубили и мою жизнь. Если когда-

нибудь возьмут мою грешную душу, мне бы хотелось, чтобы определили её в девочку. Сейчас они по любви замуж выходят.

И решил я сосну назвать по имени.

– Слушай, Катюша, а здесь вот, вокруг тебя есть живые деревья? Не ты же одна так вот живешь. Скучно ведь одной бывает.

– Всяко приходится. Но вокруг деревья другие. У них своя жизнь. Жизнь дерева, растения, цветка. Это совсем другое. В них нет человеческой души. Мы не общаемся. Они не умеют говорить и мечтать. Друг друга они, как я знаю, они понимают. Меня они не слышат и не понимают. У них нет мыслей. Это не объяснимо. Но всё живое. Это другой мир, мир леса, тайги, цветка. Вот ты и слышишь эти звуки. Видимо, так я решила, посланцы из другого мира обнаружили меня, и решили через меня сделать окно перехода в другой мир. Из всего этого я многое узнала. Я даже довольна, что хоть кто-то обратил на меня внимания. Ты первый заметил меня. Возможно, твоя душа почувствовала мою человеческую душу. И теперь я кому-то стала нужна. Извини, не могу ответить на твой новый вопрос, который ты мог бы задать. Кто внедрил мою грешную душу в эту сосну? Не знаю. Я долго не могла понять, где я нахожусь. Потом поняла, и долго горько плакала. Привыкла. Хоть мысли мои у меня не отняли. Возможно, это и есть мне наказание, что меня наглухо закрыли в дереве. Наказания бывают разные. Я постоянно читаю молитвы, чтобы меня Господь простил. А может, меня готовят, чтобы взять мою душу и ввести в новорожденную девочку? Ведь такое может быть, Юрий? Как ты думаешь?

– Ты точно, Катюша, подметила. Вот посмотришь, ты родишься...

И тут меня прервали. За моей спиной раздался громкий и грубый голос:

– Совсем чокнулся? С какой это ты Катюшей здесь лясы точишь? Вот, Стрелов дает! Совсем уже рехнулся со своей писаниной. Гумагу только мараешь! Все умные и серьезные люди над тобой смеются. Совсем ополоумел! Ну, ты даешь! Как я посмотрю, все здесь, кто гумагу портит на разные стихи, и какие-то выдумки, как ты, недоумки вы и дураки. Нельзя так жить. Нехорошо. Брось баловаться. Возьмись за ум. Вон Петька Рыжов

тоже был дурак дураком, а бросил эту писанину, и заимел хозяйство. И сразу поумнел. Телка я ему продал. Он нечета тебе, умным мужиком оказался.

Это был Сергей Петухов. Когда-то работал со мной в одной бригаде сантехником.

– Я хоть и не читаю книг, а не дурнее тебя, – продолжал философствовать Сергей. – У меня от ваших книг мутит. Порасплодились эти писаки, заморочили голову умным людям, а толку никакого. Канальи переученные! Чем чиркать на гумаге разную дребедень, лучше бы хозяйством занялись. Эти бы все книги я бы собрал в одну огромную кучу и сжег бы. Хоть польза, была бы от них какая. Зола пошла бы на грядки, или под картошку. Брось писать. Нехорошо. Брось.

Он похлопал меня по плечу.

– Жалко мне тебя дурака. Так вот всю жись до стольких лет дожил, а ума не нажил. Один вот чичас маешься. Вот тебя от одиночества и тянет на дурось. Брось дурака валять. Нехорошо. Брось.

Я склонил голову, тяжело вздохнул, пожал плечами, и тихо и печально ответил:

– В общем-то, я не дурак.

– Не спорь со мной. Полный дурак. И все так говорят. Вы, писаки все сплошные дураки.

– Да не дурак я, не дурак.

Он снял с моего плеча руку, весь напрягся, большие глаза ещё больше расширились, и в них появилось столько злобы, что я даже испугался за него. За себя я не испугался. Закалился. А вот с ним может произойти удар. Я решил его успокоить, и с печалью и дрожью в голосе и со слезами на глазах, сообщил для него радостную весть.

– Да не дурак я, а полный придурок. Это точнее для меня.

А так, как я стоял под сосной, мне послышался тоненький смешок, даже хихиканье. Конечно, это смеялась сосна, Катюша. Пусть хоть она порадует за меня. Легкий ветерок тихо прошестел среди веток, сбрасывая снежинки и серебристые капли на нас. Петухов неожиданно просветлел и улынулся.

– Это хорошо. Признался. Давай бросай всё. И возьми за голову.

По его приказу я взялся за голову. В это время мой наставник замолчал, словно к чему-то прислушиваясь. Отошел от сосны, чтобы не капала на него вода. Он оглядел сосну, передернул мощными плечами, и что-то пробурчал.

– Пойду я. А то с тобой у меня чо та голова закружилась. С вами даже постоять-то нельзя. Пойду я. А ты брось чиркать. Не хорошо. Брось.

Он ещё раз посмотрел на меня, на сосну и пошел своей дорогой. Я тоже хотел было идти, но вдруг в себе услышал голос Катюши:

– Здорово я его, а? Я ему стала песенку напевать, а он услышал её, но не понял. Ты вот понял, что я не пою, а так разговариваю. Для него это впервые. Может, и задумается. Хотелось бы, чтобы задумался. Мы скоро с тобой опять встретимся. Здесь отлажен вход в иной мир. Федор Копылов тоже будет проходить через мой ствол.

– Я пойду, Катюша, – сказал я. Как мне показалось, что ветки ещё сильнее закачались. Катюша прошептала:

– Впервые, после того, как меня называл мой любимый, меня никто так не называл. Я даже отвыкла от этого имени. Спасибо тебе. Спасибо. Иди.

И я пошел. Оглянулся. Как мне показалось, сосна даже ярче зазеленела. Ветки приветливо качались. И на душе у меня было радостно и спокойно. Скажи кому, что я только что разговаривал с сосной, и называл её Катюшей, меня кое-кем назвали бы. Спятил, мол, этот Стрелов совершенно. И пора его кое-куда определять. Поэтому я, никогда и ни с кем, не разговариваю на такую вот тему. А если бы узнали, что вообще веду беседы с тайгой, то не знаю, чтобы со мной сделали. Поэтому я и выбрал форму своих записей для книг фантастический. Всё это, мол, фантастика и мистика. В таком случае ко мне и придраться невозможно. И то некоторых товарищей я раздражаю своими книгами.

Снег с дождем усилились, и я побежал. Хорошо дома. Сухо, тепло. Согрел чай, попил, и сел у окна. Сосна, в которой находится душа девушки, меня, растревожила. Для меня это но-

вость. Я знал, что вся природа на земле живая, но чтобы вот так со мной заговорить? Это новость! О живой природе я описал в моей лирической повести «Илимская симфония». А вдруг, всё это мне показалось? Но я чётко слышал голос сосны. И потом, ведь я путешествую в другие миры? Путешествую. Фантастика? Реальность. А почему не может со мной заговорить сосна? Почему именно я всё слышу в природе? Я бы сказал, что слух у меня не очень хороший. Тогда что это? И ещё. Почему именно нас, вот таких придурков, отправляют в другие миры? Я уже задавался этим вопросом. Писал на эту тему. Снова и снова спрашиваю себя – почему? Возможно, мы много рассуждаем? Пусть будет так. Тогда пусть отправляют в другие миры ученых-физиков. Послушаешь их по телевизору и диву даешься, как они лихо всё объясняют. И многое, что они говорят, мне давно такое в голову пришло. В моей первой команде были тоже свои философы и мечтатели Виктор с Махмудом. Потом появились Иван Иванов, Олег Битна-Шляхта, Кирьян Подгузников, Саша Хилопатов. И сейчас влились в команду Михаил Бутаков, Виктор Иванович. Да и Петр Петрович тоже своего рода философ. Здесь я перечислил людей грамотных, образованных. Некоторые даже в институтах студентов учили. А остальные из глубин народа пришли, в том числе и я. Люди грубоватые, не очень грамотные. Но, в нашем и другом мире всё понимающие. Всегда придут на помощь к другому человеку. Смелые, благородные, бескорыстные. Все они за богатством не гнались. А вот призвали их побывать в другом мире, где могут и погибнуть, и остаться там навсегда, согласились. У каждого из них свой характер, но общая беда их быстро объединяла. Высшее качество у этих людей – товарищество. И все они, как один ничего не требовали у отправителей. Возможно, эта человеческая черта и подкупила наших отправителей? В остальном я не знаю, как они отбирают людей из нашего времени. Мы все разные. Есть команды из других стран. Значит, они тоже такие же наемники. Иначе я не могу нас назвать. Ведь все мы идем на риск. Мы можем и не вернуться. Правда, каждый раз возвращаемся, но можем и не вернуться. У каждого из нас даже спрашивают согласие на эти невероятные путешествия. Но жизненные ситуации у каждого из нас заставляют нас идти на

риск. И потом мне нравятся эти путешествия. Они для меня настоящая отдушина. Насколько я знал своих бывших товарищей по путешествиям, для них они отдушины. Значит, и другие команды из других стран, такие же, как и мы, придурки, для общества лишние люди.

На другой день я решил прогуляться по городу. Навстречу мне шел тот мужчина, который повстречался у сосны. Он всегда проходил мимо меня. А тут вдруг неожиданно остановился. Странно, но он не знал, куда девать руки, глаза бегали. Как я понял, его что-то мучило.

– Слушай, Стрелов, как ты думаешь, скоро выпадет снег?

– Судя по тому, как прошли первые заморозки, и стал пробрасывать снег, где-то в середине октября снег окончательно ляжет. Урожай-то успел убрать?

– Урожай? – переспросил он. – Как тебе сказать? Значит в середине октября. Убрал урожай. Убрал. В октябре, значит.

– В октябре, – подтвердил я. – Я всегда становлюсь на лыжи в конце октября.

Он немного помолчал. Что же его так мучило? Я его давно знал. Он никогда со мной вот так не заговаривал. Хозяин он крепкий. Это хорошо. Вот таких настоящих хозяев я уважал. Что с ним случилось? Как всегда, меня это заинтересовало. Что будет дальше? Неужели и у этого мозги, как и у Петра Петровича Длиннохвостикова просветлеют? Но я бы не хотел, чтобы это случилось с этим настоящим хозяином Сергеем Петуховым.

Он передернул мощными плечами и опять заговорил:

– Я уж забыл, када стоял на лыжах. Ты ведь не охотник.

– Не охотник. Ради здоровья хожу.

– Ради здоровья, – повторил он. – Знаешь, Стрелов, чо я хотел тебя спросить-то. Это самое, тово, понимаешь, вот. Давеча мы были в лесу.

– Были, – ответил я. – Просто прогуливался. Люблю пору осеннюю.

– Понимаю, – неожиданно понятливо улыбнулся он. – Понимаю тебя. Потом чо нибудь начиркаешь. Бог с тобой чиркай, марай гумагу. Мне ничего. Марай. Вот тока люди не тово, вот. Это ладно. Я чо хотел спросить-то. Ты вот стоял у сосны, и чога

шептал. Потом я пошел вроде, вот. А потом, тово, этово, вот, навроде тумана я у сосны увидел. Это ишо ни чо. Смеялся кто-то навроде. Голос женский. Чо это было, Стрелов? Не пойму.

– Тебе показалось. Сало много съел, вот и организму стало плохо от переедания. Нельзя много сала есть.

Он неожиданно вроде притих. Подозрительно улыбнулся.

– Смеешься надо мной. Ну, ем я сало. Завидно? Давай гонись за мной. Нет. Ты не такой, вот. Этово, тово, ладно с этим салом. Ну, слышал же я!

– Слышал, – ответил я. – А с кем я беседу вел?

– С сосной чо ли? Бреешь. Опять смеешься надо мной. То тебе сало, хотя чо я. Ведь я сам слышал. С сосной говорил? Ну и дела! Скажи кому, засмеют. Стрелов с ума спятил.

– А ты?

– А чо я? Я ни чо. Подумашь, этово, тово, вот, чо та там показалось.

– Вот и попался, голубчик, – ответил я. – попался. Оказывается, не одному Стрелову казалось, но и Сергею Петухову. Вот будет умора. В этом деле нас с тобой сравниют.

Петухов сразу весь как-то скукожился, сник, помрачнел. Одежда на нем, как мне показалась, даже уменьшилась. Он затряс руками и прошептал:

– Только тише, только тише. Не выставляй меня на это самое на позор, вот, тово, этово. Тише.

– А я на позоре всю жизнь и ничего, – ответил я. – Закалился и задубел. Теперь вот с тобой познакомился ближе. В общем-то, ты мужик хороший. Ты много не знаешь. Короче. Я бы с тобой пошел в разведку. Это точно.

Петухов неожиданно засмеялся. Выпрямился, глаза успокоились.

– А чо это в разведку-то. Чичас же не война. Всё шутишь? Я шуток не люблю, и других не понимаю, када они шутят.

– Ты же вот засмеялся, значит, понял меня. Только я на этот раз не шутил. Серьезно говорю. Взял бы в разведку.

– Всё так. Но, этово, как ево, чо там, в лесу было-то? Ты человек в этом толк понимаешь. Вон как лихо врешь, када гумагу марашь.

– Первое тебе скажу вот что. Всё это такое останется между нами. Я слово всегда держу. Только и ты никому не болтай, что было в лесу. Опасно.

– Да я понимаю. А вдруг всё там было, правда? Тада чо это?

– Наконец-то стал соображать. Всё это было наяву. Ты поверь этому. Поверь. Мне поверь.

– Но, я ведь этово, тово, слышал, вот. Кажись, я верю. А чо дальше-то будет?

– Ничего. Живи. Хозяйство разводи. Если честно, мне бы хотелось, чтобы тебя определили в мою команду.

Он подозрительно посмотрел на меня, недоверчиво улыбнулся, и погрозил мне крючковатым пальцем.

– Опять шутикуешь? Всё веселишься?

– Я серьезно тебе говорю. Ты вот что, Сергей, сходи в районную библиотеку и попроси мои две книги «Зона» и «На острове снов». Хотя ты и не любишь читать, но мои книги прочитай. И то, что ты там встретишь фантастическое, познакомишься в этих книгах с моими товарищами, и ты всё поймешь, что я не вру. И мог бы ты попасть в такую команду. Потом мы с тобой поговорим. А теперь нам надо расходиться. Советую прочитать.

Продолжая подозрительно улыбаться, он ещё раз погрозил мне пальцем, и пошел к автобусной остановке, чтобы уехать в индивидуальный поселок. А я отправился домой. Подумал вот о чем. Пойдет ли он в библиотеку, не знаю. Но то, что-то в нем сдвинулось, это факт. А помогла мне сосна. В общем, Катюша. Фантастика? Пусть это останется моей тайной. А теперь и у Сергея Петухова есть тайна. Просто я написал всё, как было. И дело читателя верить этому или не верить. Это его дело. Читатели тоже разные бывают.

Вчера мне встретилась одна довольно молодая женщина. Она много читает. Прочитала и мои книги, которые я назвал фантастическими. Женщина приблизилась и понятно и хитро улыбнулась.

– Я тебя хорошо поняла. То, что происходило в нашем мире, всё это ясно. Но ведь твоя фантастика, ведь это тоже реальность. Я же вот поверила. Почему люди тебя не поймут? Хотя, что я говорю. Фантастика. Ты знаешь, Юрий Иннокентьевич, я ведь

тоже сны вижу. Все видят. Но у меня они особые. Длинные сны. Чистая реальность. Где только я не бываю! И так всё снится реальность, что я, когда просыпаюсь, то не могу понять, где я сейчас. Вот бы тоже записать эти сны. Порой мне казалось, что я где-то и, правда, бываю. С молодости сны такие вот вижу, как кино. А вот прочитала твои книги, и поверила тебе. Ты правильно сделал. Назвал их мистикой и фантастикой. Молодец. И никто не прикопается. Как я поняла, что у тебя ещё есть такие вот рукописи?

– Есть Ольга Борисовна, есть. А толку? Пока нет денег на их печатанье. Много написал. Сейчас вот над новой книгой работаю. Новые герои появились. Конечно, мне бы хотелось, чтобы все мои книги напечатать. В них есть предупреждение человечеству о надвигающейся пока ещё неведомой темной силе.

Мы расстались. Оказывается, есть люди, которые начинают верить в то, что я написал. Не знаю, чтобы сейчас сказала Октябрина Правдина? Она ведь всем моим знакомым говорила, что я всё вру. Теперь, когда ей вернули память, что она скажет мне и моим знакомым? Но, она уехала. Где теперь она бывает в других мирах?

Пришел домой. Надо отдохнуть. Вот тебе сюрприз! Из уличной стены в мою квартиру проник Турас. Давно его не было. Я уже писал о нем. Он тоже фантом. Но это не улыбочик. Планету Тураса захватили гелиозы. Часть их прилетела к нам на землю. Этот народ называют моты. Турас, это мот так же, как и Польша. Они нам добра желают. В своей книге «Отчаянные придурки» я писал о них. Повторяться не буду.

– Отдыхаешь? – спросил он.

– А что делать? Отдыхаю. Ты прибыл, чтобы спросить меня об отдыхе?

– И это тоже. Вам всем надо возвращаться на то место, откуда вас взяли.

– У нас там был фантом Польша.

– Это хороший человек. Я даже не называю его фантомом. Просто, человек. Ты познакомился с двумя людьми. Хотя ты их давно знаешь. Петухов может пригодиться. Посмотрим. Но, он уже почти готов.

– Ещё немного, и он поспеет, как ранний помидор в теплице,
– ответил я.- Таких людей много в нашей стране. Все мои товарищи, как я догадываюсь, потихоньку обрабатывают нужных для дела товарищей. А вот только в нашу команду не надо женщин.

– Отвечу на твои два вопроса. Не надо быть эгоистом. Не только в вашей стране такие есть люди, как вы. Они везде есть. И ответ на второй вопрос. Почему в вашу команду нельзя призвать женщину. Например, Ольга Борисовна подойдет к вам. В предыдущую команду вы не брали женщин. Правда, иногда мелькала Октябрина Правдина. Но, она не была в вашей команде. Вы были против женщин, против матриархата в команде.

– Могу ответить. Если у нас появится женщина, то может нарушиться баланс отношений между нами. У нас один Степа чего стоил, да и сам Кирьян Подгузников стал бы облизываться. Сейчас у нас Федя появился. Копия Степы. Я ещё не знаю, как на это посмотрят мои новые товарищи. Да я и сам не против облизнуться. Поэтому, чтобы не трепать нам нервы, лучше без женщин. И в новой команде мы решим единогласно – никаких женщин. Вот вернемся в наш мир, то, пожалуйста, встречайся с женщиной по желанию. Я понимаю Ольгу Борисовну. Это умная, хорошая и даже красивая женщина. Можно даже в неё влюбиться. Ведь она тоже видит сны...

– А может, это и не сны, а реальность. Это для неё, кажется, что она все такое увидела во сне, – перебил меня Турас. – Она также бывает в другом мире. На сколько, я знаю, ты тоже вначале, когда ещё был молодым, думал, что всё происходит во сне.

– Откуда ты это знаешь? Всё продолжаешь копать в моих и наших мозгах? Брось ты это. Нехорошо.

– И такое мы делаем. Надо. И даже необходимо. Ведь вы, это чужая нам цивилизация. И мы должны знать ваши намерения.

– Понял, понял, – успокоил я его. – Не волнуйся. Согласен.

– А про всё такое мне поведал Дюрд.

– И ты с ним тоже встречаешься? – спросил я.

– А как же. Мы теперь с ними начинаем вести переговоры. Ведь это представители светлых сил. Есть и от темных сил такие представители, с которыми мы отлаживаем контакт.

– Мне они знакомые. Как всё-таки мир перемешан.

– А ты подумай насчет Ольги Борисовны. Она достойна, быть с вами, – сказал Турас, и как мне показалось, он вроде стал к чему-то прислушиваться.

– Боюсь, что в нашей команде всё нарушится, – ответил я. – Начнутся конфликты. Я ведь тоже могу войти в этот конфликт. Это во всех американских фильмах вместе с мужиками с нечистой силой сражаются бок обок женщины. В реальность такую я не верю. И наши кинороботники переняли у иностранцев такие фильмы. Также почти во всех фильмах есть в опасных ситуациях женщины. Не желаю я конфликтов в нашей команде.

– Ольга Борисовна встретится с такой же женщиной, как и она, спокойной и рассудительной. А вот те женщины, ваши землячки, подошли друг к другу. Шумные, скандальные, сплетницы, друг друга отчаянно перебивают. Вот только у кого они будут требовать уважения к себе, неведомо. У теней требовать уважения, и говорить им, что они все-таки, женщины? Те не поймут. Возможно, от непонимания они превратятся в прах? Возможно, и так. Пока не знаю. А вот Ольга Борисовна возьмет теней другим оружием. Она их красотой своей, ласковыми и закрученными речами с ума сведет и превратит теней в прах.

– Хоть одним глазком посмотреть, как она это будет делать, – сказал я.

– Всё, Юрий, я исчезаю. Много работы в той параллели, где вы были. Надо же, везде полезли тени. Во все миры на вашей планете проникают они нагло и окончательно. Внедряют свои бактерии в людей. Много работы.

И он вдавился в стену. Я опять остался один. Лег на диван и решил отдаться мечтам. Я всегда вот так любил лежать на диване, разглядывал потолок и о чем-нибудь мечтал, порой и с несуществующими героями разговаривал. Если бы серьезные люди без чувства юмора увидели бы меня беседующего с потолком, то они вправе сказать, что я рехнулся.

– Всё мечтаешь? – услышал я знакомый голос. Пришлось бросить мечты и посмотреть на того, кто прервал мои мысли. Это был Дюрд, один из посланников от светлых сил. Я много

писал о нем в предыдущих книгах. – Как говорится, летаешь в облаках.

– Тебя давно не было, тем более в оной квартире, – ответил я.

– Да ты и так с новыми товарищами побывал в одном нужном месте. Молодцы. Вы делаете доброе дело. Вот и мот Турас у тебя был. Может и Поль появиться.

– А другие могут сюда попасть?

– Могут. Но у них другие дела. Гелиозы свирепствуют. Вы хорошо приспособились уничтожать их. Кстати, и волосатики сейчас на них работают. Сатана совершенно обнаглел.

– У нас подобралась хорошая команда, – сказал я.

– Мы незаметно для них готовили людей к вашему отряду.

– Ещё кого-нибудь дадите? Вроде команда в полном сборе. Никого нам не надо. Чувствую, что ждет нас первое испытание в битве с улыбочками.

– Для тебя это не ново. А для всех да, испытание. Надеюсь, что они его выдержат. Значит, женщин вам не надо?

– Конечно, не надо.

– Ну и ладно. Ты мечтал увидеть, как Ольга Борисовна Голубкина начнет действовать? Я постараюсь тебе этот концерт показать. Я, например, все такое предвижу.

Он неожиданно засмеялся, а потом сказал:

– Пора мне уходить. Дела. А ты вот что, вставай с дивана, мечтатель, и иди к своей любимой сосне. Пора тебе, и всей команде, возвращаться на матрацы, на которых вы уснули. Вставай. Всё. Хватит.

Джорд тут же исчез. Пришлось и мне вставать. Надо выполнять приказ одного из наших отправителей. И я пошел в тайгу. Снег хлопьями ложился на чуть подмерзшую землю. Сосна, как новогодняя елка серебрилась в лучах солнца. Тучи немного раздвинулись, пропуская лучи, которые играли и купались в пушистом снегу, на деревьях, кустарниках. Было всё, как в сказке. Нарядная сосна так и притягивала меня к себе. Я подошел, но не стал стряхивать серебристые пушинки, лежащие тонким слоем на ярко-зеленых ветках.

– Здравствуй, красавица, – сказал я. – Вот я и снова с тобой.

Сосна молчала. Но я слышал легкую, нежную, но непонятную мелодию, исходящую от сосны. Я подошел ближе, и меня тут же окутал туман, конечно, мне неизвестно, как это происходит. Да и всё равно не пойму. И никто из нашего мира не поймет. Можно только догадываться, фантазировать, изощряться в словоблудии, корчить из себя знающих оный процесс, как это делают некоторые ученые. Не дано нам, знать, как это делается. Возможно, когда-нибудь, когда кончатся все ненужные войны, раздоры между разумными существами из других миров, и наступит вселенское благоденствие, нашим людям расскажут и покажут, как проникнуть в соседний мир. И тогда наши люди могут проникать в гости к соседям из других параллельных миров. Все народы нашей планеты Земля воссоединятся в мире и согласии. Познают космические колодцы, и свободно будут путешествовать в другие далекие звездные системы. Даже в этом тумане, я мог так вот мечтать. Господи, прости меня, как я люблю мечтать! И все мои мечты сходятся в единое – воссоединение всех разумных существ в нашей вселенной. Что сделаешь? Я иной раз боюсь на эту тему разговориться с моими знакомыми. Скажут, опять этот придурок Стрелов какую-то ерунду смолот. А куда денешься, боюсь и всё тут.

И вот я проснулся. Лежал на матрасе. Значит я в деревне.

Часть вторая

Друзья познаются в беде

Испытание

Мы вышли из дома. Нас пригласили к завтраку. Крестьяне установили длинный стол. И мы все поместились за этим столом. Бывшие рабы, сейчас были веселые, энергичные.

Вдали мы увидели, как на лошади к деревне приближался всадник. Иван Черкашин и Григорий встали из-за стола и ждали, когда всадник остановится. Во мне росла тревога. Значит, к деревне приближался отряд улыбочиков. Григорий сказал женщинам, чтобы они брали детей и уходили в крайний дом. Там ещё стояло два огромных сарая. Там и будут прятаться люди.

Всадник, это был молодой парень, спрыгнул с взмыленной лошади.

– Там, там, эти, тени идут большим отрядом.

Дело в том, что Иван и Григорий установили кордоны далеко от деревни. Всё-таки, казаки имеют опыт в этом деле.

– Они хоть спрятались? – с тревогой спросил Иван.

– Так точно затаились в лесу. Будут ждать вашу команду.

– Иди, отдыхай, – приказал Черкашин. – Митька, а ты приведи в порядок лошадь. Да с дури не напои её. Шкуру спущу за неё. Нам ишо кони пригодятся и в хозяйстве и военном деле. Теперь мы эту деревню этим супостатам не отдадим. Хлеб и всё остальное мы сами между крестьянами и казаками распределим. Мы ишо поднимем колхоз на должный уровень. Хотя колхозы появились после нас, но дело придумали хорошее. Всё распределять по семьям. А как вы, пришельцы и наши спасители думаете насчет этих теней?

– У нас есть против них своё оружие, – ответил Михаил. Он среди нас самый серьезный товарищ, да и бывший профессор, все-таки.

– Что-то я у вас никакого оружия не вижу, – ответил Иван.

– Ещё увидите, – поддержал я Михаила. – У нас один Петр Петрович может потрепать этот отряд. Посмотрим, сколько их будет.

– Давайте так, вы, крестьяне и казаки делайте свое дело. Товарищи командиры, командуйте своим сводным отрядом, – сказал Михаил. – Мы же выдвинемся на передовую линию сражения с улыбочками. Только не мешайте нам. И вы посмотрите, как мы будем с ними воевать. У наших двух товарищей уже были такие столкновения с этими захватчиками. А для остальных, в том числе я, это сражение будет испытанием.

– Прошу всех вас, только не мешайте нам. Всё будет хорошо, – сказал я.

Михаил оглядел наш маленький отряд и сделал приглашающий жест.

– Прошу следовать на передовую позицию, солдаты-наемники.

И наша группа пошла за деревню. Мы шли навстречу врагу. Я думал, как поведут мои новые товарищи? Это будет их первое сражение. Я уверен, что они не дрогнут. Как говорится в народе, друзья познаются в беде. А ведь беда нависла не только над этим миром, она проникла и в наш беспокойный и бурный мой родной мир. И мы обязаны защищать его. Все мы есть добровольцы. Каждый из нас не просто попал в эту группу. Каждого из нас много раз проверяли, только в нашей жизни мы этой проверки не замечали. Каждый из нас готов отдать жизнь ради уничтожения разной нечисти угрожающей нашему миру.

Мы шли спокойно. Петр Петрович крепко держал портфель. Иногда даже гладил его и что-то шептал.

– Я буду им читать молитвы на старославянском языке. Они его не понимают, – подал голос Виктор. – Да и многие наши люди, извините, не понимают этого прекрасного языка. Я даже, извиняюсь, что станет с этими греховодниками.

– Да будет извиняться, – сказал Юра Вычегжанин. – Ну, хватит уже! Ну, что такое! Ну, вот опять за своё! Мы их без всяких извинений покروшим, как капусту крошат на засолку. Хватит.

– Я этих ублюдков без ваших сюсюканий и лекций отборным матом накрою! – сообщил Федя.

– Это, как его, я им лекцию прочту о том, как все мы единым строем, плечо к плечу...

– Слушай, лектор кислых щей! – повысил голос Федя. – Ты здесь перед нами не корчил бы этово самото, как его, знатока по сияющим вершинам. Молча, готовь лекцию.

Улыбчиков пока не видно. А ведь они как-то узнали про восстание людей. Может, их успел предупредить председатель колхоза? Надо было его допросить, а на него сразу набросились. Я понимал людей. Натерпелись не только от улыбчиков, но и от председателя.

И вот вдали показались улыбчики. Конечно, они могли бы, и переместиться в воздухе, и появились бы в одно мгновение перед нами, но они, видимо, решили пройтись. Места здесь красивые. Рядом речка. Вдоль её ровными рядами росли фруктовые деревья. Возможно, на их планете такой природы нет. Может быть, они решили на нашей планете поселиться навсегда. Сделать её своей второй родиной.

Они видели нас. В отряде было около сорока улыбчиков. Они остановились в метрах тридцати от нас. Я уже знал, что у них есть оружие, в виде трубок. Я о них писал в книге «Придурки». Из этих трубок они стреляют.

И вдруг вперед выдвинулся Петр Петрович.

– Сейчас я им прочту лекцию о переходе от развернутого социализма к коммунизму.

– Подождите, Петр Петрович, вы, извините, уже сталкивались с этими господами. Разрешите и мне поучаствовать в таком деле. Я им прочту молитву на старославянском языке. Буду читать громко. Я уже, извиняюсь, знаю, как читать.

– Пусть поп идет к ним, – сказал Михаил.

– Я не поп, а...

– Какая разница, – сказал Михаил. – Идите. Если что, мы поможем.

– Поможем нашему попу, – сказал Федя.

– Как вы, извиняюсь, не можете понять, что я не поп! – почти крикнул Виктор. – Я есть иеромонах. Правда, должность маленькая, но я не лез выше, извиняюсь, пошел по стране помогать людям, выстоять в нашем сложном мире.

– Ну, какая разница, – ответил Федя. – Для меня все вы попы. У нас в деревне всех попов, если они появлялись, так называли. И некаво обижаться. Иди, давай, и прополощи им мозги. Ты я слушал, как-то визгливым голосом над входом в пещеру молот.

– Ну, Федор, – застонал Виктор. – Никакой культуры, извиняюсь, у тебя нет. Разве так можно?

– Можно, Витя, можно. Я без всякой культуры этим улыбочикам такое устрою, что в пыль превратятся, – ответил Федя, и передернул мощными плечами.

Виктор пошел к улыбочикам. Мы стояли, но были наготове к сражению.

Виктор подошел к улыбочикам, и встал на колени, воздел руки, и стал что-то говорить. Отдельные слова мы слышали, они, конечно, были русскими, но я не понимал их. К великому сожалению, я не понимал старославянский язык. Улыбочики стали шататься, но не падали. Я увидел, как один пытался поднять трубку, но рука не слушалась. А вдруг поднимет, и тогда погибнет наш друг Виктор. Федя закричал, и бросился выручать Виктора.

– Я вам черти ублюдошные покажу, как обижать моего друга! Я вас, пустомозговые твари, по дороге размажу. Я не буду вам говорить про сияющие вершины и про гранитный фундамент!

От такого крика даже у меня в ушах раздался звон, а потом вроде даже немного оглох.

Улыбочики падали и рассыпались в прах. Отряд был уничтожен. Все радовались, жали друг другу руки. Пришли к нам крестьяне и казаки. Поздравляли нас с победой. Но, тревога во мне не проходила. Одно я понял, что радоваться рано.

Все мы шли в деревню. Там нас ждал отменно накрытый стол. Всех больше досталось Виктору и Феде. Им подкладывали лучшие кушанья. Федя просто весь сиял. Грудь его так и взды-

малась. Виктор был скромнее. Он тихо улыбался и постоянно крестился.

Юра ворчал:

– Ну, хватит! Ну, чего вы так? Не надо бы хвастаться! Не верю. Будьте скромнее. Зачем вы так? Даже мне за вас стыдно. Нехорошо. Не надо так.

Михаил сел рядом со мной.

– Вижу, что тебя что-то тревожит. Ты ведь у нас самый опытный в этих мирах. И у меня из-за тебя что-то не так. Чтобы это значило?

И я ответил, но, чтобы никто не слышал. Пусть пока веселятся. Ведь это было их первое испытание, первая победа над коварным врагом.

– Понимаешь, Михаил, вот эта победа меня всего более насторожила. Взять примером таракана. Изобрели против него какой-то состав. Уничтожает. Но, проходит время, и таракан не боится этого яда. Я помню, как-то я часто сыпал по углам дуст. И что? Однажды, я решил выкинуть с остатками дуста коробку. А в ней спокойно поселились тараканы. Все эти паразиты постепенно привыкают к яду. Сколько уже изобрели ядов против колорадского жука? И что? Привыкает. И люди снова ищут против него новые яды. Жук живет. А вирусы разного гриппа? Понимаешь меня?

– Понимаю. Конечно, понимаю. Так что же делать? Как ты думаешь?

– Они поймут, скорее всего, поняли, чем мы их уничтожаем. Надо искать, думать, что нам делать дальше.

После праздничного обеда мы решили отдохнуть на природе, у реки. Федя ходил победителем среди казаков и крестьян. Но праздник когда-нибудь заканчивается. Григорий собрал крестьян, и объявил, что немного повеселились, и хватит. Надо работать. К колхозникам примкнули и казаки. Все пошли на поля, на фермы, женщины тоже разошлись. Федор подошел к нам. Он был немного опечален.

– Хотел с одной красючкой ближе познакомиться, а она меня отфутболила. Глаз положила на казака. Прямо мне сказала, что мы здесь недолго, и уйдем, а казаки останутся навсегда.

– Федя, она права, – ответил я. – Кто ты, и кто казак. Они живые, настоящие и тленные люди, а мы кто?

– Кто? – быстро спросил Федя. – Я ведь такой же человек, как и они!

– Такой, да не такой, – ответил Юра. – Мы здесь, как те бутафорные фигуры с человеческими физиономиями. Не надо. Я, конечно, сомневаюсь. Но, хватит. Успокойся. Ну, хватит корчить из себя победителя! Не стыдно? Хоть сам перед собой постыдись.

– А чо мне стыдиться? Я их вон, сколько покрошил в пыль. Какой я бутафор, Юрка?! Я – человек!

– Федя, Юра прав, – сказал Михаил. – Все мы здесь из нашего мира люди. Наш разум с нами, остальное сделано из какой-то нам неведомой энергетической материи.

– Мы чо, роботы?

– В какой-то мере, да, – ответил Михаил. – Нас ведь пропустили через какие-то приборы. Здесь мы оказались молодыми. Понимаешь? Мы здесь молодые. Нас сделали такими в какой-то части неведомого нам мира. А вот эти все люди, взяты из нашего мира живыми, настоящими людьми. И такие окна тоже есть.

– Так пусть нас и пропустят через эти окна! – не сдавался Федя.

– Тогда мы не пройдем через то зеркало в другой мир. Мы в другом мире наполнены энергией из нашего мира, – ответил я. – И этой энергией мы помогаем людям в этом мире. Ведь не зря нас на каком-то отрезке пребывания в другом мире отправляют в наш мир. В дому мы все уснули, потому что из нас вышло много энергии, и её надо было восполнить. Вот нас и отправляют на время в наш мир.

– Так мы, извините, вроде каких-то батареек. Надо нас подзаряжать? – спросил Виктор и перекрестился. – Тогда, извините, в нас в этом мире отсутствует душа? Но, так не может быть? Здесь что-то не так.

– Всё так, – ответил я. – Душа никогда нас не покидала. Она с нами, даже если, мы здесь.

– Что-то здесь не так, – прошептал Виктор, и отошел от нас в полной задумчивости.

Даже Юра перестал недоверчиво улыбаться. Он смотрел в воду и молчал.

– Но, позвольте с вами не согласиться, – вошел в разговор Петр Петрович. – Конечно, мы, коммунисты всегда были атеистами. Но, то, что происходит с нами, всё ломается. И ум у меня раздваивается. Значит, как я понял, всё такое есть?

– Есть, Петр Петрович, всё есть, – ответил я. – В этих атеистов я не верил. Чуть прижмет, они не партию вспоминают, а Бога. Даже во все советские времена люди отмечали все старинные праздники. Это о чем-то говорит.

– Но если я не я, а во мне другое физическое тело, в молодого человека превратился, то почему мои лекции целые? Вот вопрос.

– А в ваших лекциях нет души, – ответил Михаил.

– Но я ведь писал их с душой, – возразил лектор.

– То, что вы написали, в этом нет души. Она может быть в человеке, а не в бумаге, – сказал Михаил.

– Какой-то кошмар! – воскликнул лектор. – Вот он я, и в тоже время это вовсе не я. А я, как Петр Петрович Длиннохвостиков, например, лежу на диване. Кошмар.

– Я, конечно, сомневаюсь, но у меня и здесь есть один шрам, который я получил ещё, когда был подростком, – ответил Юра. И он снова недоверчиво улыбнулся. – Как это понимать, переучки? Я смотрю, вы здесь все переучились, вот и пузыритесь перед нами. Как это понять? Я же вот он! И шрам со мной. Значит я вот он!

– Нас копировали в молодых, какие мы были в молодости, – ответил я.

– Ну, хватит головы людям морочить! – громко ответил Юра.

– Ну, хватит уже! Ну, что такое!? Ну, вот опять начинаете умничать. Будьте скромнее. Я в этом во всем сомневаюсь.

– В чем сомневаешься? – спросил Михаил.

– Не верю во всё это. Очень реальный сон. Сомневаюсь и всё тут. Такого не может быть. Всё такое очень сложно. Наука не достигала такого перемещения. Вроде я поверил, а потом опять взяло сомнение.

– Ты, Юра, вот что, побудь пока со своими сомнениями. А там видно будет, – сказал я. – Хорошо, это был сон. Когда мы лежали и уснули в доме, то ты просыпался дома?

– Какой ещё дом? Я живу в подвале. Но я, же проснулся! Значит, это такой реальный сон. Сон, понимаете! Сон. А потом, потом я пошел...

Он на миг замолчал. Видимо, мозг его лихорадочно работал. Он с силой потер лицо.

– Что потом было? – спросил я. Он некоторое время молчал, потом ответил:

– Всё равно сомневаюсь. А может, это самый настоящий глубокий гипноз. Ну, хватит уже головы людям забивать разной ерундой! Хватит.

Мы с Михаилом решили больше с ним не разговаривать. Придет время, и сам догадается, кто он и как он сюда попал, и для чего.

К нам подходил Поль. Вид его был озабочен. Он сел на бережок. Молчал. Мы тоже молчали. Потом он сказал:

– Повеселились? Думали, что всё? Тени тоже не дураки. Они догадались, чем вы их уничтожаете. Теперь вам надо быть осторожными. Наши разведчики. Да, да, у нас тоже есть свои разведчики. Они доложили в наш главный штаб, что гелиозы теперь будут встречать вас огнем. До себя не допустят. И ещё. Будут стараться взять некоторых из вас в плен. Пока не знаем для чего. Но такая задумка у них есть. Сожалею, но они накрыли одну из команд из пяти человек, и уничтожили. Они из вашего мира.

Мы собрались вокруг Поля. Даже к нам примкнул и недоверчивый Юра. Михаил первым нарушил молчание.

– Наши крестьяне и казаки подобрали трубки улыбчиков. Научите мужиков владеть ими.

– Немедленно начнем тренироваться.

Тут вмешался и Федя.

– Мне надо научиться, на этой камухе играть. В армии я был лучшим стрелком. В снайпера готовили, но когда демобилизовался, то всё забросил.

– А я белке в глаз попаду, – ответил Михаил. – Зрение у меня, как у орла, и рука не дрогнет.

– Ну, вот, и у вас есть свои стрелки. Они вам пригодятся.
Тут и я решил признаться, что тоже кое-чем умею владеть.
– Знаю. Кнут. Это тоже пригодится, – улыбнулся Поль.
– А разве мои лекции уже здесь не пригодятся? – спросил Петр Петрович.

– Всё своему время, как говорят у вас, – ответил Поль. – Всех вас не зря сюда отправляют. Все здесь вы будете нужны. Я сейчас прибыл к вам, чтобы предупредить вас об опасности. Мы всех ваших посланников предупредим. Единственный вопрос пока не можем понять, для чего вас хотят пленить?

– Я бы им лекцию...

– Ты замолчишь со своей лекцией! – крикнул Федя. Поль отскочил от нас, и чуть не упал. Федя поднял руки: – Извини, Поль, я не выдержал. Этот лектор когда-нибудь толкнет меня на преступление.

– Я пойду и соберу крестьян и казаков, чтобы показать им, как надо этим оружием защищаться. И вас научу, – сказал Поль.

Через минуту рядом с ним появился человек. В руках у него было несколько трубок с кнопками.

– Пойдемте и вы со мной. Будем вместе учиться.

У подножья горы собрались крестьяне и казаки. Поль не всех взял в команду стрелков. Видимо, он каким-то чутьем чувствовал, кто может хорошо овладеть этим оружием. А наша маленькая группа вошла в отряд стрелков полностью. Да это и понятно. Мы все проверенные. Не зря нас вот таких товарищей, называют солдатами-наемниками.

Начались занятия. К нам прибыло ещё несколько мотов. Вот они и стали нас учить, как правильно целиться и какие нажимать кнопки.

Лично мне понравилось это оружие. Легкое и удобное. Заткнул за пояс, и готов к бою. Наша команда из шести человек быстрее всех освоила трубки. И мы стреляли по движущимся мишеням без промаха.

Через три дня Поль сказал:

– Вы есть настоящие воины. С вами все. Можете отправляться на то место, где вы уничтожили отряд гелиозов. Но, будьте осторожными.

И мы пошли к назначенному месту. В лесу стоял маленький домик. Решили поселиться в нем. Выставили дозор. Дежурили по одному. На второй день, когда мы сидели у костра, и ждали когда будет готова похлебка, которую мы заказали двум поварам, появился один из посланников от Поля. Кстати, с нами приехали на загруженной разными продуктами повозке два повара. Они нам готовили еду. Почему-то женщин нам не отправили.

Посланник нам сообщил, что в нашу сторону движется ещё один отряд гелиозов. Они уже знают кто мы такие, и заранее отключили слух. В нашем мире ученые ещё не достигли такого уровня, чтобы на время отключать слух. Наушники надевают. А вот глаза некоторые люди умеют отключать. Таких людей навиделся. Ещё в молодости я впервые увидел такого человека. Писал о нем в своей книге «Зона». Работал у нас плотником Эдик Загубенный. Потом он стал мастером. И вот, когда его начинало ругать начальство, он отключал глаза, а одну руку держал в кармане. Как-то я его спросил, как это он делает, и почему у него рука в кармане. Он ответил:

– Я долго тренировался отключать глаза. И что интересно, с отключением глаз, затихает и слух. Даже нервы отключаются. Удивительное состояние. Начальник кричит, напрягается, а я стою истуканом и молчу. Рука в кармане. Почему? А у меня там кукиш. Эти три пальца молодцы. Они работают в тесном согласии с отключенными глазами, слухом и нервами. И в этот момент меня ничем не прошибить. Забавное состояние. Даже где-то внутри меня возникает веселье. Мне становится смешно, и почему-то жалко начальника. Он бедный надрывается, а я молчу и не отвечаю.

Потом я тренировался отключать глаза, чтобы потерялся слух, не помогало. Странно, а вот кукиш помогал. Кто если меня начинал оскорблять, я в кармане держал кукиш. До сих пор кукишем пользуюсь, и он мне помогает. Советую многим пользоваться моим советом, если кто-то начинает вас оскорблять. Пожалуйста, не спорьте со скандалистом и грубияном, не спорьте, просто держите кукиш в кармане. Особенно не спорьте с женщинами, всё равно проспорите. Тихо улыбайтесь, поддакивайте,

и держите кукиш в кармане. У меня нет товарищей, кто поднимает руку на женщину. Пусть она даже самая ярая сплетница и скандалистка, постоянно любит всех перебивать, не отвечайте ей на грубость и хамство. Лучше держите кукиш на указанном месте, и спокойно отойдите подальше от этого человека.

Мы похлебали наш любимый сибирский суп, и пошли к дороге. Конечно, на этот раз мы не вышли на дорогу. Спрятались в кустах. Петр Петрович не выдержал.

– Как жаль, что я не могу прочесть свои лекции. Никому они не нужны.

– Петр Петрович, – ответил я. – Здесь ничего просто так не бывает. Всё, что есть с нами, когда-нибудь пригодится. Вот посмотрите, ваша лучшая лекция ещё сыграет свою роль. Ведь не зря прибыл в этот мир ваш портфель. Никто не заметил, что у меня тоже кое-что появилось. За голенищем моего сапога, образовался кнут. Это тоже моё оружие. В другом мире я часто пользовался этим кнутом. Значит, он и здесь мне пригодится. Вот так.

Мы стали ждать улыбочиков. Они появились недалеко от нас будто из воздуха. Их было около сотни. На этот раз, видимо, командир, вышел из строя и крикнул на чистом русском языке:

– Эй, вы, недоноски! Сдавайтесь! Если не сдадитесь, мы вас как крыс уничтожим! Если сдадитесь, вам обещают хорошую жизнь. В вашем мире вас ждет богатство. У вас будет много денег. В вашем мире, есть люди, которые нас послушались, живут хорошо. Мы уже знаем всё про вас. Вы отменные солдаты. Но у вас ничего нет. Опомнитесь! Людей, которых вы защищаете, годны только для рабства. Сдавайтесь. Даем пять минут на размышление!

Из леса к нам на помощь прибыли казаки. Все залегли вдоль дороги.

– Нас рабами назвали, – возмутился Иван Черкашин. – Мы, казаки, будем с вами до конца. Пусть крестьяне занимаются хозяйством. Не надо их вмешивать в это дело. Но, если эти твари прорвутся к ним, у них тоже есть оружие. Встретят их огнем. Вот что я хотел сказать. Поль успел нам сказать, что среди гелио-

зов есть человек из вашего мира. Он давно перешел на сторону врага. Его надо взять живьем.

– Смотрите, вон вышел вперед улыбчик, или кто он, неведомо, он, по-моему, и есть наш земляк, – ответил я. – В него не надо стрелять.

Иван дал команду не трогать этого предателя, а взять живьем.

– Мы обязаны всех остальных уничтожить, – сказал Михаил.- Говорильню в сторону. Командуй, Иван. Надо одновременно открывать огонь.

– Приготовиться к бою, – приказал Черкашин. – Огонь!

Кстати, надо сказать, что эти трубки отличное изобретение. Они стреляли бесшумно. Я прицелился в одного солдата, и нажал красную кнопку. Солдат упал. Стреляли все. В общем, мы опередили. Как подкошенные падали улыбчики, и неожиданно скукоживались, но не исчезали и не превращались в пыль. Человек, который первым вышел из строя, бегал, что-то кричал, и стрелял куда попало.

Стрельба закончилась. Человек бегал среди убитых улыбчиков, и размахивал руками. В руках у него уже не было трубки. Мы шли к нему. Он побежал по дороге. Один из казаков быстро догнал его и стукнул по затылку. Подбежали ещё казаки. Скрутили парня и привели к нам. Улыбчики постепенно растворились. Будто их и не было. Мы пошли к домику. Бросили пленника на землю. Подперли его к дереву. Пусть сидит. Так удобнее его допрашивать. Всё это время он кричал, что он не виноват. Его заставили так кричать.

– Хватит, сука, надсажаться! – закричал Федя. – Давай, дохлая твоя душонка, рассказывай начистоту, кто ты, откуда и за чем стал предателем. Говори, не то я тебе такое устрою, чо даже сами черти в аду вздрогнут!

– Я не виноват. Меня в этот мир притащили. Я такой же, как вы. Я всё расскажу. У меня дома жена и двое детей. Я не виноват.

И он рассказал о том, как он стал предателем. Жил он, как все. В меру на производстве воровал, в меру пакостил, в меру наущничал. Надо было как-то выживать в нашем сложном мире.

А жене всё мало было. Он стал мэром города, депутатом областной администрации. Построил на ворованные деньги дворец. И вот однажды, когда он остался в кабинете один, непонятно откуда явились эти двое. Люди на вид противные, улыбались, и сказали ему, что могут разорить его. Мол, это они помогли ему всё это приобрести. А если он их не слушает, то сделают так, что он закончит жизнь на свалке. Если он примет их предложение, то станет крупным в стране бизнесменом. Он понял, что его судьба в руках этих улыбающихся людей. Они сообщили, что уже многим они помогли стать богатыми людьми в этой стране. И что, мол, миллиардерами не просто так люди стали, а они этим людям помогли. И эти люди даже не догадываются, что кто им помог обворовать нашу страну. Мол, все миллиардеры, это, прежде всего воры, вруны. В них полностью отсутствуют такие понятия, как совесть, бескорыстие, боль к ближнему человеку. Конечно, человек таким не рождается. В детстве, или в юности, в него вживляют элемент- бактерию гелиоза. Человек это не чувствует, когда в него такой элемент внедрили. Многие века людей соблазнял Сатана. И вот прибыли на планету Земля гелиозы. И они стали вживлять такие бактерии в людей. Сатана доволен. Теперь у него есть отменные подручные. В будущем гелиозы хотят сделать из людей рабов. Для этого они превратят людей, как и мотов, роботов-фантомов.

– Я не виноват. Мне ничего не надо. Пусть теперь подавятся этими дворцами, миллиардами и миллионами! – кричал Павел Фертиков. – И жену мне не жалко. Она сразу от меня уйдет к другому богатому.

В это время я подумал вот о чем. Допустит ли Сатана, чтобы из людей планета Земля превратили фантомов? Не уверен. У фантома нет души. А Сатане нужна душа человека. Пусть человек будет великим грешником, но у него должна быть душа. Это Божье творение! И вдруг, какие-то пришельцы из глубин космоса вырвут у человека душу, и превратят человека в бездушного раба? Такого никто не допустит. Вот и сойдутся эти две темные силы в битве. А наведет порядок на планете земля сам Бог. Конечно, будет отменный апокалипсис. Вольно или невольно миллионы господ и товарищей, благодаря гелиозам, помогают тем-

ным силам. И такие команды, как наша команда должны, даже обязаны помочь светлым силам в борьбе с темной силой. Вот и ответ. Миллиардеры и прочие миллионеры никогда не войдут в такую команду, как наша команда.

– Мы тебя без суда и следствия казним, – сказал Черкашин. – Когда-то мы таких предателей ставили к стенке.

– Ну, коль, здесь нет стенки, то надо погодить, – сказал Михаил. – Как я понял, в него ещё не внедрили бактерию гелиоза. Надо подумать, а потом уж решать, что с Фертиковым делать.

– Чо с этим предателем решать?! – возмутился Федя. – Казнить суку! И я не въезжаю, Михаил, чо ты вдруг вступился за предателя.

– Я пока тоже против казни. Надо подробно разобраться, – поддержал я Михаила.

– От тебя я, Юрка, не ожидал, – удивился Федя. – Как это ты вдруг? Не врубаюсь! Казнить его, и всё тут!

Петр Петрович, не выпуская портфеля, сказал:

– Я тоже против казни. У меня по этому поводу есть лекция. Я бы её Фертикову прочитал.

Сначала Федя весь напрягся, а потом вдруг резко изменился, и неожиданно даже засмеялся.

– Ай да, Петр Петрович, ну, молодец! А я и не подумал насчет твоих лекций. Извиняюсь, Петр Петрович. Ты этому хмырю лекцию впарь в мозги. Вот это да! Ну, и Петр Петрович! Молодец! Так его сукиного сына, чо бы знал наших. Мы его другим возьмем. Ну, Петр Петрович, ты меня удивил.

Петр Петрович совершенно захмурил, выпятил грудь, и крепко прижал портфель к тощей груди. Он захмурил, но лицо его сияло. Наконец-то, он войдет в свою родную стихию. Как не радоваться, когда сам Федя разрешил ему воспользоваться одной из своих умных лекций. Бедный Фертиков и не знал, и не ведал, что его ожидает. Мне, кажется, что это будет хуже казни. Могли бы убить, и делу конец, а тут его ожидает что-то другое. Можно только представить этот удивительный процесс.

В Фертикове я заметил изменение в лице. Он притих, и подозрительно стал озираться. Черкашин возмутился.

– Вы чо, с ума спятили? Какие лекции?! К стенке его. мерзавца!

Федя подошел к нему, продолжая смеяться, и попросил Ивана отойти в сторону. Я понял, что Федя ему всё расскажет про эти лекции.

Связанного Фертикова повели к домику. Петр Петрович попросил развязать руки пленному, и в доме оставить их вдвоем.

– Не мешайте нам насладиться чтением моих лучших лекций, – сказал наш лектор. – После моих лекций, товарищ Фертиков осознает пагубность своих земных деяний.

И они скрылись в домике. Виктор стал молиться.

– Я тоже против казни. Товарищ Длиннохвостиков откроет окошечко к доброте в душе этого потерявшего себя человека. Я буду молиться за здоровье грешника Фертикова.

– Молись, молись, Виктор Иванович, молись, чтобы этот Фертиков с ума не сошел, – хихикнул Юра. – Ну, и артисты все. Надо же такую казнь придумать! Если это не сон, а настоящая реальность, то это удивительно! Но, всё равно, сомневаюсь.

Недалеко от нас я услышал веселый смех Ивана Черкашина. Молодец, Федя! Теперь будем ждать результата. Но, где-то внутри меня появилась жалость к Фертикову. Всё-таки, он человек. Да и казнить не надо было. Мне, кажется, одного моего кнута ему хватило бы.

Мы поели свежей ухи, легли отдохнуть на травку. Сначала я услышал тихий вой, потом кто-то начал стучать в дверь. Значит, наш лектор закрыл дверь, и теперь не пускал Фертикова наружу. И вот он закричал:

– Спасите! Помогите! Не могу больше! Уберите этого звереныша! Караул! Умираю. Голова сейчас треснет! Да брось ты мне читать! Прошу, не надо! Пожалей меня! Не буду больше ничего воровать и пакостить! Клянусь своими детьми! Спасите меня, люди добрые! Отстань, прошу, умоляю! Не читай больше! Прочитай моей жене-акуле! Она достойная твоих лекций.

И тут мы услышали голос Петра Петровича:

– Как тебе не стыдно? Как не стыдно! Я тебе ещё вторую лекцию не закончил о развернутом социализме с человеческим лицом. Люди не понимают, но ты хоть пойми! Послушай дальше.

Об отношении человека к человеку в коммунистическом обществе без всяких там классов. Это ведь будет бесклассовое общество...

В это время Федя и Иван катались по траве и громко смеялись.

Наконец-то дверь с шумом распахнулась, и из домика вывалился Фертиков. Он полз к нашим ногам и хрипел:

– Умоляю, лучше казните, вешайте, стреляйте, но пощадите меня от этого узурпатора, настоящего фашиста... Вот надо так было казнить настоящих маньяков, без всяких выстрелов в голову!

Фертиков был бледен, как снег, глаза вытаращены до предела, рот у него почему-то посинел. Он весь дрожал, зубы выбивали дробь. Мне показалось, что он лишился разума. Головой он уперся в дерево, и стал ею стучаться. Он рыдал, и слезы катились по его грязным щекам. При этом приговаривал:

– Так его, так его! Отдай, отдай развернутый социализм! Плечо к плечу! Взбодренные, и утомленные! Нам плевать на миллиарды! Спасите мою несчастную душу! Мне плохо! Бедная моя головушка! Я же говорю, что нет крорума. Утрясем это дело, и пробудим...

И вот он затих. Один из казаков подошел к нему, и стал проверять его. Потом выпрямился.

– Не хотел бы я такой казни. Он живой. Он просто от страха потерял сознание. Я есть медик. Спятил мужик. Больше не трогайте его. С него хватит и этого. Теперь он будет чист, как ребенок.

Больше мы не подходили к Фертикову. А что Петр Петрович? Он ничего. Вышел лектор, доволен. Портфель в левой руке, а в правой папка с лекцией.

– Не дослушал, товарищ Фертиков мою одну из лучших лекций. Я понимаю, он не дорос умом до моего философского трактата. Конечно, мне жаль, что он не дослушал до конца мою вторую лекцию. Но, я доволен. Хоть что-то останется в его памяти от моего прочтения.

– В памяти у него уже ничего не останется, – ответил Михаил. Иван и Федя продолжали смеяться. Даже Юра хихикал.

– Он отдыхает? – спросил Петр Петрович. – Ничего, я потом ему дочитаю. Вначале так было хорошо. Он слушал меня внимательно. Глубокий интерес я видел в его расширяющихся глазах. Что-то потом с ним случилось. Что-то его потрясло в лекциях. Можно мне и догадаться. Просто его скудный мозг не вынес моих умных лекций. Не для него. Ладно, не буду его трогать. Пусть отдохнет, и успокоится.

Свою папку он вложил в портфель, и подошел к Фертикову.

– Пусть отдыхает. Для него этот день, возможно, был самым трудным в его жизни. Ещё я вам скажу вот что, он поклялся мне, что не будет больше воровать у государства. Когда-то он был хорошим мастером на стройке. Уйдет в строители.

Пока это говорил Петр Петрович, Фертиков очнулся, вскопчил и дико закричал:

– Караул! Спасите заблудшую душу! Не буду воровать, и обманывать народ! Я же поклялся! Чего тебе ещё надо дьявол во плоти! Сгинь, сгинь, проклятуций! Лови миллиардеров, что бежали за границу и читай им свои лекции! С меня хватит! Караул! Спасите! Головушка моя! Нет больше кворума? Мама, Не хочу манную кашу! Не хочу!

Он схватился за голову и побежал в лес. Он бежал и продолжал кричать бессвязные слова. Но мы их понимали. Не понимали их наши казаки. Потом поймут. И пусть тоже удивятся, как в нашей несчастной стране, как грибы в дождливую погоду, расплодилось столько миллиардеров, Появилось столько воров и прохиндеев с государственным уклоном. Даже один миллиардер попытался пробиться в президенты. И ведь многие простые люди отдавали за него голоса. Я так и не узнал этих людей. Кто они, зачем они за него голосовали? В чем заключался смысл? Как-то по телевизору показывали передачу, где некоторые господа слезно говорили о Елене Батуриной, самой богатой женщине на нашей планете. Какая она несчастная, сколько горя перенесла от неблагодарных людей. В бедную и разграбленную миллиардерами страну Россию она не пожелала возвращаться. Как слезно некоторые господа говорили о несчастной женщине. Кто эти люди? Не знаю. Даже у её бывшей подружки, выступившей перед экраном, появилась дрожь в голосе. Позвони, мол,

мне, и я тебя поддержку родная моя подружка. Смотрел я на этот удивительный концерт, устроенный журналистами, и меня взяла оторопь. Господи, вразуми заблудшие души! Действительно вспомнишь настоящих воров в законе и подумаешь, где они? Куда подевались? В самый раз, сейчас «бомбить» и «ставить на ушки» этих зарвавшихся господ в штанах и юбках. Мне кажется, что всех этих господ в штанах и юбках иногда отправлять вот в этот мир, и подсовывать им для прочистки мозгов Петров Петровичей Длиннохвостиковых. Подумал я обо всем этом, и мне не стало жалко Фертикова. И никто не побежал догонять бывшего господина. Все почему-то молчали. Даже Иван Черкашин и Федя перестали смеяться. Стоит задуматься.

Иногда нам показывают лица этих господ. Раньше как-то не замечал за этими удивительными лицами. Побывав в этом мире, да и раньше я задумывался, отчего в нашем мире столько их неожиданно так развелось? Это ясно, что в них отсутствуют человеческие чувства. Не буду их перечислять. Я давно заметил за ними, все они, как-то странно улыбаются. Меня это настораживает. Нет, нет, не хмурятся. Хотя они должны бы хмуриться. Ведь они постоянно играют. В своей сложной жизни им надо быть первоклассными артистами. И я их понимаю. Это сложно, но они привыкли играть днем и ночью. Это их привычка – постоянно быть в игре. Я знал многих секретарей райкомов партии, председателей райисполкомов, инструкторов этих райкомов, лекторов. Все они тоже были игрунами. Но, они хмурились. И в этой хмурости они старались делать вид деловых и занятых людей. Хотя все они были бездельниками и узаконенными ту-неядцами. Но, они хмурились! Правда, где нужно и улыбались. На то они и люди, хитрые, изворотливые. Я их тоже понимал. Видел их, как говорится, насквозь. Партийная жизнь-то не шутила. Надо было держать нос по ветру, и быть начеку. И вдруг стали появляться люди, которые тихонечко улыбаются, вплоть до миллиардеров, министров и президентов. Хмурость у них у всех куда-то исчезла, ну, просто испарилась. В глазах появилась сталь. Все, без исключения, стали быстро обогащаться, обещать, обманывать. Такие люди и даже дети появились везде. Они не хмурятся, они тихо улыбаются, а в глазах сталь. И я имею право

подумать, а подумав, испугался. Значит, во всех этих людях, в какой-то один момент, пришельцы из глубин космоса, вживили элемент «гелиоз». И теперь все эти земные двуногие существа с тихими улыбками от ребенка, от простого человека до миллиардеров и президентов во многих странах, заражены этой страшной болезнью. Конечно, они этого не чувствуют и не понимают. Чувство стыда и сострадания у них удалили. Я внимательно смотрю новости, где выступают лидеры многих стран. Смотрю и на наших президентов. Все эти лидеры не хмурятся, они едва заметно улыбаются, а в глазах сталь, безразличие. Да, мы идем к катастрофе, к апокалипсису. И вот один из этих представителей с тихой улыбкой, без хмурости, и со стальными глазами угодил к нам в плен. И я вот ещё о чем подумал. Возможно, Петр Петрович даже не думая, совершил великое открытие. Он удалил элемент из головы Фертикова. Этот бывший господин нагло обворовывал нашу страну, и посылал деньги в заграничные банки. Он в истерике бился и катался в доме по полу, выполз. Кричал разные несвязные слова в бреду. Вот, голубчики-пришельцы, получили один отпор? В этой истерике можно было нам и догадаться, что из его головки вылетел элемент гелиоз, и был тут же уничтожен. Значит, из наших людей можно вытравить этот опасный вирус, как священники лечат тех людей, в которых сидит темная сила. Катаются по полу, визжат, кричат несвязные слова. Но, кто согласится на такой эксперимент? Сомневаюсь, чтобы кто-то пошел на такой эксперимент. Ведь этот человек отдаст свое богатство государству. В этом человеке появятся такие неведомые для него чувства, как совесть, сострадания, и другие лишние для него положительные понятия. Этих людей можно только отправлять в соседний мир, чтобы им могли прочесть лекции такие лекторы, как Петр Петрович. Уверен, что и в других командах есть свои Балаболкины, Дрожжины и Длиннохвостиковы. О двух лекторах я много писал в своих двух первых книгах.

Я подошел к Петру Петровичу и легко пожал его узкую и холодную руку. Я не любил здороваться с людьми за руку. Приветствие и кивок головы достаточно, чтобы поздороваться. Иной хватал мою руку и крепко сжимал её до боли. Таким людям в

их искренность я не верил. Обычно такие люди ограниченные и беспардонные. А сейчас я просто проявил к этому человеку дань уважения.

– Петр Петрович, я вас искренне поздравляю. Вы сделали великое дело, великое начало в борьбе с такими тварями, как улыбки. Своей лекцией вы изгнали из Фертикова бесов.

– Кого, кого? – переспросил Петр Петрович. – Каких ещё бесов? Что-то я не понял. Просто я читал ему лекцию. И всё тут. Просто его мозг не готов принять мою умную лекцию. Причем здесь какие-то бесы? Вы смеетесь надо мной? Но, это не смешно.

– Я ещё раз повторяю. Поймите. Фертиков бесновался, извивался. В это время из него вы вытравили нечистую силу. Вот посмотрите, этот человек станет другим. Вот увидите. Конечно, он на время спятил, но придет время, и разум вернется к нему, но уже в другой форме.

Тут подошел и Виктор.

– Я с Юрием согласен. Есть люди, извините, в которых сидит бес. Его приводят в церковь, и священник начинает бесов изгонять из больного человека. Он точно также, извините, мечется.

– Подождите, – насторожился Петр Петрович, – вы хотите сказать мне этого, того, что я, как тот священник? Ну, вы дайте! У меня лекции! Понимаете вы или нет? Лекции! – закричал он. – Причем здесь этот как его...Захлестнуло, понимаешь, этого, того...Ладно. Зачем меня равнять с кем-то из этих, религиозных товарищей. Я лектор. Я не только окончил Московскую Высшую Партийную Школу, но ещё университет по Марксизму-Ленинизму! Я считался лучшим лектором в области, а вы мне здесь кого подсовываете? Не стыдно?

Нам на помощь подошел и Михаил.

– Мы вас не обидели. Мы, наоборот, как я догадался, обнаружили ещё одну страницу в борьбе с улыбочками. Мы вам всё толково объясним. Надо как-то вытравливать из наших людей бактерии гелиоза.

Подал голос и Юра.

– Петр Петрович, хватит кочевряжиться. Ну, чего вы опять? Ну, хватит уже скромничать. Хотя в стеснительность и скром-

ность бывших районных партийных деятелей никогда не верил. А тем более я сейчас не верю и сомневаюсь в искренность наших руководителей, начиная от мэра района до самого президента. Все одинаковые. А вот то, что вы сделали, даже я Фома неверующий поверил в работу вашей лекции. Она сделала гениальный выпад против захватчиков. Вытравила из бедного Фертикова зловредный элемент. И что вы кричите, чего вы зря надсажаетесь? Гордитесь. Вы есть основатель нового открытия. Хватит шуметь. Успокойтесь.

Всё это время, пока мы говорили, глаза у лектора бешено вращались. Он передергивал плечами, вздергивал головой, пытался что-то сказать, его губы вытягивались в трубочку, и оттуда было слышно только мычание. Так обычно эти движения делают учителя и лекторы с большим опытом. Этим они подчеркивают своё отношение к высокой культуре. Разговор о культуре у этих учителей главный, как у лектора, его лекции. Наконец, трубочка у Петра Петровича заработала. Он ещё раз передернул плечами, вздернул головой, глаза его перестали вращаться, и он тихо общил:

– Неужели мои лекции так полезны? Так говорите это новое открытие? Неужели мои лекции принесут ощутимую пользу человечеству.

– Твои лекции, Петр Петрович, и барана сведут с ума, – ответил Федя. – Только ты нам не читай их. Вон Стрелову почитай на досуге. Он обещал послушать.

Тут в разговор вмешался и Черкашин.

– Я плохо в этом разбираюсь. Мне здесь Федька кой-чаво наплел. Но, если для дела, я тока рад. Вон как это предателя закурило. Где-то бедняга чичас прячется.

– Вот посмотрите, он придет к нам, – заверил я.

– Ну, и чо делать с ним будем?

– Тут задача, – ответил Михаил. – С нами он не может упасть в наш мир. Это естественно. Надо как-то будет вести разговоры с Полем. Пусть что-нибудь сделают с ним. Эти-то улыбки, как-то воруют людей из нашего мира, и засылают в этот мир. Вот и пусть он сделает с этим Фертиковым фокус. А я верю,

что он в корне изменится. И когда-нибудь даже попадет в такую же команду, как наш отряд.

– Ну, Михаил, ты и сморозил! – воскликнул Федя. – От такого богатства он откажется? Да не за что!

– Он будет другим, – сказал я. – Думаю, что спорить по этому поводу больше не надо бы. У нас сейчас другая задача. Ведь эти улыбочки просто так не сдадутся. Даже не знаю, что и делать. Потерять такую доходную деревню? Не знаю.

Все замолчали. Все казаки сидели вокруг костра, и не вмешивались в наши разговоры и споры. У них есть свой командир. Вот и пусть он решает, что делать дальше.

Ночь мы провели у костра. Выставили дозорных. Хотя я помню, что улыбочки не любят темноту. Об этом я написал в своей книге «Отчаянные придурки». Но подстраховаться необходимо.

Утром, когда мы только что позавтракали, перед нами проявился... Вот это новость! В моей команде его никто не знал. Этого я не ожидал. Как гром среди ясного неба, явился этот человек. Я тут же подумал, не зря он появился. Просто мы появились в другом мире. Его мир рядом. Вообще мы все рядом. Все живем на одной планете. И вот эти ученые свободно посещают наш мир, да и проникают в другие миры. Они ведут борьбу с волосатиками и с темной силой. Это был Дригис. Я о нем много писал в моих книгах. А теперь на нашей планете появились ещё и улыбочки. Планета большая. Разные народности и в этом мире есть. Дригис. Как давно я его не видел!

– Здравствуй, Юрий, и здравствуйте все твои новые товарищи, – поздоровался он. – Я по твоему чаю соскучился. Хороший ты чай заваривал.

– Вот, товарищи, это один из моих друзей. Ученый. Дригис. Очень древнее имя. Он живет в параллельном нам мире. Они свободно проникают везде. Я потом вам все расскажу. Дригис, я думаю, что ты появился перед нами, чтобы поинтересоваться чаем? Говори, что тебе надо?

– Это сейчас вам надо, – улыбнулся он. – С волосатиками и темной силой мы успешно справляемся. Мы постепенно отвоевываем у них землю. Но к нам стали проникать и гелиозы.

И против них мы найдем противоядие. Мы обследовали вашу большую деревню, – сказал он и взглянул на Черкашина. – Богатый край. Рядом с вами тоже есть богатый колхоз. Вашему отряду, Юрий, надо проникнуть и в тот колхоз. Здесь теперь мы попробуем что-нибудь сделать полезное. Помнишь, Юрий, над одним участком мы поставили энергетический заслон, как бы купол над деревнями и полями.

– Помню, помню, – ответил я. – Я даже книгу об этом написал. Правда, её ещё нигде не напечатал. Через этот купол, невидимую границу не могут проникнуть ни волосатики, ни темная сила.

– Решили мы и здесь такое попробовать. А вдруг получится? У нас у всех одна планета. Одна наша родина. И мы её должны сообща защищать, как от внутренних врагов, так и разных завоевателей из далекого космоса. Придут пришельцы к нам с миром, пожалуйста. Наши двери всегда для них будут открыты. Для врагов нет. Так что наши ученые уже начали работать.

– Где они? – спросил Михаил. – Они невидимки?

– Это весьма сложный процесс. Мы из нашего мира открыли в этот мир вход. Через него мы пропускаем молекулярный состав. Образуется этакий невидимый человеческому глазу купол. Он свободно пропускает солнечные лучи, дождь, снег. Всё, как положено в природе. Там находится как бы положительный состав. Но никогда не пройдет отрицательный заряд. Пока у нас таких мест мало, где мы отбираем участки земли у темных сил. Юрий видел эту невидимую стену, которая двигалась на темную силу.

– Я описал её в ещё не напечатанной книге.

– Поэтому вы можете отправляться на новое место. Со мной просились воины вакрэчи. Но мы им отказали. С гелиозами с мечами не справишься. Это не волосатики. С ними можно сразиться на мечях. Здесь необходимо другое оружие. Ну вот, друзья, у вас появился ещё один человек. Я пока исчезаю. Купол мы поставим. Никакая сила его не пробьёт.

– Подожди, Дригис, подожди, – остановил я его. – Вот человек, которого перебросили сюда эти улыбки. Можно ли его

через какое-то окно перебросить в наш мир. Я уверен, что там он станет другим.

– Попробуем это сделать. Мы его просветили. Он станет другим. Он разорится. Жена его выгонит. Ах уж эти жены богатых, и стоящих у власти! Всё-то им мало. Ваши жены везде лезут, где им и не надо быть. Не завидую его судьбе. Хотя, что я говорю, вы все такие отверженные и лишние люди в вашем обществе. Сделаем для него этот проход. Глядишь, и войдет в такую команду, как ваша.

И Дригис тут же исчез.

Из леса вышел Фертиков. Он шел на полусогнутых ножках, весь согнутый. Мы смотрели на него, и молчали. Он подошел к нам, и остановился. Склонил голову. Потом тихо сказал:

– Прошу, умоляю вас, не надо мне больше читать лекции. Я всё осознал. Не буду больше воровать и пакостить. Не буду. Я всё представил. Жена выгонит меня. Ну и пусть. Вот только что-то у меня с головой случилось. То сильно больно было, то вдруг совсем стало пусто. Вроде ничего не соображаю. Что это со мной, не знаю? Пустота.

– К тебе вернулись положительные черты в виде совести и сострадания к человеку. Как это произошло? Мы знаем. А тебе это не обязательно знать, – сказал Михаил. – Иди к столу. Там тебя отменно накормят.

Озираясь, и недоверчиво улыбаясь, он тихонечко пошел к столу. А я подумал вот о чем. Вот так бы многих наших миллиардеров, президентов и председателей правительств, губернаторов, иногда отправлять в другой мир на перевоспитание, чтобы удалить из них бактерии гелиоза. Смотришь новости, и охватывает ужас. Приходит к власти новый президент какой-нибудь страны, зараженный гелиозом, и начинает готовить и грозить оружием массового уничтожения миллионов людей. Он не печется о благосостоянии народа, а подавай ему оружие. В северной Африке, на Ближнем Востоке вспыхивают восстания, свергают ненавистных правителей. Льется кровь, горят деревни, города. На улицах лежат убитые женщины, дети. А ведь не сам народ в этом виноват, а именно правители. Народу не нужны войны, восстания, всякие революции. Ничего ему этого не надо.

Он хочет жить нормально, мирно, дружить с другими народами. Я ещё раз повторюсь, и если надо сто раз повторюсь! Войны, восстания, революции возникают из-за правителей. Придет этакый товарищ от богатого класса, нет, нет, не из бедного народа, а именно из богатого народа, и начинает надуваться морем обещаний и злобой. Я внимательно рассматриваю их лица. Порой мне кажется, что все они на одно лицо, будто роботы и клоны. Словно их незаметно для их самих, и для окружающих клонировали их мозги. А от этих клонированных мозгов и лица одинаковые. Какая разница в цвете кожи и разреза глаз? Нет разницы. Перед публикой, перед телевизором, все они, как один, не хмурятся, а плавает этакая чуть заметная улыбочка. Раньше я не замечал эту одинаковость. А вот когда стал встречаться с захватчиками из далекого космоса, то неожиданно прозрел. Так все наши господа, пришедшие к власти, настоящие клоны! Конечно, я уверен, что в их мозги внедрили бактерии гелиоза. Мне даже самому станет стыдно, если я скажу, что у всех мною перечисленных господ, стоящих у власти и имеющие миллиарды долларов, есть совесть. От этого мне становится страшно. И таких людей, начиная от ребенка и до взрослого, становится всё больше и больше. Порой, как на духу, когда я сяду у окошечка, то мне хочется плакать от бессилия, что я ничем не могу помочь людям, стать чище и благороднее, иметь хоть немного совести и сострадания к незнакомому тебе человеку. Конечно, есть люди, которых уже ничем не прошибешь. Я встречаюсь с ними, вижу их лица, на нем глаза. И они говорят о многом. Я их тоже описывал. Даже подходил к ним с юмором. Но юмор они, конечно, не понимали, а залились. Ведь мне и здесь хотелось, чтобы как-то вызвать их на откровенный разговор. Бесполезно. Но есть некоторые личности, которые начинали что-то соображать, что в этом мире, кроме стремления к богатству, есть что-то другое. И познать что-то другое им удастся весьма тяжело. И я их тоже понимаю. Этим людям уже ни чем не поможешь. Например, знаменитому чукче Абрамовичу скажи, чтобы он не покупал футбольную иностранную команду Челси, теплоходы и дворцы, а вложил бы эти миллиарды в сельское хозяйство несчастной России, в разоренные деревни. Не поймет. Да ещё начнет злиться, а, то и

смеяться над теми придурками, кто ему это предложит. А ещё и в суд обратится. И я уверен, наши правители и наш гуманный суд поддержат его, и засудят того, кто это предложил. Скажи нашей знаменитой миллиардерше Елене Батуриной, чтобы она половину своих награбленных миллиардов направила в поднятие сельского хозяйства в родной стране, чего доброго ещё обидится и подаст в суд. А ведь плаксуны, которые со слезами на глазах защищали её, когда шла телевизионная передача, вой поднимут на весь мир. Она специалист по выигранным судебным тяжбам, и здесь выиграет процесс. Вспоминаю, как перед объективом телевизионного аппарата шумел мэр Москвы господин Лужков, и бил себя в грудь, что он честный гражданин, когда его критиковал журналист Доренко. Вскоре этот журналист надолго исчез с экранов. А господин Лужков ещё долго царствовал в столице. Потом он опять колотил себя в грудь, и кричал, что он не знал, что его жена что-то там натворила и исчезла из России. А ведь Доренко-то был прав. Ничего господин Лужков не выделит для сельского хозяйства. Ещё и обозлится, и как на Доренко скажет, что я с этими товарищами, что заговорили о сельском хозяйстве, в одном поле в туалет не пойду. А ведь тоже не поделится, и не поможет деревне. А ведь она всю Россию кормит. Нет, я не деревенский. Но хорошо знаю, что деревня сейчас в худшем состоянии. Заграница поможет, там всё закупать? Заграница не поможет России. Она ждет, когда она начнет разваливаться. Нефть и газ скоро кончатся. Всё. А тут ещё эти кровососущие миллиардеры расплодись, как грибы-поганки в дождливую погоду. И все они норовят бежать за ту самую заграницу, отсылают туда народные высосанные денежки. Я к чему всё это пишу? На их лицах плавает легкая улыбочка, глаза цвета стали. О чем это говорит? Пусть люди мне не верят. Но это, правда. В эти головы ещё с молодости, а, возможно, и с колыбели, пришельцы из далекого космоса, внедрили бактерии гелиоза. Наши господа даже не понимают, что они носители страшной болезни, которая от них распространяется по нашей планете. У этих людей отсутствуют настоящие человеческие понятия, как совесть и стыд.

Одного господина в другом мире уже вылечили. Хорошо бы ещё хотя бы по одному господину отправлять на лечение. Их бы

здесь встречали с пониманием и лаской такие наши лекторы, как Балаболкин, Дрожжин, ну и, конечно, сам Петр Петрович Длиннохвостиков. Конечно, этим господам из многих стран, обворовавших свои страны, можно было бы дать приличную порцию кнута по нужному месту. Им и наших лекторов хватит. Я уверен, что такие лекторы и в иностранных командах есть. Хотелось бы познакомиться. Попрошу кого-нибудь из отправителей познакомить меня с такой командой, а главное, с изощренным лектором. А если бы к ним подпустить нашего любимого лектора Петра Петровича? Я могу только представить, чтобы стало с тем господином, которому выпала честь выслушать одну из умных лекций нашего уважаемого товарища лектора. Конечно, на языке слушателя. Я бы подсказал иностранным господам, чтобы на всякий случай надо бы привязать господина к дереву надежными веревками.

Когда я рассказал о веревках и ещё кое о чем, но так, чтобы не услышал Петр Петрович, не только Федя, но и Юра, стали все громко смеяться. Только один наш Петр Петрович стоял в сторонке и думу думал. Потом подошел к нам.

– Вот вы веселитесь, а ведь я не дочитал этому товарищу нужную лекцию.

Федя упал на траву. Он держался за живот и громко смеялся. Сквозь смех он говорил:

– Веревками, а лучше всего цепями держать их надо! Цепями! Ну, Юрка, ну, молодец! Вот, чо придумал! А ведь верно, мать их за ногу! А ещё бы при чтении лекции их потчевать кнутом.

– А вдобавок ещё бы этим господам подсунуть нашу знаменитую Октябрину Правдину, – сказал я. – Она бы вопросики подкидывать стала. Вот, где была бы полная умора. Представьте себе. Звучит умная лекция, задаются вопросы, и чтобы он не уходил от ответа. И периодически гулял бы кнут. Лекция. Вопросы. Кнут. Полная идиллия.

Петр Петрович махнул на нас рукой и удалился к столу, за которым продолжал сидеть Фертиков.

И вот мы пришли к сараю. Завалились в душистое сено. Я сразу уснул...

Дома

Стоял у сосны. Снег хлопьями ложился на ещё не замерзшую землю.

– Спасибо тебе подруга, – сказал я сосне. Легкая мелодия появилась у меня внутри. Что-то сосна говорила, но на этот раз я не слышал. Слабость была во всем теле. Кажется, кое-что услышал.

– Пройдись по тайге. Зайди в березовую рощу. Она придаст тебе энергии...

Я оторвался от сосны и пошел в глубину тайги. От слабости меня качало. Много энергии из меня вышло в соседнем мире. Так можно и упасть. Я подошел к молодой березе, и приткнулся к ней лбом. Обнял её. От неё ко мне шло тепло. У меня возникло такое ощущение, словно я попал в сказочный лес. Невольно у меня закрылись глаза. Настоящая сказка появилась вокруг меня. Не было снега, а кругом росла зеленая трава, какая бывает в наших краях в конце июня. Березы уже дали ярко зеленый полный лист. Вокруг берез росли, как не странно подснежники, хотя в это время у нас их уже нет. С ними рядом краснели жарки. Но эти цветы в тайге не растут. Они любят полянки, простор, где много света. Росли ещё какие-то цветы. Я уловил запахи разноцветья, смородины, кедровых шишек. Почти рядом пробежали почему-то пятнистые олени, с одного дерева на другое перепрыгнула белка. Почти рядом со мной пробежал бурундук. Он нес гриб. Но в это время в тайге грибов ещё нет. Какое-то наваждение! А чему мне удивляться? Я вон, в какие миры попадаю, и такого там навидался, что никогда и никто не поверит, что это, правда. Поэтому я уже ничему не удивляюсь. В нашем реальном мире я разговариваю с сосной, и она мне отвечает. Я прохожу в другой мир через сосну. Ко мне приходят духи, как от темных сил, так и от светлых сил. Сейчас вот я встал у березы, и в моем реальном мире я увидел настоящий сказочный лес. И рассказывать об этом я никому не буду. Опасно, да и не поверят. Итак, ко мне многие относятся с подозрением. Тем более я издал две фантастические книги. Даже в реальность мою в этих книгах не верят. Врет, мол, он всё. А лес, что меня сейчас окружал, был

наполнен разными приятными звуками. От всего этого я чувствовал, что силы во мне возрастали.

И вдруг всё исчезло. Просто я стоял у березы и обнимал её. Она была теплой, нежной, и мне казалось, что она даже стала мягкой. С исчезновением сказочного и музыкального леса, береза стала обыкновенным деревом. Поверхность прохладная, и немного шершавая. От неё пахло свежим снегом. Подобных запахов больше в природе не существует. В тайге все сорта деревьев имеют свои запахи. С закрытыми глазами я могу различить любое дерево по его запаху. Хотя ещё в детстве медвежонок «саданул» меня в ухо, а вот в тайге я услышу, как шумит, или стонет любое дерево. Был я на юге много раз. Пытался там разобрать запахи леса, услышать звуки деревьев, бесполезно. Ничего я там не услышал, и не понял запахи леса. Для меня там всё оказалось чужим. И я быстро уезжал оттуда в родную мою Сибирь, в тайгу.

Почему исчез сказочный лес, и я снова попал в реальный мир? Я уловил чьи-то шаги, тихие, осторожные. Человек подходил ко мне со спины. Я оторвался от березы и развернулся. В метрах двух от меня стояла Ольга Борисовна Голубкина. В её больших глазах под цвет весеннего неба в ясную погоду на утренней зорьке, было любопытство и вопрос.

– Я долго наблюдала за вами, – тихо призналась она.

– Почему вы здесь? Люди в такую погоду дома сидят.

– Не знаю. Захотелось посмотреть осенний лес, – ответила она и пожала плечами.

– Ну и как?

– Сказка, – ответила она и развела руки.

– Вы правы. Сказка.

– Береза полезное дерево, – сказала она и сложила руки на груди.

– Что ещё вы видели?

– А что я должна видеть? – она убрала руки с груди и сунула их в карманы. – Не знаю. Сказка.

– Какая она эта сказка? Вы видели её? – допытывался я. Конечно, мне было немного стыдно, что я обнимал березу. Обычно это делают женщины. Они никого и никогда не стесняются. При

всех подходят к дереву и прижимаются к нему. Мужчина так не делают. Гордость, видите ли, не позволяет.

– Мне казалось, что вы что-то видели? Сказку? – хитро улыбнулась она. – Признайтесь.

– Ничего я не видел.

– Вы скрываете то, что вы видели.

Чтобы окончательно уйти от ответа, я снова спросил:

– Вы часто ходите в этот лес?

– За всё лето вот второй раз. Я не могла найти вашу знаменитую сосну, которую вы прославляете. Хотя бы одним глазком взглянуть на неё. Какая она?

– Обыкновенная сосна, каких множество в тайге, – быстро ответил я. Понял, что она не отстанет.

– Хорошо. Пройдемте. Она здесь недалеко по пути в город.

И мы пошли с ней к сосне. Вся в пушистом снегу, как новогодняя ёлка, она вся светилась в только что упавших на неё солнечных лучей.

– Господи, какая красота! – Ольга Борисовна вынула из карманов руки, и всплеснула ими. Руки у неё от холода были красные, как и кончик носа. Замерзла Голубкина. Так ей и надо. Нечего в такую погоду бродить в тайгу.

– Какая красота! – повторила она. – Солнечные лучи, словно специально осветили её перед нашим приходом. Красота! Теперь я понимаю вас, Юрий Иннокентьевич, понимаю. Такую сосну выбрать. Значит, в параллельный мир вы иногда проникаете через ствол этой сосны?

– Выходит, так, – ответил я. Как мне показалось, моя сосна весело засмеялась. Но этот смех Ольга Борисовна, конечно, не услышала.

– Вот бы мне через эту сосну попасть в другой мир.

– Прежде чем туда попасть, идет тщательный отбор. И потом, не мы над собой хозяева. Это всё они, ну те, что над нами, отбирают нас. Ольга Борисовна, вы рассказывали про свои длинные сны. А вдруг, это вовсе и не сны, а настоящая реальность. И вы тоже туда попадаете, но только во сне, когда спите. Я тоже, бывает, улетаю туда во сне.

– Господи, так сложен мир, а ведь нам всю жизнь вдалбливали, даже ученые, что мы одинокие во вселенной. Сколько же нам вреда принесла идеология. Ведь в других странах уже многое что знали. А мы жили в какой-то зоне. Вы, Юрий Иннокентьевич, правильно написали в своих двух книгах. Мы жили в зоне.

– Ольга Борисовна, я ещё в молодости знал, что мы не одинокие. Ещё в молодости меня посещали представители от темных и светлых сил. Моё первое путешествие в древний Рим состоялось, когда мне было где-то лет двадцать восемь. Так что от всех вас я отличался тем, что я путешествовал в другие миры. Моё преимущество перед вами, что у меня Горьковские университеты. Мне в голову идеологию не впихивали. Я сам всё познавал из жизни, из множества книг и журналов. Помню, одно время мы жили в городе Олекминск на реке Лена в Якутии. В свои тринадцать лет я трудился конюхом и истопником при школе. Так вот на чердаке школы я обнаружил связки журналов «Вокруг света», да и другие журналы и книги. Там когда-то, ещё при царе, жили ссыльные, и, видимо, когда началась революция, уехали оттуда. И вот я все эти журналы и книги перечитал. Это было что-то! Многому я в них познал. Хотя я потом был и бродягой, вором, туенядцем, а в глубине души что-то во мне тлело. Судьба меня всяко ломала, бросала по стране из одного края в другой. А вот надо же, выстоял. Возможно, те журналы и книги помогли мне.

– А нам вдалбливали, учили быть как все, – вздохнула она. – Считай, мы были, как те оловянные солдатики. А куда девались те все издания?

– Не знаю. Я потом странствовать начал, и было не до них. И вот совсем недавно, я вдруг о них вспомнил. Не знаю, почему вспомнил. Наверное, из-за того, что где-то в глубине у меня, возникла благодарность к ним. И то, что я стал другим, что стал вот писать и фантазировать, всё оттуда пришло. Раньше я не гадавался, а сейчас понял, оттуда во мне всё такое появилось.

– Счастливый вы человек, – улыбнулась Ольга Борисовна.

И вдруг она неожиданно спросила:

– А мне можно поговорить с вашей сосной?

Я даже растерялся и не знал что ответить, хотя я всегда отвечал на любой вопрос мгновенно. Хотя я и коренной сибиряк,

должен быть в разговорах и ответах медлительным. Коренные сибиряки не суетливые, рассудительные, пока не обдумают вопрос заданный ему, сразу не ответит. Наверное, я такой из-за того, что во мне есть и цыганская кровь.

– И я ответил:

– Не знаю. Мне этого не дано знать.

– Я уверена, что вы её язык понимаете.

– Это уже другое дело. Я как тот профессиональный охотник понимаю тайгу. Чувствую её настроение.

– У той березы тоже? – спросила она, и её глаза прищурились.

– Это так. Но говорить на нашем языке деревья не могут.

– Фантастика. Не знаю почему, но вы разговариваете с деревьями.

– Ольга Борисовна, давайте представим так. Дача. Есть теплица. В ней растут помидоры. В теплицу заходит хозяйка. Она начинает вести разговор с помидорами. Я сколько раз слышал такие разговоры женщин с овощами. Всё нормально? Допустим, что нормально. Так ведь?

– Так. Разговаривают. Даже с животными разговаривают, – ответила она, и перестала щуриться.

– Прекрасно! И никто не смеётся, не называют этих людей дураками и придурками. И всё это в норме. Но стоит кому-то зайти в тайгу, и начать вести разговоры с любимым деревом, сидящей на кедре белке, да мало ли с кем, над этим человеком смеются. Мол, спятил мужик. Так вот и надо мной смеются. Я же вот не смеюсь, если какая-то хозяйка ведет беседу с курами. Вот мой и ответ на ваш вопрос. Ведь вы, Ольга Борисовна с любопытством смотрели на меня, когда я стоял у березы. Ответ.

– Да. Это я не подумала. А ведь, правда. Все разговаривают. А почему в лесу нельзя разговаривать? Странно. Значит, сосна не разговаривает? Но ведь через неё можно попасть в иной мир. Хотелось бы поговорить.

– От неё зависит, от её настроения, – улыбнулся я.

– У меня сейчас возникло такое предположение, будто она слушает нас.

– Тайга всегда слушает человека, зверя. Особенно человека. Он ведь на всё готов. Иногда даже боится человека. Мстит ему. Придет злой человек собирать грибы, а она и начинает его крутить. Заблудился человек. Мечется человек, кричит, людей зовет на помощь. Тайга может и пожалеть человека, а может и убить. И ещё. В тайге есть гиблые места. Даже в округе нашей тайги есть гиблое место. Я как-то давно попал в тот темный лес. Грибы собирал, да и забрел туда. Есть деревья согнутые, закрученные, много упавших, хотя ещё молодые деревья. Темный, густой лес. Полумрак даже в самый солнечный день. Жутко стало. Вроде даже слышал какие-то голоса. Я отозвался, а мой голос тут же и утонул в густой чаще. Долго плутал. И что удивительно, часто возвращался на одно и то же место. Потом я остановился, успокоился, и вспомнил молитву. Крестился и молился. Просил Боженьку найти мне выход из гиблого места. Вышел. Больше я туда не ходил.

– Кошмар, – сказала Ольга Борисовна и посмотрела по сторонам. Я её решил успокоить.

– Здесь, вот в этом месте, и далеко вокруг чистый и светлый лес. Здесь мудрая тайга. А ещё вы не заметили одну таежную деталь. В тайге не растут тополя. Тайга не принимает в свое содружество это дерево. А вы посмотрите, какой дает пух тополь. Среди лета настоящий снег стелется по улицам. А ведь это семена тополя. Они стараются насадить свои отпрыски, а ничего не получается. Даже городской парк не принимает эти семена. Давно заметил, что рядом с тополем нельзя долго находиться. Лично у меня начинает портиться настроение, болит голова, перебои в сердце. Минут пять постои под тополем, и хватит. Это даже для здоровья полезно. Тополь забирает у нас негативную энергию. А перебор невозможен. Может получиться так, что эту энергию тополь и заберет. В моё окно порой скребется ветка тополя. Она придает мне мысли, повышает настроение. Ветка словно имеет разум. Через какое-то время она отступает. Умница. Вы, я смотрю, совсем замерзли. Пойдемте в город.

– Насчет тополя вы хорошо сказали. Я смотрю, что у вас все вокруг живое. Но я не смеюсь. А вот те люди, что разговаривают,

как вы правильно сказали, с курами и помидорами, почему-то смеются над вами?

– От человека зависит, от его разума, и личного воспитания.

Мы отошли от сосны. Ольга Борисовна оглянулась. Глаза опять прищурились.

– А ведь вы разговаривали с сосной. Я что-то от неё даже непонятное уловила. Вроде какие-то звуки.

-- Почему я не смеюсь над вами?

– Поняла. Мне всё стало понятно. Фантастика.

И вот я дома. Полдень. Снег большими хлопьями от легкого ветерка натёкался на окна, и по стеклам с легким шелестом скользил на карниз. На нем он кружился, и пытался забиться в уголки, но ветерок отгонял его и сбрасывал на бетонку.

Я сидел у окна и любовался крупными белыми мухами. Они придавали мне настроение, бодрость, и неистребимое желание сесть за стол к новой рукописи, что я и сделал. Записал всё, что произошло со мной в параллельном мире.

Утром решил пройтись по городку. На дороге снег растаял и превратился в лужи. Я шел по тротуару. Одна из машин проехала вплотную с тротуаром, где скопилось много грязной воды. Она окатила меня и молодую женщину. Она катила детскую коляску с ребенком. На мгновение я увидел широкое и довольное лицо шофера. Он улыбался. Конечно, нельзя обо всех людях думать, что в нем сидит элемент гелиоза. Просто этот товарищ от рождения такой веселый пакостник. Такие моменты ему весьма нравятся. Он без них не может жить. Они вдохновляют его на новые свершения ради собственного удовольствия. Я не стал возмущаться и кричать. Зачем? Кричать ради успокоения? Ради чего? А вот молодая женщина разразилась такой бранью, что даже я почувствовал, как у меня покраснели уши. Она бросила сигарету, и с прокуренным лицом наклонилась к ребенку. Я решил успокоить её. Надо ведь как-то утешить молодую маму.

– Успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь. Что с него взять? Лихач. Меня он тоже окатил водой. Эта вода образовалась от свежего снега. Вода эта даже в чем-то полезна...

Она выпрямилась, и взглянула на меня бешеными глазами.

– Ты чего это, старый козел здесь пургу гонишь? Успокаивать собрался? Пошел отсюда со своей свежей водой! Ты смотри, он ещё измываться стал надо мной! Пошел отсюда! Я тебя самого в воду превращу! Пошел!

Ребенок начал кричать и дергаться.

Да, это было хамство высшей категории. Минуту назад я сразу встретил два хамства. Для меня это был перебор. Надо же в одно время, да ещё с утра? А впереди целый день. Не повезло мне сегодня. Нет, нет, я не обиделся. Зачем обижаться? Этих людей уже не воспитать. А вдруг что-нибудь и получится. Одного из них отправить в любую команду, которая появляется в другом мире. Да подпустить бы им одного из наших лекторов. У них же есть лекции о морали. Конечно, есть.

– Девушка, – обратился я к ней, – не надо так нервничать. Молоко может скиснуть от вашего мата и ругани, да и от вашего курева.

Она начала глубоко и нервно дышать. Я понял, что надо уходить. Может всё плохо кончиться для ребенка. Грудное молочко может вообще исчезнуть от кричащей и курящей мамы. Надо уходить, и я пошел. А молодая мама даже перешла на ужасный визг.

– Ах ты, гнилой мухомор, гавно собачье, я тебе покажу, как мне указывать, как мне жить! Молоко! У меня его давно нет! От такой собачьей жизни сплошные нервы, а не жизнь! А ну, старый хрыч, стой! Стоять, я тебе говорю!

Я продолжал путь. Но подумал вот о чем. Эту бы маму, отправили бы, куда надо на воспитание. А, в общем-то, на них наших лекторов не хватит.

Понял одно, что день испорчен. Давно заметил, если с утра всё не так удачно пошло, день ожидает меня с сюрпризами. Прощел немного, а меня встретило ещё одно хамство. Видимо, в этот пасмурный день, хамство летало над городком. Оно многолико. Я даже чувствовал его. Вместе со снежинками оно кружилось в веселом хороводе, касалось макушек голов некоторых людей. Отправляло в эти головы свои невидимые щупальца, как это иногда делает темная сила, зависая над городком, и тоже свои присоски втискивала в головы товарищей и господ. Так что над

нашим городком, эти два понятия, как хамство и темная сила в тесном содружестве зависли над всей нашей планетой. Они везде, от них не скрыться. Коснувшись головы человека, хамство заставляет его нахмуриться. В глазах появляется злоба, зависть. Порой человек не понимает, что с ним вдруг такое произошло. Я бы мог помочь такому человеку, но он не поймет меня, и ещё более обозлится. А ответ простой. Надо придти домой. Принять контрастный душ. Только не надо принимать в этом контрастном душе холодную воду. Теплую воду, и тут же чуть, чуть прохладную. Отключить все посторонние негативные мысли. В этот момент тихонечко напевайте какую-нибудь мелодию. Пойдите под таким душем минут пять. После душа хорошо протерлись и ложитесь на диван. Не надо включать телевизор и никакую музыку. Просто отключитесь. Тут же вы легко заснете. Проснетесь бодрым и веселым. Я вот уже много лет так делаю, если мне люди вымотали нервы. Лучше всяких таблеток. А ещё я иду в тайгу, в парк. Как хозяйка ведет душевные беседы с курами, помидорами и гусями, так и я разговариваю с деревьями. И вот в этой книге я, наконец-то, признаюсь в этом моем недостатке. Теперь можете смеяться надо мной, хотя я над вами не смеюсь, когда вы ведете милые беседы с помидорами и курами.

Как я и думал, хамство продолжало витать надо мной. Я его чувствовал, и с волнением и тревогой ждал нового появления. И оно появилось передо мной. Мне преградил путь один из моих знакомых. Когда-то он трудился не непонятной для меня должности в администрации города. Теперь он на заслуженном отдыхе.

Он стоял передо мной, как монумент. Как всегда ухоженный товарищ, чисто выбритый, в красном галстуке. Бравый мужчина. Вот только ноги его подводят. До сих пор он ходит на слегка согнутых ногах. Многолетняя привычка, знаете. Сейчас он стоял передо мной, и улыбался. Глаза тоже улыбались.

– Приветствую товарища Стрелова, или господина? – и он даже соизволил засмеяться.

– Слово товарищ мне роднее. Какой же я господин?

– Да это я так спросил. Не обижайся. Всё чиркаешь что-то там? Я не читал твои книги. Мне рассказывали. Всё не успокоишься? Пора бы уж и честь знать.

Он стоял передо мной, почти упирая свой толстый живот в меня. Голова откинута, глаза весело уперлись в моё лицо. Есть и такие люди. Они как бы висают над человеком, конечно, если чувствуют над ним превосходство. В другой ситуации они вроде уменьшаются, и на почтительном расстоянии подбирают живот, немножечко сгибаются, так как их ножки чуть, чуть подгибаются. Я не буду таких господ описывать. Их отлично описал Чехов в своих рассказах. Если вы читали его рассказы, то можете представить моего собеседника. Андрей Иванович Поломойкин весело разглядывал меня. До меня он шел и никому не мешал, и никого не трогал. Никого не боялся. А кого ему теперь бояться? Он сейчас свободный человек, он на пенсии. Видимо, он только что пообедал. Вид у него был довольный, сытый и от него пахло свежим борщом, и ещё чем-то вкусным. А тут возьми, и Стрелов попался ему на глаза. Можно и повеселиться. А так как Андрей Иванович человек начитанный, культурный, образованный, можно и попробовать воспитать этого товарища, соизволившего что-то там начиркать. Я всегда старался избегать таких товарищей, потому, что они вызывали подобных мне людей на спор. А спорить с ними я не любил. Я уже писал, что не люблю спорить с женщинами и вот с такими людьми. Андрей Иванович веселился.

– Значит, товарищ Стрелов не господин? Похвально.

– Не господин.

– А как ты думаешь, кто я?

– Господин, наверное.

– Наверное, – передразнил он и громко засмеялся.

– Откуда мне знать?

– То-то, а собрался что-то там писать. Прежде чем что-то писать, надо было бы, мой голубчик учиться в институтах. Я, например, ВПШ окончил. Зачем не учился? И зачем тогда лезешь туда, куда тебя не просят.

Он продолжал веселиться.

– Учился я, – пришлось ответить.

– Да брось ты, – махнул он рукой. – Ладно, что с тобой. Ты вот что мне голубчик мой дорогой, ответь мне на такой вопрос, если ты такой умный, Как ты думаешь, куда мы катимся?

– Не понял, – ответил я. – Сейчас ещё не время кататься на лыжах.

– Так, – такнул он, и перестал громко смеяться. Но продолжал улыбаться. – Причем здесь лыжи? Я про другое тебя спросил. Умничаешь? Нехорошо. Не по Сеньке шапка. Тебе надо бы быть немного скромнее и тише.

– У меня был товарищ по работе Сенька Рыбаков, – ответил я. – Так вот он, бывало, говорил, что лучший продукт для него, наступающее воскресенье. Откуда вы знали Сеньку? Кстати, он даже зимой шапку не носил, с открытой головой всю зиму ходил. У него на голове росла копна волос. Зачем ему шапка?

Поломойкин перестал улыбаться. Глаза забегали. Он даже немного отступил от меня. Он стал дышать глубоко и чаще.

– Ты этого, понимаешь, что из себя тут возомнил? Какое имеешь право передо мной недоучка умничать. Не дано тебе такое право, умничать! – повысил он голос.

– Опять я виноват? – спросил я. – Вы сами спросили про Сеньку Рыбакова. Если вы его знаете, то почему вы стали нервничать? Не понимаю. Сенька был неплохой мужик. В меру весьма ушлый...

– Ты замолчишь? Причем здесь какой-то Сенька? Плевать мне на твоего Сеньку.

– Зря вы так, товарищ Поломойкин. Этот Сенька...

– Молчать, сукин сын! – крикнул он. – Пошел вон! С тобой говорить только нервы испортишь. Как ты был слесарем, рабочим, так и остался им. И нечего лезть в чужой монастырь со своим уставом!

– Кстати, товарищ Поломойкин, у нас здесь нет монастыря. Есть в нашем городке две церкви. Так вот этот Сенька...

Поломойкин махнул рукой и засеменял от меня, потом, видимо, хватился, развернулся и пошел в другую сторону. А я подумал, правильно ли я поступил с этим человеком? Не знаю. Надо было выслушать его унижения насчет меня, слушать оскорбления? Ведь он унижал меня. Я ведь тоже человек. За-

чем он так поступил со мной? Таких людей тоже много. Пусть бы повстречался с человеком подобным себе, но и умничай на здоровье. Вспоминайте свою работу в райисполкоме, как хорошо было сидеть в тиши кабинета, перебирать бумажки, писать отчеты, выступать с лекциями среди рабочего класса. Золотое время было. Конечно, они вспоминают те благословенные времена. Теперь вот на пенсии. Я уверен, что он прочитал мои две книги, где я описываю таких вот товарищей. Возможно, где-то и себя узнал. Как посмел этот бывший рабочий написать такое? Кто ему позволил писать? Ему и думать-то, надо запретить, а он осмелился ещё, и писать, и высмеивать честных товарищей.

Подумал я так, и все-таки, не раскаялся. На хамство и грубость не надо бы отвечать, а вот поиграть немного надо. Он ведь тоже со мной решил играть. Вот и поиграли. Так зачем на меня сердиться? А потом мне вдруг его стало жалко. Понять его надо. Сегодня он столкнулся с хорошо знакомым человеком, но для него не понятным. А такие непонятные и подозрительные в этой не понятности люди, вызывают в людях некоторые чувства. И эти сложные чувства иногда настораживали таких людей, как Поломойкин, и пугали. Сближаться с ними было опасно. Можно, мол, влипнуть и в нехорошую историю. А в благословенные советские времена быть знакомым с подозрительным типом, как Стрелов, особенно опасно. Тем более, если этим типом были заинтересованы особые органы. Эти типы были на учете в КГБ. Благословенное время кануло в лету. Обидно. И, что обидно, эти подозрительные типы не исчезли. Они, мол, продолжают жить среди таких людей, как Поломойкин. Разве не обидно? Хотя теперь можно и полиберальничать с подобным типом. Вот и встретился этот подозрительный тип, соизволивший что-то там начиркать. И Андрей Иванович разрешил себе немного поучить бумагомарателя. Поучил на свою голову. И, всё-таки, мне его стало жалко. Он не виноват, что он такой. Просто он жил в таком времени, воспитывался со школьной скамьи по коммунистической идее, потом учился в Высшей Партийной Школе в Москве. И работал в райкоме партии, потом в райисполкоме. Что с него взять? Что взять с таких людей? В них все те остатки остались накрепко и навсегда. Правда, есть такие товарищи,

которые держали свои около партийные носы по ветру. Поменялся ветер, и они тут же поменялись. Вот таких людей мне не жалко. Это страшные люди. Вот теперь именно такие господа, в недавнем прошлом товарищи, пришли к власти в нашей стране. А с этих товарищей, как Андрей Иванович Поломойкин что взять? Пусть уж себе живут, никому они не мешают. Просто сегодня он решил полиберальничать с непонятым человеком, который в советские времена был под присмотром КГБ. Теперь можно и поговорить, устыдить мужичка, чтобы не лез, куда его не просят. А получилось всё наоборот. И ещё я подумал вот о чем. Больше я не буду с такими людьми вот так непонятно для них разговаривать. А если с ним пооткровенничать? Возможно, в нем и появится что-то, уже в нем самом непонятное для него. Надо попробовать. Он, всё-таки, человек. А человек это такой сложный механизм, равного живого существа ему нет на планете Земля.

Снег продолжал идти. Все-таки, наверное, после этого снега ударит мороз. В октябре у нас такое бывает.

Встретились с одним из моих товарищей Александром Ниточкиным. Мы иногда с ним прогуливаемся по парку. Он, так же одинок, как и я. Ведем разговоры на разные темы. Он читал мои книги. Не признает мою фантастику. Кстати, он прекрасный поэт. Тоже издал несколько книг стихов и прозу. Мужик он богомольный. И прекрасно читает книги на старославянском языке. Соблюдает все необходимые посты. Я тоже пробовал поститься, но через несколько дней меня начинало качать, и кружилась голова. И тогда я переставал поститься, и всё восстанавливалось.

Мы прогулялись по парку, и разошлись, чтобы на завтра снова встретиться. После него навстречу мне шел тоже знакомый мне товарищ Неуспокоев Демьян Акинфович. Раньше он работал начальником молочно-товарной фермы, и по увеличению телят от каждой фуражной коровы. Одновременно он был секретарем партийной организации в колхозе, который находился рядом с нашим городом. На ферме была сплоченная партийная ячейка из трех человек. В ней был сам Неуспокоев, старая уборщица Федосья Ивановна и сторож дед Агафон Дермедонтович. Каждый месяц Неуспокоев собирал свою ячейку, и вел их в красный уго-

лок колхоза. Там он ставил насущные вопросы современности, проводил регулярные политзанятия. В углу его кабинета стоял сейф, где хранились партийные документы. Правда, порой ему не нравился дед Агафон. Он постоянно начинал дремать, приходилось будить. А вот с бабкой никаких хлопот не было. Она с превеликим удовольствием слушала зажигательную речь начальника и парторга. Она с умилением смотрела на лектора. В её больших глазах Демьян Акинфович видел понимание, и даже сочувствие. Ему нравилось, как она слушала. Остальные колхозники, и его бабка, и дед порой начинали дремать. Председателю колхоза он похвалил уборщицу Федосью, как она хорошо его слушает, на что председатель ответил:

– Это и понятно, Демьян Акинфович. Она с детства глухонемая. Где-то же надо трудиться. Уборщица она хорошая. Ещё молодой ей предложили вступить в партию за её честное отношение к работе, и она согласилась.

Мы встретились, остановились. Демьян Акинфович не знал, куда девать руки. Его серые глаза ещё более посерели. У меня было такое ощущение, словно его глаза тоже не знали, куда им деться. Они метались. Стоял он передо мной на немного согнутых ногах, и чуть сутулясь. Мне хотелось сказать ему, что перед ним не его непосредственный начальник, а такой же, как и он, свободный пенсионер. Вот что значит многолетняя учеба и многолетний труд в партийно-хозяйственных учреждениях. Неожиданно мне стало жалко Неуспokoева. Я решил первым заговорить.

– Здравствуйте, Демьян Акинфович. Погода отменная.

Он немного засуетился, задержался. Может, испугался меня? Мало ли что я смогу «сморозить». Но он решил поддержать меня.

– Отменная. Зима скоро.

– Легкий морозец, – ответил я. – Как я вижу, вы от такой погоды, даже немного помолодели.

Он вроде перестал дергаться. Руки засунул в карманы куртки. Глаза приобретали свой естественный цвет. Это уже лучше. Надо выручать мужичка. Неужели я такой страшный для бывших работников от партии? Пора бы уж всем им успокоиться.

– Не знаю, – ответил он и недоверчиво улынулся.

– Не скромничайте, Демьян Акинфович. Давно вас не видел. Не меняетесь вы. Я как-то помню, вы приходили в наш цех, побывали среди слесарей, и выступили с лекцией по увеличению крупнорогатого скота, и заготовке кормов. Умная лекция. Я до сих пор помню.

На его кругленьких щечках проступил легкий румянец. Неуспокоев совершенно успокоился.

– Как? Вы помните, а я, понимаешь, грешным делом думал, что вы этого, как его, ну не такой. Вы ведь всё всегда против всего были. Мне так говорили в парткоме и райкоме.

– Поменьше надо было слушать их, – ответил я.

Он даже вздрогнул. Этим ответом я чуть все не испортил. Надо исправляться.

– Ладно, об этом. Я ещё раз повторюсь. Прекрасная была лекция. Тогда многие из нас, слесарей, вдохновились. Конечно, вы тогда этого не заметили, как мы вдохновились.

Помню я тот вечер. Я вышел на улицу и от тоски завыл. В тот вечер некоторые слесаря дремали, выдыхая остаточный дневной перегар. А в уголке курилки их ждали под столом вожделенные наполненные бутылки. Слесарям было не до лекции. Такое было везде, по всей нашей стране. Всего этого я навидался. И странно было то, и крайне удивительно, эти партийные товарищи лекторы не замечали и не понимали глубину нашего простого народа. А потом кого-то винили, что эта партия развалилась. Сам народ не верил ей, и даже подсмеивался.

– Почему я не заметил? Люди всегда активно собирались на проведение политзанятий и лекций. Я видел их внимательные лица.

Врешь, хотелось мне сказать, ничего ты не видел, просто ты выполнял указание райкома партии. Тебе нравилось читать лекции, и потом за них ещё и денежки платили. Неуспокоев продолжал развивать мысли.

– Конечно, куда мне до таких прославленных лекторов, как Балаболкин, Дрожжин, Длиннохвостиков, Железянкина! Они могли без отдыха говорить до двух часов перед аудиторией. Я тоже тренировался перед зеркалом так говорить. К сожалению,

меня хватало на полтора часа. Это были мастера высокого класса. Давно их не видел. Живы ли они? Я краем уха слышал, что Длиннохвостиковы всё продали и куда-то уехали. Жена у него бой-баба. Она бедного Петра Петровича в ежовых руках держала. Что случилось с ними, не знаю.

– А как у вас с хозяйством? – спросил я, чтобы увести его от тоски по прошлым благословенным временам.

Он вроде перестал веселиться, и оглянулся. Помолчал. Потом тихо, со скромной улыбочкой ответил:

– Понимаете, Юрий Иннокентьевич, у нас с моей благоверной есть небольшая дачка. Редис, лучок там произрастает. Сделали поползновение на курочек. Живем понемногу. А как у вас, Юрий Иннокентьевич?

– У меня тоже есть поползновение на то, что у меня кроме однокомнатной квартиры ничего нет.

– Жаль. Отдохнул бы там. Говорят, что-то вы всё пишете. Почитать бы.

– Вы знаете, а пойдете ко мне? Там и кое-что почитаете. Как у вас со временем? Жена не заругает вас, что вы пошли ко мне?

– Нет, не будет ругаться. Она на неделю уехала в деревню к дочери. Конечно, моя Ефросинья к вам относится негативно. Да это и понятно. Вы ведь всегда критиковали многих начальников, выступали против существующего строя.

– Забудем это, Демьян Акинфович. Пойдете ко мне. Время у вас есть. Ваши курочки подождут.

И мы отправились ко мне. Не знаю почему, но мне вдруг захотелось пригласить к себе этого человека. Правильно, есть мудрые слова древнего философа, что я знаю, что я ничего не знаю. Два часа назад, я даже не знал, что приведу этого человека в свою квартиру. И почему я должен утверждать, что я знаю себя? Конечно, я себя совершенно не знаю.

Он оглядел мою комнату и покачал головой. Тяжело вздохнул.

– Всё скромно, и всё на месте. А ведь, как многие товарищи, ты мог бы и лучше жить. Чем ты хотел порадовать меня?

Вдруг он мне стал ближе. Он заговорил со мной на «ты». Я показал ему свои книги. На ноутбуке он увидел мои новые руко-

писи. Он не смотрел на меня, он начал листать мои книги «Зона» и «На острове снов». Листал он и другие мои первые книжки. И вот он углубился в чтение моих двух последних книг. Я не стал ему мешать. Сообщил ему, что мне надо сходить в продуктовый магазин, и кое-что купить, тем более я вчера получил пенсию. Он только согласно кивнул головой. А когда я выходил, он сказал.

– Я буду читать. Я тут без тебя чаек заварю. Я читаю быстро, и всё понимаю. Так вот, согласно современникам Ленина, он читал быстро. Так, что я как наш Владимир Ильич, читаю быстро, но разумею.

Неуспокоева я оставил одного. Не знаю почему, но я направился в сторону тайги. Снег толстым слоем покрыв землю, накрыл деревья. Я подошел к сосне. Она будто звала меня к себе. Я и подошел к ней. Густой туман окутал меня, и я проснулся...

Всё не так, как бы нам хотелось

Я стоял на берегу моря. Мои новые товарищи были рядом. Они тоже стояли, тесно прижавшись, друг к другу. Озирались. Для них всё это ново. Я привык ко всяким неожиданностям. Но сегодня я имел право немного удивиться. Мы уснули в домишке. Недалеко от нас стояла деревня. Нас переместили в другое место. Почему? Нам обещали проникнуть в соседнюю деревню, куда иногда проникают улыбки. И вдруг, мы оказались в другом месте. Давно я здесь не был. Конечно же, это был остров Дикий. Впервые я его описал в моей второй книге «На острове снов». Что произошло? Почему нас дернули на остров? В чем причина? Конечно, мои новые товарищи озадачены. Они в полной растерянности.

Почти рядом с нами оказались рыбаки. Их было трое. Они удивленно смотрели на нас, будто мы с неба свалились. За длинным столом разделяли рыбу четыре женщины. Недалеко стоял дом под конусной крышей. Много раз я и мои старые товарищи бывали в этом доме. Там есть подвал. Мы входили в него, и становились под купол, похожий на воронку. И через неё мы улетали в другой параллельный мир. Кто-то только не был на

этом острове. Бывали здесь мои земляки, партийные деятели. Весело было смотреть на них. Были здесь и наши прошлые и настоящие лидеры нашей страны. Все они здесь трудились на винограднике, выращивали поросят на мясо. Проводили собрания в этом доме, читали лекции. Спорили, иногда дрались. Всякое было здесь. В своих рукописях я описал, как они здесь жили на отведенное для них время. И мне всегда хотелось, чтобы они вспомнили, когда просыпались в своих постелях, что с ними было в другом мире. Может хоть что-то шевельнется в их заскорузлых душах. Ничего они не помнили. Но мне сказали, что иногда они будут вспоминать, и даже просыпаться в холодном поту от того, что они видели во сне.

Был здесь и знаменитый Гниломедов. Он фигурирует у меня в моей первой книге «Зона». Как и древний пират Гнатон, он тоже был моим вторым врагом. Потом он почему-то стал меняться. Даже стал со мной нормально разговаривать. Здесь он трудился постоянно в качестве коменданта острова. Это ясно, что он давно умер. Он был участником Гражданской войны. Был преданным идеалам мировой революции.

Недалеко стояли дома, сарайки, виноградники, фруктовые деревья. А вон и столовая. В ней мы не только обедали, но и пили местное вино под названием «подгузница». Назвали это вино в честь её создателя, моего земляка, первого секретаря райкома партии Туманского района Кирьяна Аполлинарьевича Подгузникова. Интересно, есть сейчас такое вино? Бывали здесь и «сухие» законы, устроенные Гниломедовым. Все вот эти работники, это не живые люди. Они когда-то умерли своей смертью или погибли. Их души внедрили в копии людей. Кто? Не знаю. Это нам неизвестно. Им запрещено много пить вина. Немного разрешалось. А «сухие» законы Гниломедов устраивал из-за нас. Этот остров иногда посещают такие вот люди из живых. Я писал об этом, как ведрами наши люди пили это вино, а потом устраивали побоища.

– Откуда вы? – спросил нас рыбак. – Враз здесь образовались. Из живых чо ли? Недавно здесь ваши были. Уплыли в море и не вернулись.

И про это я знал. Если плыть на лодке, то можно попасть на острова. Там есть большой и маленький острова. Оттуда они тоже могут попасть в другой мир. Знакомо. Надо потом моим товарищам про всё рассказать.

Женщины, открыв рты, и бросив разделывать рыбу, смотрели на нас распахнутыми глазами.

– Из живых мы, из живых, – ответил я. – Гниломедов комендант здесь?

– Гниломедов, – ответил рыбак. – Он, как чувствовал, что вы появитесь, запретил выдавать вино.

– Значит, «подгузницы» нет? – спросил я.

– Спрягал. У Гниломедова чутьё, как у собаки.

– Кстати, здесь был мой кобель Черныш. В нашем мире его убили, и он оказался на этом острове. Где он?

– Он давно на большом острове. Он постоянно Гниломедова облаивал. Вот он его и сослал на большой остров. Здесь сейчас живут три собаки. Черныша дети.

– А чо вы враз-то образовались? – спросил другой рыбак.

– Какое твоё поросычье дело, как мы здесь образовались? – ответил Федя. Мужики стали успокаиваться. Немного осмелели. Петр Петрович крепко держал портфель. Он тоже подал голос.

– Но, позвольте, а как, же мои лекции? Я ведь готовился в другой деревне применить их.

– Может, ты и здесь проявишь прыть, и очаруешь местный народ, – засмеялся Федя. Он уже больше не сердился на лектора. Он наяву видел, что может сделать лекция с человеком. А ведь мы прибыли в этот мир, не для слушанья лекций и отдыхать. Каждый из нашей команды для чего-то пригодится. Ведь просто так нас сюда не заслали. Каждый из нас на что-то способен.

– Господи, – перекрестился Виктор. – Извините, граждане таинственного острова, а как вы смотрите на то, ну, извините, если здесь молельный дом? Я бы вас исповедовал.

Рыбаки медленно стали отходить от нас к рыбачкам. Они что-то перешептывались с женщинами.

Михаил тихо ответил Виктору;

– Ты погодил бы с этим вопросом. Мы ведь не знаем, кто они и какие?

– Мужики, – сказал я. – Пойдемте к столовой. Там готовят отличные блюда из мяса.

Когда мы пошли, то одна женщина догнала нас, и что-то тихо и быстро стала что-то говорить Виктору. Он согласно кивал головой и был по всему этим доволен.

Мы прошли мимо домов. Люди трудились на винограднике. Он уже был спелым. А вот, когда подходили к столовой, то Федя спросил меня:

– Слушай, Юрка, ты уже бывал здесь. В столовой-то кто варит? Такие, как мы, или эти, как их, самые тово?

– Они самые, – ответил я. – Не бойся. И не волнуйтесь. Выглядят они, как и мы. Потом я вам скажу, в чем разница от нас. Всё потом. Многое, что я вам поведаю.

Мы, молча, вошли в столовую. Мужики внимательно и с осторожностью смотрели на поваров. А они бегали среди столиков, и приносили заказы. Дело в том, наверное, сейчас был обед. Все рабочие, тоже смотрели на нас с осторожностью. Они уже знали, что мы из живых.

Когда мы расселись за свободный столик, повара тут же принесли нам в тарелках мясо с картофельным гарниром и сочным подливом. Тут же появились тарелки с душистым борщом. На разносе поставили на наш стол стаканы с компотом.

– Вот это я понимаю обслуживание, – сказал Михаил.

– Мужики, – сказал я, – здесь кормят бесплатно.

– Сомневаюсь, – ответил Юра. – Сыр знаете, где бывает бесплатно.

– Мужики, мне поверьте. Я здесь много раз бывал. Все здесь бесплатно.

У одного повара я тихо спросил:

– Винцо есть? Угостили бы.

– Нельзя. Комендант строго запретил, – быстро ответил повар.

– Понимаю, – ответил я. Он быстро убежал. Как я заметил, все повара нас боялись. Из-за стоек они с испугом наблюдали за нами. Да и рабочие вели себя неуютно. Я их всех понимаю. И сожалею. После хороших порций «подгузницы» наши товарищи просили добавки. Некоторые товарищи, особенно из России,

требовали к себе уважения. Могли и учинить потасовку. Здесь все эти люди физически слабые. Помню, как один Степа после хорошего излияния громил эту столовую, раскидывал столы, и по пять местных мужиков укладывал в штабель.

Мы отменно пообедали, и с нас никто не потребовал денег. Мы вышли на улицу. Тут я и сказал, что все здесь повара и рабочие, бывшие мертвецы. Мужики остановились, и стали оглядываться.

– Не бойтесь, – сказал я. – Это они все нас боятся. Мы намного сильнее их. Это только в американских фильмах показывают, какие они злые и сильные. Все они здесь славные и добрые люди. Я здесь много раз бывал, и порой даже не верится, что здесь бывают бывшие разбойники, в общем, отменные грешники. Как правило, все они прошли ту пещеру грешников, которую вы видели, побывали в настоящем аду. Здесь для них вроде отдыха. Пересылка. После этой пересылки отправят кого куда. Это никому неизвестно.

– Бедные люди, – вздохнул Виктор. – Люди меня попросили, чтобы я им снял грехи. Они рассказывали, что у них как-то был, извините, самозванец поп. Они его разоблачили. Если бы не спасли его живые, они бы его растерзали.

– Он был в нашей команде, – ответил я. – Это был удивительный человек Саша Хилопатов. Но, в этом мире, он тоже много полезного сделал.

На этот раз Юра Вычегжанин подал голос.

– Мы с ним в одной бригаде сантехниками работали. Ты тогда хотел нам написать рекомендации в партию. В райкоме во время схватились. Сказали так, что если в партию таких людей начнем принимать, то это будет не партия, а уличный театр кукол. Он тоже был здесь?

– Был. Мы тогда его едва спасли от местных людей.

– Но, я-то ведь настоящий поп, иеромонах, извините.

– А мы тебя ещё не знаем, – ответил Юра. – Может ты, как Хилопатов, между нами дуру гонишь? И я сомневаюсь.

– Как можно, как можно, так грубо?! Извините, но это так не культурно, не этично, наконец. Как можно?

– Слушай, ты, иеромонах, мы и, правда, тебя ещё не знаем. Что ты сразу в пузырь полез? – ответил Федя.

– Я немного его знаю, – пошел я в защиту Виктора. – У магазинов, на рынке он сидел с иконой и молился за здоровье людей. И люди шли к нему для успокоения души. Это я был этому свидетелем.

– Юра, извини, но я, же тебя спас, помог тебе обрести душевный покой. Мы с тобой в столице нашей родины появились. Даже поехал за тобой в Москву, – сказал Виктор.

– Поехал, – ответил Юра. – Всё это так. Но я сомневаюсь. Должны быть документы, что ты иеромонах. Документов у тебя нет. Признайся хоть перед нами, что такой же бродяга, как и я. Ты ведь не признаешься.

– Извините, в чем мне признаваться?

– В чем? – переспросил Федя, – а чо ты не поп. Вот и признайся. Рясу на теле, под рубахой носишь. Зачем?

– Нужно будет, и пригодится она, – быстро ответил Виктор.

– Знаешь, Виктор, ты мне здорово напоминаешь Хилопатов. Он тоже с этой рясой мудрил, – сказал я.

Неожиданно Виктор улыбнулся, махнул рукой, и ответил:

– В общем-то, правда, никакой я не иеромонах. Извините, получилось всё не так, как бы мне хотелось. Моя мечта была стать проповедником добра. И семья была. Это, правда. Дети. Учеба мне давалась тяжело. Бросил учиться. И решил я ездить по стране и сеять разумное и вечное. Бывал в церквях. Исповедовался каждый раз, извините. И в церквях поощряли меня на бескорыстный подвиг. Жил в нищете, голодал, холодал. Жил, где придется. Осуждали за тунеядство. Бывал в психушке несколько раз. Говорили мне, чтобы я бросил, извините, юродствовать. Не понимали меня ни власти, ни в милиции, ни в психушке. Никто, извините, не понимал меня. Я ведь даже куска хлеба не украл. Не побирался я. Нет. Я слово нес в народ. И народ, конечно, не все люди в этом народе, не понимали меня. И только в гуще народа я открыл для себя истину. Богатый бедного не разумеет. Копеечку мне бросали обыкновенные люди. Я научился распознавать людей. Что у него на душе, как он страдает и от чего. Я начинал успокаивать его. И люди, пока я жил в таком-то

городе, потянулись ко мне за моим словом. Богатые проходили мимо. Представьте себе, извините, даже воры порой подходили ко мне и предлагали в чем-нибудь помочь мне. Я благодарил их, но отказывался от любой помощи. Они никогда меня, извините, не трогали. Они знали, что я сижу или хожу с молитвой не ради наживы, а ради доброго слова для человека. Порой меня называли так – вон появился юродивый, идите к нему за словом. И это для меня была высшая награда от людей. Для многих я был юродивым. А, возможно, оно и так, извините. Если вы, Юрий, и ваши товарищи по прошлой команде называли себя придурками, то я бы был у вас настоящим юродивым. Вот вы считаете меня, что я не поп, или не иеромонах. Тогда кто я? Я ведь не просто бродяга. Я уникальный бродяга, как говорится по-простому, извините, сдвинутый по фазе. Извините меня, я ведь видел некоторые лица в церквах, когда они выслушивали мои признания. Они смотрели на меня со скрытой подозрительностью. А не лишился ли ума этот гражданин? Они мне улыбались, даже крест на меня накладывали, но никто из них не предложил мне работу у них. Да я бы и не пошел. Меня всегда, извините, ждала дорога. Ответьте мне откровенно, тогда кто я?

Он закончил свою речь. За всё это время все мы сидели на скамейке у столовой. Все молчали. Решил я ответить.

– Виктор Иванович, дорогой наш человек, извини за некоторую грубость со стороны отдельных наших товарищей. Я знал тебя по нашему городу. Знал, как шли к тебе простые люди. Но мы не знали, кто ты есть настоящий. В этом мире не надо скрывать, кто мы есть на самом деле. Ты есть настоящий иеромонах, по-простому поп. Как бы мне тоже хотелось быть рядом с тобой. Действительно, у нас всех здесь всё не так, как бы нам хотелось. Для всех нас судьба распорядилась по-другому. И вот мы здесь. Ведь и я тоже стараюсь людям нести доброе слово. А разве мы здесь не помогаем всему доброму? Мы ведем борьбу с темной силой. Нас вот таких, со сложными судьбами и подобрали сюда.

Я встал, и пожал руку Виктору. Все вставали и делали то же самое. Я заметил, как у него увлажнились глаза. В этот момент я почему-то подумал вот о чем, возможно, он впервые в своей долгой жизни приобрел вот такой весьма сложный коллектив.

– Спасибо, друзья, извините, что ни так, извините. Спасибо.

Юра опять подошел к нему.

– Ну, хватит. Ну, чего ты. Ну, вот опять. Тоже меня извини. Я человек сомневающийся во всем. Думаю, что меня все поддержат, что всё, что происходило и происходит, уже не сон. Реальность. Чудеса! Мир так сложен. Я другой раз так задумывался, что самому бывало от моих дум страшно. А думы-то мои были реальны. И вот я попал в реальный мир. Конечно, я в чем-то продолжаю сомневаться. А вот в чем сомневаюсь. Куда мы теперь пойдём? Ведь мы не для этой столовой сюда попали. Нас для чего-то сюда переместили. Пусть нам не сообщили. Но мы должны, и даже обязаны что-то делать. А что? Не знаю. Вот и сомневаюсь. Что делать?

Тут и Михаил спросил:

– Юрий, что вы делали вот в такой ситуации?

– Всё было по-разному, – ответил я. – Были случаи, как в тот раз, когда мы попали на берег большой реки, на бугре были пираты. Так тоже было. А если попадали вот на этот остров, то иногда шли к морю. Садились в лодку и плыли на большой остров. Там тоже оказывались в каком-то другом мире. Шли в подвал этого дома. Становились под купол, и нас несло туда, где мы были нужны. Не знаю, как нам быть. Давайте вместе решать. У нас одна команда.

Все молчали. Конечно, я могу их понять. Для них эти путешествия впервые. Я сам не знал, что делать.

– Может, к морю пойдём? – предложил Михаил.

– Я плавать не умею, – ответил Петр Петрович.

– Вытащим за шкуру, – засмеялся Федя.

– Пока мы здесь вели, извините, разговоры, дело к вечеру. На ночь как-то, извините, не культурно отправляться, – сказал Виктор.

– Может, в доме ночуем? Опять же я сомневаюсь, а пустят нас туда. Скажут нам, ах вы рыла не умытые.

– А мы в море помоемся, – не понял шутку Петр Петрович.

– Попробуем ввалиться в дом. Помню, когда я появился впервые на этом острове, в комнатах чего только не было, – сказал я.

– И еда разная и бесплатно.

– Кстати, и здесь нас накормили бесплатно, – ответил Михаил. – Странно. Ну, и остров! Хотя, что я говорю. Мы ведь в другом мире. Да и кто среди нас? Ясно. Какие могут быть деньги?

– Так куда мы решим идти. Может проголосовать?

Голосовать не стали. Решили войти в дом. И мы пошли к дому. Тут-то нам навстречу шел сам комендант острова Гниломедов. Интересно, как он себя поведет насчет меня. Как не странно, в последний раз мы с ним мирно разговаривали. Что-то в нем струнулось в лучшую сторону.

Он остановился. На нем по-прежнему: кожаная куртка и фуражка. А вот на ней красной звезды почему-то не было.

– Один знакомый, а другие новички. Всё, Стрелов, странствуешь? Новую команду тебе дали?

– Товарищ Гниломедов, я ведь не комиссар. Не командир. У нас полная демократия. Не командир я. И никогда таковым не был. Как тут у тебя дела? Я смотрю полная тишь и благодать. Сухой закон придумал.

– Так это ты здесь комендантом орудуешь? – набычился Федя. – По-человечески угостил бы нас. Мы бы к тебе уважения проявили.

Неожиданно Гниломедов засмеялся.

– О, Стрелов, в твоей бывшей компании точно такой был парень. Звали его Степа. Он тоже постоянно говорил об уважении, и что никого не трогал. Только после этого он устраивал здесь дебош.

– Я не Степа, а Федя.

– Успокойся, Федя. Из нового урожая винограда ещё не сделали вино,- ответил комендант. – Вы уже поели. Вам сегодня негде ночевать. Пройдите в дом. Там, на втором этаже есть добрые диваны. На всех хватит. Дом теперь не подает к столику еду. Уже давно не подает. Располагайтесь.

– Как давно здесь были наши из нашего мира? – спросил я.

– Недавно. Такие орлы, как вы были три дня назад. Уплыли в море и не вернулись. А десять дней назад были какие-то очень богатые люди из вашей страны. Что-то они всё собирались и что-то обсуждали. Вроде русские, а словами какими-то разбрасывались непонятными. Как я понял, что это язык двадцать

первого века. Постоянно, как я понял, был разговор о деньгах. В вашем мире сейчас других разговоров нет?

– Это, наверное, были наши миллиардеры, – сказал я. – Потом куда их?

– За ними прилетел летательный аппарат и их куда-то возили. Показывали землю. Потом снова привезли на остров. Они ругались, и требовали показать им, где, мол, у местных людей карты на разработки нефти и газа. А этих богатых, как я понял, как и многих, кого посылают сюда, отправили на суд в 1939 год. Они начали ругаться и материться. И они тут же исчезли.

– Поделом им, – ответил Михаил.

– Ладно, хватит об этом. Располагайтесь отдыхать, – сказал он и пошел по своим делам. Да, Гниломедов крепко изменился. За всё это время, разные люди здесь побывали. Теперь он знал всю нашу историю. Даже звездочку снял. А некоторые наши товарищи так и не изменились. А ведь Гниломедов был настоящим большевиком. Преданный мировой революции, коммунистической партии, насквозь пропитанный идеологией большевизма, жестокий к врагам революции, беспощадный и коварный. И вот я уже второй раз увидел другого Гниломедова. И он мог бы быть примером многим нашим товарищам. Даже он изменился. Конечно, меня это удивило. Нет, он не играл, как наши товарищи умеют ловко играть в патриотов. В этом мире не играют.

Мы поднялись на второй этаж. Здесь были комнаты на трех человек. Мы разделились по трое. Со мной поселились: Михаил и Виктор.

Наступил вечер.

Я мужикам сказал:

– Завтра нам предстоит поход. Надо отдохнуть. Кстати, этот дом почти волшебный. Он придает энергию. Утром встанем свежими, как молодые огурчики...

Я очнулся у сосны. Смеркалось. Странно. Сегодня я был долго на острове. Снег перестал идти. Немного приморозило. Возможно, снег окончательно выпал. Значит, скоро я встану на лыжи. Потрогал дерево, оно отдавало теплом. Интересно, где там находится душа Катюши? Пока сосна молчала. А мне надо

спешить домой. Там у меня сидит Демьян Акинфович Неуспокоев.

Он уже сидел за столом, где находился ноутбук.

Он медленно поднял голову и посмотрел на меня. Долго смотрел. Глаза его не бегали. Интересно, что он скажет?

– Я там у тебя два раза заваривал чай.

На столе я увидел тарелку. На ней лежал кусок хлеба, и два кусочка колбасы.

– Я немного поел. Тебя долго не было. Две твои книги прочитал. На ноутбуке надо вот дочитать. Ты уж извини.

Он опять замолчал, и всё продолжал разглядывать меня. Потом сказал:

– А ведь я тебя совершенно не знал таким. Тебя многие не понимают, в том числе и я. Считают тебя...

– Знаю, кем меня считают. Ну да ладно. На улице снег перестал. Приморозило.

– Да? – спросил он. – Странно, а я и не заметил.

– Скоро на лыжи встану.

– А я забыл, что это такое. В молодости ещё ходил. Не знал я тебя. Станный ты человек. Люди интересуются тем, что ты в тайгу ходишь. Теперь я понимаю. Но всем людям не объяснишь. Да тебе и не надо объяснять. Надорвешься всем объяснять. И не надо.

– Не надо, – ответил я. – Вы вот поняли и для меня достаточно.

– Что я? Кроха. Песчинка.

– А вода и песчинка дамбы разрушают.

Он немного подумал, помолчал, потом ответил:

– Кто тебя не понимает, не поймут, зачем ты это сказал. Скажут, мудрит Стрелов. А здесь нет мудрости. Просто ты ответил и всё без всякой мудрости. Так и твои книги. Ты в них не мудришь. Ты пишешь простым языком, почти разговорным языком объясняешь нам просто. Ты задаешь вроде простые вопросы. Но, как не странно весьма сложные. Даешь читателю возможность найти ответ на твои вопросы. Твои книги, это сплошные вопросы. Ответ ты знаешь. Пусть читатель ищет ответ по своему внутреннему развитию. Есть такие читатели, которые вроде прочи-

тали твои две книги, и говорят мне, что какую-то ерунду, мол, написал. Какую-то, мол, вплел фантастику? Мы догадываемся, кого он имел ввиду, а зачем сочинять другие фамилия? Писал бы настоящие фамилия. Я, грешным делом, ответил одному товарищу, что если бы, Стрелов указал вашу фамилию, вы бы его засудили. Знаете, что он ответил? Откуда он знает, что я снабжал партийных деятелей мясом? Меня бы и райком партии защитил бы. Как миленького засудили бы этого паршивца. Да после его книг, и разных там сатирических рассказов все возмущаются. Так и хочется мыть руки. А ведь он узнал себя, как же не возмущаться. Да и я, грешным делом, сторонился тебя. Ходит, мол, по городу...

– Известно кто ходит. Придурок, – ответил я.

– Не надо так грубо на себя наговаривать, хотя...

– Всё ясно.

– Не знал я тебя, – повторил он опять. – Я почитаю далее.

Он снова углубился в чтение. А я попил чаю и лег на диван. Могу только сказать, что Демьян Акинфович разбудил меня в пять утра.

– Ухожу я. Всё дочитал. Пойду, пройдуся на свежем воздухе. Не знал я тебя. Не знал. Извини. Думать буду. Всего доброго.

И он ушел. Да, что-то в нем сдвинулось. И я доволен. Хоть ещё кто-то понял меня, что же я хотел сказать в своих книгах, сатирических рассказах, фельетонах.

Тайга выглядела по-зимнему. От легкого морозца снег под моими ногами легонько похрустывал. Моя сосна выглядела нарядно. Может из-за того, что выглянуло из-за горы солнце, и его лучики бегали по заснеженной сосне. От яркого и сверкающего света на сосне, глазам стало больно. Я быстро подошел к дереву. Здесь не было этого света. Вокруг сосны ещё зеленела трава. Она ещё не увяла от мороза. Ей жизнь продолжала давать сосна.

Как и всегда вокруг её образовался туман.

И вот я проснулся. Лежал на диване в доме на острове. Михаил и Виктор стояли на балконе.

– Проснулся, соня, – засмеялся Михаил. – Ну, и спать, ты здоров. Мы уже позавтракали. Вот вышли подышать морским воздухом. С моря принесло прохладу.

Я тоже позавтракал и вышел на балкон. Свежий морской воздух освежил моё лицо. Было на душе легко и радостно.

– Ну, что, мужики, куда сегодня направимся? – спросил я.

– Извините, пожалуйста, а почему, всё-таки, нас не оставили, это самое выступить перед улыбочками? – спросил Виктор.

– Сложный вопрос, но, ответ ещё сложнее, – ответил Михаил. – Возможно, туда направили таких же товарищей, как мы. Пусть тоже проявят себя. Да и купол какой-то решили против врагов поставить. Ответ не ясен.

– Не ясен,- ответил я. – Раз нас сюда направили, значит, для отправителей так надо.

– Там наши мужики уже вышли на улицу, – сообщил Михаил. Мы тоже спустились вниз.

Собрались у подъезда. От столовой шли люди. Их было человек двадцать.

– Возможно, новички, – сказал Михаил. Неожиданно для меня, я догадался кто эти люди. Одного сразу узнал. Недобрый товарищ. Конечно, это был сам Абрамович. Других я не узнал. Но почему-то понял, кто они. Кажется, ещё двоих узнал. Почему-то отдельно друг от друга шли муж и жена Елена Батурина, самая богатая женщина на нашей планете, бежавшая с миллиардами за границу, и Юрий Лужков. Сегодня он был почему-то без знаменитой кепи. Почему-то я неожиданно услышал, как он кому-то говорил и бил себя в грудь. Я даже услышал этот гул. Он передался по земле острова.

– Я честный человек. Я не знал ничего про жену, что она там, как многие говорят, набедокурила с деньгами. Ну, ничего я не знал.

Эти люди шли спокойно, держались прямо, не смотрели по сторонам. Не обращали внимания на людей, которые ради любопытства вышли со своих дворов на улицу. Люди здоровались с ними, но важные персоны даже не взглянули на этих людей. В общем-то, люди для этих людей простой электорат, просто человеческие тени. Может, некоторые мне возразят? Я даже догадываюсь кто. Но меня они не убедят. Странно было только то, что они легонько улыбались. Этакая легонькая улыбочка, но не ухмылка. Всё-таки, они люди умные, деловые. А ухмыляются те

люди, кто стоит на более низком от них уровне. Я слишком долго изучал лица людей, их походку, движение глаз, рук, как человек стоит перед слушателями. Я даже не знаю, когда и почему это возникло во мне и почему. Не знаю.

– Мужики, они идут в этот дом, – сказал я. – Пойдемте со мной в подвал. Там я покажу, что надо делать. Если никто не возражает. А может, мы пойдем к морю? Как все, так и я.

– Кажется, я тоже догадался, кто это, – ответил Михаил. – Они нас всё равно не заметят. Такой уж это народ. Я думаю, что пойдем в подвал.

Мы отошли в сторону, иначе они могли бы нас смести с дороги. Люди стали толпиться у двери. Было смешно наблюдать, как они толкали друг друга. Каждый хотел пройти первым. А кто же уступит дорогу? Да не бывать этому! Началась легкая потасовка.

– Они чо это сбубенились? – неожиданно засмеялся Федя. – Может попробовать навести порядок? Одно другого по головке тюкну, и сразу успокоятся.

– Не надо, – задержал Федю Михаил. – Этим людям не до тебя. Эти люди не успокоятся. Ты и все мы здесь для них нули. Они не видят и не слышат нас. Ты говоришь громко, а они не слышат.

– Улыбчики сделали такое с ними, что они перестали видеть и слышать и понимать, таких людей, как мы, – сказал я.

– В них, извиняюсь, вошли улыбки? – спросил Виктор. – Они и здесь появились?

– Не знаю, – ответил я. – А то, что в нашей жизни они внедрились в них элемент гелиоз, так это точно. Зачем этих господ сослали на этот остров, пока ещё я не врубился. Но, начиная догадываться.

– Ну, хватит уже. Ну, что такое? Ну, вот опять мудрить, – подал голос Юра. – Что скрывать? Зачем? Поделись с нами. Мы ведь общий коллектив.

– Я только догадываюсь, – ответил я. – Но одно сейчас понял. Их сослали сюда на суд. Здесь или ещё где-то их будут судить.

– Юрка уже на такой канители был, – сказал Федя. – Интересно бы посмотреть на этот суд.

– А толку, – сказал Юра. – Проснутся в холодном поту, и только.

– Вы знаете, а мне пришла дельная мысль. Вот они войдут, а я им лекцию прочитаю, – погладил портфель Петр Петрович.

– Сдалась им твоя лекция, как собаке хомут, – засмеялся Федя. – Хотя, мне бы хотелось посмотреть, какими они бы стали после твоей лекции.

– Я вижу, они люди интеллигентные, культурные, образованные, все в хороших костюмах, в галстуках. Они поймут меня, тоже культурного интеллигента.

– Я может, тоже антилинген, – ответил Федя. – Жаль, что у меня галстука нет. Я как-то раз наздрючил его. Тряпка ведь, а я почуял, как стал солидным, даже вроде захмурил от важности. Михаил, ты человек у нас ученый. Отчего бы это? Ведь тряпка. Он что, волшебный? Ты смотри, как они все солидные. Вот только зря они толкаются. Всю культуру потеряют.

– Я бы тебе дал галстук, но он мне самому нужен. В галстуке я буду выглядеть солидным, – ответил Петр Петрович. Михаил тоже ответил:

– В общем-то, не в галстуке дело. В человеке дело. Галстук, как бы подчеркивает солидность. От самого человека всё зависит. Юра Стрелов никогда не носил галстуков. А ведь в редакции одно время работал. Райкомовские товарищи пытались заставить его надеть галстук – не вышло.

Неожиданно Юра Вычегжанин засмеялся.

– Вспомнил про галстук. Как-то я не знаю, по какому поводу я надел галстук. Хотел куда-то идти, но не пошел. Постоял в этом галстуке, и будто где побывал. Какую-то неведомую силу он имеет. У нас был Саша Хилопатов. Бывало, наденет красный галстук, шляпу, сильно нахмурится и идет в контору. А ещё очки нацепит. Зрение у него было, как у лучшего охотника. А ведь очки важность ему придавали. Этим чего-нибудь добивался. Потом рассказывает нам и смеется. Мол, когда во всё это он наряжался, даже в этот момент сам себя уважал. А Стрелов с открытой грудью ничего не добился. В конторах у нас любят людей в галстуках, солидных, в очках, и чтобы брови были нахмуренные. Но надо быть с легкой улыбочкой. Тут уж надо этому тру-

нироваться. Я тренировался. У меня ничего не вышло. Меня быстро разоблачали и выставляли за дверь. А хорошо копни этого человека, а там пустышка, обман.

Культурные люди продолжали толкаться у раскрытой двери пытаясь пройти первым.

– Мужики, может, в подвал нырнем. Мне надоело смотреть на этих господ, зараженных бактерией гелиоза, – предложил я. Надо было что-то решать.

И мы спустились в подвал. Я встал под центр воронки. И меня тут же закружило. И я полетел через время и пространство. Будут ли со мной мои новые товарищи? Меня, как и моих товарищей, волновал вопрос, почему нас не отправили воевать с улыбочками? Мы ведь так надеялись. Получилось всё не так, как бы нам хотелось. Что теперь сделаешь. Мы подвластны от правителям. Значит, так надо.

На суде у Сталина

Этот кабинет я сразу узнал. Бывал здесь. Я писал о нем в своей книге «На острове снов». Так вот для чего нас отправили на остров Дикий. Интересно, а если бы мы поплыли на тот остров? Попали бы мы в этот кабинет? А ведь я обязан знать, что куда бы мы ни отправились, нас направят туда, куда надо в этот момент. А с улыбочками мы ещё столкнемся. Интересно, для чего мы сюда попали? Рядом со мной стояли мои товарищи. Петр Петрович во все глаза смотрел на хозяина кабинета, и крепко держал портфель. У всех были расширенные глаза и открыты рты. Один Юра на всё смотрел с подозрением. Конечно, он, как всегда, сомневался, куда он попал. Неожиданно он легонько пошлепал себя по щекам, тряхнул головой. Я услышал, как он прошептал:

– Сомневаюсь. Но всё как-то странно. Непонятно.

Сталин не видел нас. Он что-то писал в тетрадь. В пепельнице лежала трубка. Вкусно пахло табаком. Федя легонько толкнул меня, и тоже прошептал:

– Неужели это он? Как это? Совсем я слетел с катушек. Заклинило в башке. Юрка, ты ведь был у него. Мы чо тоже у него? Как это? Зачем?

– Я откуда знаю? Но, что-то здесь варится. Нас сюда не зря турнули, – ответил я шепотом. – Мы-то что. Так. Для хохмы, веселья. Повеселить его. Здесь должны появиться ответственные лица. Да, что-то будет. Концерт будет. Будем наблюдать.

Он, видимо, что-то услышал, или понял, что он не один в кабинете. Поднял голову и увидел нас. Только на мгновение, я увидел, как дернулись брови, и в глазах появилось удивление. Но, тут, же успокоился.

Он отодвинул тетрадь, потрогал трубку, смахнул со стола невидимую пыль.

– Так. Ясно. Снова, значит. Везде и всюду идет суд. Разборка идет.

Сказал он такие слова, и продолжал разглядывать нас. Потом его брови чуть дрогнули, под усами появилась чуть заметная улыбка.

– Помню, помню, как же, помню. Опять появился водопродчик. Остальные новые твои товарищи или господа? У вас сейчас ведь так надо обращаться друг к другу.

Он меня узнал. Но я ответил:

– Товарищ Сталин, слово товарищ для меня всегда было родным. И все вот эти люди, товарищи. Я почему-то думаю, что господа ещё у вас появятся.

– Да, интересные люди тогда были с тобой. Одна прачка чего стоила. Её нет с тобой, товарищ водопродчик?

Мне хотелось ответить ему и предупредить, что нельзя это имя произносить вслух. Но я не посмел перебивать вождя. И этот знакомый голос неожиданно появился. Вот это новость! Она ведь должна быть в женской команде с Железянкиной и Длиннохвостиковой.

– Я здесь, товарищ Сталин, я здесь! Но, я не прачка! Сейчас я на заслуженном отдыхе.

– Слушай, женщина, мы ведь здесь только начали вести беседу, а ты зачем перебиваешь мужской разговор?

– Никакого уважения к женщине. Я все-таки, женщина.

– Ты не женщина! – повысил голос Сталин. – Кто тебя только сюда посылает? Товарищу Сталину нервы портить?

– Вы, почему перебиваете женщину? И потом, все здесь мужчины не заметили, что среди вас всё-таки, женщина.

– Октябрина, уймись. Всё внимание только для тебя. Не стыдно? – спросил я. – Ты ведь никому не даешь высказаться. Всех перебиваешь.

– Среди вас появилась единственная женщина, и вы так не культурно ведете себя.

– Прошу, Октябрина, о культуре ни слова, – сказал я.

– У меня вопрос к товарищу Сталину. Появлялись ли у вас такие улыбки?

– Пошла вон, женщина! – шлепнул по столу Сталин. И Октябрина тут же исчезла. – Вот это да! У вас мир совсем перевернулся. Женщины командуют? Так, товарищ водопроводчик?

– Так, именно так, товарищ Сталин. – Мне, кажется, что у вас здесь должна появиться такая женщина.

– Что вы все стоите, рассаживайтесь, – сказал Сталин. Но в это время в кабинете появились те самые господа, что были на острове. Они кучковались и с удивлением озирались. Или у меня что-то случилось со зрением, но все они были покрыты таким легким и сереньким туманом. Странно. Видимо, и здесь решили подпустить тумана. – Да, вот это команда как на подбор. С инкубатора что ли? Какие вы все хмурые. Я вас всё равно вижу всех. И в тоже время немного улыбаетесь. Странные вы какие-то. Смотрите вот на этих товарищей. Они отличаются от вас. Лица чистые и не в тумане. Мастера вы туман подпускать? Вот что, товарищи, рассаживайтесь на стулья у стены. А вновь прибывшие господа пусть садятся за стол. Как я понял, у меня с ними будет разговор.

У меня сложилось такое впечатление, что кто-то ему подсказывал, кто сейчас прибыл в его кабинет. Он молчал, слушал. За это время он выбил пепел из трубки, и забил её свежим табаком. Закурил. Сталин разглядывал господ, иногда хмурился. Один раз я услышал, как в его руках скрипнула трубка. Это он сердился. И тогда он сердито смотрел на господ. Они уселись вокруг

стола. Конечно, они с удивлением смотрели на вождя. О чем они думали?

Сталин встал, походил по кабинету. Потом снова сел за стол. Положил трубку в пепельницу. Потрогал усы. Нахмурился.

– Господа, значит? Господа, мать вашу за ногу. Понимаю. Идет всемирный суд. Судят меня, вас, расхитителей народного достоинства, и многих других руководителей. Как я понял, сегодня вас, господ, прислали ко мне, чтобы я вас судил. Прежде чем попасть ко мне, где вас держали? Кто из вас, мерзавцев, ответит?

– Какие же мы, мерзавцы? – поднялся молодой и высокий парень. – Мы старались ради народа.

Сталин прихлопнул ладонью по столу.

– Ради народа? Ви ради народа? Бросьте молоть чепуху! Ви не ради народа старались, а ради собственного брюха! Сволочи, вот ви кто! Кто ещё из вас старался ради народа? Отвечайте!

– Мы живем в другом мире, – поднялся ещё один господин. Все они здесь были молодые. Никого не узнать. А как их узнаешь, если они были оторваны от народа. Очень редко их показывали по телевизору. Не желали они лишний раз засвечиваться. Давно заметил, что чем богаче человек, и пробивается к власти всё выше и выше, крепко меняется. Он сторонится людей, старается не замечать своих бывших товарищей. Он словно в каком-то тумане. Вот и сейчас эти господа окружены общим туманом, напоминающий сероватый кокон. Попробуй пробиться в этот кокон. Он надежно охраняет своих господ-хозяев.

– Какой мир? – переспросил Сталин. – Какой мир? Ви что? С ума все сошли? Мир один. Это ви его меняете! Ви посмотрите, как жил Сталин. Посмотрите! Лично у Сталина ничего нет. Накоплений у него нет! Военная и полувоенная форма, специально сшитые сапоги. Если есть дачи, то они не товарища Сталина, а государственные. Товарищ Сталин берег страну. Всё отдавал ради неё. Он ничего не разбазаривал. Товарищ Сталин не отправлял деньги в иностранные банки. А что ви сделали над великой страной? Ви не любите свою родину. Ви закупаете виллы, дворцы в других странах. Ви отправляете детей учиться за границу. У нас были прекрасные учебные заведения. Подождите, подождите, кто это там среди вас? Тут мне подсказывают, что

это жена бывшего мэра Москвы? Вот до чего разбалывали ваших женщин, особенно жен. Видите ли, муж не знал, что творит и как обворовывает страну его жена? Какая чепуха! Самая богатая женщина в мире! Какая чепуха! Видано ли, чтобы женщина так вертела мужем, что он ничего не знал. А ну встать, бывший мэр! Раз вы сюда доставлены на суд, то будьте добры отвечать!

Юрий Лужков вскочил. Вид у него был пришибленный. Всё-таки, перед ним сидел сам Сталин. Конечно, обидно, что всё вот это они будут видеть во сне. Могут только проснуться в холодном поту. А некоторые вообще сон забудут, и снова будут воровать.

– Я жил честно, – ответил Лужков.

– Что?! – почти прошептал Сталин, и он даже приподнялся. – Повтори, что ты сказал?

– Я всегда был честным гражданином.

– А ты ещё ударь себя в грудь! Как не стыдно? Как не стыдно? Хоть бы сам себя постыдился. Стыда у тебя нет. У всех у вас стыда нет! Странно вот что. Вроде вы все хмурые, деловитые, а чему улыбаетесь? От стыда все улыбаетесь? Что-то там прачка говорила насчет улыбочиков? Так вот вы какие? Воруете, и одновременно хмуритесь и тут же улыбаетесь?

– Я не прачка, товарищ Сталин, – раздался голос неугомонной. – Попались голубчики! – воскликнула она и радостно хлопала в ладоши. – Они все до единого господина заражены вирусом улыбочиков.

Конечно, Сталин не знал про улыбочиков. Возможно, он решил, что улыбочики, все эти господа.

– Вот тут, женщина ты правильно заметила. Мы здесь их вылечим от этой эпидемии. Они быстро перестанут улыбаться. У нас есть товарищи во главе товарища Лаврентия Берия. Они им всем улыбки уберут, и вправят мозги, чтобы больше не улыбались.

– Здесь я с вами согласна! – закричала Октябрина. Когда она крикнула, то подскочила к одному из миллиардеров, и внимательно посмотрела на него. Конечно, они при таком звонком крике все вздрогнули. Она сказала:

– Эх, сюда бы сейчас Пелагею Пантелеймоновну Длинновостикову. Она бы вам тут устроила веселую жизнь. Быстро бы перестали улыбаться.

При имени своей жены, Петр Петрович вскочил.

– У неё чудный голос. А я бы этим господам улыбающимся мог бы лекцию прочитать о чуткости человека к человеку.

В этот момент Сталин стукнул кулаком и встал.

– Кто это здесь без разрешения прерывает товарища Сталина? Лектор? А ну сядь! Выскачка! Потом лекцию им прочитаешь. Так. Кто там прячется за спинами? Туман так и стелется вокруг него. Ты кто таков? Отвечай!

– Рома Абрамович.

– Ты мне фамилию свою назови. Ух, ты, отчеством его называй. Пуп земли нашелся.

– Такая фамилия у меня, – потупившись от скромности и стеснительности, ответил господин Абрамович. Сквозь легкий туман, я заметил, что он даже от стеснительности покраснел. Скромный товарищ.

– Ты смотри, какой он стеснительный. Даже глазки плутоватые прячет. От своей скромности свои миллиарды заработал?

– В поте лица вкалывал, – прошептал Рома Абрамович. – Труд, знаете...

– Хватит здесь юродствовать! – повысил голос Сталин. – Вы же все здесь те люди, кто Россию обворовал! Молчать!

– Так их, товарищ Сталин, – подала голос Правдина. – Разрешите мне им по вопросу задать?

– Ты замолчишь неугомонная кухарка?!

– Я не кухарка! Я, всё-таки, женщина!

– Иди отсюда. В подвале им будешь вопросы задавать! Их свяжут, а в наказание им ты будешь вопросы задавать, а товарищ лектор будет им лекции читать о чуткости. Вот такое одно из наказаний будет назначено.

Правдина от радости захлопала в ладоши, и тут же исчезла. При упоминании лектора, Петр Петрович вскочил, и крикнул:

– Рад стараться! Я им несколько лекций прочитаю. У меня их сорок штук. Они со мной в моем портфеле.

Сталин посмотрел на Петра Петровича, и неожиданно улыбнулся, и показал рукой, чтобы он сел.

– Я вас здесь всех насквозь вижу. Плутушки наивысшей категории! Ничего не скажу, вы все умные господа. Это у вас не отнимешь, но плутушки. Есть среди вас уже ушедшие в другой мир. А вот собрали вас, и ко мне доставили. И меня давно нет. Как видите, мир разнообразен.

Все эти люди окружены подхалимами. Вот они и сделали им высокие оклады. Здесь я вспомнил одного из наших директоров Беликова. Я на участке у него работал. Он был директором комбината по разработке древесины. Так вот у него был оклад пятьсот сорок рублей. В советские времена это был средний заработок рабочего высшей квалификации. Токаря зарабатывали и по шестьсот и семьсот рублей. Советский Союз рухнул. У нас наступил бандитско-капиталистический строй. Оклады у директоров всех уровней повысили до безобразия. Директора заводов и фабрик постыдились уменьшить аппетит на деньги. Сейчас они редко показываются перед народом. Видите ли, стесняются людей. Порой перед телевизором они всё-таки выступают, благодаря назойливым журналистам. Директора изощряются в словоблудии, погрязли в обещаниях, но всё остается на бумаге и в воздухе. И, как правило, они чуть-чуть улыбаются. Надо сказать, что народ не верит этим чуть улыбающимся господам. А ведь многие из них были коммунистами. Они и в те благословенные времена были стеснительными и скромными товарищами. Что там было у них внутри, это загадка. Да и сейчас их не разгадать. А уменьшить оклады, подхалимы им не позволят, потому что они сами кормятся у директорской кормушки. Конечно, не позволят. Вот так эти господа живут бедные и мучаются. Действительно их можно пожалеть.

А в это время странные события не утихали.

У нас сейчас с детства малыши мечтают стать бизнесменами, банкирами и овладеть разными мудреными профессиями с иностранными названиями. Наворовать у государства, извините за неуместный каламбур, заработать большие деньги и бежать за границу. Извините ещё раз, посетить за границу, и остаться там

жить. С этими господами меня не туда понесло. Ещё раз, читатель простит меня, за грубость.

– Ты, смотри, какой все ви стеснительные, – сказал Сталин. – А этот кто, длинный? Ты, смотри, тоже головку опустил. Господин Прохоров, глазки не прячь. Вот так и смотри на вождя. Надо же, в президенты захотел! Тоже я+ смотрю стесняешься.

– Я хотел...

– Не надо было хотеть. Ведь знал, что не выберут. Зачем вылазил? Перед народом светился. Зачем? Вы народ свой не любите, значит, и Россию не любите. Хоть я и натворил бед, за которые грехи я держу ответ в другом мире, но я собирал и держал страну в полном порядке. Я наказывал тех, кто крал у государства...

– Я хотел, чтобы народ стал жить лучше...

Сталин опять стукнул по столу.

– Перебивать?! Вот ви все такие! Разбаловали вас! Вот ви и обнаглели! А ещё корчите из себя скромников здесь перед Сталиным. Если бы ви были такими скромными, то не обворовали страну! Какая чепуха от вашей скромности! Кто это там, на срезе улыбается постоянно? Издеваешься над товарищем Сталиным? Слышу, слышу. Понял. Это главный ваучерист Чубайс. Понял. Он таким родился? Надо же так? Вроде серьезный господин, а улыбочка так и плавает. Как-то я видел бывшего президента США Клинтона. У него тоже с детства улыбка. Что вы все улыбаетесь? Я с вами серьезно разговариваю, а вы улыбаетесь, хотя по бровям видно, что даже злитесь на Сталина.

Чубайс тоже заскромничал, постоянно теребил свой галстук. И тоже немножечко покраснел. Какие они всё-таки все стеснительные здесь, в этом кабинете стали скромными? Странно. Чтобы это значило? Пока я этого не понимал.

Сталин находился в ударе.

– Надо же, он решил стать президентом разворованной страны! Ещё, чтобы больше нахапать? Не стыдно? Нет, не стыдно! С собой же вы всё не возьмете, когда вас Бог призовет! Это же полное безобразие! В ваше время женщина стала миллиардами ворочать! До такого абсурда у нас не доходили. И, что меня удивляет, её не отдают под суд. Вы все выходите сухими из воды.

Тут и я не выдержал.

– Например, у нас за два мешка украденной картошки осудили мужичка на два года тюрьмы.

Сталин резко повернул голову, хотел что-то резко ответить, но воздержался. Он сел, потом встал. Взял трубку, раскурил её. Немного попыхтел и сказал:

– Водопроводчик даже не выдержал. Два года за картошку. Правильно. Я говорю, что должно так быть. Украл. В тюрьму. Пример твой, водопроводчик точный. Так и надо поступать с ворами с государственным уклоном. А вы, господа, что сделали со страной? Вы думаете, что я поверил в то, что вы честно заработали эти деньги. Никогда не поверю. У нас ведь тоже были богатые, как же без них. И если мы знали, что он крадет у государства, его судили и расстреливали. Два мешка картошки, а рядом на весах ваши миллиарды. Поняли мою мысль? Там, у картошки два года, у миллиардов похвала, заграница, дворцы, виллы. Вот только, что мне подсказали, что по вашему телевизору недавно передавали странную передачу. Я с этими организаторами передачи и этим журналистом беседу буду вести. Скоро они во сне вздрогнут. Мне очень хочется поговорить с ними. Они вели по третьему каналу передачу о Елене Батуриной. Ты почему не приехала? Отвечай, женщина!

Батурина стеснительно склонила головку. Бывало, её показывали по телевизору, и я бы не сказал, что она была такой стеснительной. Боевая, расторопная женщина. А тут застеснялась. Тихо ответила:

– Да, как-то было не до него. Дела. Да и как-то было неудобно появляться в России. Я ведь уже там не живу.

– Ты, смотри, как она складно врет. Ты просто испугалась. Ведь всё могло быть. А ведь некоторые товарищи на той передаче чуть не рыдали, так им было жалко тебя. Какая ты беденькая, несчастная, никем не понятая. И вот этим плаксунам было не стыдно показывать страдальческие лица перед всей страной. Надо же, два мешка картошки и рядом миллиарды. И ничего. Меня только удивляет то, куда смотрят ваши судебные господа, председатели правительства и президенты? Народ беднеет, цены растут, как грибы после дождя. Как после обильного дождя увеличивается число миллиардеров. По ним вы скоро по-

ставите мировой рекорд. Как я могу спокойно из того мира смотреть на ваши изощренные безобразия? Мне обидно за мою страну. Рушится она из-за вас. Деревня умирает, многие рабочие спиваются. Девки сплошь и рядом курят и пьют пиво прямо на улице. Эти девки почти голые, как очумелые бродят из угла в угол. Полный разврат творится.

– А мы здесь причем? – тихо спросил Прохоров. – Какого-то водопроводчика слушаете, а нас ругаете. Кто он, и кто мы. Зачем нас вы так между этими вот простыми людьми позорите?

Сталин скрипнул трубкой.

– И ты такое говоришь? Как не стыдно? Вот ви и показали свою хищную сущность. Перед вами обыкновенные люди. Они лишние в своем обществе. Некоторые пришли сюда с самого дна. Даже на свалках жили. Это же ваш электорат, как вы откуда-то взяли это слово.

Я заметил, что почти все из этих людей впервые посмотрели на нас и от брезгливости поморщились. Для них мы не электорат, мы просто отбросы общества. Конечно, я понимаю их. Как посмел вождь народов равнять нас с ними? Кто мы и кто они? Между нами черная пропасть без дна. Вдруг, мне захотелось встать и уйти из этого кабинета. Конечно, не из-за Сталина. Мы бы могли с ним поговорить, а, возможно, и поспорить. Хотя я не любил спорить, но здесь бы я поспорил. И, конечно, со мной бы остались мои товарищи.

И тут Сталин ещё добавил:

– Не бойтесь, господа, великой, богатой, но в тоже время одной из бедной страны, разворованной вами, и разными губернаторами и директорами, не уступающими вам казнокрадами, вот эти лишние люди у вас даже на хлеб не попросят. Это точно. Мне о них всё поведали, как и о вас. Они делают благородное дело. А ведь они и вас в этом благородстве защищают, и вы даже не догадываетесь. Все они добровольцы в борьбе со скрытым врагом. Они готовы отдать жизнь без остатка ради великого дела. И почему я не должен говорить о них хорошо? А с вами я, о чем буду говорить? Вы мне изрядно надоели. С вами ещё займется вот этот лектор. Он прочтет вам свои мудреные лекции о чуткости, а повариха будет задавать вопросы.

– Я не повариха! – раздался голос Правдиной. – Я на заслуженном отдыхе. Я активный член нашего общества. Мне бы хотелось сейчас всем вот этим господам задать всего по одному вопросу.

Сталин успокаивался. Он даже улыбнулся.

– Там, в подвале их повяжут веревками, чтобы не дергались. А то ведь от лекций можно и веревки порвать. А ты, ткачиха, будешь заниматься вопросами.

– Я не ткачиха! – закричала она, и тут же исчезла.

Сталин почему-то не смотрел более на господ. Он внимательно разглядывал нас.

– Да, компания подобралась. Вот такие люди должны приходиться к власти. Только таким людям наверх дорога заказана. В ваших карманах пусто. Вождь народов на вас не в обиде. Всё вы правильно делаете. И вождя не трогаете. Вождь, всё-таки.

Он немного помолчал. Господа во все глаза смотрели то на Сталина, то на нас. Что у них было в головах? Можно только догадаться. Все негативные чувства там бродили лихорадочно. Вождь игнорировал тех людей, кто, в общем-то, держали власть в своих руках. А вел беседу с бродягами, лишними людьми. Конечно, их больше ничего не интересовало. Подумаешь, какой-то бывший бродяга написал книгу? Какое он имел право писать?

– Это хорошо. Конечно, у меня, когда я был у власти, появлялись мысли. Создать универсального солдата. Ладно, об этом. Про улыбочков я понял. Теперь вы отсюда отправитесь на битву с ними.

Господа исчезли.

Сталин положил трубку. Вышел из-за стола. Прошелся по кабинету.

– Всё очень странно с этими господами. Ведь они тоже тихо улыбаются. Ви сразу заметили. Я не понимал. Мне подсказали. В страшное время ви живете. Мне, кажется, уже ничем не вытравить из этих господ тот элемент. Ладно, вам пора уходить, да и я задержался в этом мире, в этом моем родном кабинете.

Новые и невероятные приключения придурков

Мы оказались под куполом дома.

Вышли на улицу. Наконец-то Федя заговорил:

– Сначала я был просто ошарашен. Как же! Сам Сталин! вроде хотел что-то сказать, а не мог. Во рту пересохло. А может, мне запретили говорить?

– И я не мог слова вымолвить, – ответил Михаил.

– Ну да ладно, ну, чего вы? Он великий артист, – сказал Юра.

– От нас говорил Юрка. Это и понятно. Он здесь уже бывал.

– Извините, я хотел спросить его, зачем церкви разрушали? – сказал Виктор.

– А вот мне дали высказаться, – похлопал по портфелю Петр Петрович.

– Как тебе не дать? Если ты назначен читать лекции этим господам, – ответил Михаил. Петр Петрович вдруг разволновался. Он начал метаться, смотреть по сторонам. А потом вдруг почти закричал:

– Как же я? Ведь мне надо читать лекции! Забыли меня отправить в подвал? Как они могли так поступить со мной? Ведь они обещали!

– Петр Петрович, – я похлопал по его плечу. – Не волнуйся. Здесь всё предусмотрено. Будешь читать свои умные лекции.

– Ты, Юрий уверен?

– Уверен. Мы гордимся тобой. Читай им лекцию самую мудреную, да так, чтобы у них мозги прочистились. То, что элемент гелиоза не вытравить, зато ты им такое устроишь, что они дома проснутся в холодном поту.

– Так почему я здесь? Я должен быть там. Как же так?

– Не волнуйся, Петр Петрович, ты ещё очаруешь этих господ, – сказал Федя. – Я даже не думал, что Сталин к нам ничево отнесся, по-человечески. Я подумал, ну всё нас в подвал, и к стенке. А он ни чо.

– Так куда теперь нам идти? – спросил Михаил.

– Мужики, а ведь мы должны продолжить борьбу с улыбочками, – сказал я.

– А что делать, извините, в таком случае? – спросил Виктор.
– Может, к морюходим?

– Идея, – ответил Михаил. – Здесь мы под куполом были, у моря мы не были, чтобы попасть на большой остров. Как все думаете?

– К морю, так к морю, – ответил я.

А так, как было утро, рыбаки собирались в море. Кстати, в кремле мы были недолго.

– Рыбаки, а как нам попасть на большой остров? – спросил я.

Один из рыбаков, видимо, старший, ответил.

– Здесь есть четыре баркаса. Берите один. Всем места хватит.

– Мы, мужики, не знаем, вернемся ли сюда, нам неведомо, – ответил я.

– Мы знаем. Берите баркас. С вами отправится Гринька. Он здоровый среди нас слабаков. Он баркас пригонит обратно.

И мы поплыли. Петр Петрович прижимал портфель. В глазах испуг. Да и Виктор тоже жался к лектору. Как я понял, они никогда не были на море. Гринька нас доставил на большой остров, и тут же отплыл. Пока никого здесь мы не увидели. Перед нами высокая гора.

– Надо подняться, – предложил я. – Мы здесь бывали. Любопытный остров. Отсюда можно хоть куда попасть.

– Плохо то, что мы ни что не взяли, – сказал Федя. – Где здесь столовка?

– Что-нибудь найдем, – ответил я.

Мы взобрались на гору. Где-то вдали был виден дымок. Мы и стали спускаться с горы. Мы попали в березовую рощу. Долго плутали, и наконец, вышли на опушку соснового леса. Впереди была деревня. Рядом протекала довольно широкая река. У крайних домов крыши, покрыты соломой. Как не странно, но я здесь не был. Значит, мы шли в другую сторону. С другой командой мы были в другой деревне, где мы встретили нашего земляка Сашу Хилопатова. Дальше по дороге, можно было увидеть и большие дома. Вот в этих домах, конечно, беднота живет. В общем-то, деревня большая.

Старина. По пыльной дороге шла лошадка, запряженная в повозку, на которой лежали березовые дрова. Мужик обут в лапти. Он остановил лошадку, спрыгнул с повозки, сбросил шапчонку, и поклонился нам.

– Слушай, ты, мужик, мы тебе не баре! – крикнул Федя. – Чо клонишься нам? Выше голову, мужик! Мы есть люди свободные. И некаво здесь лобызаться с нами! Куда мы попали, мать твою за ногу подхалимная твоя рожа!

Он не надевал шапчонку, а растерянно смотрел на нас.

– Ты чо на нас высторожился? Отвечай, куриный пупок! Лапоть деревенский!

– Извините, уважаемый товарищ, как бы вам сказать, в какую деревню, в какую местность мы прибыли? – спросил Виктор.

– Этово, как ево, деревня эта. Митрий я. Дрова вот старосте надоть. Хозяин должен приехать из имення.

Значит, русская деревня.

– Что будем делать? – спросил нас Михаил. – Как быть?

– Давайте так. Идем по улице. Там видно будет. Мужика надо отпустить. Пусть едет.

– Слушай ты, Митрий, езжай к своему старосте, – ответил Федя. – Мотай отседа, Митрий, а то ведь я шибко не люблю подхалимов. Мотай. Не зли меня. А то ведь могу не только тронуть, но и тюкнуть по кумполу. Мотай!

Мужичок натянул поводья и потряс им по бокам лошадки. Потянула она повозку по пыльной дорожке. Были видны дети, но они быстро скрылись. Мы ведь люди здесь незнакомые.

– Интересно, какой здесь год? Вот, что весьма любопытно, – сказал Михаил. – Судя по крышам, мужичку, лаптям, ну, например, даже нет примера.

За деревней начинались поля. Что там росло, я не знаю. Но что-то росло. Это же деревня.

Мы шли по улице. Могу только представить, что здесь будет, если пройдут дожди. Непролазная грязь.

А вот и большие дома. Кто-то богатый здесь жил. Высокий забор, ворота узорные, Перед воротами дорога уложена камнем. Дом стоял под железной крышей. Я почему-то подумал, что в те времена, конечно, это была великая роскошь. Кстати, дом

каменный и в два этажа. Рядом, виднелся парк. Добрый хозяин здесь жил. Недалеко от него почти такой же дом, но немного меньше и скромнее.

Как только мы поравнялись с воротами дома, из калитки вышел мужик с увесистым брюхом. Наверное, купец. Почему-то мне все купцы представлялись брюхатыми. В наше время, наши бизнесмены тоже настоящие купцы, и тоже, как правило, брюхатые, словно на девятом месяце беременности. Лысые головы откинуты, брюхо вперед, глаза круглые, хитроватые.

Перед нами стоял человек в зеленой атласной рубашке подпоясанной узким ремешком с кисточками. Черная жилетка. На круглом лице черная бородка. Атласные шаровары, заправленные в блестящие сапоги с прямыми голенищами. Там я увидел плетку.

– Мне уже сообщили. Кто таки? Откуда? Куда путь держите? Не отпрыски Емельки Пугача?

Вот в какое время мы попали! Зачем нас сюда направили? Хотя я в этом времени бывал. Описал в своей второй книге «На острове снов».

Он немного помолчал, и сказал:

– По одежке-то не Емелькины. Казнили супостата.

– У вас здесь бывал? – спросил я.

– И кто бывал?

– Емелька! – почти крикнул Федя. – Глухой чо ли?

– Всё он понимает. Я сомневаюсь, что он не понял, – сказал

Юра.

Атласная рубашка затряслась. Это его живот так трянуло. Глаза его осатанели.

– Чо?! Да как вы здесь посмели?! Да я на вас собак выпущу!

– Слушайте, дорогой товарищ, успокойтесь, – спокойно сказал Петр Петрович. – Для вашего успокоения и равновесия в вашей беспокойной душе после столь тяжелых переживаний, когда в оных местах пронеслась народная буря, сметая всё на своем пути, я мог бы осчастливить вас прочтением моей лекции о чуткости.

У купца перестал трястись живот, и рубашка успокоилась. Глаза медленно приходили в норму. Но они почему-то стали

вращаться. Наверное, он переваривал сказанные слова нашим замечательным лектором. Федя неожиданно коротко хохотнул.

Купец потер рукой широкое и потное лицо, губы у него тряслись. Видимо, хотел что-то сказать. Но не решался, как ответить. Наконец-то разродился.

– Тово...Этово...Как ево...Вижу, чо не от супостата. И хто был? Был. А? Вон об чем. А я то думал...

– А ты меньше думай, – перебил Федя. – Вишь, какое хозяйство надумал, надо бы уже пора и уняться думать. А надо просто жить.

Купец всплеснул короткими и ухватистыми руками.

– Как не думать? Надоть думать. Как же! Намедни был у меня Кондрат, будь он не ладен. Лошадку на развод привел. Я ему деньги ондал. А мой конюх Ванька кривой посмотрел. А у лошадки-то одной подковы нет. Убыток, знать у меня. Как не думать?

– Ты вот чо, дядя, скажи нам, где мы находимся? Мы очень долго шли, шли, шли, и вот пришли. А куда? Нам неведомо, – сказал Федя.

– Чо так долго шли? Пешими чо ли?

– На теплоходе шли, – ответил Михаил. Купец опять вроде стал размышлять. Глаза его опять забежали. Он спросил:

– Чой-то не пойму. На чом пришли?

Конечно, в те времена теплоходов не было.

– На пароходах, лодкам приплыли, – ответил я. – Так, где можно остановиться отдохнуть?

Глаза продолжали вращаться. Но, видимо, всё-таки, сообразил, что мы у него спросили. Он неожиданно засуетился.

– Где энтот, Ванька, будь он этово, как ево...Тороплюсь я. Здеся живет наш хозяин, дворянин. А мой дом далее. Я в поле тороплюсь. За мужиками глаз, да глаз нужен.

И он засеменял от нас по улице в поисках конюха Ваньки кривого.

– Вот они настоящие купцы, – сказал я. – А вдруг, чего-нибудь начнем просить? Никуда они не исчезли. Конечно, физически они исчезли, но дух их остался. Подозрение к таким, как мы, от

которых ничего не возьмешь, кроме, что лекций о чуткости. Для них это вредно.

– Позвольте, Юрий, вам возразить. О чуткости, это знаете, мудрость откладывалась веками, – начал было развивать мысль наш штатный лектор. Но я посмел его перебить. Во мне есть один из многочисленных недостатков. Иногда я перебиваю человека, и мне, честно, как на духу, становится от этого недостатка стыдно. Вот и сейчас я перебил Петра Петровича.

– Дух от купцов остался. Взять наших бизнесменов. Дух этот перешел к ним. Они пытаются с такими лишними людьми, как мы, не сталкиваться. А вдруг, мы начнем у них что-то просить? Лично я не подхожу к ним. Пытаюсь избегать с ними встречи. Единственно, что их жизнь изменила, обстановка. И только. Дух не изменился. О совести и культуре говорить не будем. Поймите меня, мне их жалко. Как правило, у миллиардеров, и у всех бизнесменов нет настоящих друзей, чтобы поговорить откровенно, по душам. Если честно, ведь я тоже мог бы быть богатым. И если вы читали мою книгу «Зона», вы бы поняли, почему. Мой внутренний дух другой. Конечно, порой мне хотелось бы поменять его, но не могу. Не только лично я не могу, но ещё что-то во мне сопротивляется меняться, а быть тем, какой я есть в настоящее время. А, в общем-то, я этим и счастливый человек. Вот сейчас, вы мои друзья. Мы познакомились в беде. Мы все, как одна семья. Как и в любой семье, бывают не согласованность, споры, недоверие, согласие. Счастливый я человек, что у меня такая сложная судьба, и такая жизнь. Счастливый.

– Ну и накрутил, – засмеялся Федя.

– Ну, хватит уже. Ну, что такое? Ну, вот опять? Поиграли, и хватит, – заворчал Юра. – Куда пойдем? Ясно, что эти господа нас отправят пинками.

– Пойдемте по деревне, – предложил я. – Может, найдем пристанище у какого-нибудь крестьянина.

И мы пошли по деревне. Недалеко от купеческого дома стоял небольшой домик, накрытый соломой. У ворот на скамейке сидел дед. Мы остановились рядом с ним.

– Здравствуй, дедушка, – поздоровался Михаил. – Нам бы, где на ночлег остановиться? И что это за деревня? Мы издалека прибыли в оные края.

Дед внимательно оглядел нас. В маленьких, жестких глазах с хитринкой, было нескрываемое любопытство. Он хмыкнул, кивнул головой в сторону купеческого дома и ответил:

– Петрович, чо, не ответил? Да. И не ответит. Да. На поля поедит мужиков и баб гонять. Да. Там он всем ответит плеточкой. Да.

– Дедушка, и ты нам мозги решил парить, как тот купчина! – повысил голос Федя.

– Парить? Нет. Седни не субботний день. Купчина? Какой он купчина? Недавно был лакеем у хозяина. Седни купчина. Да. Не пойму, парни, как он богатеет стал то? Да. Быстро как-то. Може каво жистя лишил на большой дороге? Кто знат? Вот и наел он на радостях пузо-то. Да. А ведь тощей был, стервец, прости меня осподи. Да.

Сказал он это и перекрестился.

– Может, я ему лекцию о чуткости прочту, он сразу придет в себя, – погладил портфель Петр Петрович.

– Не надо, – сказал Михаил. – Дедушка, мы сами люди с юмором. Но, поймите, это серьезно. Где мы находимся?

– Он чичас нам на уши лапшу развесит, – не унимался Федя.

– Лапшу? Милоч, я вас кашей накормлю. Лапши у меня нет. Пойдемте в избу, и я вас кашей накормлю. Да.

Федя завыл. Но, дедушка продолжил говорить:

– Где вы чичас? А кто вас знат, где вы чичас? Я вот тутась. На свет тутась, в моей родной деревне Петровке родилси. Да.

– Река Волга?

– Она родимая, она кормилица наша. А как же, она. Да. Новгород недалече. А как же. Да. С оттуда седня приедет сам хозяин. С гостями гулеванить прикатит.

Мы вошли в дом. Длинный стол, лавки, пол из широких желтоватых плах. Я вспомнил про село Макарьево, где жили мой дед и бабка. В доме полы мыли специальным голиком. То же самое и здесь. Иконы в углу со стеклянными дверками. Стены тоже мытые. Знакомо.

Дед пригласил нас за стол. Прибежал подросток. Он и помог деду поставить на стол большую деревянную чашку каши. Деревянными ложками мы стали есть ячменную кашу. Мне она не понравилась. Не было в ней масла, да и соли почти не было. Как они только ели её? Мои товарищи тоже ели с неохотой.

Вышли на улицу.

– Вот она деревня, – сказал Михаил. – Соль в те времена была в дефиците. Но что удивительно. Купчишка нас не пригласил. А вот обыкновенный крестьянин пригласил. Хотя эта каша... Но ведь пригласил.

– Мужики, – обратился я к друзьям. – Не для каши мы сюда прибыли. Тут что-то не то. Но, ждать надо развязки. Много раз бывал в параллельных мирах, и всегда что-то случалось, где мы были крайне нужны. Чувствую, что-то не то. Что если нам выйти на берег Волги? Будем ждать хозяина с его гостями. Может, в этом вся канитель?

Мы пошли к Волге.

Двое мальчишек лет десяти ловили рыбу на самодельную сетку. Они ходили голые и тащили между собой сетку. Иногда вытаскивали, но она была пустой. Конечно, мелкая рыбешка проплывала сквозь дыры.

Мы сели на песчаный берег напротив барского дома. Я подошел к ребятам. Спросил:

– Бывает нормальный улов?

Один из вихрастых мальчишек бойко ответил:

– Бывает. Чо ж, не бывает. Вчерась большу рыбину пымали. Федька хвалил.

– Какой Федька? Старший брат?

Оба мальчишки засмеялись.

– Ты чо? Не знаешь? Хозяйский служка. Он видит, как мы пымам рыбку, то он забирает её.

– Как это? – спросил я. Меня это заинтересовало, хотя я понимал, в чем дело. Всё-таки, историю я немного читал.

– Как? – переспросил мальчишка, и они переглянулись. Они стояли рядом со мной, и смотрели на меня с удивлением. И тут я увидел, как в воде, что-то всплеснулось. Рыба?

– Ребята, вы рыбу поймали.

Они вострепнулись и потянули сетку на берег. Действительно, в сетке билась большая рыба. Они вынули её и бережно опустили в ведро.

От барского дома шел мужик в зеленой атласной рубашке чуть не до колен. Он был небольшого роста, а рубашка была не по его росту. Конечно, это и был слуга. Он подошел к ведру, вынул рыбу, и закричал:

– И это увсё? И хде остальная рыба? Украли? Кнута захотели воровать хозяйскую рыбу? И хде она? А ну кажите, не то хуже будеть!

Тут подошел Федя, и взял слугу за шиворот, приподнял его.

– А ну, недозрелый стручок, отпусти рыбу! Я тебе покажу час, как чужую рыбу брать! Пацаны, а ну, берите рыбу.

Слуга отпустил рыбу, и она упала на песок, ещё продолжая биться и открывать рот.

Слуга упал, и заверещал тоненьким и пронзительным голоском:

– Кто ты? Как можно отбирать хозяйскую рыбу. На козлы под плеть захотел? Хозяин приедет седня, и тада берехись иво!

– Слушай, парень, – поднял я его. – Слушай. Мальчишки поймали рыбу. Река Волга принадлежит сама себе. Она ничья. Понимаешь? Они поймали в этой реке рыбу. Значит, эта рыба принадлежала реке. А теперь эта река отдала эту рыбу мальчишкам. Теперь эта собственность этих мальчишек. Дома из неё мама сварит уху. И какое отношение к этой реке, к этой рыбе имеет твой хозяин? Ответь мне.

Пока я это говорил, у парня бегали глаза без остановки. Конечно, он не понял, что я ему говорил. А как я должен говорить? Как?

– Вот это накрутил, – громко засмеялся Федя. – Вы с Михалом два сапога пара. Но, интересно.

Мальчишки стояли в воде и не знали, что делать.

– Брызгай, парень отседа, пока я не разлился, – сказал Федя. – Пока я ещё веселый. Меня Юрка шибко развеселил. Мы все тут немного тронутые. И с нас взятки гладки. Можем и тебе и твоему хозяину дать харошей трепки. Можем от души отпочковать. Валяй, пока мы добрые.

– А рыбка как же? – сказал он это, и стал пятиться.

Федя затопал ногами. Но, я видел, что это он сделал шутя. Слуга побежал в барский дом.

– Ну, братцы, что теперь будет, не знаю, и не ведаю, – сказал Михаил.

– Как полагается, встретим, – ответил Федя. – У Юрки кнут за голенищем, значит, драчка намечается.

Из калитки вышло трое крепких мужиков. Они шли к нам. За ними следом семенил мужичок в длинной рубахе.

Мужики подошли к нам. Один из них направился к мальчишкам. Спросил:

– Рыбину пымали?

– Пымали.

– Ну, и где она?

– Их взяли вон те дяди.

– Взяли, знач, – сказал он это, и повернулся к нам. – Зачем украли чужую рыбину?

– Мы не украли, – ответил я.- мальчишки рыбачили, и поймали рыбу. Теперь она принадлежит детям.

Парень начал сопеть, глаза собрались в пучок. Он сжал кулаки.

– Храмотный шибко? С хороду? Я те храмоту-то быстро вышибу. Отдай чужую рыбину! Петруня, а ну вяжи иво, да на козлы под кнут. За воровство чужого добра пятнадцать плетей всыпать!

Двое парней пошли в мою сторону. Дорогу им преградил Федя.

– Рыбу не ловили, рожи ваши поганые, забижать малых детей? Да я вас за этих детей по песку размажу!

Набывчившись, парни пошли на Федю. Нельзя стоять в стороне, когда эти бугаи пошли на моего друга. Все наши товарищи встали стенкой рядом с Федей. Парни остановились. Это была уже сила, тем более, я вынул из-за голенища свой кнут. Старший над парнями подошел ближе к нам.

– Восстали? Ну, и кто вы? Зачем пришли сюда? Это рыба хозьяна. Скоро он приедет, и разберется с вами. Вот этот участок

реки хозяина. Отдайте рыбину по-доброму. Они завсегда доставляли свежую рыбу к столу барина.

– Река не хозяина, река свободная, – ответил Михаил. Из-за спин парней выглянул мужичок.

– А я вам чо ховорил! Ненормальные оне!

– Не отдадите рыбу? Хорошо. Теперь ждите хозяина. Пошли, парни.

Они развернулись и пошли к дому.

Федя взял рыбу, и поднес мальчишкам.

– Несите домой.

– Не можем. Она не наша. Она хозяйская.

Мы стали объяснять ребятам о свободной рыбалке. Не убеждали. Они не взяли рыбу, а пошли по улице.

– Что с рыбой делать? – спросил Михаил. – Поджарить бы её, да нет спичек.

К нам пришел тот дед. Он сказал:

– Я всё видел. Зря вы так. Хозяин не любит прощать. Вы украли его рыбу.

– Ладно, дед, мы всё это понимаем, – ответил я. – Нам бы спичек. Костер разведем.

– Соберите сушьё, вон вокруг полно иво. Я разожгу.

Мы собрали сухие сучки. Дед достал кисет, вынул оттуда трут и две пластинки. Одна железная, другая из плоского камня. Я, как в тумане вспомнил, что это называлось у нас в Сибири огниво. Почти все мужики в кисетах имели этот набор. От него и подкуривали. Он наладил всё для костра, набрал сухого моха, трухи от корней, и стал бить пластинку о плоский камень, высекая искры. Сушняк загорелся. С железкой было проще. Её можно было заказать в кузнице, а вот с камнем сложнее. Такой камень искали. Не каждый камень шел на огниво. Это был особенный кремневый камень. Его так и называли – кремневый камень. У каждого курильщика такие кремни были в запасе. Потерять их, была целая трагедия.

– Пойду я к Кузьке. Давно у ево не был. А вы погрейтесь у костра.

Дед не знал, что мы будем жарить рыбу. В это время Виктор решил прогуляться. И вдруг он закричал:

– Друзья, а здесь ещё две рыбины! Большие! Вот у нас будет добрый обед!

Мальчишки не успели сказать слугам о рыбе. На что они надеялись? Не знаю. И теперь оставлять рыбу нельзя. Дело в том, что, слуги слышали крик Виктора. Рыбины надо изжарить и съесть. Плохо то, что нет соли.

Парни скрылись за воротами. Рыбины были почти готовые, как из калитки вышел один из слуг. В руках у него узелок. Парень подошел к нам, молча, развернул платочек. Там лежало два пшеничных калача. Я вспомнил детство, село Макарьево на Ангаре. Бабушка пекла вот такие калачи. Запах от них распространялся по всему двору. Когда бабка пекла их, я даже улавливал этот чудный запах на улице. И вот сейчас этот запах наваял на меня далекие времена из детства. Мужики, видимо, тоже что-то вспомнили. Все молчали, и смотрели на калачи. Молчал и парень. Он разломал калачи по количеству людей в нашей команде, да и про себя не забыл. В маленькой тряпочке он принес и сероватую крупную соль. Такой соли я с детства не видел. На западе она только и была. У нас в Сибири мелкая и белая соль.

– Ты, парень, зачем к нам? – спросил я. – за калачи, и особенно за соль спасибо. Тебя за нас отменно взгреют. Ты вот с этими орлами не приходил. Кем ты хоть там работаешь, в каком качестве?

Он молчал, видимо, переваривая мои слова, для этого времени не понятные.

– Дык, этово, давно тикать собралси. К Емельке ишо молодым сопсем был. Тятю забили до смерти, маманя хворая была. Преставилась в прошлом годе. Дык, на конюшне я живу и сплю. Все мои преставились. Один я горемыкою. Так вот, этово, вот. Мотрю, люди. Не наши. Отпор дали холуям треклятым. Вот, взял в сарайке с полки калачи, да соль и к вам. Дык, этово, я к вам... Спасу нет от них. Смертным боем бьют. На Авдотте хотел свататься. А оне надсмеялись над ней. Она с горя руки на себя наложила. Спасення нет от них.

– Как тебя звать-то, парень? – спросил Федя. – Навроде и в плечах широк, а чо слабинку даешь? Отпор надо дать.

– Нельзя нам. Мы крепостные. Нельзя. Наша доля крестьянская такая. Нет, боле нашего защитника Ивана Болотникова. Он недалеко от нас жил. Память о нем живая. А тут и Емельку извели подсылы треклятые. Нет нам жизни. Вот увидел вас, сильных и смелых, и потянуло к вам так, чо мочи нет.

– Давай вливайся в нашу шайку! – засмеялся Федя. – Мы не дадим тебя в обиду.

– Извините, друзья, но я буду за тебя молиться. Как твоё имя сын мой?

Парень схватил руку Виктора и хотел поцеловать, но Виктор выдернул свою руку, из цепких пальцев парня.

– Молитесь, молитесь, святой отец! – простонал парень. – А имя у меня простое. Прохор. Прохор Ладейщиков.

– Какой он тебе, отец, Прохор! – засмеялся Федя. – Это наш товарищ и друг Виктор. Извиняюсь. Он у нас настоящий поп, вернее иеромонах. У него даже под рубахой есть ряса.

Прохор продолжал стоять на коленях. Виктор вытащил из-под рубашки подол рясы, и накрыл голову парня. Стал что-то бубнить.

Мы стали ждать, когда он окончит читать молитву, чтобы начать есть готовую рыбу.

После молитвы мы принялись уплетать калачи и рыбу. Запивали чистой речной водой. Насытившись, мы разлеглись на песке.

– Хорошо, – разбросал руки Федя. – Ччас бы, Прохор, твоих мучителей наказать. У меня руки чешутся, а у Юрки кнут тоскует по чужим спинам. Кровь застоялась. Кулачищам моим простору надо. Ничо, Прохор, мы их отменно отпотчуем.

– Хозяин едет, – сказал Прохор и сел рядом с Федей. По пыльной дороге ехало три кареты, или брички. Я не знаю, как их и назвать. Первая тройка белых лошадей остановилась у ворот. За ней и две тройки остановились. Кучер бросился открывать дверцу. Оттуда вышел, сухой, и высокий, похожий на городошную палку, барин. За ним почти выползла необъятных размеров барыня. Оттуда же вышел мужчина средних лет во всем зеленом. Не знаю почему, но что-то во мне появилась непонятная тревога. Как будто внутри меня, что-то сжалось. Такое состоя-

ние у меня с детства. Я уже писал об этом в книге «Зона». Да и почти во всех книгах напоминал о тревожном состоянии в моем организме. Что-то здесь не так. Надо предупредить друзей.

– Ребята, надо быть осторожными, – сказал я. – Что-то не нравится мне эта разнаряженная компания.

Из других повозок выходили довольно молодые люди в богатых для того времени одеждах. Такие костюмы я видел только в кино.

– Вот это петухи! – воскликнул Федя и сел. – А курочка, настоящая наседка. Сколько же весит вся эта одежда?

До этого мы все лежали, а тут сели и разглядывали цветастую компанию.

Барин неожиданно развернулся в нашу сторону. Голова его откинулась, он весь напрягся. Что-то сказал человеку в зеленом. Тот крикнул:

– Кто такие? Почему вы сидите? А ну встать, и шапки долой! Кнута захотели!?

Что-то мне в зеленом человеке не понравилось. Пока ещё не знал что?

Федя глубоко задышал, встал на колени.

– Слушай ты, зеленая лягуха, а не желаешь сам получить хорошего кнута? Мой друг Юрка быстро тебя отпотчует за милую душу! А это у тебя чо петух, наряженный с курицей хохлаткой?

Мы все начали смеяться. Даже недоверчивый Юра хихикнул. И только один из нас Петр Петрович поднялся. Он крепко сжимал портфель, и немножко хихикал. Всем было весело.

Барин, видимо, от злости и от такой наглости, начал трестись.

– Да я, да мы, – раздался его хрипловатый голос. – Встать! – потом неожиданно стал визжать. – Сгною! Встать, вечные колodники! Емелькины отпрыски! На плаху вас мало! На дыбу, потом на плаху, выродки! Воры! Тати!

– Да, брось кочевряжиться! – ответил Федя. Он встал. – Не то вашу разнаряженную петушино-куриную кодлу в Волгу побросаем. Да ишо, как кутят потопим! Вот это уж будет по-нашему.

Люди, что вылезли из двух повозок, приблизились к нам. Человек в зеленом тоже подошел к нам. Мы встали. Та команда,

или боевой отряд наемников под предводительством нашего лихого командира Кирьяна Подгузникова прекрасно знала свою задачу. Мы были всегда готовы к бою с любым врагом. Да и новая команда, как я убедился, тоже была дружной. Мы встали плечом к плечу.

Человек в зеленом. Странный человек. Из-под полей широкополой шляпы с пером, виднелись злые глаза. Он улыбался. Но улыбка было тоже злая. Не может быть! Как он сюда попал? Они же недавно к нам прилетели из далекого космоса. Стоп! Почему недавно? Нашу землю давно посещали пришельцы из других миров. Возможно, это разведчики. Мы, люди, в общем-то, конкретно не знаем, когда они были у нас.

– Бросьте, мужики, выступать, – сказал он. – Уходите по добру. Вы не понимаете, с кем связались.

И тут же в моей голове появился посторонний голос.

– Мы знаем, кто вы и откуда. Зачем вы сюда прибыли? Погуляйте, посмотрите, как эти быдлы живут. Вы могли бы представиться этим неграмотным господам культурными, городскими господами. Они бы вас встретили, как городских гостей. У них есть толстопятые дамочки. Федя, ты любишь пухленьких. Они в вашем распоряжении. Зачем вы так сразу скандалить? Успокойтесь. Я им внушу, что вы добрые, хорошие люди. Ну, как? Мир?

Вперед выступил Петр Петрович.

– Я бы всем вам лекцию бы прочитал. Умная и добрая лекция.

– Помолчи со своей лекцией, – тихо ответил Федя.

Человек в зеленом продолжал улыбаться. Он говорил:

– Хорошо, хорошо, потом прочитаешь лекцию. Хозяин этих мест, господин Длинноусиков послушает вас. Как же, мать вашу за ногу, утробные недоноски.

Я окончательно понял, кто этот человек в зеленом. Но, как он оказался здесь? Петр Петрович, кажется, добавил масла в огонь. Пока это говорил человек в зеленом, из ворот выскочили три парня. Один стал что-то говорить Длинноусикову. Жаловался, конечно, на нас, что мы украли рыбу.

Петр Петрович весь так и просиял.

– О, товарищ Длинноусиков, а я понимаете, Длиннохвостиков, – сказал он это, и шаркнул ногой, – Петр, так сказать, Петрович, Длиннохвостиков. А так как вы, это самое, тово, понимаете, Длинноусиков, то я Длиннохвостиков. В этом сочетании наши фамилия Длинноусиков и Длиннохвостиков сливаются во что-то единое, так сказать, родственное. И кто знает, возможно, Длинноусиковы и Длиннохвостиковы, как бы вам удобнее сказать, находятся в родственных отношениях.

Мне стало смешно. Стало весело всем. Только почему-то не смеялись господа, что стояли перед нами. Там была сплошная хмурость и злоба. Лишь один человек в зеленом улыбался. Петр Петрович продолжал развивать мысль.

–Так вот, товарищ Длинноусиков, по этому поводу, в смысле семейных отношений, у меня есть лекция, – он говорил, а сам шарил в портфеле.- Представим, что Длинноусиковы и Длиннохвостиковы, почти с однородными фамилиями. А это уже говорит о многом. А так как мы с вами, товарищ Длинноусиков, о, нашел, нашел! Удивительная лекция, товарищ Длинноусиков! Удивительная лекция, может даже вызвать слезу. Я, Длиннохвостиков Петр Петрович, заверяю вас.

Наконец-то, прорвало! А то бедный господин Длинноусиков надувался и шипел. Он неожиданно затопал длинными ногами, замахал руками, и вроде пожелал кричать, но только открывал рот. Он хрипел. Человек в зеленом, как я заметил, внимательно смотрел на господина. Конечно же, человек в зеленом не мог переносить громкие звуки, и непонятные русские слова. А русский человек в гневе имеет богатый набор непечатных слов. И в наше время иностранцы не в состоянии перевести такие слова и сложные выражения. А человек в зеленом стал пятиться. Отошел от нас метров на тридцать. С ним тоже отошло несколько человек.

Хозяин этих мест шипел, но можно было слышать отдельные слова, и перевести в порядок, что я и сделал. Конечно, мат, я не буду писать. А у Длинноусикова, через два и три слова получался мат. И в те времена русские матерились. Человек в зеленом медленно стал отходить к парням. Как я заметил, его даже шат-

нуло. Молодец, Длинноусиков. Вот это да! И среди этих десятых парней половина, видимо, из породы зеленого человека.

– Я те покажу, родственника! Тать! Гусь свинье не товарищ! Ты товарищ разбойнику и вору Емельке! А ещё и рыбу мою украли! Воры! Разбойники! Я вас на плаху! Ещё мой род Длинноусиковых равнять с какими-то ворами мордохвостиковыми?! Мою рыбу сожрали? Прощка, и ты с ними?! А, ну, раб, ползком ко мне! У меня ещё не один крепостной уходил! Как ты посмел?! А ишо соль ворах отнес?! Взять Прощку и этих разбойников, особливо мордохвостикова. Посадить его к моим собакам. Пусть с ними роднится. Взять их всех!

Парни пошли на нас. Они двигались медленно, и их было уже около двадцати крепких парней. Среди них есть и парни человека в зеленом. Это ясно, что это были улыбки. И в это время они проники. Возможно, они были давно в нашем мире. Покопаешься в истории, и ужаснешься. Сплошные войны, зло, ненависть, травили и душили друг друга, начиная от древних вождей, от царей, королей, императоров до президентов, секретарей до последнего человека на этой прекрасной, но несчастной планете. Кровь во все века лилась рекой.

Петр Петрович совсем сник. Он закрыл портфель, и тихо сказал:

– Как же так, товарищ Длинноусиков, как же так? Но, ведь мы с вами должны были подружиться. Длинноусиковы и Длиннохвостиковы. Я бы вам рассказал о моей сквозной мечте. Как я понял, здесь тоже можно было построить колхозное хозяйство. Такие кругом поля. Я бы вам, господин Длинноусиков прочитал лекцию о первых колхозах в стране Советов, как люди мечтали о светлом будущем... А так, как вы Длинноусиков, а я Длиннохвостиков...

Тут Федя не выдержал. Он оттолкнул лектора.

– О каких колхозах ты собрался им лапшу на уши вешать? Они тебя не поймут. Это другое время! Тымотри, они нашего друга Прощку к собакам посадить! Не понял чо ли? Я им покажу к собакам!

До этого я слышал, как лаяли собаки, и вдруг перестали. И я имел право подумать, чьих это дело рук. Улыбчики. И действительно. Из ворот выбежал один из слуг. Он бежал и кричал:

– Собаки! Ваши собаки, мой господин! Ваши любимые собаки издохли. Прямо все скукожились. Околетые лежат родимые! Все!

Хозяин быстро развернулся, и побежал в открытые ворота. Его барыня всё это время стояла в стороне с открытым ртом. Она, видимо, тоже пожелала кричать на нас. Это не позволил ей улыбочка. Она тоже засеменила за хозяином. Конечно, собаки для Длинноусикова намного дороже каких-то воров и разбойников, которых он, все равно скрутит.

В это время улыбочка, видимо, решил без хозяина расправиться с нами. Зря он это сделал. Они тесной стеной пошли на нас, чтобы скрутить непослушных путешественников во времени. Улыбочки шли медленно и нежно улыбались. Я насчитал, этих улыбок было пятнадцать. Остальные пять парней, обыкновенные слуги. Я громко крикнул:

– Парни, те, что слуги хозяина, отойдите в сторонку. Не мешайте нам. У нас с этими парнями, что приехали, особый разговор. Потом вы сами убедитесь! Отойдите!

Улыбочки неожиданно остановились. Один из слуг ответил:

– Мы за хозяина пойдём на вас. Вы рыбу украли.

– Ну, тогда с вами будем разговаривать по-нашему, – сказал я это, и выдержал кнут. – Подходи кто смелый?

Смелые оказались все пятеро. Улыбочки стояли. Это меня удивило. Что они задумали? Я пустил в ход кнут, и опоясал одного из парней. Он вскрикнул и остановился. Федя нокаутировал другого парня. Михаил тоже одолел одного слугу. Два парня остановились. Один из них сказал:

– Вы как дикари? Все у Емельки таки?

– Извините, мы у Емельяна Ивановича Пугачева не были, к большому сожалению. Извините, все мы об этом человеке сожалеем,- ответил Виктор, и тяжело вздохнул. – Извините, мы сами по себе. – Парни подняли своего товарища, и подошли к воротам. Остановились. Теперь они не знали, что им делать. Надеялись, что вот эти гости расправятся с нами.

Улыбчики грозной стеной стояли перед нами. Вперед выступил человек, если его так можно назвать, в зеленой одежде.

– Что вы хотите? – спросил он. – Что? Вы нам всё испортили. Вам даже не снилось богатство, которое ожидало бы вас в этом богатом краю.

– Наше богатство вот, – раскинул руки Михаил. – Богатство в нашей дружбе. Это самое надежное и сильное оружие против таких упырей, как вы.

– Значит, не договоримся? – тихо спросил человек в зеленом. Тут неожиданно выступил вперед Юра.

– Только тихо, только тихо! Ну, хватит уже! Ну, что такое! Ну, вот опять! Ну, чего вы пузыритесь, как мыльные пузыри на празднике детского рисунка. В то время, когда ваши космические корабли пробороздили к нашей очаровательной в вашем понимании планете Земля, мы встречаем вас с распростертыми объятиями, в какой-то непонятной вам ласке, в виде улыбки с оскаленными зубами. Мы также можем очерчиться в оскале зубов. И тогда вам, упыри потусторонние, тритоны болотные, и другие зеленобрюхие инфузории-туфельки, с разумом от тифозных бактерий мы такое вам втюрим, что ваши одноразовые вожди, вроде вошей тифозных вдрогнут на вашей планете...

Юра ещё что-то продолжал молотить, и улыбки падали и превращались в пыль. Даже одежда вошла в землю. Наступила тишина.

В воротах стояли парни и неистово крестились. Потом скрылись за воротами. Мы увидели того деда. Он от страха сел на землю. Две женщины и два мальчика с криком скрылись за домом.

Мы решили деда поднять. У него были раскрыты до предела глаза. Он что-то бормотал. Потом я услышал:

– Прости меня, господи! Прости меня. Свят, свят, свят! Не трогайте меня. Не трогайте. С неба спустился черный ангел, и опутал землю, и наказал грешников, и превратил их в пыль. За что меня, грешного, забираете? Отпустите меня с миром.

Виктор стал крестить его и читать молитву. Но дед вскочил, и как молодой пустился прочь от нас. Что же в это время делал

Прохор? Он упал на землю вниз лицом, и весь сжался и трясся. И только мычал. Федя тронул его за плечо, и он закричал:

– Не трогайте меня, демоны! Я ни чо плохова вам, ни сделал! Пожалейте меня! Не превращайте меня в пыль.

– Прохор, мы не демоны, – засмеялся Федя. – Мы обыкновенные люди. Это все ваши гости настоящие демоны, вот они и превратились в пыль.

– Федор, – сказал я. – Всё это бесполезно. Не поймет. Если у нас простых вещей не понимают, то здесь и подавно не поймут.

– У меня есть по этому поводу новая лекция, – подал голос Петр Петрович.

– Вот твоей лекции только здесь и не хватало, – отозвался Федя. – Не поймет.

– Глубоко темен народ. Темен, – сказал Михаил. – У нас многие не понимают. Юрия книги считают враньем и фантастикой. А что хочешь с этих людей взять?

– Ну, и как я этих улыбочков уговорил, – засмеялся Юра. – Ведь до этого времени всё время сомневался. А вот выступил перед ними, и понял, что всё это не во сне. Самая настоящая реальность.

Неожиданно Прохор вскочил, и побежал. Он бежал и кричал:

– Спасайтесь люди добрые, на землю демоны сошли! Спасайтесь. Они людей в пыль превращают. Конец света близко! Караул!

Наступила дикая тишина.

– Что будем делать, друзья? – спросил я. – Мне, кажется, нам надо уносить ноги из этой деревни. Люди нас не поймут.

– Пусть сами тут разбираются, – сказал Юра. – Наше дело, как я понял, уничтожать улыбочков. Но, вот вопрос. Как они сюда попали? Значит, они давно бывают на нашей планете?

– Извините меня, друзья-товарищи, но я бы хотел прочитать лекцию крестьянам, – подал тихий голосок Петр Петрович. – А вдруг, среди слуг есть улыбочики?

– Думаю, что они все уничтожены, – ответил я. – Чувствую, что их здесь нет.

– И я чувствую, что нет здесь этих упырей. Но они обязательно должны быть в других местах, – сказал Михаил.

Решили уходить из деревни. Пусть сами разбираются в своих проблемах. Мы отправились туда, откуда пришли. И вот деревня скрылась. Вот уже не одна дорога, а две. Мы стали, решать по какой идти. Решили идти по правой дороге. Неожиданно прогремел гром. И вроде тряхнуло землю. Среди белого дня гром? И вдруг легкое землетрясение? Странно. На что Михаил ответил:

– В ясную погоду тоже бывает гром. В верхних слоях протекает холодный воздух, а от земли поднимает жар от земли. Горячий воздух, не видимый глазу, поднимает пары от воды, от влажности самой земли. Происходит столкновение двух зарядов. Гром. Всё нормально. Так куда пойдём?

Федя так сказал:

– Мы люди правые, вот и двинем вправо.

Начались горы, скалы. Дорога то поднималась, то уходила в долину, где протекала небольшая река.

Михаил посмотрел на меня, а я на него.

– Весьма странно, – сказал он. – Мы были недалеко от Новгорода на Волге. Так? Насколько я знаю, там вот таких гор нет, да и скал отвесных не припомню.

– Мы попали в другую местность. Мне вот такой гром напомнил одно моё путешествие в параллельный мир, – сказал я. – Об этом я написал книгу.

– Эти скалы, и вот эти горы, мне что-то напомнили, – сказал Михаил. – А не Урал ли это? Я, кажется, здесь бывал.

– Так и я на Урале был, – сказал Юра.

– Будто я не был! – отозвался Федя. – В Свердловске я лежал в психушке.

– В этом культурном заведении, и я побывал, – ответил Михаил.

– А я в Новосибирске тоже в психушке был, – сказал Юра. – Хорошо там было зимой. Постелька свежая, еда отменная. Вот только эти уколы мне не нравились.

– Извините меня, А я в этом культурном заведении три раза побывал.

Рекорд среди нас, – признался Виктор.

– Всё ещё впереди, в нашей жизни всё бывает, – пообещал Михаил. – У нас ещё двое остались нетронутые уколами оного заведения.

Петр Петрович двинулся за нами. Остановился. Мы тоже.

– Устал Петр Петрович? – спросил я. – Скоро вечер. Надо для ночлега найти удобное место. Терпите.

– Да я не об этом. Этого. Как его. Как-то неудобно. Меня ведь тоже отправляли туда.

– В психушку! – громко ответил Федя. Петр Петрович от такого крика стал озираться.

– Тише, Федор, – прошептал он. – Тихо. Этого, того, отправляли меня.

– На чем же ты прокололся? – смеялся Федя. В общем-то, всем стало весело. – На лекциях попался?

– Откуда знаешь? Первый секретарь райкома партии Голорылов не возлюбил меня. Не кричал на меня, не критиковал, а всё приглядывался, да прислушивался. Однажды, он решил посетить участок по производству дрожжей, горшков и унитазов. По поручению и по плану я решил там прочитать лекцию. Одну прочитал, решил небольшую и вторую прочитал. Решил показать, что зря Голорылов на меня так сердится. От жары или ещё от чего двое товарищей упали в обморок. Голорылов вышел из душного помещения бледный и потный. Хотя я не заметил, что там было жарко. Потом Голорылова увезли в больницу. Три дня болел. А причем тут я? Меня обвинили. Это, мол, от моих лекций ему стало плохо. Люди же слушали. Только до сих пор не могу понять, отчего двое упали в обморок? Да и сам Голорылов. Вскоре меня определили в такую же больницу. Уколы были неприятные.

– Ну, Петр Петрович, ты своими лекциями кого хошь с ума сведешь! – продолжал смеяться Федя. – Почти полный набор придурков! Один Юрка там не был.

– Хотя я не был там, но меня все считали придурком. Так, что в этом вопросе я полностью с вами!

– Интересный вопрос. И в той команде у Юрки были тунеядцы и побывавшие тоже в психушке, – сказал Михаил. – А сейчас таких товарищей собрали в новую команду.

– Я не уверен, что и в другие команды посылают других товарищей. А может, господ отправляют? – спросил я.

– Вопрос, извините, вопросов, – ответил Виктор. – Хватит стоять. Идемте.

– Ну, хватит уже. Ну, что такое? Ну, вот опять не можете ответить на весьма простой вопрос, – серьезно ответил Юра. – Только не хмурьтесь, не хмурьтесь. Не надо в этом задумываться. Вы видели у Сталина этих господ? Их отправят в такие места, куда отправляют таких придурков, как мы? Да, никогда. У них и в этом мире останется в голове одно, как бы и здесь развернуться. А мы? У нас ничего нет. Терять нам нечего. Мы у отправителей ничего не просим. Даже если мы побывали в психушке, но ведь мы не дураки. Я глубоко согласен, для окружающих мы люди странные, необычные, наши поступки для людей необъяснимы. В наших головах другое мышление. Вот мы и подходим к нашим отправителям, а для наших современников наше место в дурдоме. Из века в век, такие, как мы непонятные были бродягами, забрасывали их камнями, жгли на кострах. А в деревнях, где мы появлялись, люди давали ночлег и еду. На Руси, особенно в деревнях, всегда с сожалением относились к юродивым.

– Так я и все мы тут юродивые? – с удивлением спросил Федя.
– Ну, ты дал копоти!

– А кем ты себя считаешь? Кем вы все себя считаете? Юродивые все мы здесь. Вот вам и весь ответ. Только юродивые нужны в этом мире для борьбы с нечистой силой. Юродивые. Понимаете? Мы для людей странные и непонятные люди.

– В этом сложном вопросе, я полностью разделяю мнение Юрия Вычегжанина, – ответил Михаил.

Федя почесал в крепком затылке, взъерошил рыжие волосы, и почему-то стал похожий на рыжего ежа, хотя рыжих ежей нет.

– Да-а, – протянул он. – Задача. Арифметика. Закрутил полхлебе Бутакова со Стреловым. У Петра Петровича, кажись, другое мышление.

– Какое у меня другое мышление? – спросил Петр Петрович.
– Мои лекции необычны? Я, всё-таки, учился в партийной школе. Какая лекция необычная о построении коммунистического

завтра? Простая лекция. Все лекторы так писали лекции. Взять таких лекторов, как Балаболкин, Дрожжин. Это были мои учителя. Никакие они необычные.

– Петр Петрович, это были талантливые лекторы, – решил я его успокоить. – И, всё-таки, Юрий прав. Именно таких людей, как мы и отправляют в иные миры. Вначале я удивлялся. Зачем меня таскают туда и сюда. Тогда я думал, ведь есть умные люди, учителя, библиотекари, работники райкомов партии, передовики производства. Ну, и брали бы их. А они почему-то за меня взялись. Потом уж я стал в этом разбираться.

– С тобой был Подгузников, – сказал Юра. – Только не хмурься. Не надо. Он ведь был первым секретарем райкома партии.

– Ну и что? Был. Он крепко изменился. Он осознал свою ошибку. Такие люди тоже там нужны, – ответил я. – К сожалению, таких людей мало. Ведь их тоже проверяют...

– На вшивость, – перебил меня Федя.

– Правильно, Федя, – продолжал я отвечать Юре. – Был в нашей команде Чемулаев. Он тоже работал в райкоме заведующим отделом по политическим вопросам. Чуть не спился. Вдруг он испугался. Ведь он за все годы в райкоме партии извел пять тонн бумаги на разные отписки в областной центр. Стал тунеядцем. На свалке жил в Москве. И такие люди бывают, но весьма редко. Богатство, знаете ли, оно не шутит, особенно в нашем капиталистическом мире. Например, взять Авдотью Железянкину. Ведь она работала третьим секретарем в райкоме партии. Была непримиримым борцом за коммунистическое завтра в светлое будущее с гранитным фундаментом. Ну и что? Тоже, видимо, осознала. Плюнула в двери кабинета, где засели бабули и дедули, нюхающие свежие краски от партийных изданий. Она поняла, что этих товарищей надо лечить от легкой формы шизофрении. Теперь она в команде женщин. Они тоже борются с нечистой силой. Теперь и она для внимательных и бдящих товарищей и господ, как и мы, несознательный и непонятный элемент. Вот вам и ещё один ответ, товарищ Юрий Вычегжанин. Ещё раз повторю, таких людей, каких я только что назвал, к сожалению весьма мало. Конечно, многих, как правильно сказал Федя, проверяют на вшивость. Не выдерживают проверку. Как правило, почти

все они что-нибудь просят, и даже требуют. Это же парадокс! Даже затребовали провести трубопровод в соседний параллельный мир для откачки оттуда нефть и газ. Кошмар! Ладно, с нами всё ясно, но даже Подгузников и Железянкина ничего не просят и не требуют.

– А разве что я требую? – обиделся Петр Петрович. – Я ведь тоже трудился в райкоме партии. У меня Высшая школа в Москве. У меня есть только одна просьба. Читать лекции. Вот и вся просьба.

– У тебя нужная просьба, – смеялся Федя. – Великая просьба. В этом мире она нужна, как Виктору ряса.

– Позвольте и извините, не надо трогать мою рясу. Её ещё в Москве осветили. Я тогда только что вышел из лечебного учреждения. Там ставят больные уколы. Зашел в церковь, и всё поведал там о себе. Мне там и подарили рясу. Так что не надо бы рвануть заумные лекции с моей рясой.

– Как это так? – возмутился Петр Петрович. – Не позволю так отзываться о моих лекциях. Какие они заумные? Говорите, да не заговаривайтесь. Они весьма умные, рассудительные. Я вам, как-нибудь одну из них прочитаю, чтобы вы убедились. И прошу не трогать мои лекции в подобных выражениях...

Всё-таки, я не выдержал.

– Прекратите спорить! Безобразие! Всяк кулик хвалит своё болото! Хватит! Нам надо искать ночлег. С вашими рясами и лекциями мы и останемся посредине дороги! Хватит!

Тут и Юра вмешался.

– Только тихо, только тихо. Ну, хватит уже. Ну, что такое? Ну, вот опять спор. Прекратите!

Наконец-то, мы продолжили путь. Петр Петрович и Виктор шли за нами и что-то бубнили. Это их дело. Нам надо искать ночлег.

Темнело. Между горами и скал, ночь наступает быстро. Рядом с дорогой протекала бурная речка.

– Впереди свет, – сказал Михаил. – Даже оттуда дымком потянуло.

Впереди маячил свет. Пахло дымом и вареным свежим мясом.

- Нас ждет веселый ужин, – сказал Федя.
- Наверное, здесь есть охотники, – ответил Михаил. – Значит, скоро будет населенный пункт.
- Вскоре залаяла собака.
- Охотники, – повторил Михаил. – Лайка тревожится.
- Откуда тебе знать, чо это лайка? – спросил Федя.
- Он охотник, – ответил я.
- Лайки голос я отличу от любой собаки, но это не дворовый пес. У них голос грубее, гуще. Это настоящая лайка. А вот чей мир, мне неизвестно, – ответил Михаил.
- На бугре, подальше от речки стоял небольшой домик из круглых бревен. С цепи рвалась собака. При полной луне я тоже понял, что это лайка. Куда же мы попали?
- На маленькое крылечко вышел хозяин домика.
- И хто там шарится по ночам? – громко крикнул хозяин. Русский. Значит, мы в России. Потом узнаем, в какое время мы попали.
- Принимай гостей, уважаемый хозяин оных мест, – ответил Михаил.
- Гости ночами не блудят, – грубо ответил хозяин. – В хлевушке у меня ишо есть и дворовые псы. Порвут портки. Знамо дело, порвут, и фамилию не спросят. Зачем пожаловали? Ворьё?
- Какие мы тебе, хозяин воры? Мы есть, путешественники с научной целью посетили оные места. Мы городские. Заблудились в этих уважаемых горах.
- Наверде, вы из городу. Дык, чичас я. Знамо дело, из городу. Барин Иван Митрофаньч давеча отъехал в имене свое. Он, знамо дело, так говорит. Город-то у нас далече. Две недели скачи и не доскачишь. Нам город не с руки. Нам и здесь славно.
- Ты, хозяин, убери собаку-то, – сказал я. – Лаёт громко, все горы разбудит от спячки. Да и твоих волкодавов пес твой разбудил. Пусти нас погреться.
- Пущу, знамо дело, пущу. У меня в самый раз в котле и мяско сварилось. Похлебка готова. Хозяин Иван Митрофаньч шибко хвалил. Мяско взял свеженького с собой-то. Знамо дело, свежее мяско-то. И вы, дорогие гости попробуете у отшельника Прокопия, а по-простому, как все меня кличут Прошка-отшельник.

И вот мы в домике. Убогое жилище. Широкие нары. На ней медвежья шкура. Стол, две лавки, маленькая кирпичная печь в углу, и больше ничего нет. В темном углу, у потолка, потемневшая от времени икона. Облик иконы не ясен. На столе стоял закопченный котел. От него и несло свежим вареным мясом с луком.

Хозяин довольно крепкий обросший дядя, в длинной рубахе, подпоясанной широким поясом. На стене висело ружье с длинным стволом. Таких ружей я не видел. Рядом висел лук, с колчаном со стрелами. Старина.

– Заблудились мы, – сказал я. – шли от города. Далеко ты, дед забрался. Хорошо живешь. Всякой живности много, река рядом.

– Рядом, – повторил он. – Знамо дело чо рядом. С неё воду не пью. Рядом исток есь. Вот там я водичку-то и беру. Расбалагайтесь гости далекие.

Я прошептал:

– Это он говорит, чтобы мы разделись и сели за стол.

Так мы и сделали. Похлебка напомнила мне нашу сибирскую похлебку. Вот только картошки в ней не было. Потом он по глиняным кружкам разлил молоко.

После сытного ужина мы вышли во двор. Собаки находились в загоне. Как я понял, там были козы.

– Сам доишь молоко? – спросил Михаил.

– Сам. Я круглый бобыль. Пошто так с городу-то далече? Одежа на вас как-то не по-нашенски. Чой так? Знамо дело, ходоки вы из дальних мест. Но, видно наши. Не супостаты. Знамо дело и не разбойники каки.

– Гуляют здесь разбойники-то? – спросил Федя. – Боишься?

– Чой-то мне боятца? До Емельки далеко шибко. Да и не тронул бы, знамо дело. Чо с меня взять бобыля. Емельян купчишек колошматил, знамо дело. Да и вы, знамо дело, не от царицки. Народу Емельян увсе раздавал. Весь пришла. На плаху лег сердешный за правое дело, за народец бедный.

В одно время мы попали, как и в ту деревню. Вот только нам местность поменяли. Смысл? Пока его не вижу. Давно понял, куда бы мы ни попали, всюду заложен смысл. Значит, и здесь

надо искать ответ. Хотя, вопрос и ответ сами придут. Вопрос будет ясен, а вот ответ нам самим придется искать и додумывать. И ответ мы всегда находили. Поэтому на все вопросы мы пока ещё всегда отвечали. А здесь пока ещё мы не заметили вопроса. Но, как всегда, я почувствовал, что-то здесь не так. И эта тревога шла не от бобыля, а откуда-то издалека. Михаил тоже это почувствовал. Мы переглянулись. Михаил, передернул плечами, вздернул головой. Я давно заметил, да и писал об этом, все вот такие люди делали вот такие движения. Нет, нет, он не переучился. Если бы он был переучкой, он вел бы с нами по-другому. Эти люди подчеркивают свою значимость над другими, дескать, они высококультурные, интеллигентные и образованные люди, а вы, мол, серость. Хотя, среди таких товарищей и господ, я обнаруживал настоящих доброкачественных хамов.

– Дед, значит, здесь у вас бывают разбойники? – спросил я. Надо начинать задавать наводящие вопросы.

– Нет их здесь. Чо брать-то с меня. Тут дела поважнее, гости дорогие, – ответил он, и замолчал. Стал к чему-то прислушиваться. Но, кроме шума бурной реки, никаких посторонних звуков. Меня это тоже насторожило. Наши друзья это заметили. Они давно поняли, что у нас с Михаилом обостренное чувство тревоги. Все молчали.

Я не унимался.

– Ведьмы или в реке русалки водятся? А как же твой хозяин имениня?

– Он славный хозяин. Никада не зашумит. Привезет мне соли, калачей уйму, или ишо чо. Одежонку привезет, обувку, пороху, свинца. Ружо мне подарил. А я здесь с молоду живу. С бабой у нас детушек не было. Померла она. Давно померла, очень давно. А я вот живу. Я помощь делаю Ивану Митрофанычу, а он мне. Славный хозяин. Рыбалью я здесь, охочусь. Я иво детишкам-то из дерева разные фигурки делал. Чичас оне стали большими. А игрушки иной раз другим детушкам в городе везут. Даже в столицу возили. Один хозяина сынок Ванька, баловник, часто у меня быват, – так он тепло отозвался при этом имени. – Говорит, чо в столицу меня к мору увезет игрушки чобы я там строил.

– Иван Митрофанович-то не боится ведьм? – спросил Михаил.

– Каво! Боитца. А кто ейных тварей не боитца. Вот он, Иван Митрофанович, и приехал по темну. В эту пору эти твари горные спят. Днем оне пугают честной народ. Днем, супостаты приходят, и всё отбирают. Мясо забирают, молочко берут. Две деревни сопсем ограбили. Откеда оне пришли – неведомо.

– А что власти?

– Власти? А чо власти? Приехали верхами, походили кругом, и возвратились домой ни с чем.

– Так, где эти супостаты живут? – спросил я. Хотя начал догадываться, кто эти супостаты. Значит, отдельные отряды улыбчиков разбросаны по нашей земле именно в это время. Да, действительно шла подготовка к вторжению космических завоевателей на наш многогранный мир нашей планеты. Интересно, где они прячутся? Я ещё писал в своей книге «Отчаянные придурки», что они боятся не только громких звуков, но и запутанных и непонятных для них слов и предложений. Странно, собак пока они не тронули.

– А кто-нибудь их, извините, видел? – спросил Виктор. Всё это время, пока мы сидели у дома, Виктор был в дому, и перед иконой усердно молился. И вот он вышел и заговорил. – Должен ведь кто-то их видеть строения. И какие они из себя эти, как их, супостаты? Должны ведь эти граждане где-то проживать. Хотя они и завоеватели, но, как я понял, они цивилизованные господа. Цивилизация, извините, должна быть у этих господ высокая. Так как?

– Шибко умно ты сказал, дорогой гость, – потряс лохматой головой дед. – Чой-то тебя, милоч я не вразумел чой-то. Так можно и тово. А мне ишо надось идти рыбалить, пока ночь за меня. Чо ты, милоч хотел от меня?

Михаил, хотя он немного и относился к переучкам, но говорил он с нами на простом языке. В нашей прошлой команде тоже был своеобразный переучка Иван Иванович Иванов, тунец со стажем, когда-то преподавал в университете, бывший профессор, но со всеми нами говорил просто. Правда, таких людей я встречал весьма редко. Хотя они и пытались плечами

дергать, и голову скидывать, при слове культура, пытались по-дальше вытягивать губы трубочкой, но во время одумывались. Прошлое хотело не отпускать их на простор к народу. Но обстановка ломала их. Порой мне становилось их от души жалко. Не сознавая, я тянулся именно к ним, к этим людям, в прошлом переучкам. Многому учился у них, и они понимали моё стремление. Вместе с ними философствовал. Я всегда думал вот о чем, а что было бы, если бы я с ними повстречался в университете, когда они читали лекции студентам? Не знаю. Лучше пусть будет так, как в этот момент, в котором мы с ними живем в другом мире. А там? Я бы побоялся к нему подойти.

Михаил спросил:

– Дед Прокопий, у нас к вам вопрос. У них есть дом? Где они живут?

– В горах видели цельные дома. Как сказка. Зелень вокруг. Цветы. Люди наши видели. Я видел. Потом я пошел. Там ни чо нету. Страх меня взял. Бежал я оттэда. Ведьмы оне. А как люди. Злые оне. Улыбаютца. Супостаты. Зачем оне здесь? Чо им надо от нас? Солдаты тудась ходили. А ни чо тама нет. Посмеялись над нами. И ушли с Богом от нас. Разбойники там хотели их ограбить. С концами разбойники и воры сгинули. Ведьмы забрали их. Я чо думаю, милки мои, чой так получаютца? У них нет баб. Одни мужики. Каки тада оне ведьмы? Ведьмаки чо ли? Откеда оне пришли на нашу голову?

– Собак они не тронули? – спросил я.

– Нет. В округе всех собак оне отравили. Ведьмаки оне. От сглаза собаки пропали. А наших не тронули. Наши собаки за дичьем водятся. Мяса этим супостатам надобно. Собаки мне в охоте нужны.

– Ясно, – ответил Федя. – Не будет собак, не будет охоты.

– Здесь на Урале много разной дичи, – сказал я.

– Здесь, на Урале все мои жили предки. Оне откуда-то с севера сюда подались. Апосля оне все ушли на Волгу, а я здесь вот. Привык.

– Ночью не пробовали к ним сходить? – спросил я.

– Чо туда? Мне ненадомно туда. Рыбалил я. Там свет горел. Никаво не видал. Днем там шум бывает.

– Ну, ничо, – потер руки Федя. – Мы им этот шум устроим. Оне темна боятса, вот мы и придем к ним в гости.

– Федя, ты гений, – сказал Михаил. – Они, как Юрий говорил, шума и темноты боятса. Вот мы и возьмем оных тварей культурно, вежливо и хорошо на этой темноте.

– А может, эти темноту не боятса, – сказал я. – Может, всё наоборот. Кто их знает. Но проверить надо.

Мы попрощались с дедом Прокопием и пошли в сторону, куда указал дед. На дорогу он нам дал калачи и сухого мяса.

Вскоре мы увидели поселение. Почти рядом с речкой стояли круглые дома с конусными крышами. Действительно, здесь было всё, как в сказке. Кругом разные фруктовые деревья, цветы, три фонтана с бассейном. А вот улыбчиков пока не видно. Дорожки сделаны из зеленоватого прозрачного материала. Мы подошли к крайним домам. Под этими дорожками нарисованы разные растения, животные в виде зеленых ящериц в рост человека. Но у них не было хвостов, лапки напоминали человеческие руки и ноги. На голове огромные застывшие глаза. Страшно смотреть на такое заморское чудо.

– Кошмар какой-то, – сказал Федя, и хотел ступить на дорожку. Но тут, же он отскочил.

– Чо это за камуха такая! – возмутился он. – Чудо! Будто здесь стекло, и я наткнулся на гладкое стекло. А его не видать. Чо это за канитель такая!?

– Нас сюда, извините, не приглашают, – ответил Виктор.

– Только тише, только тише, – замахал руками Юра. – Только тише. Надо всё обследовать. Я, конечно, сомневаюсь, что у них нет прохода в логово супостатов, как говорил дед Прокопий, но поискать надо.

– Вы знаете, друзья мои, я чувствую, здесь мои лекции требуются. Я их лекциями очарую. Разрешите мне проникнуть в их логово? Я чувствую, как мои тетради, так и рвутся к этим тварям болотным.

– Ну, Петр Петрович, ты молодец! – почти закричал Федя, и тут же ладонью закрыл рот. – Молодец. Ты точно их назвал болотными. Они все любят зеленый, болотный цвет. Мужики,

а вдруг настоящие улыбки, не их роботы, а настоящие твари, ну, эти, как нарисованы под дорожкой.

Михаил долго смотрел на Федю. Потом ответил:

– А ведь это возможен неопровержимый факт. Если они прибывают из глубин космоса, и кто нам всем ответит, какие они на самом деле? Если у них наука достигла создавать дома, целые селения, роботов, путешествия на такие огромные расстояния, то они могут принять облик нашего человека.

– Так ты хорошо кумекаешь насчет этой всей катавасии, – сказал Федя. – Вот эти все наряды сделаны из непонятно чего? И могут тут же исчезнуть?

– В один момент исчезнут, – ответил я. – С той командой мы бывали в таком селении. Оно может тут же исчезнуть.

– Пока мы тут будем, извините, рассуждать, они исчезнут, – сказал Виктор. – Надо искать вход.

Я заметил, что Федя что-то задумал. Он ходил по периметру невидимого стекла, хмыкал и ворчал. Потом хлопнул в ладоши, и по голове.

– Ай да, Федька, а вы говорили здесь, что мы все здесь придурки. А ведь эти придурки хорошо могут кумекать. Тогда кто мы? Умные придурки.

– Ты не мудри наш культурный и вежливый Федор, – сказал Михаил. – Говори, что придумал?

– Не томи нас, – поддержал я Михаила.

– Ну, хватит уже, ну, что такое опять? Ну, будет выступать. Всем ясно, что мы тут собрались артисты, хотя и здесь я сомневаюсь. Короче. Говори, и хватит играть.

Петр Петрович неожиданно улыбнулся и сказал:

– А я сейчас достану из глубин своего безразмерного портфеля весьма умную лекцию, и прочитаю её специально для Федора.

Ты смотри, наш политический лектор может быть и с юмором. Это крупнейшее открытие в нашей лихой команде.

– Не надо мне читать лекцию, – неожиданно ответил Федя. – Слушайте внимательно. Давеча я закричал, када наш уважаемый всеми лектор по сияющим вершинам сказал, что люди, как ящеры, то я закричал. Вы не заметили, а ведь моя рука лежала

на том стекле. И моя рука провалилась. Я даже испугался. Не понял, чо это было. Но виду вам не подал. Стал кумекать, и вот докумекался. Мы её шумом возьмем.

– А что, это может быть стать фактом, – сказал Михаил. Но тут вмешался и Петр Петрович. Он, сегодня был в ударе. Он «работал». Он пошарился в портфеле, достал оттуда папку. Потряс ею и ответил:

– Так. Я понял. Вот эта стена сотворена при помощи мыслей этих уродов. Так. Дома и всё сотворено мыслями. Но, эти твари живут в этих домах. Так. Как рассказывал Юрий, они могут сделать и любую еду. Всё так. Но, значит, мысли оживленные. Всё вокруг и внутри в этом селении, и вот этот невидимый материал сотворены из живой материи. Она известна только в том мире, где они жили. Прекрасно. Вся эта материя не переносит наших звуков. Так. Но, они и не переносят, значит и должна не переносить вот эта невидимая стена из живой материи того мира и наших непонятных для них слов и предложений. Теперь я понял. Эврика! Когда я читал свои лекции, то отдельные товарищи, со слабыми извилинами в своих головках падали в обморок. Просто они не выдерживали и не понимали мои предложения, хотя как-то пытались что-то понять. Не вышло. Плохо было и нашему первому секретарю Подгузникову от лекций Балаболкина и Дрожжина. И вот когда я начал читать лекцию другому секретарю...

– Хватит мусолить, – прервал его Федя. – Что тебе надо наш заученный лектор. Что тебе надо? Отвечай!

– Я своей лекцией разрушу стену. Но, я не буду кричать. Я буду говорить со стеной тихо, нежно и культурно. Интеллигентно буду говорить, ласково. Я этой живой стене такое заморочу, что у меня у самого, как у Подгузникова голова зазвенит, и буду два дня отходить, как он отходил. Я на всё готов. Я ведь тоже солдат?

– Петр Петрович, да ты настоящий солдат, – похвалил его Федя. – Мы тебя уважаем.

– Только без пьянок, – ответил Петр Петрович. – Это пьяницы и алкаши требуют к себе уважения.

– Да какой же я алкаш? – почти возмутился Федя. – Если бы я был алкаш, то меня бы не приняли в вашу команду. Хотя, после такой победы не мешало бы чуточку и дернуть. Ну да ладно. Давай, Петр Петрович дерьгай за уши свою умную лекцию. Но, чур, я не буду слушать. Как от арифметики, и твоей лекции меня может замузить.

Федя отошел от нашего лектора. Он подошел к стене, нежно погладил её и сказал:

– Ну, здравствуй, очаровательная подруга, а может и друг. Это не важно. Ты, есть великое создание мудрых людей вашего мира. Сейчас я тебе, в смысле вам, прочту удивительную, умную лекцию, которая вам понравится. В ней я расскажу о великом будущем, к которому все люди стремятся. Вы уже достигли сияющих вершин, и ваши великие познания надежно стоят на гранитном фундаменте открытий и знаний. Итак, с вашего соизволения я начну читать. Вы, госпожа, умная и неповторимая госпожа соберитесь в одно место, и послушайте хвалебную оду в честь вас, уважаемая живая плоть разума, собранная в единое целое. Но вам необходимо сконцентрироваться рядом с моей очаровательной лекцией. Начинаю услаждать ваши чуткие ушки. Лекция начинается так. Вот её строки...

Я стал удаляться. Все последовали за мной. Но мы не уходили далеко. После того, как исчезнет стена, нам предстоит сражение с улыбочками. Мы ещё не знали, сколько их здесь. Пока Петр Петрович читал лекцию, размахивая руками, мы обсуждали наши действия. Каждый из нас, как говорится, набирал больше кислорода в легкие, если они у нас есть в этом мире. Откуда мы знаем, из чего мы сделаны? То, что мы тоже роботы с живыми телами в других мирах, это ясно. Одно нам всегда оставляли, наши мысли. Пока я не знал, о чем буду говорить. На ходу придумаю.

Петр Петрович долго махал руками. Мы заметили движение в воздухе, похожее на холодный и колючий ветер. Сейчас лето. А это настоящий осенний ветер со снегом. Было видно, как он собирался в одно место вокруг лектора. Петр Петрович, качался, еле стоял на ногах, но продолжал махать руками и читать лекцию. Мы легли на землю, такой был сильный ветер. Мы не отни-

мали глаз от нашего мужественного Петра Петровича. И вдруг ветер перестал. Наступила тишина. Мы увидели перед нашим лектором настоящее чудовище, похожее на огромную ящерицу без хвоста. Чудовище было около пяти метров высотой. И удивительно было то, что оно напоминало что-то похожее на густой туман. И это животное вдруг стало уменьшаться. Ноги у него подогнулись, и он лег у ног лектора. Петр Петрович продолжал махать руками и читать, читать. Было ясно, что Петр Петрович едва держался на ногах. Его качало, ноги подгибались, он сутулился, но держался. Мы хотели побежать, чтобы поддержать нашего друга, но Михаил неожиданно задержал нас.

– Он выстоит. Он обязан выстоять. Ведь он от своих лекций выстаивал, и здесь выстоит. Так надо. Если мы приблизимся, это животное может воспрянуть и ожить. Не надо. Петр Петрович это понимает, порой он даже нам подает знаки, чтобы мы не приближались. Всё это Петр Петрович сделает культурно, вежливо и хорошо.

И вот животное исчезло. Нет его! Петр Петрович ещё немного постоял, и повалился на землю. Мы бросились к нему. Мы приподняли его, хвалили, поздравляли с победой. Федя даже обнял его.

– Ах, ты наш заученный человечиче! Лектор наш ненаглядный. Клянусь вот чем. Договорились. Прочитаешь ты мне свою любимую лекцию. Обещаю до конца выслушать. Пусть хоть и будет звенеть в голове.

Петр Петрович чуть улыбнулся.

– Теперь ты готов выслушать лекцию. Подберу, что легче для твоих мозгов.

Петр Петрович не мог стоять на ногах. Но, нам надо действовать. Он тихо прошептал:

–Идите. Идите. Их надо уничтожить. Живая тень мне сообщила, что здесь их двести гелиозов. В этом времени у них ещё есть три отряда. Просто они готовят места для жилья. Идите. Всё потом. Идите. Я здесь полежу, и наберусь сил. Идите.

Мы видели, как из домов выходили улыбочики, и быстро выстраивались в шеренгу.

И вот, когда мы пошли к ним навстречу, то они поняли, что защитная стена им уже не поможет. Вот это я понимаю, какая великая цивилизация, достигшая такого технического уровня. Куда нам до них! А ведь могли бы соединиться. Мы ведь тоже разумные существа. Зачем нам воевать друг с другом? Все мы связаны в единой вселенной. Нам бы всем разумным существам дружить. Зачем эти войны? И у них, есть существа, которые не хотят воевать, а жить в мире. Я уже писал о них в книге «Придурки». Один из них по имени Турас. Они тоже появились на нашей планете, и хотят помочь нам.

Надо действовать. Пока они собирались в отряд, мы шеренгой двинули на них. На всякий случай, я выдернул кнут.

Вот, где был гром среди ясного неба, визг, крик, отборный мат. Мы бежали на улыбочиков и кричали. Виктор кричал какие-то слова на старославянском языке, Федя изощрялся в мате, Михаил кричал какие-то научные термины, которых я совершенно не понимал. Юра кричал о том, что все улыбочики корчат из себя плохих фокусников, и что он сомневается, что они станут настоящими артистами. Дрянь они полная и никуда не годные упыри болотные. Я тоже кричал про ящериц, и что всем этим подонкам надо уйти в грязные болота.

Улыбочики не смогли воспользоваться своими трубками. Все они падали замертво и превращались в пыль. И тут я почувствовал, что я сильно устал. У меня, как и у Петра Петровича подгибались ноги. Все мои друзья тоже чувствовали себя неважно. На месте улыбочиков даже одежды не осталось.

Я оглянулся, чтобы позвать Петра Петровича, чтобы вместе отпраздновать большую победу над улыбочиками. Но нашего лектора нигде не было.

Мы пошли его искать, но так и не нашли.

– Забрали его, – сказал я.

– Улыбочики? – быстро спросил Федя. – А как же лекция? Он ведь обещал мне её закатить. Как я плохо себя чувствую. Сил совсем не стало.

Мы пошли к поселению, чтобы там отдохнуть, и тут мы увидели, что дома, как и улыбочики, стали растворяться медленно, но уверенно. Просто они превратились в пыль.

– Вот и всё, – сообщил я. – Один очаг в этом мире уничтожен.

– Почему один, два очага, – ответил Михаил. – В той деревне тоже был очаг. Значит, в этом времени ещё есть три очага. Но нам уже не справиться с ними.

– Их раскурочат другие наши товарищи, такие же придурки, как и мы, – попытался улыбнуться Федя, но от боли скривился. – Внутри пустота, и голова, как с похмельюги.

На месте селения стоял лес. Будто ничего здесь и не было. Мы сели отдохнуть на поваленное бурей дерево, и тут же оказались у дома на острове.

– Вот те раз, и мы в дамках, – сказал Федя. – Ловко нас гоняют.

И тут мы увидели Петра Петровича. Он подходил к нам. Лицо его было бледное, он трясся, но портфель держал надёжно, прижимая его к груди.

– Откуда ты, друг заученный! – воскликнул Федя. Хотя это ему далось тяжело.

– Не помню, друзья мои, не помню. Раз, и я здесь с вами.

– Пропустить бы, Юрка, по-маленькой чеплашечки вашей подгузницы. Вам можно было, а нам нельзя? Обидно ведь, – сказал Федя.

От столовой шел сам Гниломедов. За ним семенили четыре повара, и что-то несли на разносах. Подошли к нам. Гниломедов сказал:

– Только что мне сообщили, что вы настоящие герои. Просили, чтобы мы вас встретили. Вот, угощайтесь, дорогие наши гости.

На разносах стояли фужеры с вином, в чашках дымилось мясо. Здесь лежали разные овощи и фрукты. Мы сели на траву, и стали с жадностью есть. Запивали вином. Гниломедов стоял в стороне и с умилением наблюдал, как мы ели. Нет, не узнать Гниломедова. Когда-то это был мой закоренелый враг, как и пират Гнатон. Как, всё-таки, меняются люди к лучшему.

Мы отменно поели. Сытная еда всегда восстанавливает силы, но здесь было что-то другое. Мы наелись. Я утолил голод. Но слабость не проходила. И тут я понял, что еда восстанавливает

физическую силу, но она не восстановит энергетическую силу. И это факт. Об этом я и сказал мужикам. Я подошел к Гниломедову. Он видел, как меня шатало. Он был в полной растерянности. Ведь он сделал для нас всё, что нужно было.

– Ты не переживай, – сказал я. – Тебе огромное спасибо от всех. Отменная еда и вино. Спасибо. Но ты пойми. Мы потеряли внутреннюю энергию, а её ничем не восполнить, кроме нашего мира. И ты должен это знать. Так что успокойся и не переживай. Ты сделал всё на высшем уровне.

Он стал успокаиваться. Поварята отправились к столовой. Гниломедов немного постоял, и сказал:

– Как я понял, вам надо домой, в ваш мир. А у меня там уже никого нет. Мой дом, этот мир. Всего доброго.

И он пошел в сторону столовой.

Я подошел к друзьям.

– Ну, что, друзья, до скорого свидания. С теми улыбочками теперь справятся другие наши отряды.

Петр Петрович, тронул за рукав Федю.

– Наш договор остается в силе?

– Лады, Петр Петрович, лады. Раз я обещал выслушать твою умную лекцию, то выслушаю.

– Но, нас сейчас отправят по домам.

– Петр Петрович, не расстраивайся, – сказал Михаил. – Ты ему прочтешь лекцию культурно, вежливо и хорошо. Мы ещё появимся в этом мире. У нас теперь своя команда. Все мы спознались в беде.

Передо мной мгновенно образовался туман, и я оказался у сосны.

Часть третья

Нам отдых только снится

Как бы ни так

Стоял у сосны. Как мне показалось, она, будто сказала, чтобы я вошел в березняк. Приткнулся лбом к теплому стволу. Мне и так хорошо с тобой, подумал я. Куда мне ещё идти?

– Иди в березняк, – услышал я голос сосны. – Я сказала – иди. Ты там наберешься сил. В твоём организме всё бурлит, и стонет. Ты сильно устал. Из тебя ушла почти вся энергия. Ты отдал её за благое дело. Будешь проходить маленький лесок из осины. Пройди его обязательно. Так надо. Потом начнется березняк. Повстречаешь небольшой холм. На склоне его растут молодые березы, но не мелкие. Ты часто проходил этот холм. Там проходит тропа. Она давно заросла. Ваше поколение по ней ходило за грибами. Сейчас по этой тропе никто не ходит. Сейчас другое поколение. Они за грибами ездят на машинах. Ты почувствуешь эту тропу. Береза эта стоит почти на окончании склона. Ты иногда останавливался около неё. Там лежит поваленная бурей старая береза. Ты, бывало, сидел на ней, когда ходил за грибами. Иди.

Я оторвался от сосны, и пошел вглубь тайги. Оглянулся. Под лучами солнца снег на сосне играл, кажется, на все яркие цвета, кроме темных цветов. Я ещё подойду к тебе, подумал я.

За это время, что я появился в моём мире, мне стало лучше. На душе было легко и радостно. Ноги окрепли. Конечно, я мог бы и не пойти в березняк. Но я обещал сосне, что найду тот березняк. Я помнил ту тропу. Правда, я давно не ходил по ней. А ведь если пройти тот березняк, потом выйти в густой смешанный лес, но не тот, о котором я писал, в котором живет леший

или ещё какая-то темная нечисть, а выйти на границу осинника с березой, можно обнаружить под кочками моха душистые белые и сырые грузди.

Тропу я не нашел, но почувствовал. Как можно найти тропу после выпавшего свежего снега. Двигался по осиннику. Под ногами похрустывала листва под тонким слоем снега. Здесь стоял густой и горьковато-соленый сумрак. По едва заметной тропе я вышел к молодым березам. Здесь было светло, и даже воздух почему-то отдавал запахом свежих грибов. Тонкие солнечные лучи от солнца пронизывали голые ветки берез, и чуть ярче подбеливали солнечную сторону.

Не знаю, почему я подошел к крайней березе. Она словно сторонилась остальных своих подружек, стояла в сторонке, и, как не странно, она вся была окутана светом. Рядом с ней лежала старая береза. Вспомнил, что когда-то я на этом месте ломал под мохом и опавшей листвой сочные грузди. Отдыхал на этом упавшем дереве.

Я подошел к березе. Она так вся и сияла. Положил руки на её гладкий и прохладный ствол. От неё пошел непонятный для меня дух, который окутывал меня, клонил ко сну. И в тоже время я чувствовал, как ствол становился теплым. И это тепло тоже медленно, но уверенно двигалось по моему телу, горячила кровь, поднимала настроение. Было странное ощущение. Вроде тянуло на сон, и в тоже время тело становилось бодрым, сильным. Даже захотелось петь, плясать. Пусть некоторый читатель улыбнется моему чудачеству, когда я бываю в тайге, то мне хочется от радости кричать на всю тайгу. Руки мои, как мне показалось, ощущали не твердость дерева, а мягкость ствола. Снежинки падали с голых веток на моё разгоряченное лицо, шею, и тут же таяли. Но они не охладили тело, они казались мне теплыми, нежными, и почему-то немного солеными.

Неожиданно береза изменилась. Ствол стал прежним, твердым и гладким. Снежинки не падали на меня. Как не странно, лицо и шея были сухими. Передо мной стояла обыкновенная береза.

Я отошел от неё. И, всё-таки, что-то во мне изменилось. Исчезла усталость, повысилось настроение, сердце билось ровно,

спокойно и без всяких там ритмов. От березы в меня вошла энергия. Странно, а почему в другом мире с нами такое не бывает? Возможно, из-за того, что мы там другие. Мы туда попадаем, напичканные энергией из нашего времени. И наша энергия помогает нам. Интересно, а вот эта береза помогает людям, которые подходят к ней? Не знаю. Возможно, и помогает. Как мне показалось, что эта береза, как и моя сосна, живая. Да мало ли к какому дереву я подходил! Ничего не чувствовал. А сейчас я находился, в каком-то радостном тумане. Скажи кому, не поймут, и засмеют. Скажут, что опять Стрелов врет, и придумывает небывицы. Опасно признаваться. Мои новые друзья тоже никому о своих приключениях не будут рассказывать. У нас один был такой рассказчик, как Саша Хилопатов. Его быстро отправляли куда положено. А то, что я пишу, то фантастика.

В общем-то, меня эта береза заинтересовала. Что это было? Может, сосна подскажет. Музыка и голоса я здесь не услышал. А вот почему капли от снега были немного соленые, это вопрос.

Надо идти домой, а то скоро начнет темнеть.

И вот я дома. Хорошо. После горячего чая меня потянуло на сон. Спал я эту ночь отлично.

Надо было сходить в магазин за хлебом. Дорога моя шла через небольшой городской парк. Я бы мог пойти и по другому пути, но почему-то сделал приличный крюк. Посредине узкой аллеики стояли две женщины. Обсуждали свои дела. Но почему-то я заострил внимание на шестилетней девочке. В её тоненьких ручках была бутылка с пивом. Конечно, эта бутылка была мамина. Обе молодые женщины мирно беседовали, и у каждой в одной руке было по бутылке, а в другой по сигарете. Иногда они отхлебывали пиво и закуривали дымом от сигарет. Лично для меня опять была не приятная встреча. Терпеть не мог женщин курящих на улице при детях. К тоненьким и беленьким ножкам белокурой девочки с приятным личиком, хоть завтра фотографируй её для выставки, пристал котенок. Он нежно мяукал и терся о ботиночки. Девочка вся такая ухоженная, ну прямо принцесса. Приятно было смотреть на такую прелесть с котенком. Если бы у меня был фотоаппарат, то обязательно бы сфотографировал. Но прелестная картина стала меняться. Девочка пнула котенка.

Он, видимо, не понял, и снова полез нежиться о ботиночек. И вот тут я увидел личико девочки. Неожиданно у неё глаза округлились и потемнели от ярости. Да, да, в её глазах я увидел не скрываемую ярость. Просто на глазах девочка стала превращаться в маленькое чудовище. Она ударила котенка бутылкой, один раз, потом второй раз. Я не мог сдвинуться с места. У меня будто ноги приросли к земле. Девочка оскалила беззубый рот, и дико закричала. Она схватила котенка и стала рвать ей пасть. По её нежным ручкам текла кровь несчастного котенка. Но в этом диком оскале, я увидел улыбку. Она бросила котенка на бетонку и стала его в дикой ярости топтать. Наконец, у меня ноги окрепли, и я рванулся к этой девочке. Хотя было поздно. Котенок был разорван. Со мной побежали три женщины, чтобы остановить разбушевавшегося ребенка. Что сделали мамаша и её подруга? Они загородили изувечку от нас.

Одна женщина хваталась за грудь.

– Ой, сердце. Мамаша, да как же вы такое позволили? Это варварство!

Вторая женщина кричала:

– Кого вы воспитали? Что с ней будет дальше?

Третья женщина остановилась, и, как я понял, ей было плохо. Она даже не могла слова сказать.

Я тоже подошел к мамаше ребенка. Она с силой оттащила продолжающую кричать дочь от растерзанного котенка. Мамаша ворчала:

– Как ты смела нашу бутылку, разбить? Ударила бы, а бутылку-то, зачем о бетонку била?

– Так надо, – злобно ответила девочка. Глаза успокаивались, беззубый рот плотно закрылся, но она смотрела на нас и ехидно улыбалась.

– Мамуля, – сказал я. – Если вы воспитываете такого дитя, значит, и вы такая же жестокая не только к животным, но и людям.

– Не твою ума дело, старый пень! Иди ты со своими вон теми волосогрызками знаешь куда!

Её подруга, отхлебнув пива, закурила.

– Жалко бутылку. Девка зря разбила. Потом ишо возьмем.

А мамаша деточки ещё добавила.

– Где люди, дед? Где? Три мужика у меня было. Ну, и чо? Я их в гроб загнала. Слабаки оказались против такой бабы, как я.

И задрав узкий подбородок громко засмеялась, но, тут же оборвала смех, как это обычно бывает у алкоголиков, особенно у пьющих женщин. Наклонилась в нашу с женщинами сторону.

– Чо вы привязались к ребенку? Чо? Она ведь ишо ребенок. Пошли вы все отседа! Расходились здесь все правильные. Простому человеку негде отдохнуть с ребенком. Мы шли, никому не мешали, никого не трогали, чо вы нам мешаете культурно отдохнуть. Как бы ни так, ничево у вас не выйдет! Думаете чо хотите о нас, а нам плевать на вас правильных. Мы ведь можем вас, сволочей, и тронуть, как вон тово котенка. Некаво бродить здесь, где люди отдыхают.

Девочка выглядывала из-за узких брюк своей мамашы, и показывала мне язык. В её глазах была видна жесткость, но она тихо улыбалась. Как помочь девочке? Как? Я не знаю. Лечить? Бесплезно. Наша медицина не поможет. В девочке сидел страшный вирус гелиоза. Девочке нужна встряска, чтобы вышибить вирус, а как вышибить негатив из таких вот мамаш, уже законченных пьяньчужек? Мне стало страшно. Вирус гелиоза расползлся по нашему миру. И наша команда хоть немного, но помогает уничтожать эту заразу. А в нашем мире нам приходится скрывать, что мы делаем полезное для тех же людей, которые нас не понимают, и даже смеются над нами.

Женщины пошумели, пошумели и пошли своей дорогой. Пошел и я. К растерзанному котенку подошли четыре молодые женщины в красных куртках. Уборщики улиц. Они все курили. Молча, выбрали котенка, и бросили в мусорный мешок. Они шли мимо меня, и обсуждали не судьбу девочки, и котенка. Привыкли. Они обсуждали вчерашний день, когда что-то отмечали, а сегодня бы не мешало опохмелиться. Прошли мимо, и от них шел крепкий запах перегара, перемешанный с дымом сигарет. От всего пережитого мне стало грустно.

Неожиданно встретил Ольгу Борисовну Голубкину.

– Что с вами? Просто не узнаю вас. Что случилось? Бывало, вы всегда несли людям заряд бодрости, а сегодня всё наоборот.

– Хороший заряд получил в тайге. А вот пришел в город, и всё улетучилось.

– Кто же вас так расстроил?

И мне пришлось ей поведать о случившемся.

– От всего увиденного меня тоже, Юрий Иннокентьевич, берет тоска и безысходность. Все мы катимся в неизведанное завтра. И порой мне тоже становится страшно. Были в тайге?

– Конечно. Там я духовно отдыхаю.

– Я там хорошо отдохнула. Какая прелесть! Сейчас не могу. Зима наступает. Я холода боюсь.

– Было бы интересно, если бы вы попали в женскую команду с Октябриной Правдиной, с Пелагеей Длиннохвостиковой, Аграфеной Железянкиной.

– И попасть в тот мир, который вы описываете в своих книгах? С огромным удовольствием бы примкнула к ним.

Как ей сказать, что она не подошла бы к той лихой команде? Ещё обидится. Женщины, особенно одинокие, как правило, обидчивые. Но сказать надо.

– Понимаете ли, Ольга Борисовна, в той команде женщины особенные.

– В чем их особенность? – насторожилась Голубкина. Глаза под цвет весеннего неба, неожиданно потемнели, и напомнили мне осеннее небо перед снегом. Ну, вот и началось, подумал я.

– Чего вы замолчали? В чем их особенность и отличие от меня?

И я вдруг подумал, что сейчас она скажет фразу одиноких женщин, я всё-таки, женщина.

– Вы меня решили унижить? Нехорошо, Юрий Иннокентьевич. Я, всё-таки, женщина, не забыли это?

– Не забыл, – ответил я. Грусть во мне не проходила. – Но я и не думал вас унижать. Наоборот. Вы другая, особенная. Понимаете в чем дело, у них особенность в голосах. Вы скромная, культурная, интеллигентная женщина.

– Ну, что вы, – потупилась она, и глаза стали светлеть. В них появился цвет, похожий на цвет весеннего неба на утренней зорьке. – Вы меня смущаете. А они какие, эти женщины? И, что у них с голосами?

– Как бы вам сказать?
– Не стесняйтесь, говорите прямо.
– У них такие бывают голоса.
– Громкие? И они могут убить тех тварей? – ответила она, и глаза чуть прищурились. Она тихонечко так хитро улыбнулась.
– Именно, убить, – ответил я. Неожиданно во мне стал просыпаться интерес, любопытство, что-то должно произойти. Так уж я устроен. Всегда ждал неожиданностей от людей. Привык к любым стрессам, которые дарили мне люди. За свою долгую жизнь я в этих неожиданностях и стрессах закалился. Правда, и меня, такого закаленного что-то пробивает, как тот растерзанный котенок, и зараженная вирусом гелиоза несчастная девочка. Бывает. Тут уж, как на духу. Не повезло девочке. Мамаша не чище того вируса. Страшно.

Потом я добавил:

– Однажды, Пелагея так кричала на меня и на своего мужа, когда ещё они жили вместе, что у меня в ушах зазвенело, а потом надолго оглох. Во дворе у них ходили гуси, куры, так они от этого крика в страхе разбежались. А у одного гуся получился разрыв сердца. Две соседские собаки от страха бросились на забор, и чуть не повесились на цепях. Хозяин их снял с забора. Потом хозяин рассказывал, что его собаку от такого крика прохватил понос. Железянкина этих тварей взяла лекциями о сияющих вершинах. Так их запутала, что у них мозги сварились от непонимания. А Октябрина Правдина замучила их вопросами, и чтобы они не уходили от ответов. Закрутила их такими вопросами, что они падали замертво. Сам Сталин хватался за пистолет, чтобы она не мучила его вопросами. Представьте, что сам Сатана, сам царь тьмы, прогонял её от себя за её закрученные вопросы. Там уж было не до ответов. Вот такие эти необычные женщины. Сейчас они стали великолепной командой против улыбочиков.

Ольга Борисовна ещё более прищурила глаза, и тихо ответила:

– Юрий Иннокентьевич, вы плохо знаете женщин, особенно одиноких. Мы на такие подвиги способны, что вам мужчинам и не снилось. У меня для этих тварей есть своё неотразимое

оружие. Я кричать не буду, хотя могу так завизжать, что у вас лопнут перепонки. Я их лаской уморю. Я кричать не буду, я их лаской уморю.

– Как это лаской? – не понял я. Меня это ещё больше заинтересовало.

– Вы не правильно подумали. Ох, уж все мужчины одинаковы, у них одно на уме. Я буду к ним приближаться, ласково и нежно улыбаться, а сама буду говорить нежным усыпляющим голосом. Мы, женщины, особенно одинокие, можем любого мужчину ласковыми речами с ума свести. И подпущу им такие закрученные ласковые словечки, что они в прах уйдут. Пусть наши женщины кричат, надсажаются в мате и грубости, а я этих супостатов лаской, лаской, закрученной лаской. Ведь русский язык богат не одним только матом, но есть у него нежные слова, сложенные в предложения. А эти предложения бывают настолько длинные и закрученные, что иной и русский-то человек по неопытности может с ума сойти. Вот возьмите иного опытного лектора, политического деятеля из времен раннего и позднего застоя, он вам в любой газетной или журнальной статье такого накрутит, что иной раз и сам не разберет, что он там написал. А если ещё этот товарищ начнет перед публикой выступать? Вот таких товарищей надо подпускать к этим улыбочкам. И в этих статьях и лекциях нет мата. Там есть такие словечки, что у иного слушателя в головке может произойти опасное замыкание. После такого слушания можно и угодить кое-куда. Вот, что могут сделать некоторые лекторы.

Ольга Борисовна говорила так, и глазки её всё больше сужались. А ведь она ещё и с глубоким юмором? Похвально. Вот это мне нравится. Я даже повеселел.

– Ну, вот, и вы стали отходить в лучшую сторону, – улыбнулась она.

– А ведь у нас такой лектор в нашей команде есть, – сказал я.

– Есть. Я у вас читала книгу «На острове снов». Там было два удивительных лектора. Взяли бы меня туда. Кто это может сделать?

– Есть такие отправители. Для того чтобы отправить в иной мир, идет тщательный отбор. Я даже не знаю насчет вашей отправки.

– Но вас ведь как-то отправили? – сказала она, и глаза стали немного расширяться.

– Туда я попал ещё в далекой молодости.

– Да, да, в молодости. Но остальные-то попали недавно.

– Неведомо мне. Если честно, то мне бы хотелось, чтобы вы попали в одну из таких команд. Мне бы посмотреть, как вы этих тварей заласкали бы до пыли.

Она помолчала. Я тоже молчал. Всегда был осторожен в словах со всеми одинокими женщинами. Они непредсказуемые. А обидеть их боялся.

– А если подойти к твоей сосне, и попросить кого-то из них, чтобы меня отправили? Как вы думаете?

Надо отвечать осторожно.

– В общем-то, не знаю, но надо попробовать. Дождитесь теперь весны.

– Весны? – удивилась она, и повысила голос, – Но вас и зимой туда отправляли. Мол, как бы ни так, мне там делать нечего! Так что ли, Юрий Иннокентьевич? Как?

Да, я тут что-то не так ответил. Надо исправляться. Господи, как исправляться? Ну, никак не угодить! Ну, отчего они такие эти одинокие женщины?

– Хорошо, хорошо, Ольга Борисовна, давайте попробуем. Приходите в парк. Там есть крайняя беседка. Там мы с вами попробуем встретиться, и пойдем к сосне. Ещё раз повторю, мне бы хотелось, чтобы вас туда отправили.

Ольга Борисовна стала успокаиваться.

– Хорошо. Мы договорились, – сказала она. – Я обязательно приду.

Расстались до завтра. За день пока никаких приключений не произошло.

Утро. После вчерашнего обильного снега, сегодня был легкий морозец. Небольшие и редкие тучи под цвет густого тумана медленно ползли над городом. В такую погоду бывает особенно яркое солнце. Снег так блестел, даже глазам стало больно.

В парке у беседки стояла Ольга Борисовна.

– Вы заставляете женщину ждать. Нехорошо с вашей стороны.

- Извините. Проспал.
- А я уж, грешным делом подумала, что вы забыли про своё обещание.
- Ольга Борисовна, извините меня, но я никогда не употребляю слово – обещаю. Это одно из моих правил.
- Как? – удивилась она.
- У нас была общая знакомая Октябрина Правдина. Она со всех ей близких людей требовала, чтобы они что-то там обещали. И если человек, ну, по каким-то обстоятельствам не смог выполнить обещание, то я не завидовал тому человеку. Устраивала грандиозный скандал. С меня тоже требовала обещание. Но я всегда отказывал в этом. Опасно обещать. Ведь если обещал, то его надо выполнять. А вдруг случилось, непредвиденное? Как тогда? А ведь ты обещал. В таком случае я никогда и никому ничего не обещал. Я просто говорил, постараюсь сделать, или придти. Постараюсь. Обещать нельзя. Все мы ходим под Богом. Вот и весь ответ. А ведь она сама могла обещать, а не сделать. И ничего. Я ответил, Ольга Борисовна?
- Вполне ответили. Вы тоже отвечаете закручено. Вас Октябрина Правдина могла бы и не понять.
- Мы пошли к сосне. Как и все деревья, она выглядела новогоднему нарядная. Подошел к ней. Ольга Борисовна встала рядом со мной. Что дальше делать я не знал.
- Стал прислушиваться. Еле уловил далекую и нежную музыку.
- Вы слышите? – спросил я у Голубкиной. Она шепотом спросила:
- Отвечает?
- Нет. Пока нет. Но я слышу удивительную мелодию тайги. Она во мне. Она прекрасна.
- Как бы мне её услышать?
- Не знаю. Вот на это я не могу ответить.
- Я не буду говорить, что вы особенный, ещё обидитесь, – прошептала она. – Вы с молодости с тайгой дружите, можно и понять.
- С детства с природой дружу. Я ведь, как вы знаете, вышел из семьи бродяг. Жил на берегах рек, морей. Всегда с природой.

Ничего здесь удивительного нет. А то, что я слышу музыку леса, то это мне не понятно, откуда это во мне.

– Понимаю, хотя и ничего не понимаю. Так вы попросите за меня.

– Вы понимаете, Ольга Борисовна, я никогда и ничего не прошу от отправителей. И, как я понял, кто бывает со мной в одной команде, никогда ничего не просят. Возможно, из-за этого нас и подобрали для такой команды. Мне уже известно про тех товарищей и господ, кто попадал в тот мир, и что-то начинал просить и требовать, того отправляли в наш мир. Больше их туда не отправляли.

– Вот сколько я начала с вами встречаться, то вы для меня открываетесь, как загадочный человек. Порой я вас не понимаю, где вы серьезно говорите, а где шутите. В вас, внутри, есть что-то непонятное для окружающих людей. Возможно, Юрий Иннокентьевич, это некоторых и раздражает, особенно серьезных, не понимающих шуток и слабых на голову. А меня, и многих моих знакомых тянет к вам. От вас идет какая-то непонятная, положительная энергия. У вас есть главный аргумент – слово.

– Я знаю, что ничего не знаю. По этому правилу я и живу, – ответил я.

– Тогда и не надо просить, – вздохнула она.

– Правильно, Ольга Борисовна, правильно. Они сами должны это сделать. Для меня они открывают вход, и я вхожу.

– Сейчас вы это не чувствуете?

– Только музыку.

– А меня за что туда возьмут? Негодная женщина для такого дела. Как бы ни так, гражданка Голубкина, не заслужила. Хорошо вам, Юрий Иннокентьевич, вас в любое время могут отправить. Вам нечего беспокоиться, отправят.

– Покой мне только снится, – засмеялся я. – В моей жизни, в моей сложной и корявой судьбе не было покоя.

Мелодия прекратилась. Дерево стало опутываться туманом. Ну, вот я и опять встречаюсь со своими друзьями. И тут я увидел их. Они стояли у дома и призывно махали мне руками.

Рядом я услышал голос Ольги Борисовны:

– Господи, так это не фантастика! Я до этого момента думала, что вы всё фантазируете. Вот и пришла с вами для окончательной проверки. Музыка я не слышала. Думала, что вы всё придумали. Как мне говорила Октябрина Правдина, что вы всё врете и сочиняете это враньё. Вот сейчас я услышала мелодию леса. Как она прекрасна! Всё это, правда! Я вижу людей! О, там стоит Петр Петрович Длиннохвостиков! А там вдаль я вижу море! Какие деревья! А вон виноградные кусты. Люди там! Начну рассказывать, а меня отправят на лечение...

Всё исчезло. Я стоял рядом с моими новыми друзьями.

Приключения придурков продолжаются

Петр Петрович радостно сообщил:

– Там, в лесу у сосны и рядом с тобой я увидел Ольгу Борисовну Голубкину! Как она удивилась! Ты её не предупредил, чтобы она, этого, не распротранялась?

– Не успел. Думаю, что она догадается. Вспомнит Сашу Хилюпатову.

– Извините, что нам делать далее? – спросил Виктор. – Вы у нас, Юрий, человек в этом бывалый, что делать? Опять к морю?

– А вы знаете, друзья, что если нам путешествие наше повернуть по- другому пути? Ставлю на голосование. У нас общая команда. Море или подвал?

– Я думаю так, мы в море побывали, давайте рискнем нырнуть в подвал. Юрий покажет, что нам делать в оном заведении, – сказал Михаил. Все проголосовали за подвал.

Тут нас заметил комендант острова Гниломедов.

– Быстро вы вернулись. Силенок набрались и теперь в поход. Предупреждаю. Подгузницы в столовой нет. Ещё не поспело вино.

– Но, ты, же нас угощал вином! – повысил голос Федя.

– Были запасы для дорогих гостей. И потом, я видел, какие вы были уставшие. Мы вам свежего мясца принесли, свежие овощи и фрукты. И конечно, вино доставили.

– А если мы вернемся с очередной победой, чем ты нас встретишь? – спросил я. Он хитро улыбнулся и уклончиво ответил:

– Ну, там, знаете, как получится. Конечно, урожаем винограда ноне отменный. Здесь он всегда отменный. Свой свиарник есть, коровки. Ничего вроде, живем.

– Отбрехался, говоришь? – засмеялся Федя. – Веди нас, Юрка, в этот бедовый подвал, не то я пойду в столовую и всех там поваров по их башкам потюкаю.

Гнилосмелов махнул рукой и удалился от нас.

– Зря ты на него так, – сказал я. – Он ведь старается ради нас, когда такие, как мы возвращаемся из походов.

– Потерпит, – ответил Федя. – Полезно. И так, он здесь задержался.

– Значит, извините, он для этого места подошел, – ответил Виктор.

Мы спустились в подвал. Я встал под купол. Почувствовал жужжание и легкий свист.

Мы стояли на довольно большой поляне. Её окружал лес. День стоял жаркий. На небе ни облачка. Солнце было в зените. Полдень.

– Куда это нас занесло? – спросил Михаил. – Давайте гадать по местности. Мне, кажется, мы находимся, на непонятной территории, в непонятное время и в непонятном мире. То, что нас бросают в прошлое, в параллельные миры, это ясно. Сейчас мы где?

– Пойдемте в лес, может, там найдем объяснения? – предложил я.

– Тебя, Юрка, так и тянет в тайгу, – засмеялся Федя. – Меня тоже тянет туда. Я ведь охотник.

Над нами, как не странно не пел свою удивительную песню жаворонок. А ведь эта маленькая серенькая птичка степное дитя. Без степи эта птичка погибнет. В густой, но какой-то пожухлой траве даже не трещали кузнечики. А вот высоко в небе парили черные птицы. Возможно, это коршуны. В глубине леса я, наконец-то, услышал голоса нескольких ворон.

Мы остановились у опушки леса. Пока не решались в него войти.

– Извините меня, прежде чем мы проникнем в глубину леса, то мы не ведаем, что в нем находится, разрешите прочитать молитву, – сообщил Виктор. Мы разрешили. Стояли в стороне и ждали, когда он разрешит нам войти в неведомый нам лес. Интересно, где мы находимся? Там, где-то в глубине моего организма, опять рождалась тревога. Что же это такое? На меня посмотрел и Михаил. Мы переглянулись. Это заметил Юра.

– Только тихо, только тихо. Ну, вот вы опять, как в прошлый раз стали переглядываться. Ну, хватит уже переглядываться. Ну, чего вы? Я, конечно, сомневаюсь, но что-то должно произойти.

Кстати, где бы я ни был, и если бываю рядом с лесом, я его чувствую, и порой даже слышу едва уловимую мелодию. Здесь ничего не чувствовал. Неслышно было пение птиц, кроме карканья.

– Они у нас думаки, – ответил Федя.

– Может, здесь живут люди? А если улыбкики? Разрешите мне прочитать им лекцию?

И тут он внимательно посмотрел на Федю.

– Ты чо на меня так смотришь? – спросил парень.

– Уважаемый, Федор, я думаю, что ты забыл про своё обещание?

– У меня есть привычка, никогда и никому ничево не обещать.

– Так же нельзя. Обещал, а не выполнил. А я всегда готов.

– К чему ты готов, Петр Петрович? – резко спросил Федя.

– Как?! – воскликнул Петр Петрович. – Ты в прошлый раз, когда мы выбрались после разгрома улыбкиков, обещал выслушать одну из моих умных лекций.

Федя, как я заметил, разнервничался, углубился в лес, но неожиданно оттуда выскочил. В глазах был ужас. Его трясло. Он махал руками, словно что-то сбрасывая с себя.

– Там, там, – бормотал он. – Они! Не знаю кто! Они!

– Свят, свят, свят! – громко сказал Виктор, и стал крестить Федю. – Извини, друг наш, что вы там узрели в этом темном и неизведанном нами лесу? Что?

Михаил и я подошли к Федору, и стали его трясти. Его всего трясло, как в лихорадке. Что же его могло так напугать? Во мне росла тревога.

Наконец Федор стал успокаиваться. Но он не мог ещё говорить. Помог ему Петр Петрович. Он подошел к нему, нежно погладил портфель и тихо сказал:

– Ну, вот, родимый ты наш Федя, я тебя окончательно вылечу от испуга и лихорадки. Сейчас я достану специально отобранную для тебя лекцию, и почитаю. Она простая. Нет, нет, не про социализм с человеческим лицом, а совершенно новая тема. Я её сочинил на днях. Она написана о программе товарища Путина, когда он готовился стать во второй раз президентом. В ней он заморочил нам головы. Но, по этой программе он ничего не делает. У нас так, богатые становятся ещё богаче, а народ беднеет. Вот и вся программа. Но сначала, как бы вступление, как бы наводящий вопрос, буду говорить о социалистической системе, которую нельзя отвергать, и к которой надо вернуться...

Федя вначале завыл, потом пополз от нас, громко засмеялся, и стал кататься по земле.

– Федя, – говорил Петр Петрович, – но я ведь ещё не стал лекцию читать. Вот сейчас я бы начал читать.

– Извините, Петр Петрович, сейчас не до вас, – остановил ретивого лектора Виктор. – Мне надо над ним прочитать нужную молитву успокоения.

– Не надо! – вдруг крикнул Федя. – Не надо! И лекцию мне не надо! Вы вначале войдите в лес. Пусть туда первым шагнет наш пронырливый лектор. Пусть свою лекцию почитает лешим лесным. А я посмотрю, как он выскочит оттуда. И про гранитный фундамент забудет и про путаника Путина.

– Кого ты там увидел? – осторожно спросил я. И вроде стал догадываться насчет того, о чем только что сказал Федор. Неужели они и здесь появились? Конечно, не улыбки. А другие твари. Я о них уже писал. Конечно, это были самые настоящие ведьмы. Надо узнать. В общем, нам надо проникнуть в лес. И вообще, надо узнать в какой мир мы попали. С ведьмами, если это они, там нужна другая борьба. Если это они, тогда в чем смысл? Ведь мы готовы биться с улыбочками. Вся наша команда на это на-

строена. Странно. Пойдем в лес за разгадкой. И здесь появились ведьмы. Конечно, никогда и никому не уничтожить всех ведьм. Это ясно. Но, как-то стараться надо. Нам их всех не уничтожить, как не уничтожить и улыбочиков, да и тех же волосатиков, которых я описал в предыдущих книгах. Это в американских фильмах ужасов один герой справляется с пришельцами из других миров, и спасает мир. Это чистая фантастика. Чуть собачья. Я пытаюсь не смотреть эти фильмы. В другие миры отправляются и другие команды из нашего мира но, окончательно победить зло мы не можем. И это, к сожалению, факт. А вот нервы потрепать главарям создателей зла, мы потрепем. Это тоже факт. Зло на планете Земля может победить только наш Создатель, наш Бог. Он только один знает, как это сделать. А наши команды, созданные из таких придурков, как мы, только немного помогаем светлым силам против темных сил. Давно заметил, что и среди представителей от темных сил есть нормальные существа. Я тоже о них писал, в книге «Зона». Отличные парни. Правда, потом их забирают в светлый мир. В темном мире они считались, как бы разведчиками. Так я понимаю. Возможно, я и ошибаюсь. В том, неведомом нам мире, знают, что делать.

– Мужики, – обратился я к своим друзьям. – Я вам ещё не рассказал о том, что и кто ожидает нас в этом лесу. Ко всему надо быть готовыми. Там находятся великие пакостники. Они есть везде. В нашем мире их тоже много. Это обыкновенные и необыкновенные настоящие ведьмы.

И я стал им рассказывать всё о ведьмах.

Федя, как говорится, приходил в себя. Он встал, расправил могучие плечи, и погрозил лесу кулаком. На его большой голове рыжие волосы были взъерошены, и в солнечных лучах отливали жидким золотом, которым красят церковные купола. Федя наливался яростью. Потом он не выдержал:

– Да я их, мрази болотные, по этому лесу размажу. Суки околетые, даже бедных птичек уничтожили, траву усушили на такой большой поляне. Цветы им помешали! Чичас самое время расти да расти жаркам. А их нет.

– Успокойся, Федор, – сказал Михаил. – Это ясно, что мы их растревожим. Надо всё обдумать, как и с чего мы начнем.

– Я им лекцию прочитаю, – предложил Петр Петрович. – Я их лекцией очарую. Они у меня не отвернутся, как это умело сделал Федор.

Федя даже застонал. А Юра тоже вошел в разговор.

– Только тихо, только тихо, друзья. Ну, вот опять начинаете спорить. Ну, сколько можно? Ну, вот опять? Хватит. Я, конечно, сомневаюсь, что их можно словом уничтожить, но постараться надо. Возможно, и лекция поможет.

– А я что говорил! – чуть не подпрыгнул лектор. – Я этих ведьм лекцией уморю.

– Извините, друзья, этого, как его, я попробую почитать им молитву, и буду накладывать на них крест. Живительный крест их успокоит навсегда.

– Я думаю, что нам всем и сразу надо войти в мертвый лес, – предложил я. Все со мной согласились.

И вот мы вошли в таинственный лес. Мне стало грустно, и обидно за этот в прошлом красивый и удивительный лес. Стояла такая тишина, словно я находился в глубоком погребке. Солнечные лучи не могли пробиться в глубину леса, чтобы осветить и помочь деревьям. Не было даже видно серебристых теней от лесных пауков, не слышно жужжание мух, пчел и ос. Будто весь живой мир вымер. Листья на березах и осинах пожухли, склонили ветки сосны и ели. Вокруг нас почти один на одном росли разной расцветки поганки. Многих из них ещё называют ложные грибы. Это поганки.

И вдруг я услышал знакомый голос:

– Юра, Стрелов, ты зачем сюда пришел? Беги отсюда, пока не поздно. Здесь страшно, ух, как страшно. Твой друг Федя бежал, как заяц. И ты побежишь. Моя подруга Фёкла схватила его за нос, и отшлепала по его толстым щекам. А когда он побежал, то пнула его под зад!

И раздался жуткий хохот.

Конечно, всё это я один слышал. Но, для каждого из моих друзей, индивидуально, тоже предупреждали, чтобы они убегали из этого леса. Об этом мне сообщил Михаил. Все они оставались, и в испуге озирались.

– Ах ты, стервоза болотная! – кричал Федя. – Выходи, тварь околетая на бой, и я попробую моими кулаками твои кости!

– Свят, свят, свят, – говорил Виктор и неистово крестился. – Они что выдумали?! Что выдумали?! Сообщили все мои прошлые грехи! Ну и что? Я замолил их ежедневными молитвами! Я брожу по России, и помогаю людям выстоять в это сложное время, когда к власти пришли после неистовых коммунистов и безбожников буржуи, неистовые капиталисты, обманывающие бедный российский народ, вскормившие не отпетых в грехах своих миллиардеров. Свят, свят, свят!

В общем, эти ведьмы каждому из нас вносили в наши головы разные слова.

Опять раздался знакомый голос:

– Юра, беги, пока не поздно! Не надо бы вам воевать с пришельцами из другого мира. Они умные, не то, что вы, современные, и прошлые люди, да и в будущем вы их не обгоните, потому что вас всех сделают рабами. А потом и роботами, фантомами. Смирись. Вы все смиритесь. Не слушайте никого, кто вас посылает на битву с пришельцами. Вам их не одолеть. Мы с ними начинаем дружить. Мы с ними завоюем все миры на планете. У нас с ними родственные души. Мы тоже умеем, как и они строить воздушные дома, разные селения. Мы свободно перемещаемся по миру, как и они. Мы свободно проникаем в ваш мир, как и в другой параллельный мир. Вы многих наших товаров уничтожили. Ну и что? А мы вот здесь. И мы смеемся над вами. Вы уничтожили некоторые наши места, а мы, как грибы после дождя разрастаемся.

– Вы есть поганки. Не надо равнять настоящие грибы с поганками, хотя они и пытаются подделаться под настоящие грибы, – ответил я.

– Ах, вы люди, ничего не замечаете. В последнее время всё больше в вашем мире появляются наши грибы, которые не отличить от ваших грибов. И люди травятся и умирают.

По телевизору я уже слышал про такие грибы. Оказывается, вот откуда они берутся. А мне скажут, когда люди прочитают эти строки, что Стрелов опять фантазирует, опять врет. А вдруг это правда? Что тогда? Порой мне кажется, что простая фанта-

стика, тесно связана с реальностью. Хорошо, я проник в параллельный мир, в прошлое или в будущее. Фантастика? Пусть так люди думают. Это их дело. А если люди прочитают, как я веду разговоры с сосной, и вообще с тайгой, что ко мне приходят люди из другого мира? Фантастика? И эти существа свободно ходят в любом городе нашего мира? Фантастика? А улыбочки с их вирусом гелиоза? Тоже фантастика. Они проникают в мозги наших правителей, и даже в простых людей? Фантастика? Травят наших детей бактериями гелиоза? Тоже фантастика? Как я понял, что куда не посмотри, вокруг нас фантастика. А Стрелов написал и издал свои книги, то он там нафантазировал и соврал. Ловко! Кругом нас фантастический мир, и никто не замечает. А Стрелов написал, то он нафантазировал. Получается как-то однобоко. Оказывается, как всегда, Стрелов во всем виноват. Я написал об этом и издал две книги, где я показал главного виновника. Во всем, оказывается, Стрелов виноват. Вот, этот Стрелов настоящий шельмец. Некоторые товарищи до сих пор говорят, особенно когда прочитали мои книги, что меня надо было давно отправить на зону и не выпускать оттуда до конца его дней. А при прочтении его книг надо, мол, мыть руки с мылом. И это тоже факт, но уже не фантастика, а сущая реальность.

Надо было что-то отвечать. Я вспомнил голос одного из знакомых товарищей. Он тоже был отличным лектором и атеистом. А когда в стране пришел капитализм, то он поменял окраску, и пошел торговать простынями, одеялами и колготками. Срочно закинул атеистическую литературу, и наперебой с другими товарищами, побежал в церковь. Но, странно было то, что они не замаливали свои грехи, что месяц тому назад они плевали в иконы, произносили зажигательные речи по атеизму. Не стал я ему напоминать об этом. А зачем? Ведь это не он говорил, а одна из ведьм. А с ведьмой спорить только себе во вред. Это же, всё-таки, женщина. Кстати, когда мы вошли в лес, то я предупредил друзей, чтобы они не спорили с ведьмами. Как и одиноких женщин, их не переспорить. Ведь эти ведьмы тоже одинокие.

Федя начал топтать поганки. Ведьмы громко засмеялись. Их хохот был настолько громким и визгливым, даже в ушах заложило. На этом месте поганок ещё больше прибавилось.

– Брось, Федя, топтать их, нам от этого становится веселее!

Эти слова мы все услышали.

– Оставь их в покое, – сказал я. – Пойми, Федя одно, чем больше ты будешь нервничать, тем веселее живется ведьмам. Они довольны, что вывели тебя из себя.

– А, Стрелов, понял нашу истину? – раздался теперь уже женский голос. – Вспомни вашу знакомую Октябрьину Правдину. – Для неё вывести из равновесия любого человека, великое наслаждение! Человек начинает нервничать, а ей становится хорошо. Когда ей становится худо, она идет в люди, чтобы кому-нибудь измотать нервы. В это время невидимая человеку энергия переходит к ней. Ей становится хорошо, а человеку плохо. Так и у нас. Вам плохо, то нам хорошо.

– Правдину не трогай! – крикнул я. – Она задает четкие вопросы, вот и надо отвечать точно и правдиво.

И тут я поймал себя на том, что я начинаю ввязываться с ведьмой в бесконечный спор. И моя энергия перейдет к ней. Да и Михаил тронул меня за рукав.

– Юрий, ты чего это? Сам нам говорил, что нельзя с ними спорить, а сам что делаешь? Не спорь. Я тоже никогда не спорю с женщинами, особенно с одинокими.

Надо же, я чуть не ввязался в спор? И здесь я именно из-за Правдиной чуть не начал нервничать. Вот, что значит, одно только имя Правдина чего-то стоит.

Мне от этого вдруг стало смешно. Я громко рассмеялся.

– Чего смеешься? – зарычала ведьма старческим голосом. – Перестань.

Федя вдруг тоже начал смеяться. Неожиданно всем стало отчего-то смешно.

– Перестаньте хохотать! – заревела ведьма. И голос её стал удаляться. Наступила тишина. Нас удивило ещё то, что все эти поганки стали быстро сохнуть, сворачиваться и исчезать. Не стало их.

– У них и дома вот такие бывают поганки, – сказал я. – А теперь ещё, как поганки, появились улыбочки.

– Каналья! – воскликнул Федя. – Так они родственники друг дружке! А как они нашли друг дружку?

– Друзья, теперь, как я понял, нам предстоит сражаться с двумя силами, – сказал Михаил. – Поганка всегда найдет поганку.

– Может им прочесть лекцию? У меня есть лекция по атеизму. Я бы им её прочитал, а то я начинаю без прочтения моих лекций скучать, – тяжело вздохнул Петр Петрович.

– Успеете, извините меня, прочесть лекцию этим бабулям, – сказал Виктор. – Куда нам теперь идти?

– Я думаю, что надо идти туда, куда исчез голос, – посоветовал я.

– Ну, и артисты, эти бабки, – сказал Юра. – Куда мы все до них. Мы только пытаемся порой быть артистами, а они вот они. Только что были. Ну, хватит уже выступать. Ну, чего вы? Идемте за артистами. А ведь и мы становимся на какой-то момент артистами. Когда начинаем выступать перед улыбочками. А теперь пусть будут нашими слушателями и зрителями, эти бабки. Нам бы ещё в команду послали Правдину. Она бы их вопросами замордовала.

– Не надо! – крикнул я. – не надо. Бывало, при одном только её имени она тут же возникала. Не надо произносить это имя. Мы считай, находимся в замкнутом пространстве. Разбежаться нам нельзя. По одному эти ведьмы с нами быстро разделаются.

Но было поздно. Октябрина Правдина словно из воздуха возникла перед нами. Из-под её знаменитых очков сверкали хитрые глаза. В них было много вопросов.

– Попались, голубчики? Попались. Теперь-то вы никуда не денетесь. А куда денешься, Стрелов, никуда. О, здесь и Петр Петрович Длиннохвостиков? Всё ещё свои лекции таскаешь в своем безразмерном портфеле? Куда же ты девал свою неугомонную Пелагею Пантелеймоновну Длиннохвостикову? Ушла она от тебя. Теперь она в новой банде стервятниц. Умным людям житья не дает. У меня к вам, по отдельности будут вопросы.

Но, тут я неожиданно подумал вот о чем? Насколько я помню, Октябрина Правдина в одной команде с Длиннохвостиковой и Железянковой. И они тоже лихо бьются с улыбочками. И Правдина, ну ни как не могла свою новую команду обозвать бандой стервятниц. Что-то здесь не вяжется. Мои друзья сбились в кучу, и с тревогой смотрели на Правдину. И я посмотрел

на неё более пристальнее. Вот в чем дело. Под её ногами, даже жухлая трава не примята. Это фантом ведьмы в образе героической женщины из нашего времени, которая мужественно сражается с улыбочками.

– Ах ты, тень подзаборная! – закричал я. – Пошла прочь околетая ведьма болотная! Виктор, накладывай на неё крест! Это ведьма!

Виктор стоял и не мог сдвинуться с места. И в этот момент я его понимал. Я грубо кричал на женщину. Все стояли и смотрели на ложную Правдину. А она плаксивым голосом обратилась к Виктору.

– Витюля, так тебя мама называла, веточка, защити меня от этого грубияна и хама. Я хотела просто задать вам приятные вопросы, и чтобы вы не уползли от ответов.

Вот ещё один прокол. Правдина так грубо не задавала вопросы. Виктор вдруг спросил:

– А вы, извините, откуда знаете, что мама, так меня называла? Откуда? Я уж забыл такие слова, а вы как мне тут напомнили? Кто вы такая?

Вот теперь и Михаил вышел из оцепенения. Он громко закричал:

– Пошла прочь, ведьма!

– Позвольте, мадам ведьма, – обратился к ней Петр Петрович, – я вам прочту лекцию о нравственности.

Но ведьма тут, же превратилась в сгорбленную старуху. Погрозила нам длинным и крючковатым пальцем и исчезла.

Некоторое время все молчали. Первым заговорил Михаил.

– Приключения придурков продолжаются. Когда ты, Юрий, начал кричать, я почему-то обратил внимание на её ноги. Они не касались травы. Всё стало ясно. Перед нами настоящий фантом ведьмы. Здорово они это делают. Культурно, вежливо и хорошо.

– Кошмар! – воскликнул Федя. – А ведь я опять чуть не попался. Я до предела своих мозгов, кумекал, чо это женщина. Подумал ишо, чо это Юрка на неё базлает?

– А я её раскусил, когда она, этого, того не лестно отозвалась о группе женщин. Она ведь сама в этой группе. Вот я и подумал,

что это вовсе и не она. А прочту ей лекцию о нравственности, вот было бы чудо. Я бы ей этого, как его, такого бы накрутил, что в прах бы рассыпалась.

– Меня тоже взяло сомнение, – сказал Юра. – Как это вдруг она так быстро появилась? Хотя, здесь всё возможно. А вот когда, Юрка закричал, сомнения мои подтвердились. Это не Правда. Ведь я её тоже знал. Что-то было не так. Брало сомнение.

Мы решили углубляться в лес. Вышли на дорогу. Она привела нас к небольшой реке.

– Мужики, – обратился я к друзьям. – В воде ведьмы не водятся. Здесь могут быть только утопленницы или русалки. Но их бояться нечего. Они воздушных замков не возводят. Солнце садится. Пора и устраиваться на ночь.

Все согласились остаться на берегу. Красивое место. Здесь лес не заражен ведьмами. А вот какой это мир, мы не знали.

Кроме пения птиц, стрекот кузнечиков, ничего более не слышно.

Мы сели на песок и стали решать, что нам делать дальше.

Из леса, так мне показалось, вышел мужчина лет тридцати около двух метров, а возможно и больше. На нем легкий и тонкий свитер из синего цвета, такие же брюки. Туфли, наверное, сорок седьмого размера. Лицо гладко выбрито. Волосы цвета шоколада красиво лежали по плечам. Глаза огромные и под цвет одежды. На шее, и на руках широкие, желтые браслеты. Может, из золота? Что-то плохо верится. Он остановился в метрах трех от нас. Молчал. Он изучал нас. Мужчина, видимо, серьезный, даже не улыбался. Молчали и мы. Первым заговорил Михаил:

– Гражданин, ответьте, пожалуйста, где мы находимся? Мы путешественники. Вот заблудились. Побывали в волшебном лесу. Ушли оттуда. Как нам выйти к деревне.

Тревоги во мне не было. Мужчина обыкновенный. Он надежно стоял на земле, немного расставив ноги, так обычно стоят сильные люди. Пока говорил Михаил, в глазах мужчины я уловил, что он не понимал, что говорил наш друг.

– Вы посмотрите на него? Это ведь золотые и дорожные браслеты! Кто? Парень, ты немой чо ли? – спросил Федя. Мужчина посмотрел на Федю, и ответил весьма странно.

– Чоли?

Он приложил руку на свою грудь и сказал:

– Мак. Чоли? Мак.

– Ты нам мозги не пудри, – ответил Федя.- Откуда у нас мак? Здесь эту дрянь никто не курит, и тебе не советуем.

– Чоли, – повторил он и показал на Федю. И что-то стал говорить на незнакомом языке. Михаил внимательно слушал мужчину. Потом ответил:

– Где мы? Вот вопрос. Говорю на испанском, немецком, английском, итальянском, французском, но этот язык мне не знаком. Какой-то язык весьма странный. А вы посмотрите на его рост, фигуру и одежду? Он откуда вышел? Из леса. Что это? Но, он не от ведьм. Он не от улыбочиков. Кто он? Друзья мы попали в неведомый нам мир. Природа вроде, как и в нашем мире, хотя она и не может быть другой на нашей планете. А вот разумные существа могут быть разные, как и их общение. Да, друзья, мы попали в другой мир. А вот зачем? В этом и есть весь смысл.

– Ты не крути нам здесь, профессор, – сказал Федя. – Хватит мудрить, хватит.

Парень показал на Михаила, на Федю, потом на себя и сказал:

– Чоли, Хатит, Мак.

– Извините, но он знакомится с нами. Федю он назвал Чоли. Так Федор говорит. Михаила он назвал Хатит, вместо хватит, а его имя Мак.

Парень стукнул себя в грудь и ответил:

– Мак. Мак. Чоли. Хатит. Мак. Мак. Чоли. Хатит.

– Всё, заело. Ну, и попали в непонятные, – проворчал Федя.

– Как не говорите, а контакт надо налаживать, – сказал я. – Не знаю, с чего бы начать.

– Я бы ему лекцию...

– Помолчи со своей лекцией! – повысил голос Федя. – Не до неё сейчас.

– Всё время, этого, того, не до лекций. А может лекция пройдёт его? Ведь лекции у меня разные.

Парень показал рукой на Петра Петровича, и сказал:

– Лекца. Чоли. Хатит.

Потом перевел взгляд на меня, и на других наших друзей.

Федя засмеялся.

– Попался лекца? Попался. Я тебя теперь буду звать только так. Лекца.

За всё это время парень по имени Мак впервые немного улыбнулся, и сказал:

– Лекца.

– Мне от этого не легче, – отозвался Петр Петрович. – Я тебя, Федя буду звать Чоли.

– Чо это вдруг? – нахмурился Федя.

– Но, если я Лекца, то ты Чоли, – улыбнулся Петр Петрович.

– А ну вас, – махнул рукой Федя, и отошел от нас.

Виктор подошел к парню, и показал на свою грудь, где висел на тоненькой цепочке крест.

Парень прикоснулся к нему, и неожиданно потряс рукой. Что-то стал говорить. Я заметил ещё одну деталь. В мой мозг проникали какие-то от парня незнакомые мне звуки. Решил с друзьями поделиться. Михаил внимательно посмотрел на парня. Ответил:

– Он не европеец. По немного смуглой коже он, скорее всего из Италии, а, возможно, из северной Африки. Но рост, я скажу, это что-то. Прекрасно сложена фигура, мощный торс, и силы, видимо, немереные. Но, как-то надо знакомиться.

Парень всё это время, как я заметил, внимательно следил за каждым из нас, кто говорил. Посторонние звуки в моей голове не проходили. Тоже обнаружили в себе и мои друзья.

Почти перед нами словно из воздуха появилась девушка необычайной красоты. Тоже высокого роста, прекрасно сложенная девушка. Такая же одежда, как и на парне. Когда я увидел на девушке браслеты на шее, руках, обруч на голове, понял, что это не подделка. Это было золото.

– Они чо!? – услышал я голос Феде. – Такие богатые и шарятся по лесам? Здесь-то перед кем красоваться? Передо мной? Нет, я перед ним не устою.

Девушка смотрела на нас и улыбалась. Но это была улыбка добрая, всё понимающая, и даже сочувствующая. Интересно, кто они?

Мы стали между собой обсуждать и гадать, кто эти люди? Они сами пошли с нами на контакт. То, что произошло далее, похоже, как у нас говорят, гром ударил среди ясного неба. Мы услышали голос мужчины. Он говорил на чистом русском языке. Голос тихий, мягкий, какими говорили наши советские настоящие и профессиональные дикторы по центральному телевидению.

– Не переживайте так, граждане от планеты Земля. Давайте забудем ваши имена, которыми я некоторых из вас назвал. Я же оставлю своё родное имя. Мак. Моя напарница имеет имя Рада. Мы теперь знаем ваши имена. Мы знаем, зачем вы здесь. Вы есть мужественные люди. Вы проникаете в параллельные миры. Вы есть настоящие воины.

– А вы кто? – спросил Михаил. – Простите меня за мой вопрос. Но, здесь, в таком месте, и вдруг вы? Вы что? С другой планеты? Кто вы?

– Все ваши вопросы, Михаил, правильные. Мы из другого мира. С другой планеты. Мы даже из другого созвездия. Мы на своих кораблях свободно проходим в космических каналах на световые расстояния. Наши предки бывали на вашей планете ещё пятнадцать миллионов лет назад. Здесь ходили огромные животные. Человека тогда ещё не было. Климат был жаркий и влажный. Бурная растительность. Наши предки прибыли на вашу планету на нескольких кораблях. Мы тогда потеряли две команды из тридцати человек. Последний сигнал пришел от том, что их окружают огромные звери. Они пошли разведать кое-какие места. И вот исчезли. Больше сигналы не повторились. Мы так и не дождались их. Возможно, их уничтожили животные. Нам надо было улетать. Так мы и не узнали судьбу наших товарищей. Наши предки прилетали ещё раз. Уже были какие-то приматы. Но с ними мы в контакт не входили. Дикае и воинственные приматы.

– На вас много золота, – сказал Федя. – У нас бы это быстро бы кое-где сняли. Так у вас много золота?

– На нашей планете золота, как вы называете этот металл, – ответила Рада. Господи, какой голос. Нежный, усыпляющий го-

лос. Таких голосов я не слышал, и, конечно, никогда больше не услышу, – столько, сколько у вас угля.

– А как вы так хорошо владеете нашим языком? – спросил я.

– Вы удивляетесь. А мы тоже удивляемся, что вы так не можете. А ведь все мыслящие существа в нашей обозримой вселенной возникли одновременно. Вы просто пошли по воинственному пути, мы же пошли по пути созидания. Мы можем разговаривать с любой цивилизацией на их родном языке. Через ваш мозг мы узнаем вашу речь. Правда, мы выбрасываем нехорошие слова. Грубые слова в виде мата, ругани. Мы уже знаем, ваш мир в огне.

– Ваш мир несовершенен, – добавил Мак. – Ваше сознание заторможено. Ваша мировая идеология заключается в накоплении богатств, и в войнах. Вот ваши две главные идеологии. У вас всегда во все века шло торможение передовых идей. Да вы всё это знаете. Михаил мог до этих пор воспитывать студентов, но завистники, по уровню знаний намного ниже Михаила, уничтожили его стремление к ещё большему познанию мира. В вашем мире, в основном, мешают развитию страны, во все ваши века, завистники. Они главенствуют во всех науках. Так устроен ваш мир.

– Надолго к нам? – спросил Юра. – Я, конечно, сомневаюсь, что вы нам поможете. Я не говорю о нас, лично. Помочь нашему человечеству выбраться из паутин угроз одной страны на другую. Льется по миру кровь. Что делать, мы не знаем. От нас всё это не зависит.

– Улетаем сегодня. Наш корабль стоит недалеко отсюда.

– Но, там находятся ведьмы, – сказал Юра. – Я, сомневаюсь, что они нападут на вас.

– Они в другом месте, – ответила Рада. – Нам они не нужны. Они поняли, что с нами лучше не иметь дела. А вот вам с ними ещё придется столкнуться. Вы уже с ними сражались, и каждый раз побеждали. Сейчас они идут на контакт с завоевателями гелиозами. Они пришли из глубин космоса. Тесно связались с вашими темными силами. Теперь к ним присоединяются и ваши ведьмы.

– Нам пора улетать. Мы просто случайно вас обнаружили.

– Вы ещё придёте на нашу землю? – спросил я. Они переглянулись. Потом Мак ответил:

– Мы пока не имеем право, говорить на эту тему, – ответил Мак. – Ваша планета родственная нам по духу, как и для вас, загадочный Марс, и ваша спутница луна. Поймите, что ничего нет не живого. Всё живое. Вы даже точно не знаете, что есть в глубинах вашей планеты, на Марсе, и наконец, на самом вашем солнце. Ничего вы не знаете. О космосе-то вы ничего не знаете. Вы только и знаете, как воевать. А вы посмотрите, хотя вы уже знаете, в кого внедряют свои микроэлементы гелиозы. Даже в детей внедряют. Может на прощание сказать, что мы с вами. Возможно, придет время и мы...

Рада быстро взглянула на него, и он замолчал. Они сделали всего два шага и тут же исчезли.

– Вот это цивилизация! – воскликнул Михаил.

– Вот это красючка! – вздохнул Федя. – Надо же какие женщины у них! У меня во рту пересохло, и я даже онемел. Вот это пришельцы. Расскажи кому, не поверят.

– Я, конечно, сомневаюсь, но надеяться надо, – сказал Юра. – Они будут ещё у нас.

– Всё это так, но я думаю, что они что-то не договаривали. Он что-то хотел нам сказать, но Рада помешала. Да и что он мог нам сказать? Не положено. Короче, мне кажется, что они не зря у нас над планетой кружатся. В океане их видели. Всё, мужики, это не зря. Наша планета у них у всех стала как бы яблоко раздора.

– Хорошо, хорошо, я бы не стал им читать лекцию, но я бы спросил вот о чем. Какой у них строй? Может, уже коммунизм построили?

– Пойми, Петр Петрович, это только у нас был Маркс с его идеей, – сказал Михаил. – Ленин продолжил эту идею. Эта идея родилась в Европе. Ползала там, ползала, а приползла к нам. Я уверен, что у них никаких строев нет. Просто высокоразвитое общество.

– Петр Петрович, мы с той командой были в будущем в другом параллельном мире, и там люди намного лучше нас живут, – сказал я. – Там мир, похожий на сказку. Я о нем описал в одной

из книг. Так вот они сказали, что у них нет никаких строев. Это только у нас придумали разные строи. Там нет бедных, тунеядцев, миллиардеров. Все живут там прекрасно.

– А почему там, извините, не остались? – спросил Виктор.

– Нас там рассматривали, как подопытных обезьян в стеклянном квадрате. Наше сознание, наш грубый язык они начали изучать. Ну, мы и сбежали. В общем, лично мне, было стыдно и обидно, что мы такие отсталые среди всех цивилизаций. Некоторые мои товарищи грубили им, хамили, даже требовали к себе уважения. Стыдно.

– Ну, я бы тоже потребовал к себе уважения, – сказал Федя. – Я ведь не обезьяна. Я бы им, переучкам, такое устроил, так они бы век помнили.

– Что они и сделали, – ответил я.

– Так твои товарищи были правы, – сказал Федя. Я не стал спорить.

– Давайте займемся заготовкой дров, – предложил я. – Думаю, что зажигалка, или спички у кого-нибудь да есть.

Странно, подумал я, в той команде никто из нас не курил. И в этой команде не курили. Возможно, они нас ещё отбирают по признакам не курильщиков? Ведь все женщины, которые попали в женскую команду, не курят. Значит, курильщикам в попусторонние путешествия отпадают.

Мы собрали дров, а костер без спичек, как курильщик без сигарет. И вдруг наши дрова загорели. Мы стояли, и не знали от удивления что делать. К нам подходила древняя бабка с большим рюкзаком. Под его тяжестью она ещё более согнулась.

– Чо, милки, запечалились? Вот явилась к вам не по вашему вызову, а по собственному желанию. Зовите меня бабка Лукерья. Не бойтесь меня, милки, ничо плохова я вам не сотварю.

– Но, ты, же ведьма! – воскликнул Федя. Виктор стал что-то бормотать и креститься. Было удивительно то, что я не чувствовал от бабки тревожного чувства. Это меня удивило и озадачило. Такого ещё не было!

– Чичас, милки, чичас, – говорила, – мотрю, милки, даже старрой не поможете снять груз с моих худых плеч.

Я подошел к ней, и помог бабке снять весь в заплатах рюкзак. Он был весьма тяжелый.

– Ччас, милки, ччас, – повторила она. – Я хочу накормить вас. Вы я мотрю, сердешные голодные. Чайку на костерке сварганим. У меня там есь и заварочка. Всё есь, милки у меня.

– А не отравишь ты нас, бабка Лукерья? – спросил Федя.

– Потом я всё вам поведаю. Зачем мне вас кормить и поить, если я сама к вам пришла.

– Я думаю, друзья, поможем бабке Лукерье, наладить стол для ужина.

Меня поддержали – Михаил и Виктор.

Бабка Лукерья развязала рюкзак, и стала вынимать из него продукты. Конечно, перечислять нет смысла. Чего здесь только не было. Даже принесла два закопченных котелка. Мы сварили сибирскую похлебку, заварили чай. Отменно поужинали. Бабка только пила чай из фарфоровой кружечки.

После сытного ужина мы разлеглись вокруг костра.

– Ну, бабка Лукерья, давай бухти, чо ты к нам намылилась? – спросил Федя. Бабка убрала за нами чашки, ложки, и пошла, чтобы их помыть в речке.

– Чего ты к ней прицепился? – сказал я. – Бабка нормальная, хотя и ведьма. Нужно будет, сама расскажет.

Помогать, бабке мыть посуду, пошел Виктор. Они о чем-то разговаривали.

Пришли вместе. Бабка не садилась. Она оперлась о трость, и сказала:

– Я вас, милки, понимаю. Вы обязаны мне старой ведьме не доверять. И это правильно. Но, вы послушайте меня. Я завсегда была с ними. Много чего мы натворили. Всё было бы хорошо, но вот появились пред нами эти, как их, язви их возьми...

– Улыбчики, – вставил Федя. – Ну, а вы чо? На колени перед ними?

Бабка Лукерья ещё более согнулась, и погрозила Феде крючковатым пальцем.

– Всё ты, милоч, наперед лезешь. Не надоть старую перебивать. Слушайте далее. Появились эти тени, будь оне не ладны. Главные наши товарки, видно давно с ними снюхались. Мы до-

гадывались. Не обращали внимания. Пусть себе нюхаются. Нам и без теней было славно. А тут оне стали и среди нас появляться. Учить нас стали, как делать пакости людям. Мы и без них знаем, чо делать с людьми. Мы простым людям ничево плохова не творили. Только тем людям, кто нам мешал жить по-нашему. Вот вы всё времечко мешали нам. Юрка Стрелов знает. Он бывал со своими друзьями в соседнем мире. Спалили наши очаги. Потом в городе Серафимович на Дону уничтожили наш очаг. Мы везде оставляли наших учениц. Аposable перебрались с нашей лихой командой в этот нетронутый ещё нами мир. Он тоже находится рядом с вашим миром. Мы ведь свободно гуляем между всеми мирами на нашей планете. Есть ещё мир на планете одних диких животных и кровожадных зверей. Там нет человека. Одни животные царствуют там. Правда, есть вроде человека, или какого животного в том мире. Ходит он на двух ногах. Силы невероятной. Редко, но они попадают в ваш мир через проходные пути. Эти животные и двуногие случайно к вам попадают, а у вас начинается паника. Ищите снежного человека. Молодцы. И стали эти тени командовать нами. Некоторые старушки возмутились, но их быстро уничтожили. Присмирели наши старушки. Стали делать всё то, чо приказывают нам тени. Мы теням подходим. Мы ведь, как и оне, можем тут же исчезать, строить воздушные дома, создавать воздушных зверей для страха человека, мучить людей страхами во сне. Наши старушки, милки мои, стали объединяться с тенями, чтоб вредить всем вам, а потом сделать из вас рабов-фантомов. Терпела я, терпела, и решила куда-нибудь спрятаться. А тут вы, милки, пришли. Вы настоящие воины. Про всё знам о вас. Вот и задумала я убежать к вам. Вы меня защитите. А я вам помогать буду во многом, чего вам недостает.

– А, что этот за мир, куда мы попали? – спросил Михаил.

– Он рядышком с вашим миром. Здесь живут доверчивые люди. У них нет войн. Нет у них никаких стран. Нет границ. Оне ведут обмен товарами. Денег у них нет. Мирные люди. Разбойников нет. Воров тоже нет. Богатых нет. Все равны.

– Так у них настоящий коммунизм, – вострепенулся Петр Петрович. Лицо его так и просияло. Он был в ударе. – А вы все смеетесь надо мной! А здесь уже построили коммунизм. Вот

здесь они и достигли тех сияющих вершин, о которых я упоминал в своих лекциях. Вот он и настоящий гранитный фундамент коммунизма. О, как хочется мне с ними познакомиться! Надо с утра искать этих товарищей. Я думаю, что мои лекции в самую пору им подойдут, и они меня внимательно выслушают. Не будут надо мной смеяться, и даже не будут падать в обморок.

– Всё, Петр Петрович, наконец-то, вы нашли, что всю жизнь искали, – похлопал его по плечу Михаил. – С утра пойдем к нашим товарищам живущим в коммунизме.

– А как там насчет бабок? – спросил Федя, и потер руки.

– Бабок? – переспросила бабка Лукерья.

– Да, да, как там бабки? Ядреные, наверно?

– Есь. Куда без них родимых. Как же. Есь. Ядрены ишо. Ядрены.

– Крепкие, наверно? Не околетье?

– А чо им околевать-то? Живут. Хорошо живут. В почете оне у них, не то, чо у вас.

– Хорошая, да ядреная бабка у нас завсегда в почете, – облизнулся Федя.

– Врешь, милоч Федя. Не в почете оне у вас. Пенсии порой не хватат. Разжиревшие капиталисты в вашей стране обируют ейных бабок.

– Какие пенсии, бабка Лукерья? Им до пенсии ещё жить да жить! Ну, ты, бабка даешь!

– Ничо я не даю. Не вру я. Некоторым вашим одиноким бабкам, мы на ушко шепчем, охмури бабка овдовевшего старика. И такая бабка прислушатся к нам и охмурит старика. Забирает у него все деньги, квартиру оттяпает. Живет бабка. И знать она не знат, чо мы ей подарили. И становится она хитрой, изворотливой ведьмой, как и мы. И скажу вам я, и признаюсь вам, милки вы мои дорогие, бойтесь таких бабок. Если вы остались одинокими под старось, то живите одни. Такие бабки быстро вас вгонят в гроб. Есь и женщины, как и мы, настоящие ведьмы. Мы им влили свои радости. Распознать такую женщину тоже можно. Через месяц она покажет свой характер. Она никогда не признает ваших детушек и внуков. Она признает только своих детей, и учит вас, мужиков, полюбить тока её детушек, иначе устроит

такой скандал, что вам от этого тошно станет. Всё ваше, станет её. А если нет, под зад вас, и скажет на прощаньице, а мы не сошлись с ним характерами.

– Ну, бабка Лукерья, я-то думал про другие бабки, – неожиданно засмеялся Федя. – Я хотел сказать про молодых баб.

– Ах, баловник, Федя, – тоже засмеялась бабка.

– Далеко отсюда населенный пункт? – с нетерпением спросил Петр Петрович.

– У них, извините, есть приход? – спросил Виктор.

Бабка Лукерья замолчала. Видимо, этот вопрос для неё был неприятен. Да это и понятно. Ведьмы и ведьмаки всегда боялись заходить в церковь. Я решил сменить разговор.

– Где вы обитаете, бабушка Лукерья. Не в лесу же вы проживаете.

Она немного помолчала. Потом ответила:

– Почему в лесу? Мы умеем создать для себя любой дом.

Я вспомнил, как они создавали для себя целые деревни. О таких домах я описал в своей книге «Придурки». Действительно, наши земные ведьмы в этом отношении похожие на улыбочиков.

– Я, конечно, сомневаюсь, но вы ведь наши, земные люди, как вы достигли всего того, что мы не смогли. Я понимаю этих улыбочиков и других пришельцев из космоса. Они намного обогнали нас. Но вы, вечно живете в лесах, и вдруг вы обладаете таким неземным даром? Как это?

Вот это вопрос, так вопрос, подумал я. Всем вопросам вопрос! И я об этом не подумал. Ну, и Юра Вычегжанин! Молодец!

И я имел право подумать, что бабка начнет сейчас юлить. А она, как говорится, не моргнув глазом, чётко ответила:

– Что здесь такова сложнова. Люди прогнали нас. Мы поселились в лесах на юге России, в основном на Дону, на Днепре. Некоторые бежали за обозами в Сибирь, на Восток к Тихому океану. Мы в лесах. Сибирские ведьмы совсем другие. Они не обладают тем, чем мы обладаем. Они поселились среди людей, и стали такими же, как и все люди. Правда, оне умели гадать, колдовать. Но они это не мы. А вот мы были оторваны от людей. И вот мы решили стать другими, чтобы показать людям, что мы

не одичали. Вы думаете, что мы такие уж неграмотные, лесные ведьмы, и ничего не умеем? Мы также учились грамоте. Мы можем так же, как вы культурно вести разговоры. Вот сейчас, чем я от вас отличаюсь? Сутулая, старая карга. Говорит на русском, простом языке из глухой деревни. И вот, вы видите, что мой язык поменялся. Чем же я отличаюсь от вас. А теперь смотрите.

Перед нами стояла красивая, приятная на вид девушка, словно сошедшая и картин великих художников из эпохи Возрождения. Настоящая красавица Даная.

Она тут же снова превратилась в бабку Лукерью.

– Вот это я понимаю! – воскликнул Федя. – Умереть не встать! Вот это да! Раз и в дамках! Это настоящее чудо!

– Мы веками учились такому превращению. И научились. Мы были обижены на людей, которые нас прогнали. Жгли нас на кострах, забивали камнями, топили, топтали ногами. Нам нельзя было подходить к церкви. Нас прокляли. И мы всё больше уходили в себя. И вот мы достигли совершенства. А тут эти тени нас обнаружили.

– Извините, но как, же вы, этого, того, ну, как его...

– Не переживайте, Виктор, всё очень просто. По выбору, по отбору, какая-то женщина из нас, ещё довольно молодая, появляется в деревне или в городе, и знакомится с парнем или мужчиной. Она забеременела. И тут же исчезает. Мы знаем, кто родится. Если девочка, мы оставляем её на свет, если мужчина, мы ещё в зародыше его уничтожаем.

– Извините, но, это великий грех! – воскликнул Виктор.

– Но, уважаемый вашими друзьями, иеромонах Виктор, ваши девушки и женщины миллионами делают аборты, и ничего. Всё для вас, людей, нормально. А мы если это сделали, но в самом зародыше, значит, не нормально. Как же так можно опять нас осуждать?

– Но, церковь вообще осуждает аборты! – не сдавался Виктор. – Это прямое убийство!

– Но, какого вы ребенка уничтожаете! Он ведь уже живой, а вы его истребляете! – тоже не сдавалась бабка Лукерья.

– А вы разве не живого уничтожаете?

– Вы не понимаете нас и никогда не поймете. Мы убираем зародыш из девушки на второй или третий день. Мы уже знаем, что там будет мальчик или девочка. Вот чего мы достигли. А у вас работают институты, люди получают звания, награды, почести, а не достигли того, чего достигли мы. Так чего вы хотите от нас? Вы нас презираете, гоните от себя, а мы вынуждены защищаться от вас.

– Устраиваете шабаш, можете до смерти человека защеко- тать, – сказал я. – На Дону такое безобразие я видел. Пакости разные устраиваете. Недавно мы были в поле, в лесу, всё вымер- ло. Как это понимать? Росли одни поганки в виде разноцветных мухоморов.

– Шабаш, это наш праздник. Мы отмечаем его один раз в году. Наш многовековой праздник. Теперь вспомни, Юрий, разве де- ревя, трава, цветы погибли, когда ты со своей лихой командой были в другом мире? Всё было. Всё росло. Да, мы делаем пакости человеку. Колдуем. Но ведь мы отделены от людей. Я уже гово- рила. В нас сидит это глубоко, мстить людям за наше изгнание из вашего общества. Крепко сидит обида. И вот появились тени. В основном, наши ведьмы стали меняться, как и меняются ваши многие люди в худшую сторону. Мы ведь тоже люди. Только мы, как сами понимаете, другие люди. Во многих из нас, как и во многих ваших людей тени внедрили свои элементы. Иногда я не узнаю ваш мир. Резко вы меняетесь в худшую сторону. Правда, есть, у вас рождаются дети, которых от теней защищает неведо- мая нам сила. Кто это делает, мы не знаем, да и тени не знают. И тени бессильны против этих детей. Именно за этими детьми бу- дет будущее вашего мира. Иногда я не узнаю и моих подружек. Они тоже, как и ваши люди, резко меняются в худшую сторону. Вот вам и вымерла поляна, лес, нет животных, птиц. Лес не жи- вой. Всё вымерло.

– Разве вы не замечаете, извините, что вы меняетесь? – спро- сил Виктор.

– Таких моих подружек совсем мало. Две подружки стали говорить старшим ведьмам, что они изменились. Резко высту- пили. Их по настоящему сожгли на костре. На этой поляне и в лесу тени собираются что-то ставить. Вымерла поляна. Вымер

небольшой участок леса. Всего небольшой участок. Так велели сделать тени.

– Мы им чота построим, – ответил Федя. – Такое им построим, что они навек забудут сюда соваться.

– Могу вам теперь признаться. Пока это единственное место, где бывают тени. В общем-то, в этом мире живут хорошие и мирные люди.

– Мы это уже знаем, – ответил я.

– Мы ведь тоже недавно сюда проникли из вашего и параллельного мира, где живут волосатики. Отовсюду нас гонят. Сюда нас немного прибыло. А я решила не выступать против изменившихся моих подружек. Я узнала, кто вы есть. С вами я встречалась в двух мирах. И на Дону была под городом Серафимович, когда вы со своими друзьями, Юрий, уничтожили наше логово. И вот я пришла к вам.

– Эти тени, по-нашему улыбочики, ещё не бывали среди местного народа?

– Нигде они ещё не были. Будет страшно, если они завоюют этот мирный народ. Вот я с вами. Да, я видела местных людей. Удивительные люди. Я тайно от своих подружек посетила этих людей. Они меня не видели.

– И какие-нибудь пакости им сотворила? – ответил Федя.

– Зачем ты так?

– А как ишо с вами надо разговаривать? Одни пакости на уме. Да ишо меня за нос ведьма ухватила и по щекам отшлепала.

Бабка Лукерья улыбнулась.

– Это тебя Фёкла отшлепала. Вредная ведьма до безобразия. В ней и без элементов теней, хватало в достатке злобы и вредности. У нас таких ведьм, как Фёкла хоть пруд пруди. В этот мир и прибыло таких ведьм, как Фёкла двадцать штук. Те две подружки, которых сожгли не в счет. Ещё там осталась одна такая, как я. Мы с ней затаились. Сейчас она ждет моего сигнала. Как только вы примите меня нормально, то я позову её сюда. Она тут же появится. Пока я за вами такого не наблюдаю. И куда нам теперь бедным податься, не ведаю. Не беспокойтесь, плакать, и рыдать не буду.

– Если вас не примем, то куда вы? – спросил я.

– Попробуем от наших подружек исчезнуть. Мы скроемся от нашего логова в деревне. Они нас, сиротинушек примут.

– И начнете вы снова пакости, извините, строить, – сказал Виктор и перекрестился. – В вас это откладывалось в крови, со дня рождения. Лично я против вашего присутствия. Моя церковь не приемлет неистовых безбожниц. Аминь.

– Я, знаете, тоже не в восторге от этих зловредных старушек. От моих лекций они будут не в восторге. А вот если бы собрать их родимых в кучу, да я бы им такую лекцию закатил, что из них бы все элементы гелиозов улетучились бы. Я тоже против, – сообщил Петр Петрович.

– Я, конечно, сомневаюсь, в искренности этих бабулей, – сказал Юрий. – Ведьмы всегда были ведьмами. Что с них взять? Я тоже против бабулей.

Остались два голоса, Михаила и мой голос. Лично мне, было жалко бабку Лукерью. Чувствовал, что от неё шло добро. Я понял, что мои друзья, кроме Михаила, этим чувством не обладали.

Бабка Лукерья опередила нас с Михаилом. Она просто спокойно ответила:

– При двух товарищах, которые пошли за меня голоса против меня перевесили. Ну, что же. Я так и думала. Мы с моей подружкой Анной пойдем другим путем. До скорого свидания. Я скажу вам вот что. В тяжелую для вас минуту мы придем к вам на помощь.

И она тут же исчезла.

Михаил сказал:

– Как-то перед бабулей получилось не по-человечески.

– Почитай нам мораль, почитай, – сказал Федя. – Нужны нам эти ведьмы, как собаке веник. Вы с Юркой вечные философы. Один наукой о чем-то там болтал, а другой с деревьями вел ученье беседы.

– Извините, оно, конечно, не так получилось. Но, мои лекции о светлом будущем, и вдруг рядом ведьмы. Нехорошо.

– Ну, хватит уже. Ну, что такое? Ну, вот опять не так? Только тихо, только тихо. Не надо шуметь и скандалить из-за каких-то ведьм. Ушла бабка, ну и пусть уходит. Всё с ней. Может, в дерев-

ню подадимся. Мак и Рада говорили, что где-то рядом с нами есть деревня.

– Точно. Деревня, – подхватился Федя. – Там живут мирные люди. Будем искать их.

– Извините, Федор, у вас одно на уме, греховодное на уме. Окститесь. Туда ещё не пришли зловредные ведьмы, и пока, извините, нет там улыбочков. Надо бы нам их предупредить.

– Отдохнем сегодня, а завтра утром пойдем искать деревню, – предложил Михаил.

– Надо бы выставить дозор, – предложил я. И вдруг из темноты раздался голос бабки Лукеры:

– Спите спокойно. Мы с моей подружкой Анной будем охранять ваш покой. В случае опасности мы вас разбудим. Спите.

Меня тут же потянуло на сон. Последнее, что я услышал, как Федя сказал:

– Каналья! Не утомонились?

Утро. Я встал бодрым, хорошо выспавшимся. Мои друзья тоже вставали. Нас ждал отменный завтрак, свежий чай. Бабулей не было.

– Замаливают, извините, свои грехи, – ответил Виктор.

– Какой же вы же жестокий человек, – сказал Михаил.

– Это не жестокость, извините, это реальность. Мы всегда были против колдовства, – быстро ответил Виктор, уплетая куриную ножку.

– Но, вы не побрезговали воспользоваться заколдованной куриной ножкой.

Виктор поперхнулся и стал кашлять.

– Где же ваша принципиальность против одного колдовства? Значит, ваши слова, просто слова. А здесь реальность. И эта реальность вам весьма понравилась. Так будьте благоразумней против ваших пустых слов.

Виктор продолжал кашлять, и махать руками на Михаила. А вот ножку он из руки не выпускал.

Михаил продолжал говорить:

– Кто вас научил не любить врага своего? Кто? Вы сами, дорогой мой Виктор. Да, ведьмы враги людей. Но, как оказалось не все враги, не все павшие. Они первыми протянули к нам руки

добра. Надо вам ещё раз перечитать Великую Книгу Библию. Прочитайте, что говорил Иисус Христос. Он мог простить грешника. Он многих заблудших людей прощал. А на кресте рядом с ним находился великий грешник. Иисус простил его. Он отпустил ему все его грехи. Так почему вы, уважаемый иеромонах Виктор не можете простить падших в грехе бабулей?

– Хватит мучить человека, – сказал я. – Он поймет. Исправится.

– Я думаю, что мы немного не так сделали, – сказал Петр Петрович, уплетая большой кусок свинины. – Могли бы и простить. Но, для окончательного решения, я бы им свою лекцию прочитал.

– Теперь я не сомневаюсь, они поняли свою ошибку, – сказал Юра. – Ну да ладно. Чего уж. Хороша куриная ножка. Возьмусь-ка я за вот этот кусище говядинки. Привлек меня этот кусок. Прошу только не шуметь. Только тихо, только тихо, и всё будет, как надо. А как надо, откуда мне знать.

– Давайте так, мужики, после сытного завтрака пойдём на поиски деревни, – предложил я. – Бабка Лукерья права. Эти ведьмы вместе с улыбочками появились в этом спокойном мире совсем недавно. Надо помочь.

После завтрака мы собрались идти вверх по течению реки, куда указали Мак и Рада. Да и бабка Лукерья говорила об этой деревне.

Мы пошли по берегу. Потом вышли на дорогу. Весь день шли, но пока деревня не попадалась. И только к вечеру мы вышли на окраину деревни. Дома деревянные в один этаж. Но деревня отличалась от наших деревень. Не было заборов, штакетников, ворот и калиток. Огороды были, и всё в них росло. За деревней были поля.

И тут мы увидели огромного оленя. Он был запряжен в легкую повозку. Помню, у нас их называли брочки. На сиденье сидел здоровенный детина под два метра ростом.

– У них вместо лошади олени? – спросил Юра. – Конечно, я сомневаюсь в том, что у них нет лошадей.

Парень на брочке догнал нас, и что-то сказал. Мы его не поняли. Он остановился. Лицо у парня широкое, доброе, большие

глаза так и светились добротой. Он говорил нам на непонятном языке.

Михаил пожал плечами и ответил:

– Как и с тем Маком, не пойму языка. Он мягкий, какой-то грудной.

Парень спрыгнул с сиденья, и, видимо, в приветствия поднял обе руки, и резко их опустил. Опять что-то сказал.

– Девственный мир, – сказал Михаил.

– Ты чо нам здесь долдонишь? – спросил Федя.- Ты мне скажи по-русски, чо это за деревня? И чо ты на олени ездидь? Коной чоли нету?

Парень удивленно стал нас рассматривать. Опять что-то сказал, и показал куда-то в ту сторону, куда уходила улица.

Я бы не сказал, что дома богатые. Обыкновенные деревянные дома. В каждой из стен по одному большому окну. Много кустарников. На них растет разная ягода. Деревья плодоносят.

Мы пошли туда, куда нам показал парень. Мы видели людей на огородах. Рослые, высокие. И все они, при виде нас, поднимали руки.

– Они нам сдаются? – спросил нас Федя.

– Это другой и неведомый нам мир, – ответил Михаил. – У них всё другое. Что-то есть похожее, но оно и должно так быть. А вот олени, и в этом что-то новое. И потом, вы заметили, что здесь растут фруктовые деревья, и вдруг олени, или это сохатые?

– Сохатые, – ответил я.

Встречались и ребяташки. Они тоже поднимали руки.

– Ты, смотри, дети, какие здесь культурные, – сказал Федя. Они не убегали от нас, просто стояли и с любопытством смотрели на нас.

Навстречу нам ехало две длинные повозки. На них сидели женщины в длинных платьях. Среди них я заметил знакомое лицо. Когда они поравнялись с нами, то я увидел, что вместе с женщинами ехали две бабки. Одна из них была бабка Лукерья. Успела познакомиться с местными женщинами. А другая бабка, конечно, Анна. Бабка Лукерья подмигнула нам.

Конечно, они ехали за сеном, потому что на дороге были видны скошенные маленькие пучки травы.

Все мои друзья заметили бабок.

– Они им накосят, – засмеялся Федя, и тут же закричал: – С трудовым почином, бабка Лукерья и бабка Анна!

Повозки проехали. В мою голову ворвались слова бабки Лукерьи.

– Мы быстро наладили контакт с местными женщинами. Спасибо вам, что вы все нам поверили. Идите на край деревни, там находится староста деревни. Мы ему о вас всё объяснили. Эти люди, что дети. Люди доверчивые до предела. Жалко будет, если их завоюют тени и ведьмы. Не волнуйтесь. Мы будем вашими переводчиками. Мы с вами и с ним отладили контакт. Нам хочется попробовать крестьянского труда.

Мы пришли к крайнему, маленькому дому. Видимо, здесь жил староста. Бедненко жил.

Он встретил нас на улице. Ростом, наверное, в два метра с лишним. Надо же, какие здесь высокие и здоровые люди! Он улыбался во всё лицо, огромные глаза так и светились добром. Не хотелось бы этих людей омрачать улыбочками и ведьмами.

Он поднял руки, и резко их опустил. Он стал быстро говорить. Потом пригласил нас войти в дом. Мы вошли.

Длинный стол, лавки с двух сторон. Деревянная кровать. Не было только печки. Для такого деревянного, крестьянского дома было что-то новое. Не было ковров, дорожек, ничего лишнего. Широкие плахи вымыты до желтизны. Знакомо. Деревня.

Он пригласил нас сесть. А где же чай, подумал я. В деревнях, как правило, гостя угощают чаем. Он сидел и молчал. Молчали и мы. И тут в дом зашли девушки. Высокие, крепкие телом, румяные, длинные косы. На них были платья чуть не до пяток.

– Вот это да, – прошептал Федя. – Вот, где бы остаться на время. А ведь их могут завоевать улыбочки. Такое не может быть!

Девушки принесли разносы, как у нас, и на них чашки с дымящимся чаем.

– Где это они сварганили? Печки-то нет, – сам у себя спросил Федя.

В моей голове, да и в головах моих друзей, появился голос бабки Лукерья.

– У них стоит печка за домом. Там они и всё готовят. Спрашивайте его, а я буду переводить.

– Дорогой друг, – обратился к нему Михаил. – Мы пришли сюда издалека. Вам даже не понять, откуда мы пришли.

– Он немного стал соображать. Я ему уже говорила о вас, – сообщила бабка Лукерья. – Он говорил, что у них были высокие люди из другого мира. Добрые и хорошие люди.

– Мы догадываемся кто, – ответил Михаил.

– Его имя Веня. У них нет отчества и фамилий. Веня обозначает воду. Вода. Он в этой деревне староста. Он сейчас вам будет говорить, а я переведу.

– Пусть валяет, – разрешил Федя.

– Я знаю, кто вы есть. Вы из другого мира. Но вы живете на нашей земле. Мы не понимаем, как это возможно. Мы не интересуемся этим делом. У нас община. Нет стран, границ. Мы не знаем, что это такое. У нас есть главная община в нашем мире. Мы выбираем туда своих людей.

– А как вы общаетесь между собою? Ведь наша планета велика для ваших общений на оленях, – сказал Михаил. – Самолетов у вас нет, нет железной дороги, кораблей. У вас нет технического прогресса. У вас нет радио, телефона, телевизора. Как же вы так живете? Вы не летаете в космос.

– Зря вы так о них думаете, – засмеялась бабка Лукерья. – Они приземленные. Они не летают в космос. Это так. Но они ушли в себя. В них скрытый, внутренний мир. Сейчас он вам всё объяснит. Мы с бабушкой Анной поразились многому в этом удивительном мире.

Начал говорить Веня.

– То, что вы нам рассказали, у нас этого нет. Я понял вас. Вы всё делаете из материалов нашей земли.

– А вы из чего всё делаете? – спросил Юра. – Я сомневаюсь, что вы всё делаете из воздуха.

– Я вас не понял. Мы живем внутри себя. Мы можем разговаривать мыслями с другим человеком на любой точке нашей планеты. Мы видим его, видим всё в его округе. Вам этого не по-

нять. У нас есть, как и у вас, артисты. Есть театры. Я сижу дома, и вижу, что происходит на сцене.

– Но, как без денежного оборота? – спросил я.

– У нас нет денег. Нам всё объяснила Лукерья. Многое что она объяснила. У нас идет обмен товарами. Мы в нашей деревне сеем пшеницу, рожь, овес, и другие сельские продукты. В другой деревне для нас заготавливают на зиму дрова, у них есть загон для гуров...

– Чо это за зверь такой? – спросил Федя.

– Зверь? – переспросил Веня. – Это, по-вашему, сохатый. Гур, это наши возчики. Они возят груза.

– А кони где у вас?

– Поняли. Это гурасы. Они у нас есть. Они живут в степях. От них мы получаем молоко. Оно весьма полезное. Для грузов мы их не берем.

– Парадокс! – воскликнул Петр Петрович. Сейчас начнет гнуть своё. – Как я понял, что у вас пришел настоящий коммунизм. Вот только нет технического прогресса. Да это и не так важно. Главное, вы добились того, чего мы так и не добились. В общем-то, у меня есть лекция о коммунистическом обществе...

– Подождите, Петр Петрович, подождите, – остановил ретивого лектора Михаил. – Сейчас не до вас. Потом вы прочитаете вашу лекцию о сияющих вершинах.

– Зачем читать, если они уже живут среди этих сияющих вершин, – сказал я.

– Вы говорите про вершины? Они далеко отсюда. Там, на этих горах всегда лежит снег. В солнечных лучах они красиво сияют, – ответил Веня голосом бабки Лукерьи. Она едва сдерживала смех. Видите ли, ей смешно. А Петру Петровичу не до смеха. Он торопливо ответил:

– Я не про горы сказал, я хотел про другие вершины, сказать, до которых вы уже достигли.

Бабка Лукерья не выдержала, и засмеялась. Она ответила:

– Зачем нам до них достигать, мы их с детства знаем.

Федя громко смеялся, да и нам было весьма весело. Веня не понимал над, чем мы смеемся. Петр Петрович совершенно обиделся.

– Бабка Лукерья, прекратите издеваться над нами с товарищем Веней. Он не понял в чем дело, а вы поняли. Ничего здесь нет смешного. Мы мечтали о вершинах, то...

Не выдержал Юра. Он закричал:

– Ну, хватит уже! Хватит! Нам ведь интереснее слушать, как устроен этот мир, а вы здесь вылезли со своими глупыми вершинами! Сдались вам эти вершины с вашим глупым фундаментом!

– Но позвольте вам возразить! – повысил голос Петр Петрович. – Эти вершины не глупые! – и он начал нервно кашлять, и чихать.

– Продолжайте бабушка Лукерья, – разрешил Юра. – Петр Петрович, думает сейчас над новой лекцией, и ему не до нас.

Петр Петрович продолжал кашлять и чихать, а ещё длинным и тонким пальцем грозил Юре.

– Так на чем мы остановились, товарищ Веня? – спросил Михаил. Голосом бабки Лукерьи Веня ответил:

– Мы остановились на глупом фундаменте, и на вершинах.

Действительно было смешно. Петр Петрович быстро качал головой, и свободной рукой пытался нам показать, что мы не правы. Но, теперь уж было не до него. Веня продолжил разговор:

– В нашем мире всё взаимосвязано. Мы, как единое целое в нашем мире. Мы помогаем друг другу.

– У вас были войны? – спросил я. – У вас, как я понял, нет миллиардеров. У вас нет правителей, которые достигнув власти, сразу вооружаются против другой страны.

– У нас никогда этого не было.

– Но, если вы так живете, то почему у вас нет нормального транспорта, высотных домов, дворцов на двух человек. Почему? – спросил Михаил.

– У нас ничего этого никогда не было, и нет. Нам и так хорошо. Мы теперь знаем, как умеют собой управлять две старые женщины. Мы точно так же владеем своим телом. Смотрите.

Веня неожиданно поднялся к потолку, а потом и совсем исчез.

– Ты куда, Веник умыкнул от нас? – громко спросил Федя.
– Мы с тобой культурно ведем беседу, а ты исчезаешь. Некаво здесь антиллигена из себя корчить. Я тоже, бывало, галстук, как навешаю на шею, так сразу же культурным заделывался. А почему у тебя нет этой тряпки? Стесняешься? А ну покажись окультуренный антиллиген.

Веня сидел на прежнем месте.

– Галстук? Понял. И то, правда, зачем эта тряпка на шее? У нас не носят на шее галстуки. Мы даже не знаем, зачем они вам?

– Чтобы солиднее выглядеть, – ответил Михаил. – У нас так принято.

– Зачем солиднее? Зачем и кем эта тряпка принята.

– Нам неведомо, – ответил я. – В нашей команде эту тряпку носит только один человек. Наш известный лектор Петр Петрович Длиннохвостиков.

Петр Петрович перестал кашлять и чихать. Он возмущен.

– Какая же это тряпка?! Это галстук! Его даже носили наши члены правительства при советской власти! И сейчас все носят. Галстук, это символ культуры! Даже Ленин носил галстук.

– А вот Сталин избегал носить галстук, – ответил я.

– Ну, знаете, вас невозможно переубедить. В моей одной лекции...

И он снова начал кашлять и чихать. Он так кашлял, словно у него под мышкой сидел котенок. А я подумал, а не виновата ли в этом бабка Лукерья? Она ведь всё может.

Веня был мужчина серьезный. Он не понимал наших и бабки Лукерьи шуток. Он продолжал говорить.

– Как я понял, вы ударились в войны. Вы строите города из бетона и камня. Мы ушли в себя. Наши города точно такие же, как и наша деревня. наших правителей, выбранных из глубин народа, не отличить от обыкновенных людей.

– А вдруг у него появится страсть что-нибудь украсть у своего народа, как это делается у нас? – спросил я.

Веня немного подумал. Возможно, в это время бабка Лукерья поведала Вене о наших воришках, которые обворовывают нашу страну, на эти деньги строят дворцы за границей, и туда же отправляют украденные деньги. А милые журналисты-прохвосты

с умилением рассказывают о них, какие они несчастные. Потеряли родину. Наши правители, прокуроры и следователи по-малкивают насчет этих грабителей. Как галстук носить принято, так и принято не вмешиваться в жизнь этих людей. Украли миллиарды, уехали за границу, ну и, мол, пусть живут себе, там, где им хочется.

Веня молчал. Он был очень серьезный в этот момент. Потом ответил:

– У нас таких правителей, и таких людей никогда не было. Мне бы не хотелось жить в вашем мире. Женщина Лукерья мне показала ваш мир. Страшно. Кругом воруют. Так ведь жить нельзя. Теперь я понимаю, каких людей подбирают в такие команды, как вы. Пусть даже некоторые из вас грубые, неграмотные, даже очень грамотные, образованные, любящие свои лекции. Но вы, в общем-то, порядочные, честные, благородные люди.

– Если вы такое делаете, как вы нам показали, то почему не проникните, например, в наш огненный мир? – спросил Михаил.

– Зачем? Нам и в нашем мире хорошо. Своим воображением мы можем создать, что нам хочется.

– У меня к вам ещё один не скромный вопрос? Почему вы о себе говорите во множественном числе? – спросил Юра.

– Понял вас. Потому, что я сейчас веду беседу не от себя лично. В настоящее время нас смотрят и слушают, многие наши люди.

– Кошмар! – воскликнул Федя. – От вас ничего не скроешь?

– Как вам объяснить? Есть такие беседы личного характера, которые не передаются для всех. Наши домашние разговоры по хозяйству деревни или своего дома никому не нужны. У вас телефоны, у нас переговоры создаются мыслью. Вот и всё. Для вашего мира это непонятно и сложно.

– Есть мнение, что мысли человека материальны, – ответил Михаил.

– Вы только говорите об этом. Мы своими мыслями можем создать всё, что в этот момент для нас необходимо. Да, мысли материальны.

– А вы можете сей момент создать этакую дамочку? – спросил Федя.

На этот вопрос ответила сама бабка Лукерья:

– У тебя, Фёдор, одно на уме! Не стыдно?

Видимо, эти слова Феди она не перевела. Веня продолжал говорить:

– Хорошо подумайте, и представьте женщин Лукерью и Анну. Представьте всех этих ведьм. Они так же, как мы могут перемещаться из одного мира в другой. Мы не перемещаемся, хотя могли бы. Этим мы от них отличаемся. Они своими мыслями могут создать дома, деревни, даже пищу. Мы тоже всё это делаем. Но мы не строим человеку пакости. Этим мы тоже от них отличаемся. Ещё одна весьма важная деталь. Люди их прогнали. Они поселились в лесах. Потеряли связь с вашей цивилизацией, а вот достигли такого совершенства. Почему? Очень просто, и в тоже время сложно. Они не пошли по вашему пути. Они пошли в себя. Веками они учились у самих себя, познавали свой организм. Немного что-то получилось. И начали это что-то развивать в себе. И вот они достигли того, чего достигли. Во многом они, если взять психологически, пошли не по верному пути. Но, они ведьмы. Вот и пошли по этому пути. Так и у нас. Мы стали изучать самих себя. И наши предки работали над собой постоянно. Они понимали, что войны не для них. А ведь войны бывают разные. Есть психологические войны. Разные войны не для нас. Мы живем в мире не только друг с другом, но и с природой, с животными. Таков наш мир.

– У вас должны быть заводы по производству мебели, изделий из железа, фабрики по производству молочных продуктов, мяса? – спросил Михаил.

Веня опять начал думать. Потом, вроде стал нервничать и ответил:

– Мы вас поняли, и ужаснулись, когда вы сказали про мясо. Мы совершенно не едим мясо. Мы не убиваем животных, зверей, птиц. Это ужасно! Какие же вы настоящие варвары! Разве так можно жить, как вы живете!

Тут вмешался Федя.

– Но, я не могу без мяса! Я так могу и ноги протянуть!

– Как же мы живем без мяса? И ноги мы не протягиваем. Наш народ крепкий, выносливый. Вы ведь совершенно живете мало! В вашем огненном мире главным считается три нормы: война, обман и обжорство. У вас есть такая фраза – жить, как можно дольше, а жрать, как можно слаще. Вот и вся ваша идеология. Живете вы мало, а жрете от пуза. Вот лично мне сто сорок лет. Моей жене сто тридцать лет...

Конечно, мы все тут совершенно окосели. Долго молчали. Молчал и Веня. Он нежно и с сочувствием улыбался. Ему было жалко нас. А ведь на вид ему было около тридцати лет. И тут наша бабка тоже нас ошарашила.

– Ну, чего, друзья замерли? Вот так. А ведь и мне уже порядком лет. И тоже удивитесь. Держитесь и не падайте в обморок. Лично мне двести двадцать два годочка. Бабке Анне двести десять лет. Только раз в году, летом, на шабаше мы разрешаем вкусить мяса от животного. Мы питаемся травками, разными кашами. Не злоупотребляем в еде и в питье спиртного. А вы спросите Веню, жрут ли они водку и прочие гадости? Спросите. Вот это я говорю только вам.

Михаил у Вени спросил:

– Вы теперь знаете, что в нашем мире морем льется в глотки алкоголиков и просто любителям выпить спиртная гадость и пиво. Как я понял, что вы и не курите. В нашей команде тоже не курят, но выпить не отрицают. Как у вас с этим делом?

– Поняли вас. Мы не знаем эти зловредные напитки. У нас и не курят. Что вы делаете с собой!

И тут Федя закричал:

– Слушай, Лукерья, мать тебя за ногу, а тада чо ты нам мяса принесла? Могла бы и травки нарвать, и всучить нам!

– Чего шумишь, рыжий оболтус! Я ведь знаю, что вы без мяса не можете жить! – тоже громко ответила бабка Лукерья. – Забыли и про подгузницу? Так что ты на меня пузыришься, конопатый чёрт! Совесть имей! Слушай этого человека, да на ус мотай. Вас бы всех людей из вашего мира, надо бы сюда на мораль отправлять.

Веня встал из-за стола. Пригласил нас выйти. Мы вышли на улицу. И тут у меня возник вопрос, не относящийся к мясу и прочим в этом мире не нужных вещей.

– Как вы встречаете зиму? У вас даже печей в доме нет?

Он немного подумал, и ответил:

– Поняли ваш вопрос. На улице у нас стоят печи из камней. В дом у нас, когда наступают холода, ставятся другие печи. Я вам сейчас покажу.

За тем же домом, под навесом стоял небольшой блестящий ящик. Я сразу понял, что это печь. Есть дверка, отверстие для трубы, и больше ничего.

– Кирпичная печь намного сохраняет тепло, а эта железка годна только для осенних холодов, – ответил я.

Он ещё немного подумал. Конечно, я давно понял, что за это время бабка Лукерья ему популярно объясняет. Он ответил:

– Железо? У нас есть такой материал, похожий на ваше железо. Материал напоминает глину. Вам это трудно понять, да и зачем? Из этого материала мы и делаем печи. Она надолго сохраняют тепло. Они легкие. Мальчик поднимет. У нас есть фабрики, где есть специальные печи, где и готовят этот сплав. В этот состав входит часть расплавленного металла, и эта огнеупорная глина. Из него мы делаем стекла для окон. На это есть наши специалисты, которые знают, что туда ещё добавить. Всё остальное мы берем от солнца и космоса.

– А где берете электричество? – спросил Юра. – Я сомневаюсь, что оно у вас есть.

– У нас в отдельных местах стоят заборники солнечного света, и из космоса. На всей нашей планете стоят пять таких заборников, и они дают свет во все концы. Энергию мы ещё берем из космоса. У нас нет гидростанций. Мы не нарушаем природу. У нас нет нефти, газа и угля. Что вы будете делать, если всё это у вас закончится. Ведь на этом наживаются ваши миллиардеры. Именно они тормозят открытие дешевой энергии. Поймите, есть солнце, есть космос. Вся энергия есть там. Так берите! Ваши миллиардеры самые главные ваши вредители. Неужели никто это не понимает? Ваш мир ужасно несовершенен. Я понимаю вас. Вы смотрите, что как мы живем в таких деревнях?

Мы счастливые люди. У нас ничего не стоит световая энергия, вода, отопление. У вас это всё дорогое. На этом и наживаются ваши миллиардеры и миллионеры, которые скоро станут тоже миллиардерами. У нас тоже есть города. Но они не такие, как у вас. В основном они построены в два этажа. Дома построены из дерева, пропитаны специальным раствором, из взятого состава, который мы берем из космоса. Ничего вы не поймете. Все дома ещё построили наши предки. Вот этот деревенский теплый дом стоит уже пятьсот лет. Это дерево ни один червь не возьмет. Воды и огня он не боится. Крепость его после обработки не уступит любому вашему железу. Вот лежит у дров топор. Попробуйте стукнуть.

Юра взял топор, и недоверчиво улыбаясь, лезвием приложился к бревну. Топор отскочил, но не зазвенел. Все мы посмотрели на место, где Юра нанес удар. Даже царапины не было.

– Есть у нас дома, построены ещё две тысячи лет назад. Вот теперь и подумайте, бережем ли мы природу и животный мир? У нас есть специальные охотники, которые следят за животным миром.

Мы слушали и всему удивлялись. Я специально остановился в своих записках на этой деревне. Хотелось описать настоящую жизнь, которая рядом с нами и так непохожая на нас. Мы знаем только одно, как можно больше взять от природы, как больше нахапать средств от той же природы, обмануть, обмишурить ближнего своего, организовать кровавую бойню между странами, народами. От всего этого мне становится страшно. И вот я увидел другой мир. Я увидел простых, умных, не завистливых людей. Я увидел, как они прекрасно живут. У них всё поставлено на то, чтобы человек прожил свою жизнь достойно.

Федя, когда услышал про охотников, даже хлопнул в ладоши.

– Попались, голубчики, попались! А говорите, что мясо не едите. Что такое охотник? Он стреляет животных для мяса, стреляет дичь. Для мяса. А вы мне здесь антимионию развели, а мы и уши развесили!

На что Веня ответил:

– Это у вас такие охотники. У нас охотник другим делом занимается. Охотник у нас следит за животным миром. Эти люди живут в лесах. У них тоже есть дома. И в этих домах есть свет, тепло и вода. Разницы нет от нашей деревни. Просто эти люди с детства больше всех понимают и слушают природу.

– А если появились звери? – спросил я.

– Для вас это странно выглядит. Но они умеют ладить с любым животным. Единственное, что мы берем у природы, это рыбу. У нас реки и моря полны этой рыбы. Но, не одной, же рыбой мы питаемся. Мы готовим блюда из разной муки. Есть растительное и сливочное масло. Много видов разных блюд из огородных культур.

Тут уж не выдержал Виктор.

– Этого, как его, того, извините, а у вас есть церкви, где прихожане молятся?

– Есть. Они у нас называются моленные дома. В главном нашем городе в нашем мире есть главный моленный дом. Он находится на краю города.

– Наверное, огромный дом? – спросил Виктор.

– Обыкновенный дом в два этажа. Рядом с ним поселился наш главный служитель.

– Тоже у него дом в два этажа? – спросил Михаил.

– Что вы! У него такой же дом, как и у нас вот этот дом.

– Вы говорите, Веня, что ваш служитель главный? У вас, извините, сколько вер в вашем мире? – спросил Виктор.

Веня опять замолчал, и слушал бабку Лукерью. Потом ответил:

– В нашем мире есть всего одна вера. Вера в Создателя. Больше у нас нет никаких вер. Теперь мы понимаем из-за чего у вас ещё возникают войны. Одна вера идет войной на другую веру. Зачем это так у вас. Ведь есть один Создатель вселенной. Так ему и надо молиться. Мы думаем, что, сколько есть на нашей планете параллельных миров, везде должна быть одна вера. Вера в Создателя вселенной.

– А в вашей деревне, извините, есть моленный дом? – опять спросил Виктор.

– В нашей деревне нет такого дома. Он есть в соседней деревне. Она находится далеко отсюда.

– Вы, конечно, в космос не летаете? – неожиданно спросил Михаил.

– Нет, не летаем. Вы за нас летаете. Да и другие летают из других далеких миров. На днях у нас двое были. Мак и Рада. Удивительные люди. Мы думаем так, что когда-то давно, много тысяч лет назад, они прилетали в наш мир. И мы уверены, что они научили наших далеких предков тому, что мы умеем делать. Главное, познать себя.

– Но в наш мир они тоже прилетали, – сказал Михаил.

– Мы согласны. Но, ваши предки были полудикие племена. Воинственные и дикие. Они ничему не научились. В общем-то, это загадка. Почему ваши предки ничего не взяли у пришельцев? Почему наши предки были другими. Нас было мало. В лесах, степях и пустыне бродили только дикие животные. А вот наши малочисленные предки с охотой учились, и многое переняли у пришельцев из далекого космоса. Следовательно, во всех мирах на нашей планете, люди, как человек, одинаковые. В чем-то, конечно, есть разница. Мы ведь немного разные, но все люди. А вот по развитию все мы разные. Наш человек пошел по другому пути, чем ваш человек. Кто-то из вас уже путешествовал в другие миры. Разное развитие. Оно и должно так быть. А теперь, как нам передали, опасность пришла на нашу планету. И мы должны бы объединяться против общей беды. Завоеватели из глубин космоса уже давно наметили нашу планету для завоевания. Ваши люди не желают с ними бороться, особенно те, кто владеет полезными ископаемыми. Вас выбрали для этой борьбы, но вас мало. Возможно, такие люди, как Мак и Рада, постараются всем нам помочь.

– Но, ведь есть и эти ведьмы, – сказал Юра. – Я, конечно, сомневаюсь в том, что эти ведьмы вам не навредят. Хотя меня берет сомнение. Ведь они объединяются с улыбочками. Да и пакостить они специалисты. А вы так беззащитные со своей вековой добропорядочностью. И потом, они близко от вас. Что-то там готовят для прилета улыбочков. И я сомневаюсь, как бы они не стали вам пакостить. Сомнение берет.

– Тогда поступим так, – сказал Михаил, и оглядел нас. – Мы с вами, дорогой Веня прощаемся. Как, говорится, откланиваемся, и идем ближе к тому лесу, где поселились ведьмы. Я думаю, что нам надо опередить улыбчиков. Спасибо вам, Веня, и спасибо вашим слушателям и зрителям, мы покидаем ваш удивительный мир. Как бы нам хотелось, чтобы наши многие господа хоть немногoму поучились у вас.

– Не надо, – быстро ответил Веня. – Мы им не верим. Они сразу начнут думать, как начать разработку полезных руд, и отправлять в ваш мир.

– Точняк, – отозвался Федя. – Сначала надо бы вытащить бактерии гелиоза из этих наших правителей и миллиардеров.

– Бабка Лукерья, заканчивай переводить, – сказал я. – Нам надо отправляться в поход, на очередную драчку с твоими подружками.

Мы простились с Веней, и пошли по дороге. Бабка Лукерья передала нам такие слова:

– Теперь они не мои подружки. Как вы поняли, что мы с Анной с вами.

– У нас, бабка Лукерья, чисто мужская команда всегда была. И не желаем разбавлять её женщинами, хотя вы и бабки, – ответил я.

– Всё, начали кочевряжиться. Вот вы все такие люди в вашем мире. Ведь мы вам ничего плохого не сделали, что вы от нас отворачиваетесь? Мы тогда уйдем к вашим женщинам, к Правдиной, Длиннохвостиковой и Железянкиной.

– Ладно, будьте с нами, – сказал я. – мои друзья, надеюсь, не будут против.

Все согласились. Бабка Лукерья сказала:

– Не бойтесь. Мы с вами ходить не будем. Нужны вы нам, как Правдаина без вопросов, а Петр Петрович без своих любимых лекций. Мы будем просто следить за вами.

– А причем опять мои лекции? Чуть что, так сразу мои лекции во всем виноватые!

– Я просто пример привела. Ну, хорошо. Так скажу. Вы нам нужны, как нам наши подружки, переметнувшиеся к теням, а, по-вашему, к улыбчикам. Как точно вы их назвали. Я совсем за-

была. Ведьмы живут, в основном, на сухом болоте. Это болото уже и не болото, но там есть небольшие озерца, заросшими кочками, кустарниками и чахлыми деревьями.

– А ведь я совершенно забыл вас спросить бабка Лукерья, когда вы успели так ловко говорить и переводить язык этого народа на русский язык? – спросил я.

– Ах, милки, дорогие! Мы с чем-то сродни с этим народом. Если у этого народа один единственный язык на весь мир и одна вера, то у нас не счесть, сколько разных языков. А раз мы из века в век были гонимы всеми, то нам приходилось учить и другие языки. Раз мы ушли в себя, и стали в виде фантомов, то наши предки ради забавы стали изучать происхождение любых языков. Человек уникальное существо. Произношение звуков на гласные и согласные меняются у любого народа. Но, есть одно у человека. Как не крути, а от гласных и согласных никуда человек не денется. Их только умело использовать, это в нашем, понимании ведьмы. И эти буквы мы умело используем. Сопоставляем. Даже любой древний язык, если хорошо посидеть и подумать, то можно расшифровать любую письменность самого древнего народа. А здесь? Нормальные люди, нормальный язык. Кстати, он чем-то похожий в смешивании языков очень древнеславянского языка, скифов, половцев и Булгарского, что когда-то жили по берегам Волги до нашествия орд хана Батыея. Так что я быстро освоила этот язык. Если бы вы покопались в старых книгах на старославянском языке, то вы бы кое-что поняли. Пока я прекращаю с вами беседу. Вы ведь даже не спросили, почему я так с вами говорю? Кстати, бабка Анна так не говорит. Она обыкновенная бабка и ведьма. Она так с вами культурно не будет говорить. Но, она добрая бабка. Вот она и пошла со мной. Так вот. Я днями и ночами пробиралась в библиотеки, и читала, читала. И в архивах копалась. Много, что изучала. До встречи в эфире.

– Вот это бабка Лукерья! – воскликнул Федя.

– Не грамотная бабка, а образованная бабка Лукерья, – ответил Михаил. – Это удивительная редкость в мире ведьм. А, в общем-то, она и должна была, в конце концов, сбежать из логова этих болотных ведьм. Ну, что друзья, идем искать болото?

Мы миновали поле, и вошли в нормальный лес. Недалеко от нас прошло стадо оленей. Они никакого внимания на нас.

– Вот, пожалуйста, – сказал я. – Идут себе, и нуль внимания на человека. Удивительный мир. Дикие животные предоставлены сами себе. Никто им не мешает. Ну, конечно, это и понятно, идет естественный отбор. Хищникам надо жить. Можно только представить степи, где водятся дикие кони.

– Но у них есть и дойные лошади, – засмеялся Федя. – Это, наверное, обыкновенный кумыс.

– Извините, но я вдали видел и пасущихся коров, – сказал Виктор.

– Мне, кажется, на нашей планете есть, как человек, так и все животные, какие есть у нас, – сказал я.

– Когда же я буду читать лекцию? – спросил Петр Петрович.

– Ведьмам будешь читать, – продолжал смеяться Федя.

– Я им такую лекцию почитаю, что они с ума спят, – ответил лектор.

Впереди показался просвет.

– Кажется, мы пришли, – сказал Федя. – Болотом прет.

– Это так, – сказал я. – И ещё чем-то относит.

– Чем это относит, кроме болотной гадости, – ответил Федя.

– Относит, – подтвердил Михаил.

– Надо ожидать долгожданную встречу, – ответил я.

– Что вы мудрите? – спросил Федя. – Мы одна команда, и некаво мудрить!

– Здесь мудрости нет, – ответил Михаил. – Прет от духа ведьм. Просто мы с Юрием весьма чутко ощущаем идущую треву от онога болота.

– А ну да, вы люди особенные, так? – спросил Федя. – Я вот тоже чую этот запах и ничо не выпендриваюсь шибко.

– Федя, мы одна команда, – ответил Михаил. – Именно это мы и хотели сказать. Не обижайся. Мы просто с Юрием обыкновенные придурки, только и всего.

Мы вышли на край леса. Дальше было болото. Оно было не большое.

– Опа, – сказал Федя. – Смотрите! Что это?

Мы и без Феи увидели настоящую маленькую ухоженную деревню в десять домов. Деревня расположена за болотом, на склоне небольшого холма. Она была аккуратная, ухоженная. Все дома выкрашены на разные цвета, какие есть в нашем мире. От одного дома к другому шли две дамы в длинных цветастых платьях, какие носят цыганки.

– Вот это подруги! – воскликнул Федя.

– Погоди, Федя, – тихо сказал я. – Ты вот на нас обиделся, что мы с Михаилом что-то чувствуем перед этим болотом. Вот и сейчас у меня не проходит тревога. Что-то здесь не так.

– А во мне тревога, если я не охомуताю одну из деревенских, – хохотнул Федя.

– Поймите, друзья, – сказал Михаил. – Ведьмы должны жить вот на этом болоте. Вот болото. Откуда здесь деревня? Посмотрите, какая здесь чахлая природа. И потом, неужели вы не видите, что даже огородов нет. Нет и никаких животных.

– Я, конечно, сомневаюсь, но тут что-то не то, – поддержал нас Юрий.

– А мне пришла мысль, извините, я сейчас пойду к ним, и начну читать молитву. Они боятся креста и молитвы, – сказал Виктор.

– У меня другая мысль, давайте так. Не подадим виду, что мы всё знаем. Пойдемте спокойно в деревню, – предложил Михаил.

Мы перешли болото. Вошли в деревню. Нам навстречу вышли четыре молодые, хорошо упитанные дамы.

– О, к нам пришли неведомые нам люди! – воскликнула одна дама. – Откуда путь держите? Что привело молодых и красивых в наш край лесной?

– Вот шли, шли, шли, и вот пришли в оные края, – сказал Михаил.

– Шли мы, да вот заблуждали, – продолжил я играть. – А тут такая деревушка вдруг образовалась! Ну, прямо, как в сказке. Примите нас в гости?

– О, красавцы, конечно, примем! Да ещё как примем? За милую душу примем, касатики родненькие!

– Ну, вот и славненько, – сказал Михаил. – Погостим у вас, да пойдём далее.

– Заходите, родненькие касатики, – сказала женщина. Она только что вышла из дома. Мы вошли в игрушечный дом. Конечно, это были ведьмы. Такие деревни я описал в книге «Придурки». Такие дома были и у улыбочиков. И тут же могли исчезнуть. В этом их роднит.

Красота в доме неопиcуемая. Кругом ковры, дорожки. На стенах картины. На столе белоснежная скатерть. Посредине самовар, фарфоровые чашечки, в вазах разные фрукты, печенье, конфеты, шоколад.

– Прошу, касатики к столу, – пригласила хозяйка дома. – Угощайтесь.

Мы прошли к столу. Сели на лавку. Федя не сводил глаз с красавиц.

– А вы чо не садитесь? – пригласил Федя молодых.

– Это мои работницы. Им не положено садиться за один стол с гостями. Уйдите, – сказала она. В её глазах я заметил промелькнувшую злобу. Молодухи тут же выскочили. Значит, эта дама главная ведьма.

– Угощайтесь. Я вам чайку свеженько разолью по чашечкам.

– Слушайте, хозяйка, пусь за нами поуухажават одна из них? – попросил Федя.

Хозяйка понятливо улыбнулась.

– Какую из них позвать?

– Беленькая такая, пухленькая, – ответил Федя. Бедный парень, он даже не понимал, кого он зовет! Потом увидит.

Тут же вошла девушка. Ну, вот и попалась старая ведьма, подумал я. Ведь она даже не крикнула, а та вошла. Но я не подал виду, что понял.

Тут решил выступить и наш лектор.

– Уважаемая хозяйка, надеюсь, что у вас есть красный уголок, извините, заговорился. Откуда он у вас. Я бы мог вам прочитать лекцию.

– Конечно, конечно, касатик заболтанный, извините, я не так сказала. Мы деревенские можем и не то сказать.

– Извините, пожалуйста, я понимаю, что в вашей деревне...

Я толкнул его локтем, чтобы он замолчал, но Виктор меня не понял.

– Извини, Юрий, ты так толкнул меня, я чуть кружечку не выронил.

Хозяйка неожиданно громко засмеялась. Она всё поняла.

Федя подставил свою кружечку молодой, чтобы она налила ему чаю. Молодая налила. Федя приготовился пить. Я сам налил себе горячего чаю. Хозяйка внимательно смотрела за моими действиями. Она раскрыла меня.

В моей голове пронеслись слова бабки Лукерьи.

– Молодец. Она могла бы прочесть ваши мысли, но я заблокировала вас. Она не может понять, кто это сделал. Она знает, что вы из своего мира. Она тебя знает. Ты как-то был на Дону в городе Серафимович. Она была там главной ведьмой. Вы тогда сожгли очаг наш. Она знает тебя. Теперь можете действовать. Но только чай не пейте. В нем сонная трава.

Федя приготовился пить. Да и все стали наливать себе чай. Один Михаил стал внимательно смотреть на меня, и следил за моими действиями.

Я сказал:

– Фёдор не пей чай, козленочком станешь..

Федя засмеялся, и хотел уже приложиться к чашке, я свободной рукой выбил её. Федя удивленно взглянул на меня, и даже сжал кулаки.

– А теперь Федя смотри, – сказал я, и выплеснул чай в лицо хозяйке. Она вскочила и закричала:

– Ах, ты, мразь! На Дону не дали до конца шабаш справить, и здесь решили нам мешать. Стервецы!

Мои друзья замерли. Федя выпучил глаза. Он смотрел на быстро меняющуюся молодуху. Хозяйка дома и всего этого вертепа быстро превращались в древних старух.

Федя зарычал, как же его так обманули!

– Ах ты, старая вешалка, мне мозги пудрила! Да я тебя бить не буду, затрясу!

И он схватил старуху, которая была красавицей, за тощее горло. Она заверещала:

– Ратуйте, подружки! Спаси меня, яхонтовая! Этот рыжий и облезлый бродячий пёс протянул к моему горлышку свои грязные лапы!

Она громко засмеялась и исчезла. А старую хозяйку стали избивать мои друзья. А когда Виктор стал читать над её извивающимся телом молитву и крест на неё накладывать, она дико закричала и исчезла. Виктор сказал:

– Вот что делает животворящий крест! И я весьма доволен, что так я сделал. Вот они негодницы чего боятся. Молитву и креста. Одно ну ни как не могу понять, почему наши атеисты и отъявленные коммунисты не признают Великую Книгу Библию, особенно Новый Завет. Ведь всё очевидно! Почему?

– Просто, Виктор, им десятилетиями после Ленина и его сподвижников большевиков, вдалбливали в головы атеизм, – сказал я. – Недавно в нашем городке произошел такой случай. Мы отмечали память своему товарищу по литературному цеху, безвременно покинувшему наш мир. Я перекрестился, прочитал молитву за упокой его души. Так вот один товарищ, сидящий рядом со мной начал плевать, грозить небесам, тыкать пальцем в потолок, и признаваться о плохом отношении к Богу. Я не буду говорить те слова, которые он выкрикивал. От ненависти его даже трясло. И что? На второй день, я узнал, что у него отнялись ноги. Ему стало плохо. Что я сделал? Я стал ему звонить по телефону, успокаивать его, и ненавязчиво говорил ему, чтобы он покался. Не знаю. Покался он или нет, пока не знаю. Но, такой факт был. Когда появлюсь в нашем милом городке, где много пьяниц и безбожников, то узнаю про этого товарища, как он себя чувствует. Неужели ещё после такого случая он и другие, которые были в то время, когда он плевался и матерился, не поверят в такое событие. Тогда я не знаю, как это назвать.

А пока мы стояли у стола и наблюдали, как всё вокруг нас менялось. Со стола всё исчезло. Совершенно голые стены. Между старыми бревнами не было пакли и моха. Солнечные лучи пробились между щелей и легли на грязный пол. Кругом тенета и устоявшаяся пыль. Сквозь дырявый потолок видна прохудившаяся крыша.

Мы вышли на скрипучее крыльцо. Можно ещё провалиться. Ступили на землю. Так я и думал. Все домики исчезли, будто на этом месте ничего и не было. А вот этот домик стоял. Тишина. Неслышно было кузнечиков, пение птиц. Словно всё вымерло.

– Ай да мы, ай да удружили канальям! – крикнул Федя. В этом голосе отразились все чувства этого парня. Такая красавица и вдруг оказалась обманщицей! Она старая ведьма! Он с этим делом столкнулся впервые. И в этот момент я его понимал, и даже сочувствовал. А куда денешься? Смирись, парень, смирись. – Какой-то кошмар! Надо же так меня надуть!?

Петр Петрович возмущен.

– Как же мы ничему не верили? Как? А ещё и я читал лекции по атеизму. Ведь никто меня не надомил, но почему так было? Почему? У меня только сейчас открываются глаза на моё прошлое, когда за эти атеистические лекции я получал деньги? Почему? Зачем? Никто мне не даст ответ!

– Петр Петрович, ответ сложен и простой. В нашей стране была такая система, – ответил я. – Вспомните слова Ленина, как он отзывался о священнослужителях? Повторяться не буду, потому что, как вы бывший ярый атеист знаете его слова. Разгром церквей, сжигание икон, расстрелы священнослужителей. Их бросали в лагеря. Как над врагами народа над ними издевались не только вертухаи, но и многие уголовники. Извините, как говорит Виктор, я никогда не издевался над ними. Приходилось даже защищать их. В нашем городке, после освобождения из лагеря, отбывал ссылку священник. Он тогда работал слесарем на участке канализации. Я с ним дружил. Он многому меня научил. Вызывали меня в кабинет КГБ. Всё допытывались, как он работает, что говорит. Я тогда превратился в придурка. Тогда я уже понял, что в таких случаях надо притворяться в придурка. Кукиш с маслом они получили от меня. Таких людей, как тот священник из Прибалтики не выдают. В общем, выгнали меня с треском из того кабинета. Об этом случае я написал в моей первой книге «Зона». Петр Петрович, это была страшная система. Слава Богу, она не внедрилась в меня. В школах и в институтах я не учился. Я учился у жизни, в глубине простого народа, учился по книгам. Читал много запрещенной литературы. Много ездил, наблюдал, анализировал. Это сейчас многие воспевают прошлое. Я не воспеваю прошлое и настоящее. Тогда было плохо, а сейчас ещё хуже. Вот вам и весь мой ответ.

– Ну и накрутил, – сказал Федя. – А всё по делу.

– Извините, друзья, но, что делать дальше? По атеизму лекцию сейчас найду. Её место в этом доме. Пусть читают ведьмы, если они здесь появятся.

С этими словами он стал в портфеле искать нужную папку. Вынул четыре папки! Зашел в дом, потом вышел без папок.

– Вот и всё, – сказал он. Я заметил, что у него даже щечки покраснели от удовольствия.

– А действительно, куда нам податься? – спросил Михаил.

И тут в наши головы ворвались слова бабки Лукерьи.

– Юрий знает, что делать.

При этих словах все посмотрели на меня. Я вспомнил, что мы делали в таком случае. Эти действия я описал в книге «Придурки».

Я пошел на опушку леса и стал собирать сушняк. Мои друзья увидели такое дело, и тоже побежали ко мне. Они поняли, что я решил сделать. Мы собрали сушняк и обложили весь дом.

В это время раздался громкий скрипучий голос ведьмы:

– Не позволю! Не надо этого делать! В этом мире это наше единственное пристанище! Где мы будем жить? Пожалейте нас, касатики, пожалейте страждущих за ваше здоровье!

– Мужики, – обратился я к друзьям. – Это ещё не всё. Сейчас может такое начаться, что вы можете испугаться. Но, не бойтесь. Могут появиться разные чудища. Они не настоящие, они из какого-то тумана. Пшик. Представьте, что эти чудища вам снятся во сне. Просто это сон в тумане. И всё. Смотрите.

И, действительно, прямо из болота к нам приближались страшные чудища. Огромные, клыкастые, волосатые звери шли на нас стеной.

Мои друзья сбились в кучу. Мало ли, что я сказал! А тут на них шли настоящие звери. Они выглядели реальными до безобразия. Из открытых пастей капала грязная, мутная с клочками водорослей вода. Конечно, можно испугаться. Надо действовать.

Ведьма закричала:

– Чо, твари и упыри трусливые, испугались? Чичас оне вам устроят веселую жись! На колени, мерзавцы! Тада я може и помилую вас! На колени, мерзкие твари!

Я пошел чудовищам навстречу. Вокруг него стлался редкий и шевелящийся туман. Из-за голенища сапога я вынул кнут. Выбрал самого здорового и страшного чудовища. Он на меня брызнул водой. Она пахла гнилью и ещё чем-то гнилым до от- вращения. Я со всей силой ударил его по его мерзкой голове. И как я и думал, он рассыпался на водяные брызги. И тут же туман рассеялся. На его месте возникла пустота. Будто на этом месте нечего и не было.

– Бей их! – закричал Михаил. – Бей этих чудищ из снов!

Я оглянулся. У моих друзей, кроме Виктора, оказались бере- зовые палки. Они и стали ими бить туманных чудищ, и они тут же рассыпались.

Виктор встал напротив идущих из болота чудищ, и стал мо- литься, и своим крестом тыкать в зверей. Он был в рясе. Ну, на- стоящий священник! Легкий ветерок поднял его светлые воло- сы, и они как антенны, грозно шевелились, и готовы оторваться от головы и ринуться на врага. Виктор в этой удивительной позе был великолепен! Он очаровал меня. Я не мог оторвать от него глаз. В тоже время он был, как не странно высокий и грозный.

А в это время надо мной завис огромный зверь, которого я бы не успел ударить кнутом. Я не знаю, что было бы со мной? Не знаю. Но, вдруг это чудовище захрипело и стало отступать. Я видел, как все чудища стали отступать к болоту, но не успели войти в него. Они с шумом, и писком стали лопаться!

Ведьма кричала:

– Утвари треклятые, вы загубили моих любимых болотных помощников. Но, не радуйтесь шибко. Мы ишо вам устроим ра- дость!

Наступила тишина, и только было слышно, как тяжело ды- шали мои друзья. Все смотрели на Виктора. Все понимали, что он завершил этот необыкновенный бой. Он снова стал обыкно- венным Виктором. Он спокойно снял рясу, и опоясал её вокруг себя. При этом сказал:

– Извините, но она ещё пригодится. Вы все молодцы. Как вы мужественно сражались. Вы, извините, я не взял в руки оружие. Я против насилия. Я против оружия и разного вида мордоби-

тия. Я против пьянства в любом виде и курения. Я много против чего. Извините, что не помог вам своим делом. Извините.

Федя воздел руки и воскликнул:

– Это ты нам помог! Чо ты скромничишь?! Если бы не ты, то мы бы не знали, как этих мыльных пузырей победить!

– Поздравляем мы тебя великий воин! – сказал Михаил. – Ты сегодня показал себя во всей своей мужественности за настоящую силу креста!

– Конечно, я бы мог их взять и лекцией, но я не знал, какую им прочитать, – ответил Петр Петрович.

– Меня брало сомнение перед битвой, но, когда Юрка начал бой с динозавром в оболочке тумана и болотного тумана, то я понял, что мы должны победить. Четверых превратил в болотную жидкость. Было сомнение. Они ведь лезли и лезли из болота. Справимся ли? Сомнение закончилось, когда Виктор встал, как грозный памятник, и начал читать молитву и понужать этих болотных упырей крестом. У меня было такое ощущение от моего искривленного зрения, что Виктор мне показался высоким, чуть не до туч.

– Мужики, – сказал я. – а ведь нас спас именно Виктор. Честь ему и хвала. Ведь мы не знаем, сколько бы их шло на нас. И потом, мужики, вы все славные ребята. От души поработали. Мы этих болотных тварей все вместе изрядно потрепали. Теперь они навсегда нашли свою погибель на этом болоте. Я уверен, что лес, который засушили ведьмы, возродится. Начнут петь птички. А вороны? Что вороны? Пусть себе каркают. На то они и вороны. Просто эти ведьмы выбрали бедных ворон для своего знамени и гимна. Начнут стрекотать стрекозы, кузнечики, над полем запоют жаворонки. Зацветут жарки и другие цветы, деревья распустят свои листочки, позеленеют хвойные деревья. Появятся настоящие грибы, и люди пойдут в этот оживший лес. Друзья, но это не всё. А, чтобы всё ожило надо сделать так, чтобы уничтожить гнездовье ведьм окончательно. Я почему-то уверен, что у кого-то есть искра огня, которая завершит начатое нами.

– Вот это речь! – воскликнул Федя. – Настоящий философ! Вот это я понимаю! Я этого Юрку в нашем городе давно знал. Рабочий человек, наш. Ну, немного поработал в редакции, отку-

да его вытеснили. А ведь этот рабочий, как наловчился болтать! Удержу нет. Я ведь тоже учусь у него правильной болтовне. Как он болтает, как болтает! Заболтонный ты наш, врежь ещё какую-нибудь камуху! Подожди, а у нас нет спичек.

– Зато у нас есть бабка Лукерья. Вот теперь она пусть окончательно докажет, что она в нашей команде, – ответил Михаил.

– Вот ишо один заболтонный товарищ! – засмеялся Федя.

– Только тихо, только тихо, – спокойно отозвался Юра. – Бабка Лукерья начала действовать.

И действительно, в дальнем углу дома вспыхнул огонь. Потом он неожиданно появился у самого крыльца. Как-то он сразу охватил почти весь дом. Я понимал, что сейчас ещё что-то произойдет. Я уже это описывал в книге «Придурки». Так и здесь получилось, как должно получиться. Вдруг дом вспыхнул весь до самой крыши.

Раздался страшный вой и крик! Было такое ощущение, что в доме находилось много людей. И они начали заживо гореть.

В доме метались. Дом от этого даже трясло.

Мои друзья смотрели на пылающий огонь, и молчали. Виктор читал молитвы и наносил свой большой крест, который всегда висел на его тощей груди, на пылающий дом.

И вот наступила тишина. И только было слышно, как потрескивали последние угольки от дома. Мы стояли до тех пор, пока не догорела последняя лучинка.

– Всё, друзья, – сказал я. – Мы уничтожили последний оплот ведьм в этом краю.

И тут раздался хриплый голос ведьмы.

– Радуйтесь, радуйтесь, сволочи! Уничтожили моё пристанище. Уничтожили моих подруг, но не всех. Некоторые со мной успели выскочить через крышу. Мы покидаем этот мир. Мы опять найдем новое местечко в вашем мире. Там ещё много наших товаров. Они разбросаны по всему вашему миру. Некоторые мои товарки есть и в вашем городке, неистовый Юрка Стрелов. Они ещё помчат тебе нервов. Они вселились в зловредных бабелей. Ты ещё их почувствуешь на своей шкуре. Мы успели перехватить изменницу Анну. Мы знаем, как её наказать. А вот хитрая и ловкая Лукерья куда-то успела скрыться. Помощ-

ница ваша. Мы будем искать её, и найдем. А теперь думаете, что вам так всё сойдет? Не выйдет. Скоро в этот мир пробьются гелиозы. Они собирались что-то здесь поставить. Из-за вас вышла нужная задержка. Ну, ничего, мы ещё встретимся в вашем мире. Бабулей много в ваших селениях. Будет, где нам разгуляться. Держитесь. Мы ещё вам нервов помотаем. До скоро свидания, мальчики!

Наступила тишина, и только было слышно, как где-то далеко прокаркала ворона. Пусть каркает. Хоть есть что-то живое в этом мертвом лесу. Зря я так подумал. Не может быть! Вдруг недалеко по-весеннему дробно застучал самец дятел. Он звал подружку на свидание.

– Слышите, мужики, дятел подружку зовет, – сообщил я радостную весть.

– А, точняк, что-то стучит по дереву, – громко ответил Федя.

– Вот радость-то это радость! – громко заявил нам эту красивую новость Виктор. – Какая радость! Ребята, у меня на душе светло стало. Господи, помоги этому лесу приобрести живность!

И он встал на колени и стал молиться. Все были возбуждены. Лица у всех светились. Читатель не поймет вот этой нашей радости. Ну, стучит дятел. Ну, и что? Мы идем по лесу, и не обращаем внимания на эти стуки. Просто мы привыкли к пению птиц, к дятлу, да вообще к таежным звукам. Просто привыкли. Здесь же, в этом мире, вот в этом мертвом лесу, ничего не было. И вдруг появился этот стук дятла! Это говорит о том, что лес скоро оживет. Это ли не радость! Тем более, что именно мы сотворили чудо. Мы радовались сейчас, как дети, которым купили новую и красивую игрушку. На радостях я даже пустился в пляс. Так мы долго веселились. Немного успокоились, и пошли туда, где стучал дятел.

Скоре мы услышали удивительную песню какой-то лесной птички. Возле моего уха пропел комар. Я даже грешным делом подумал, чтобы он впился бы в моё ухо, и я бы его не тронул. Пусть размножаются, пусть пицат на радость птичкам. Ведь в мире всё взаимосвязано. Мы вышли на поляну. Пока она ещё мертва. Мы прошли по ней к противоположному живому лесу,

как почти над нами запел свою песню жаворонок. Оживает полянка. На край леса вышло небольшое стадо диких сохатых. Мы замерли. Они, как хозяева обошли край полянки, и снова вошли в лес.

– Ничего, теперь скоро они и сюда придут, – сказал я.

Мы прошли лес. Сохатые прошли мимо нас, и даже не посмотрели в нашу сторону. Да, вот где настоящий рай для диких животных и зверей.

– Удивительный и девственный мир, – сказал Михаил.

Скоро лес закончился, и мы вышли к небольшой реке. Мы сели на песчаный берег. Хорошо! Чистый, свежий воздух приносил нам прохладу от реки. От рядом растущего леса несло запахом хвои и ещё чего-то вкусного.

– Как хорошо вот так лежать и созерцать природу, – сказал Михаил и раскинул руки. – Вот только сейчас я почувствовал отдых, покой, сладость победы. А, в общем-то, друзья мои, как говорится, нам отдых только снится.

И тут возле нас появился человек. Я узнал его. Когда впервые Михаил возник в другом мире, мы с ним тогда стояли на берегу широкой реки. Человек был одет в черную кожанку. На нем была красная, атласная рубашка, на ногах хромовые сапоги, на голове шляпа. Помню, я вот так одевался в молодости. Он тогда представился человеком от темных сил. Я знал некоторых посланников от них. Это были прекрасные люди. Такие имена я запомнил навсегда. Я о них много писал. Люц. Он был схвачен темными силами за то, что он как мог, помогал светлым силам. Его решили казнить. Но его забрали в светлый мир. Больше мы с ним не встречались. Тогда мы тоже ему немного помогли. Я уже писал об этом. Просто надо читать мои предыдущие книги. Зачем повторяться? Перед нами появлялся Керс. В прошлой жизни он был пиратом, капитаном пиратского корабля во времена знаменитого пирата Моргана. Кто же этот человек, дух от темных сил? Ведь это тоже дух.

– Ну, что, братьцы? Отличились? Молодцы! Хорошо потрудились. Как говорится, пора и по домам, – сказал он. – Как сказал Михаил, что отдых только снится? Пора на отдых домой. Хотя, вы такие люди, что и дома-то вы не отдыхаете. Михаил из тайги

не вылезит, а Юрий от своих рукописей не оторвется. Ваш вот такой труд и такое беспокойство, это и есть ваш отдых. Забыл представиться. Том Смит. Американец. Погиб в гражданской войне между севером и югом. Воевал за освобождение черных из рабства. Прошел пещеру, многое, что прошел. Теперь вот хотя я в армии темной силы, а тайно служу на стороне Иссы и Дюрда.

Мы все встали. Неприлично беседовать с духом, каким бы он не был.

– Помню, таким был Люц, – сказал я.

– Знаю. Мужеству его преклоняюсь.

– Не боишься? – спросил я. – От них трудно вести двойную игру.

– Кое-что во мне заблокировано. Вы думаете, что вы не заблокированы от темных сил? Всё есть в вас. Гнатон и его подручные повсюду летают. Сейчас в вашем мире они начинают царствовать. Вы теперь все знаете, что творится в вашем мире. Здесь вы уничтожили гнездовье ведьм. Их мало осталось. Они перебрались в ваш мир. А там таких много. А тут ещё в вашем мире начинают действовать гелиозы.

– Когда же всё это, извините, прекратится? – спросил Петр Петрович. – Ведь я ничему не верил. Был ярым атеистом. А вот побывал здесь, и всё понял. Мир так сложен.

– Меня тоже, извините, вам не верил, – вошел в разговор Виктор. – Вот вы представитель от темных сил, дух от них. Ведь вы против Бога идете.

– Вопрос вопросов, – ответил Том Смит. – Две противоположные силы. Хозяин темных сил смелый, ничего и никого не боится. Он собирает силы для решающего сражения. А тут ещё прибыли из глубин космоса гелиозы. Но, он, господин умный и хитрый. Больше ничего не скажу. Время покажет. Для меня всегда будет примером великий Люц. Вот и всё, что я мог вам поведать. Иногда, я буду появляться перед вами. Для меня всегда будут учителями Люц и Керс. Исчезаю. Как говорится, передаю слово Дюрду.

И рядом с Томом Смитом появился Дюрд. Они переглянулись, и о чем-то переговорили, и Смит тут же исчез.

Мы шеренгой стояли перед Дюрдом. Он оглядел нас.

– Настоящие солдаты вселенной. Наемники. Хорошие и добрые солдаты. Сейчас вы отправляетесь по домам. Ваша энергия на исходе. Опасно. Но, ещё потребуетесь.

Передо мной возник туман, и вот я стоял рядом с сосной...

И дома нет мне покоя

И вот я дома. Рядом сосна. Как хорошо вот так стоять у сосны, чувствовать, как от неё идет энергия. Я снова услышал удивительную мелодию. Она бодрит меня, придает силу. Я давно понял, что когда я возвращаюсь в мой родной мир, у меня силы были на исходе. Нас отправляют домой. Именно дома, конечно, в любимой мною тайге, в меня входит положительная энергия. Таков уж наш мир, наша земля. Ведь и она мне дает энергию. Я это чувствую. Не зря, наверное, некоторые пришельцы из космоса прилетают к нам, чтобы набрать энергии от нашей земли. Видимо, она так богата энергией.

Я стоял под сосной и вдыхал аромат, идущий от неё. Мелодия не утихала. И порой мне слышалось, что сосна, будто что-то говорила. Но, я не мог разобрать слов. Возможно, в том мире я отдал столько энергии, что потерял не только слух, но и чувство, которое во мне всегда помогало что-то услышать в тайге. Хотя мне вот сейчас казалось, что я ничего не потерял. Но, не зря нас отправляют домой для восстановления энергетической силы.

Я стоял, и не знал, что же мне делать? И я шагнул от сосны по хрустящему снегу от мороза. И тут только почувствовал, что да, мне надо набираться не только энергетической силы, но и физической. В ногах слабость.

И я решил пройтись по лесу, подышать свежим таёжным воздухом. Шел среди осинника, и незаметно вышел в березняк. А вот и та береза, которая стояла отдельно от других берез. Подошел к ней. Ствол у неё гладкий, но холодный. Я просто так стоял, положив ладони на ствол, и ни о чем не думал. Недалеко протрещала сорока, даже какая-то птичка исполнила короткую песню. Возможно, последнюю песню в этом году. Птичка попрощалась до весны. Далеко, далеко стучал дятел. В голове было тихо, спокой-

но, ни какие мысли не лезли в голову, возможно, даже извилины выпрямились и исчезли, как у профессиональных алкоголиков и наркоманов. Совершенно пустая голова. Как легко таким людям живется. Можно даже им позавидовать. В этот момент я был счастлив. Немного я ошибся насчет этих людей. Возможно, всё-таки, у таких людей остается одна извилина, а может и полторы извилины, такие изогнутые, немного прерывистые, румяненческие от счастья, что нет других извилин, которые бы им мешали. А тут простор! Свобода! Никто не мешает! Так почему, всё-таки, одна извилина или полторы? Очень просто. Эта извилина начинает усиленно работать. Иногда, оказывается, тоже трудится. А куда денешься, если у человека внутри всё горит. Надо помочь. Надо хорошо и напряженно подумать, как и где достать любую гадость на опохмелку, и хотя бы на одну затяжку живительного порошка. Можно и пива глотнуть для разнообразия. Люди добрые, вы когда-нибудь видели лица профессиональных алкоголиков и горьких пьяниц, особенно у женщин? Приглядитесь. Все они, как клоны, похожие друг на друга. Как правило, у них лица серьезные, нахмуренные, словно они решают какую-нибудь глобальную проблему. Хотя в голове у них пустота, как в пустой бутылке из-под пива. Они нервные, дерганые, на разговоры не идут, потому что они не понимают, о чем это с ними человек завел разговор. Шуток и вообще юмор они совершенно не понимают. Как что-то можно понять, если в голове одна извилина, и та мечется бедная в поисках разрешения очень сложной задачи – как достать что-то на опохмелку. Извилина бьется бедная и несчастная, тем самым иногда вызывает боль у пьянчужек. А вы думаете, что это вдруг сидит перед вами, или идет по улице весьма хмурый и серьезный человек шатающейся походкой. Да не глобальные проблемы он решает! Теперь вы хоть поняли этих прохмуренных товарищей? Не верьте в эту хмурость. И уходите, убегайте от них. Эти прохмуренные товарищи единственное, что у вас попросят, так это денег не на хлеб, а на опохмелку.

Конечно, стоя у березы, я не думал об этих людях. Просто я привел вам пример на осторожность. Таких людей, к сожалению, с каждым годом увеличивается. И это меня тревожит.

Я почувствовал, как тепло пошло в мои руки. Береза отдавала мне свою энергию. А она брала энергию для себя из магушки-земли.

И вот я снова услышал нежную мелодию. Было такое ощущение, будто береза что-то говорила мне. Кто-то прочитает вот эти мои строки, и скажет, а Стрелов-то блажит. С этими путешествиями в другие миры, которые он придумал в своих книгах, совсем потерял себя. Пусть говорят, и пусть думают. Может в некоторых что-то и проснется и зашевелится. Уже такие люди появились. Я о них здесь написал. Пусть больше таких людей появляется.

Поблагодарил березу, и пошел по своим следам к сосне. Мелодия не прекращалась. На этот раз она звучала отчетливее. Меня уже не шатало, потому что твердо стоял на ногах.

Подошел к сосне. Снег уже надолго покрыл её зеленые ветки.

И тут я услышал в себе женский голос. Конечно, это говорила сосна, вернее, в ней Катюша.

- Набрался энергии?
- В достатке. Спасибо тебе.
- За что?
- Как за что? Ты ведь меня направила к той березе.
- Ты и без нас можешь набрать энергии, если долго походить по тайге.
- Ты я смотрю многое, что знаешь.
- Я уже тебе говорила. Столько лет простоять здесь, многое, что можно узнать.
- Тебе бы, Катюша, вновь ребенком родиться.
- Надеюсь. Тебе признаюсь. Наверное, меня скоро простят за мой великий грех, когда я на себя руки наложила. Свой грех я искупила. И потом, через мой ствол, в этом месте есть невидимый человеческому глазу энергетический разлом в земле. Вот через него и есть вход в параллельный мир.
- А ты бы хотела побывать там?
- Конечно, хотелось бы познать другие миры. Но, когда открывается вход туда, мне дается возможность увидеть тот мир. Я даже видела, как вы там ходите, потом спускаетесь в подвал.

Оттуда вы отправляетесь в другой мир. Как бы мне хотелось улететь туда с вами.

– Ты попросись.

– У кого?

– Ну, наверное, ты знаешь, кто главный над тобой.

– Мне неизвестно.

– Как так? Столько стоишь здесь и не знаешь?

– Мне нельзя интересоваться.

– Но, почему?! – крикнул я, и тут, же замолчал, и стал оглядываться. Поблизости никого не было.

– Ты за меня так волнуешься. Спасибо тебе. Я уже к тебе привыкла. Ты с молодости подходишь ко мне.

– Как я узнаю, когда тебя заберут из заточения?

– Мне неизвестно.

– Хотя мог бы и догадаться. Это дерево будет молчать.

– Это так. Просто будет стоять сосна. Но она по-своему тоже живая, но уже говорить с тобой не будет.

– Я что-то слышал, будто береза пыталась что-то сказать мне.

– Это тебе показалось. Просто любая береза передала тебе свою энергию, только и всего. Это просто дерево. Но, запомни, все деревья обладают целебными элементами. Тебе надо идти домой. Я ведь тоже устаю. Мне надо отдохнуть, подумать.

– Слушай, Катюша, а как ты увидела нас в том мире? У тебя ведь нет глаз. И как ты узнала про ту березу. Вот видишь, какие я тебе задаю сложные вопросы.

– Они совершенно не сложные. Когда вы туда входите, для меня словно открывается зрение. Я это не знаю, как это происходит. Видимо, порой мне разрешается посмотреть вокруг. Про ту березу как узнала? За столько лет я уже изучила всё вокруг. Порой мне даже, кажется, что та береза тоже живая, как и я. Но нам не дано общаться.

– А я тебе, что говорил? Она что-то хотела мне сказать!

– Порой и у меня возникает такой вопрос. Но, видимо, кому-то это не надо, чтобы мы общались.

– Ладно, Катюша, я пошел. Не буду тебя утомлять.

И я пошел домой. Странно, на всё у меня ушло часов шесть, если ещё считать мое пребывание в лесу.

Я попил чаю, и прилег на диван. И тут же уснул.

Утром встал бодрым и веселым. Позавтракал. А он состоял из куска хлеба с маслом, и чашечка чаю. Решил пройтись по городу. Надо набраться новых впечатлений. Эти впечатления я называю – дела домашние.

Походил по магазинам. Многие меня знают. Как правило, я всем желаю здоровья. А моя фраза с самой молодости – всё будет хорошо, всегда со мной. Я уже писал, что все люди встречают её по-разному. На это они и люди. Но в этот день неожиданно подумал о словах ведьмы, хозяйки дома. А ведь она намекала, что они есть и в нашем городке. Какие они? Хотя я и догадывался. Есть бабки, именно, как не странно, бабки, есть зловредные, на их лицах никогда не увидишь добра, сочувствия. Одна сплошная злоба, зависть, ехидство. И все они одинокие.

И тут встретился мне мой новый товарищ Демьян Акинфович Неуспокоев.

– О, Юрий Иннокентьевич! Я у тебя и вчера был. Ты мне ключ дал.

Кстати, я и забыл, что я ему давал ключ от квартиры. Со мной такое бывает. Дам кому-нибудь ключ, а потом забуду, что давал ключ.

Он долго молчал. Видимо, собирался что-то сообщить. Он, не отрываясь, смотрел на медленно плывущие тучи, наполненные снегом. Я тоже молчал. Потом он сказал:

- Наверно, снег уж не растает.
- Зима на носу.
- На лыжах пойдешь?
- Пойду.
- Как ты думаешь, а та сосна зимой замерзает?
- Думаю, что не замерзает.
- И тогда через неё можно попасть в другой мир?
- Конечно, можно. Она, всё равно живая.

Он ещё немного подумал, но продолжал разглядывать тучи. Потом сказал:

– Не знаю почему, но я тебе поверил. Твоя фантастика похожая на реальность. Конечно, приходится, иногда, задуматься, как же всё такое происходит? Сны в реальности. Молодец. Слушай, а я тоже с тобой пойду на лыжах, хотя я с детства не ходил на них.

– Если не ходил на лыжах, тогда зачем?

Пока я с ним вел беседу, увидел трех бабушек. Двух я хорошо знал с молодости. Нормальные бабушки. Но третья из них насторожила. Понял одно, что надо завершать ненужную и странную беседу с Неуспокоевым.

– Ну, это как зачем? В общем, мне бы с тобой попробовать нырнуть в тот мир.

– Понял. Но товарищ Демьян Акинфович, это не от нас зависит. Есть для этого дела отправители. Долго объяснять. Всё прочитали?

– Всё, Юрий Иннокентьевич, всё прочитал?

– И тогда вы должны понять, чтобы туда попасть, идет тщательный отбор.

– Я постараюсь.

– Старайтесь, Демьян Акинфович. Но, мне надо идти. Знакомых встретил. А вы старайтесь отобраться. Как? Думайте.

И я пошел от него в ту сторону, где стояли бабушки.

– Юра, здравствуй, – поздоровалась одна из них. – Проходишь мимо, старых знакомых не замечаешь? Что так?

– Он задумался, милая, – сказала бабушка с ехидной улыбочкой. Она была так согнута, что казалось у неё на спине горб. Но я догадался, что это не горб. В этом месте у них скапливается вся отрицательная энергия. Мне стало жалко моих знакомых. После такой встречи с этой бабулей, через некоторое время им станет плохо. Конечно, они всё свалят на старость, на погоду, на солнечную активность, даже на неправильное использование таблеток и порошков, на лечащих врачей, на вчерашний день, когда они весь день помогали дочери пасынковать помидоры. А вот в такую погоду, всё свалят на ранний выпавший снег. И никому из них не придет в голову, что во всем виновата вот эта сутулая бабка. Кстати, все вот такие затаенные ведьмы именно сутулые, и, как правило, ходят словно уточки. Впервые я обна-

ружил бабулей на Дону. Голову они держат так, словно к чему-то прислушиваются и приглядываются. Ходят они медленно. Как правило, это профессиональные сплетницы и сводницы. На лицах постоянно плавает странная улыбочка. Её трудно понять. Возможно, она сомневается, а может, ехидничает, злится, сочувствует. Попробуй, разберись, что кроится за этой непонятной улыбочкой.

Бабуля со странной улыбочкой так тихонечко хихикнула и ответила:

– А он, милоч, брезговат нас. Он, человек, а мы так, букашки.

– Что вы, Авдотья Лукинична! Что вы! Мы его с молодости знаем! – громко ответил одна из них, бабка Вера. Другая согласнo закивала головой, бабка Галя.

– Он всегда выступал за справедливость. А какие у него были фельетоны, а очерки о рабочем классе! До сих пор помню.

Другая бабка Галя ответила:

– Я маляршей работала. Он завсегда придет к нам, с нами чаю попьет. Поговорит по душам. И никогда не вытаскивал блокнот. Он всех маляров в лицо знал. Глядишь, и о нас чо-нибудь напишет. Он завсегда нас, рабочих защищал.

– Потом эти же рабочие, которых он защищал, предали его, – ответила Вера. – Я всё знаю. Досталось ему на орехи.

– Да, и такое было, – ответила Галя.

– За дело, знач, иво так трягнули, за дело, – опять тихонечко хихикнула Авдотья Лукинична. – За просто так никакo не наказывают. Некаво, было лезти куда не просят, некаво.

– Вы зря так, Авдотья Лукинична набросились на него, – ответила Вера.

– Конечно, зря, – сказала Галя. – Вы здесь, Авдотья Лукинична совсем недавно, и вы много чево не знаете. Поживите здесь с нас, так поняли бы немножко людей.

– Я немножка здесь пожила, а вижу хорошо, чем кто дышит, – ответила Авдотья Лукинична.

– И чем же все дышат? – спросил я.

– Знамо чем, – ответила Авдотья Лукинична. Улыбочка не исчезала, но в глазах, как мне показалось, метнулся огонь. К сожа-

лению, мои знакомые бабушки этого не заметили. Обыкновенные, простые бабушки, добрые и доверчивые. А такие бабушки Авдотья Лукиничны пользуются доверием бабулей, как Вера и Галя.

– А вот, например, в лесу загорелся домик за болотом, – сказал я. – Оттуда пошла противная гарь. А пепел исчез. Так ему и надо. Огонь в тайге всегда надо тушить.

– Ах, Юра, таким ты и остался, – засмеялась Вера. – Порой тебя было трудно понять, что ты хочешь сказать. Вроде непонятное, что сказал, а за твоими словами что-то кроится. А мне всегда нравилось, когда ты писал фельетоны и рассказы. Заставлял меня думать.

Галя согласно кивала головой, хотя она ничего не понимала. А вот Авдотья Лукинична немного съежилась. Но улыбочка не исчезала. Глаза прищурились до крошечных щёлочек. В них полыхал огонь. В этот момент я понял, что она уже знала, чем всё закончилось за тем болотом. Надо признаться, что эти ведьмы превзошли нас на много и надолго в познании внутренней энергии человека, если они читают мысли на расстоянии, и проникают во все параллельные миры. О, если бы наши люди подружились с ними, мы бы научились владеть своей внутренней энергией. Многому мы бы научились у них. Но люди прогнали этих людей, непохожих на нас, на обыкновенных людей. Они стали для нас изгоями. И они были вынуждены уйти в себя, пристраиваться к природе, к непонятному нам миру. Мы не поняли их. А непонятное в любом человеке, всегда настораживает людей. И ведьмы возненавидели нас. Они стали другими. Они стали человеку мстить, пакостить. Сдружились с темной силой. И эта сила приблизила ведьм к себе. А тут появились пришельцы из глубин космоса. Они тоже приблизили ведьм к себе. А как не приблизить, если ведьмы в непримиримой войне с человеком. И тут я вот о чем подумал. Если ведьмы сдружились с густыми лесами и болотами, брали оттуда энергию, то почему они стали уничтожать довольно большой участок леса, и поляны? Конечно, им это не надо. Это потребовалось захватчикам. Там они собрались что-то строить. А ведьмы пошли у них на поводу. Да, господа ведьмы, это вам не обыкновенные земные люди.

С нами вы ведете тайную борьбу и пакости в виде барабашек и разных чудищ, выбранных вами квартир, подземелий и больших зданий. Зря связались с завоевателями. Эти господа подомнут вас и сделают вас, как говорится, ведм на побегушках. А потом могут и вообще уничтожить. Им не нужны конкуренты. Они сами, единолично, хотят править всей планетой вместе со всеми параллельными мирами. Вот и появились первые беглецы, как бабка Лукерья и Анна. Лукерья где-то спряталась, Анне не повезло. И я ей не завидую. Интересно, а где спрячется бабка Лукерья? Может быть, она скрылась в нашем мире, и вошла в какую-нибудь крестьянскую семью. А может, пришла в дом престарелых? Где она, бабка Лукерья? Хоть бы отозвалась. Она ведь нам сильно помогла в разгроме ведм на болоте. Где ты, спасительница наша Бабка Лукерья? Может ещё отзовется?

– Ладно, милки, мне надоть идтить кой-куда, – сказала сквозь сжатые зубы Авдотья Лукинична. И она тихонечко, словно уточка пошла от нас.

– Вроде нормальная бабка, а что-то иной раз находит на неё, – задумчиво ответила Вера. – Старость. Куда теперь денешься? Старость.

Галя согласно закивала головой, и тяжело вздохнула.

– Ладно, Юра, мы пойдём, – сказал Вера – Внучка должна придти. Горе с ними, с этими внучками. Торопит меня разменять квартиру. После моего старика, у меня осталась трехкомнатная квартира. Теперь вот дочка и внучка требуют разменять её на три однокомнатные. Горе с ними. Ругаются. Внуки ничего не просят.

– У меня, однако, тоже самое, – ответила Галя. – Внучка с дочкой выживают меня потихонечку. Живу вот на дачке. Жена мово сына прогнала с квартиры. Мы чичас с ним живем на дачке. Вот уже две зимы живем там. Дров наготовим на зиму и живем. Ничо. Привыкли. Почему такие дочери, внучки и жены? Всё-то им всем мало. Отчево так? Может, ты знаешь, Юра?

– Вы женщины, вот и разбирайтесь. В семейные дела, да ещё родственные я никогда не лезу со своим уставом в чужой монастырь.

Хотя они и добрые, хорошие бабули, но мне от таких разговоров стало вдруг скучно. Я никогда не любил влезать в такие разговоры. И когда кто-то начинал жаловаться на то, как ему плохо в семье, я всегда уходил от таких тем. Возможно, мне повезло с моими двумя женами? Чисто домашними проблемами они занимались сами, и никогда не впутывали меня в свои дела. Да и я никогда не лез с пустыми разговорами и указаниями. И они понимали меня. Мы никогда не ругались и не скандалили. И в этом деле нам многие завидовали. Назойливым людям приходилось отвечать коротко:

– Я никогда не спорю с женой, даже если она не права. Надо уважать свою половину. Она сама разберется. Если нет, то сама спросит совета. Поэтому у нас, никогда не заходил разговор о разводе. И ещё для непонятных товарищей. Надо уважать и любить свою жену. Вот и всё. И весь секрет в нашем мирном существовании.

Пришел домой к вечеру. Устал. Но из мыслей не уходил образ Авдотьи Лукиничны. Значит, они есть везде, в каждом городе? Да, это так. Теперь я убедился в этом. Возможно, они есть в любой деревне. Если они живут везде на нашей планете? Как тогда всё это назвать. Мир ведьм? Да ещё на Земле царствует темная сила, а тут ещё шныряют улыбочки? Тогда как? Какой-то кошмар! Действительно от этого становится страшно. Тем более мне пришлось всё такое познать. Везде побывал. Навидался. Насмотрелся. Наслушался. В основном, как я теперь убедился, люди не ведают, что творится вокруг. Они счастливые. А вот те люди, которым приоткрывается настоящая правда о многогранном мире, немного становятся другими. Даже бывший ярый атеист Демьян Акинфович Неуспокоев, прочитав мои книги и рукописи, задумался. И кто знает, может быть, и его возьмут в другой мир в какую-нибудь вновь созданную команду. И тут я ещё вот о чем подумал. А ведь всё это не зря, что Неуспокоев заинтересовался моими рукописями и путешествиями в другой мир. Значит, кто-то его направляет? Значит, его готовят? Я ещё раз убедился, что не зря некоторые товарищи вольно или невольно идут со мной на контакт. Хотя они надо мной смеялись, подшучивали, как над известным в городе придурком. Я тоже вольно

или невольно упоминал этих людей в своих рукописях. Словно кто-то подсказывал мне, что надо ближе познакомиться с этим человеком. И в этот момент он для меня был отрицательным элементом. Я даже не могу этих людей перечислить. Зачем повторяться, потому что все они теперь находятся в командах по уничтожению космических захватчиков. Теперь мне надо осторожно относиться к тем отрицательным людям, с которыми я вдруг начинаю вести какие-то разговоры. Зря я так поступил с Демьяном Акинфовичем. Зря. Надо приблизить его к себе. Не надо отталкивать. И если он встретится мне на пути, надо завести разговор. А Ольга Борисовна Голубкина? Она ведь тоже заинтересовалась прохождением в иной мир. Какой же я недотепа! Теперь я окончательно понял, что оказывается я не только путешественник в другие миры и воин, но и вербовщик. Этаким скрытный вербовщик. Я даже сам себя не знал, что я машинально делал. Теперь надо тщательно смотреть на тех людей, которые вдруг проявили ко мне интерес. Вот такие мысли пришли в мою бедовую голову.

Утром рано встал. Чуть рассвело, но солнце ещё не показалось из-за противоположной горы.

Интересно, а где бродит Михаил Бутаков? В нашем мире я его давно не видел. Наверное, ходит по тайге. А может, уже живет в своем подвале? Кстати, я у него ни разу не был, как и он у меня. Просто встречались в тайге. Вот и вся наша встреча. Видимо, так надо. Так надо. Чем-то меня эта фраза зацепила. И тут вспомнил вчерашний день. Шел я от встречи с бабушками домой. Зашел в торговый магазин, чтобы купить свежего хлеба. Техничка шваброй мыла в большом зале пол. Я не заметил точно одну деталь. Может, случайно, а возможно, специально мальчик лет четырех задел ведро, и оно покатило по полу. То, что случилось потом, понял, мальчик задел ведро. Швабра выпала из рук технички, и она всё пыталась ухватить черенок, но он почему-то выскользнул из рук. На них были резиновые перчатки. А в это время мальчик, дико улыбаясь, громко шлепал по луже. Стоял на одном месте, и подпрыгивал. Брызги летели во все стороны. Покупатели обходили странно улыбающегося мальчика. Молодая мама громко спросила:

– Витя, ты что делаешь? Разве так можно?

Улыбающийся Витя ответил:

– Так надо. Так можно. Так надо. Так можно...

Тут подбежал, видимо, отец улыбающегося Вити, и схватил его за ухо.

– Я тебе покажу так надо! Что тебе всё время так надо!? У тебя, что других слов нет?

Улыбающийся Витя не кричал от боли, он нежно взял руку отца, отвел от уха, и, не убирая улыбки, вцепился оставшимися двумя молочными зубками в руку папы. Конечно, папа взвыл. Он начал кричать на улыбающегося Витю. Мама же взяла на ручки малыша с открытым ртом, где грозно и весело белели два молочных зубика, и нежно поцеловала в розовенькую щечку.

– Он ведь ещё маленький. Мало ли что ему придет в голову.

А в головку маленького и улыбающегося Вити с обладателем двух молочных зубов, пришло всё-таки озарение. Он со всей своей четырехлетней силой приложился к маминой щечке. Звук получился громкий и сочный. Улыбающийся Витя начал заразительно смеяться. Но, в глазках маленького улыбающегося малыша была видна явная злоба. Техничка, наконец-то поймала ускользающую швабру. Она начала кричать на родителей, которые по её мнению опрокинули ведро с водой. Мама прижала к своей молодой груди улыбающегося малыша и побежала к выходу. Открытый слюнявый рот, и два молочных зубика приложились к шее мамы. За дверью магазина был слышен удаляющийся визг мамы, и веселый смех улыбающегося Вити. Не знаю кому как, а мне этот улыбающийся Витя с его двумя молочными зубками как бы ни приснился ночью в кошмаре. Здесь, действительно, стоит задуматься. Я уже описывал таких детей со странными улыбками, и не знающие, что они творят. Наша медицина бессильна против вируса гелиоза. И потом, доктора и не знают и не ведают, откуда возникла эта страшная болезнь. Здесь может только помочь Всевышний. Ему надоест смотреть на издевательства каких-то пришельцев из далекого космоса над его творением – человека, да ещё детей. Мне не ведомо, когда и

кто вмешается в то, чтобы исправить и уничтожить распространяющуюся страшную болезнь нового века.

Решил прогуляться. Как-то так получилось, я оказался в парке. А вот и сосна. Вот это новость. Возле неё стояли: Демьян Акинфович Неуспокоев и Ольга Борисовна Голубкина. Они стояли рядом с сосной и о чем-то переговаривались. Подошел к ним. Они развернулись ко мне.

– Вот пришли. Неожиданно вдруг здесь встретились и познакомились, – начала оправдываться Ольга Борисовна. – Как-то так получилось. Я вот пошла прогуляться. Подумала, а что вдруг, ну сам, понимаешь. Юрий Иннокентьевич, а вдруг туда улечу?

– Задумка хорошая, – ответил я.

– А вдруг? – снова спросила она.

– Всё может быть, – ответил я. Немного услышал чудную мелодию.

– Но, мне ведь хочется! Неужели они не пойдут на желание женщины? – с печалью в голосе сказала она. А я подумал, опять эти слова насчет женщины. Как будто мужчине туда не хочется. Всё-таки, я прав. Все женщины одинаковые вот в этих фразах. Но, как ответить? Особенно одинокие женщины очень обидчивые, когда как-то не так выразился мужчина.

– Мне это неведомо.

– А как мне? – спросил Неуспокоев.

– Не ведаю.

– У вас, что нет больше других слов, как говорить не ведаю? Юрий Иннокентьевич, что с вами? Вы сегодня какой-то не такой.

– Как я понял, он готовится перейти туда, где он был недавно, – ответил Неуспокоев.

– Ну, хоть женщину-то могли бы пожалеть? Или опять не ведаю?

Решил на всякий случай ответить.

– Там не различают слова о женщинах и мужчинах. Туда отправляют просто человека.

– Поняла, хотя и ничего не поняла.

И вдруг в меня вошли слова Катюши. Я её нежный голос сразу узнал.

– Этих двух товарищей уже готовят на переброску в соседний мир. Сначала с ними проведут, как говорится инструктаж. Ты ведь тоже не сразу попал в тот мир. Шла подготовка. Она попадет, конечно, в женскую команду. Это у вас в кино и в книгах показывают совместные путешествия. Этого не должно быть. Это здесь не предусмотрено. Намеками можешь им об этом поведать. Это будет, как говорится, подготовка. Они нормальные, хорошие и добрые люди.

– Юрий Иннокентьевич, – тряхнула меня за рукав Ольга Борисовна. – Вы опять были там. Про меня не забыли? Вы, мужчины, не заметили, что среди вас, всё-таки, женщина?

– Он никогда и ничего не забывает, – твердо ответил Неуспоев.

– Так как, Юрий Иннокентьевич. Может, вам что-то передали. Подскажите нам, – спросила Голубкина.

Катюша сказала и легонько засмеялась.

– Ну, не томи людей. Она, всё-таки, женщина. Как они все одинаковые. Не томи.

– Да, что-то мне передали. В общем, так. Готовьтесь к путешествию.

– Когда? – подалась ко мне Ольга Борисовна.

– Скоро. Могу вас кое в чем предупредить. Вы теперь должны кое-чего не бояться. Перед вами в любой момент может появиться образ человека из другого мира. Он и проведет с вами инструктаж. Вот чего я боюсь. И потом, пожалуйста, Ольга Борисовна, не надо им напоминать, что вы женщина. Там все равны.

– Как же так? И нет уважения к женщине?

– Повторяю. Там все равны. Почему не должно быть уважения к мужчине? Почему только к женщине?

– Но, так принято в обществе, – повысила голос Голубкина.

– Кем принято и в каком обществе? – спросил я. Стоп! Не надо спорить! Всё равно проспорю.

– Я что-то вас сегодня не узнаю, Юрий Иннокентьевич. Что с вами? Я же, все-таки...

Она неожиданно замолчала. Стала к чему-то прислушиваться.

– Странно. Будто я услышала женский смех. Странно. Что, это, Юрий Иннокентьевич?

– Возможно, она смеется над вашими отдельными словами, которые вы иногда употребляете в обществе мужчин.

– Да? Неужели? Но ведь она тоже, это самое...Как же так можно?

– Моё дело сказать. А там, как хотите. Там всё другое. И вам придется смириться. Главное, не надо бояться, что перед вами появится человек.

– Чего? – быстро спросил Неуспокоев. – Теперь я ничего не боюсь.

– От себя могу вас предупредить. Об этой встрече вы не должны никому рассказывать. Пока это будет вашей тайной. Опасно. Вспомните Сашу Хилопатова. Его несколько раз отправляли в психушку. Смотрите, Ольга Борисовна, попадетесь вы на вашем доверии. Опасно. Хотя люди в это не верят, но если слышали раз, то этого достаточно для сплетен. Опасно, дорогие мои товарищи. Пока опасно. Скажу только вот что. Из нашего городка Туманска я пока один туда путешествовал, а теперь уже несколько человек. И вот теперь скоро и вы будете в разных командах. А представьте, сколько уже команд из нашего мира бывают там?

– Скажите, пожалуйста, Юрий Иннокентьевич, кто ещё туда попадает. Я знаю их? – тихо спросила Ольга Борисовна.

– Возможно, потом узнаете. Нельзя о них говорить. Обо мне ладно. Меня и так многие называют придурком. Привык я к этому, закалился. Да ещё появились в печати мои две фантастические книги. Тут уж у некоторых фантазии разыгрались насчет меня. О других говорить я не имею право. А вот фамилия их я, конечно, кроме своей фамилии, всем изменил.

Теперь могу признаться. И, действительно, я всем изменил фамилия. У Михаила Бутакова, у Петра Петровича и у других совершенно другие фамилия. Зачем людей выставлять на позор. А вот Сашу Хилопатова я оставил на месте, как и свою. Почему? Саша Хилопатов он уже сам давно себя выставил напоказ. А себя я решил не менять на каких-то Ивановых и Сидоровых. Пусть читают и смеются надо мной, если им так смешно. Мне

скрывать от людей ничего не хочется. Пусть люди думают, как им в этот момент нужно. Наврал ли Стрелов, или сущую правду написал, пусть думают. Думать полезно. Осуждают? Ну, и пусть осуждают. Это тоже их право. А вот фамилия моих прежних друзей я оставил настоящими. Такие фамилия были в действительности. Они мне разрешили писать так, какие они есть. Возможно, придет время, и мои новые друзья разрешат писать их настоящие фамилия.

А пока, мы стояли у сосны и говорили о нужных вещах, о которых пока нельзя рассказывать людям.

И тут я заметил легкий туман, который опутал сосну. Это заметили и мои спутники. Ольга Борисовна воскликнула:

– Поняла! Сейчас, вы, Юрий Иннокентьевич попадете в другой мир!

И тут я увидел своих новых друзей. Они стояли у дома на острове Диком, и о чем-то вели разговоры. Меня они не видели. Конечно, голоса Ольги Борисовны тоже не слышали. На мгновение, я отключился. Кто знает, на какое время меня отключили. Возможно, в этот краткий миг моё собственное тело поместили в какую-нибудь камеру, в виде холодильника, а мой разум вместили в мою энергетическую копию. Это у сосны. А бывало, я засыпал на диване, или в лесу на пенечке, на берегу реки. Из многих мест меня перебрасывали в соседний мир. И тогда я спокойно засыпал на короткое время, пока в соседнем мире я находился долго. В этот миг мой разум, мою вселенскую библиотеку втискивали в копию моего тела, но молодого. Как же сложен наш мир! А мы пузырится, доказываем, что, мол, там что-то открыли, что-то создали! Всё это было. Всё это есть. Только человеку дано понять и «открыть» что-то там давно природе известное, под присмотром Всевышнего и его многочисленных помощников.

Часть четвертая

Защищать родную землю

И снова в бой

И вот я стоял рядом с моими друзьями. Они даже не удивились моему появлению. Я решил спросить у Михаила:

– Где ты по тайге шарисься. Ну, никак тебя не встречаю. Да и Федю совсем не вижу.

– Сейчас я поселился в цоколе деревянного дома, – ответил Михаил. – Часто хожу в тайгу. Тоже тебя не вижу.

– А я чичас сторожем устроился в одно управление. Ушел со всех машин. Я задумал, как и вы, много думать. Читаю много. А вот к арифметике не лезу. Боюсь. Начну ещё решать какую-нибудь современную задачку, да ишо понос прохватит. Как я посмотрю, такие задачки пошли, куда мне с моими четырех классами лезти. Боюсь. А вот книги запоем читаю. Интересные книги есь. Так эти канальи писаки намудрят, ажно в голове бывает муть, как после лекций Петра Петровича.

– Но, но, тише давай, – подал голос Петр Петрович. – Я тут кое-что пересмотрел. Конечно, есть, лекции устарели. Я их устранил. Спасибо отправителям, что они оставляют мой портфель. Я как-то сроднился с ним. Однажды, так получилось, я забыл его в одной из школ, где читал лекцию по развернутому социализму с человеческим лицом. Если смотреть с сегодняшнего дня, конечно, эта лекция не годится. Я и в те времена думал, почему это социализм с человеческим лицом? Это совсем другое понятие. Причем здесь человеческое лицо. Захотел спросить у первого секретаря райкома партии Кирьяна Апполинарьевича Подгузникова. Ты, Юрий, знаешь

его. Да всё как-то стеснялся. На один из поездок в поселок «Светлый путь» он пригласил меня. Поездили по полянам, по бригадам. Потом нам устроили хороший ужин, конечно, за счет поселка. Тогда райкомы на это деньги не выделяли. Ездили и пили на дармовщину. Так вот когда отменно выпили, закусили целым поросенком, ну я и спросил у секретаря, чтобы он объяснил, что такое социализм с человеческим лицом. Он глубоко задумался, выпил очередную порцию водки, съел целую пороссячью ножку, сытно икнул и ответил:

– А бес его знает, почему это он лицо приобрел? Убей, не знаю. А вот какое лицо у него, ведать не ведаю. Откуда он его взял, одному чёрту известно. А ну его, мать его за ногу! Гуляем, Петруха! Чем мы не в коммунизме живем? В коммунизме. А про это лицо забудь. А ты, про какое лицо спрашивал, понимаешь? Что-то совсем захлестнуло.

– А про этот, как его, про социализм с человеческим лицом.

– Вон ты, про какое лицо спрашиваешь? Не ведаю. И ты не ведай. Хотя, тебе можно. Ты своими лекциями кого хошь с ума сведешь.

– Вот так он мне ответил на мой вопрос. А кто такое придумал ни у кого не добился. В области спрашивал про это лицо. А там меня припугнули, не ответили, а припугнули, чтобы не лез с лишними вопросами. От такого пуганья я даже в постель слег. Больше я никому не задавал такого вопроса. Я так и не понял, кто придумывает мудреные слова? Не знаю. Потом вот мучайся, страдай. Ну, а мы лекторы тоже эти слова вписываем в свои лекции, хотя сами ничего в них не понимаем. Откуда их берут? Кто их сочиняет и зачем? Головы людям морочить?

– Ну, Петр Петрович, вы молодец, – похлопал по его плечу Михаил. – Просветляетесь. Придет время, и вы совсем засветитесь.

– Вы думаете, друзья мои, я не думал над словами о сияющих вершинах и гранитном фундаменте? Думал. А ведь призывали, говорили, – сказал Петр Петрович. Да, ну просто на глазах менялся наш лектор. А причина ещё в том, что без вся-

ких призывов, сияющих вершин, он увидел прекрасный мир у соседей в параллельном мире. Побывал бы он и в тех мирах, где мне пришлось быть, которые я описал в своих рукописях. Человек, он на то и человек, что должен меняться и менять свой взгляд на действительность. Вот он уже выбросил несколько ненужных лекций. И портфель он уже не так крепко держал.

И тут мне пришла мысль. А ведь зря он эти лекции выбросил. Они могут пригодиться. Теперь эти лекции можно использовать для смертельной игры с улыбочками. И я стал объяснять Петру Петровичу новое предназначение его лекций. Все смотрели на него. Он немного помолчал, улыбнулся и ответил:

– А что? Дельное предложение. Можно на время и в артиста превратиться. Точно. Вот мои лекции теперь сыграют положительную роль. Будь, что будет, начну играть. Всё. Кончился из меня лектор, а родился артист.

Федя даже схватил руку Петра Петровича и крепко пожал.

– Уважаю. Вот теперь уважаю. Давно надо было проснуться.

– Да я всё стеснялся. Как-то не решался. А вот посмотрел, как настоящие люди живут, и совсем понял, что зря мы всё затеяли с этими призывами и лозунгами. Только народ смешили.

– Правильно, Петр Петрович, народ-то в это не верил. Вы все жили в своем котле, а мы жили в другом котле, – сказал я. – Итак всё стало ясно. На бой мы все готовы и собрались. А теперь я думаю пора и честь знать. Так куда двинем? Море или подвал?

Все решили спуститься в подвал, что мы и сделали. Встали под купол, и мы оказались на берегу речки. Лежали на песочке.

– Скажи кому, не поверят, – сказал Петр Петрович. – Если мне доверите читать лекцию, то я им с выражением такую лекцию сварганю, что у них мозги встанут набекрень. Я их в пыль отправлю.

– Вот теперь, Петр Петрович, я тебе верю. Но уговор, мне лекцию не читать.

– Нет, нет, никому из вас я и не собираюсь читать. Что вы! Конечно, нет!

– Ну, что, мужики, встали и пошли к болоту, – предложил Михаил. – Оттуда мы и начнем наступление, если улыбки туда придут.

Мы только что встали, как увидели, что по дороге ехали три подводы. На них сидело по одному мужику. Мы дождались их. Они подняли брезентовые тряпки, и мы увидели разную еду, конечно, здесь не было мяса. Примерно можно немного перечислить. Калачи. Такие же, какие были у нас. Сейчас, в нашем мире, таких калачей не видел. Это были настоящие деревенские калачи. Круглые булки хлеба. Пирожки. Кринки с квасом. В банках разное варенье. Были здесь даже творожники, в бутылках растительное масло, сушеная и копченая рыба. Есть разные крупы, мука, в банках мед. Два блестящих котла, кружки, ложки, чашки. Вот это было снабжение! И всё они подарили нам. Они выделили нам одного коня с длинной телегой, на которую мы и всё сложили. Оказывается, они нам ещё подарили палатку. Две повозки уехали в деревню. А может быть, в этом деле участвовало несколько деревень. Ведь эти люди хорошо знали, на что мы идем. Мы их пришли защищать, этот удивительной, уникальный народ. С нами остался один возница.

Мы заехали туда, где сообща решили поставить палатку. Здесь была граница хорошего леса с вымершим лесом, а недалеко была мертвая поляна. Здесь нам придется ждать улыбочиков. А вот, когда они придут, неизвестно.

Возницу мы отпустили. Мы все продукты занесли в палатку. Она была огромной и до того легкой, что её мог один человек свободно унести.

Кстати, возница подарил нам что-то похожее на телефон. В нем было всего две кнопки. Красная кнопка, чтобы развести костер, а синяя, это был мощный фонарь. Возница показал, как этот предмет подвешивать на крючок в потолке палатки. Посмотрим на такое приспособление.

Мы собрали сушняк, поставили для котелков блестящие трубочки. Здесь было всё приготовлено для костра, что мы и сделали. Федя нажал красную кнопку и направил на сушняк. Странно. Огня из прибора мы не увидели, но зато, сушняк вспыхнул.

– Вот это камуха! – воскликнул Федя. – На чем же он работает?

– Мужики, это солнечная батарея, – ответил Михаил. – Мы только об этом мечтаем, а они берут энергию от солнца и космоса. Не надо газа, гидростанций. Нет у них нефти. Бедные миллиардеры, если всё такое внедрить у нас, они разорятся. Но, они на страже. Не дадут ходу таким изобретениям. Могут и потом выкрутиться. Они специалисты по разным лазейкам.

Мы приготовили отменный ужин, заварили чай из трав.

– Мужики, – сказал я. – Действительно, а зачем нам мясо. Вы посмотрите, какие блюда нам приготовили их хозяйшки.

– Согласен, – сказал Федя. – Согласен. Чего там. Можно жить. А ишо было бы лучше, если бы какая-нибудь толстопятая хозяйшка сама пришла бы сюда.

– Извините, Фёдор, у вас одно на уме. Нам надо теперь думать, как встретить ворога, – сказал Виктор.

– А чо думать-то? Встретим, как полагается. С крепкими объятями. Чо думать-то?

– Нам надо выставить охрану, – предложил Михаил. После хорошего ужина, мы пили чай, и разговаривали.

И вдруг у костра появился Турас. Я уже писал о нем. Это представитель из далекой планеты, которую захватили гелиозы, которых мы называли улыбочками. Этот народ, почти всех, сделали фантомами-рабами. Об этом народе и других народах я написал в книге «Придурки». Турас даже в моей комнате появлялся. Значит, он решил нам помочь.

– Местные люди помогают вам, как и вы помогли им, – сказал Турас. – Вы хорошо расправились с ведьмами. Но, сюда должны прибыть гелиозы. Они решили здесь поставить свою базу. Отсюда они должны делать набеги на этот народ, потом

на другие народы. В этом мире они должны установить три базы в разных местах. Одна из них будет находиться здесь.

– Мы этим хмырям поможем здесь устроиться навсегда, – засмеялся Федя.

– Я, конечно, сомневаюсь, но если эти улыбки, начнут устанавливать базы на чужих территориях, то это будет похоже, когда американцы устанавливают свои ракеты в других странах, – сказал Юра. – Надо же, живут за океаном, а лезут на чужую территорию. Какое они имели право лезть в Югославию и бомбить их города? Вот эти улыбки из глубин космоса похожие на американцев. Я сомневаюсь в том, что они не сойдутся с улыбочками. Сойдутся. А те их под себя подомнут.

– Я тоже так думаю, – сказал Виктор. – Извиняюсь, но в чем вы можете нам помочь, товарищ Турас? – спросил Виктор.

– Пока моя помощь будет в том, что я и моя команда будет охранять вас, пока вы будете отдыхать. Теперь прошу на отдых.

Мы допили чай и вошли в палатку. Всем хватило места. Турас говорил про команду, но мы никого не видели.

– Они невидимы, но каждый из них на своем месте.

Утром мы встали почти в одно время. Тураса и его команды не видно.

– Называется, охраняли, – проворчал Федя. – Так нас могли бы и улыбки захватить.

Мы услышали голос Тураса:

– Зря вы так. Мы вокруг вас. Прибыли ещё наши люди.

И после этих слов, Турас тут же появился.

– За палаткой, в ящике, мы доставили для вас оружие. Трубки. Мы покажем твоим друзьям, как надо стрелять. Это серьезное оружие пригодится и вам.

В ящике лежали трубки. На них были кнопки. Одна из них красная кнопка. При наведении на мишень, надо нажимать именно её.

Так мы тренировались несколько дней.

Не только я, но и мои друзья заметили, что природа стала меняться. Появилась зеленая травка. На березках появились зелененькие сережки. Она оживает! Лес начал меняться в лучшую сторону! Ещё в прошлый раз мы слышали, как долбил дятел, пропела птичка. На этот раз в лес прилетели птички. Я даже услышал, как над моим ухом пропищал комар. Ну и пусть бы он укусил меня. Ведь это радость! Мы помогли природе! Как не радоваться? Мы все стояли у огнестрельного места, смотрели личные мишени, а тут все замерли. Мы слушали песни птиц, кукование кукушки, частые стуки дятла. Конечно, мои друзья видели пробившуюся травку, березовые сережки. Даже воздух посвежел. Мне показалось, что и от болота, которое было недалеко от нас, не приносило противного запаха. Даже Турас, до этого ругал нас за промахи, с удивлением смотрел на нас. Он тоже видел изменение в природе. Но его, видимо, удивили мы. Он увидел наши радостные лица. Ведь это другой мир, а эти странные люди из другого мира, радуются в изменении в природе чужого им мира. Как же не удивиться. Я заметил по его лицу, что он говорил с кем-то. Пусть все смотрят на нас! Пусть все удивляются нам! При чем здесь другой мир? Ведь это наша, общая планета! А природа везде одинакова. Мы не знаем, как выглядит природа на других планетах, но на нашей планете, природа должна быть одинаковая.

– Давайте отдыхать, – предложил нам Турас.

Мы разлеглись на теплую землю.

– Господи, как хорошо! – раскинул руки Федя.

В это время Виктор ходил по границе леса и оживающей поляны. Он то и дело наклонялся, и, видимо, гладил траву. Мне так показалось. Потом он выпрямлялся и крестился. И вдруг он замер. Потом наклонился, и неожиданно выпрямился и побежал к нам. Он махал руками. Для Виктора это было что-то новое.

– Что это с Виктором? – спросил Михаил.

Он кричал:

– Есть! Я знал! Есть! Мы победили! Есть! Он живой! Он живет! Радость-то, какая!

Он подбегал к нам, когда я увидел в его руках цветок жарок.

– Смотрите! Смотрите! Это ведь жарок! Радость-то, какая! Цветок солнца! Как же нам не радоваться! Всё оживает! Как же можно было уничтожить природу?! Это низко и подло! Мы ведь все дети природы! А разве эти подлые завоеватели не дети природы?! Как же так можно?!

Виктор бегал вокруг нас с жарком высоко поднятым над головой. Пусть все смотрят на радость этого человека. Пусть все смотрят на нас. Может, они ещё и удивятся, что мы, как дети, вдруг обрадовались всего одному цветку! Вот так бы все люди на Земле радовались появившейся травке, первому листику, первому цветочку! Разве мы не за это ведем борьбу, пусть даже в другом мире. Возможно, вот таких чудиков, которые всему радуются, и выбирают вот в такие команды? Мы и в своем мире какие-то странные. И эта странность настораживает окружающих людей. А если бы все люди на Земле стали бы странными? Что бы было? Любопытно. Вот если бы один из миллиардеров, хозяин разработок нефти и газа вдруг оказался бы странным? Вдруг, одновременно, некоторые наши правители стали странными? Вот так бы, как Виктор, например, сорвал бы первый подснежник и как ребенок радовался бы ему? А некоторые правители, придя к власти, не грозили бы другим странам оружием массового истребления, а взяли бы эти средства пустили на восстановление изувеченной природы. Много бы они задумали сделать полезного для своей родной планеты. Нет, не удалось бы им измениться к лучшему. Потому что рядом с ними живут не странные люди. Этих изменившихся странных господ, сместили бы в один момент. А скорее всего их бы поместили в лечебницу, где им бы вкатили тоже странные уколы. Возможно, я так думаю, у некоторых господ только во сне, как в тумане, появляется мечта стать другим. Но, для этого такой сон считается страшным кошмаром. И они порой просыпаются в холодном поту. И становятся ещё изощреннее и наглее по отношению к природе, к человеку, и даже к другим странам. Вы думаете, что они просто так улыбаются этак тихонечно, почти незаметно?

Не зря. Потому что они готовят очередную пакость, которую выдадут народу, как благодать для него.

Мы все трогали, нюхали этот жарок.

– Я извинился за то, что сорвал его, извинился! Я хотел показать всем, что не зря мы защищали этот участок земли. Я сохраню этот цветок. Я положу его в свой карман, а дома я его засушу. И он у меня будет находиться на видном месте. Я буду ходить по земле, и говорить всем, что природа везде одинаковая. И что этот цветок солнца подтверждение того, что природа будет тогда цветущей, когда мы все станем беречь её.

– Тебя назовут сумасшедшим, – сказал Михаил.

– Пусть, – ответил Виктор.

– Потом тебя определят в больницу, – добавил Федя.

– Ну и что? Значит, так надо.

– Без сомнения, вас туда определят, – сказал Юра.

– Я знаю. Пусть определяют. Не боюсь.

– Всё бы хорошо, но там эти уколы есть весьма большие, – скривился Петр Петрович.

– Всё выдержу, ради святого дела!

– Вы, Виктор, мужественный человек, – сказал я. – Больше ничего не могу добавить.

Виктор нежно воткнул жарок на край кармана в своей куртке. И жарок стал похожий на «Орден Красного Знамени». Такие ордена вручали за большие подвиги в Советское время. Новое поколение не знает о таких наградах. А ведь когда-то на заре Советской власти это был первый орден. Много, что будет не знать молодое поколение. А зря. Свою родную историю даже в черных и светлых тонах должны знать. И плохо то, что некоторые историки в угоду не странным людям, находящимся у власти, искажают нашу историю в худшую сторону.

Прервал наше веселие Турас.

– Только что наши разведчики передали, что гелиозы приближаются. Скоро они будут здесь. Даже послали сюда два космических корабля. В них много гелиозов. Да и так, через проходы, только им известные, проникли из вашего мира роботы-фантомы.

– Когда они будут здесь? – спросил Михаил.

– Должны прибыть сейчас.

Радость, переполнившая мой организм, не заметила тревогу. И вот только сейчас при словах Тураса, она неожиданно появилась во мне.

– Они близко, – сказал Михаил. – Надо готовиться к бою.

1 Мы распустили палатку, чтобы её не было видно. Расположились по периметру поляны на краю леса. Он нас прикрывал.

– Сколько у вас воинов, товарищ Турас? – спросил Михаил. Кажется, он начинает нами командовать. Да это и правильно. Кто-то ведь должен быть командиром. В той команде у нас был Кирьян Подгузников. А здесь пусть будет Михаил Бутаков. Человек он образованный, профессор. Вот и пусть нами командует. Как я понял, никто не стал возражать.

Турас ответил:

– Вы их не видите. Пятьсот воинов. Это наши люди. Они с моей планеты. Недалеко от вас, в лесу, расположились и местные люди. Мы их тоже обучили этому оружию.

Наступила тишина. Солнце было в зените.

Космический корабль появился над поляной внезапно. Мы даже не услышали шума от его двигателей. Круглый, огромный корабль. Настоящая летающая тарелка коричневого цвета с широкими зелеными полосами. Пока из него никто не выходил. И я понимал, что они будут изучать пространство. Мало ли что их здесь ожидает? Возможно, их насторожит отсутствие ведьм. Да и вот это изменение в природе тоже может привлечь бдительных командиров.

Тут же появился большой отряд клонов. Они тоже возникли внезапно. Конечно, это были разведчики.

Голос Тураса:

– Будем пока наблюдать. Возможно, ещё кто-то из них появится. Надо, чтобы все появились, кого направили в это место.

Мы лежали и наблюдали. Как из тумана стали вырисовываться дома. И вот уже появилась большая и разрисованная на все цвета деревня.

Вот ещё возник один такой же большой корабль. Из него вышло три геля.

– На этом участке это главные гели, – сообщил Турас. – Это очень жестокие господа.

Пока из кораблей никто не выходил.

– Там находятся основные военные силы гелей, – сообщил Турас.

И тут мы увидели, как во втором корабле открылась широкая дверь, если её можно так назвать. Оттуда окутанные туманом стали выкатываться, будто по воздуху какие-то зеленые квадраты, похожие на токарные станки. Туман рассеялся. К ним подбежали гели. Крышки открылись. Из ящиков выплыли какие-то большие приборы.

– Вот это и есть одна из главных станций. Здесь у них будет основная база. А вот, что это за оружие, нам неизвестно. Но, то, что это оружие, это, правда.

– Теперь понятно, – ответил Михаил. – Нам надо будет в первую очередь уничтожить это оружие.

– Да, – подтвердил Турас. – Вот теперь надо думать, как их уничтожить?

– Давайте я пойду, сказал Петр Петрович. – Я буду ласково к ним идти. А потом начну им читать одну из запутанных лекций, куда я насовал, даже для меня непонятных слов и предложений.

– Я даже не знаю, поможет ли это, не знаю, – ответил Турас.

– Я попробую их очаровать.

– Не знаю, как вы Петр Петрович, но сюда бы послать Правдину. Она бы их вопросами замотала. И ни на один бы вопрос они не ответили. А голос Пелагеи разрушил бы их станки.

Я стал оглядываться, но этих двух женщин не было. Знает, они нужны в другом месте.

При слове вдруг, всегда происходит что-то необычное. Да, именно я сказал вдруг. Просто неожиданно для меня, вдруг перед нами возникла очаровательная Ольга Борисовна Голубкина. Она смотрела на нас своими прищуренными глазками

и нежно и ласково улыбалась. Вот это да! Как же она сюда попала?! Хотя, чему здесь удивляться? Значит, она подошла войти в другой мир. Но, почему она не отправлена в женскую команду. У нас ведь чисто мужская команда. И она своим нежным голоском ответила:

– Мальчики, я к вам попала временно. Я уйду в свою женскую команду. А вот здесь мне надо помочь вам. Сейчас я направлюсь вон к тем товарищам, которые постоянно улыбаются. Я тоже могу улыбаться. Я же, всё-таки, женщина, и они встретят меня благожелательно. Пойдемте, Петр Петрович, вы своей лекцией тоже очаруете улыбающихся господ. О, там, среди них есть культурные, интеллигентные господа! Они для меня подходят. Всего доброго, мальчики.

Она взяла под руку Петра Петровича, и они вместе пошли к гелиозам.

Я хотел крикнуть, чтобы она прекратила эту затею, но я только промычал. Мои друзья тоже пытались, что-то сказать, но не могли.

Ольга Борисовна и Петр Петрович подошли к гелям. Бывший лектор направился к клонам, что-то им, зачитывая из своей лекции. А вот Ольга Борисовна, раскланиваясь, приблизилась к трем господам. Она что-то говорила, и кланялась. Один из них, видимо, старший, проявил человеческую галантность, он взял белую ручку очаровательной Ольги Борисовны, и поцеловал. Вот это галантность! Но, зря они радовались! Бывает, что женская очаровательность и в нашем мире может много наделать плохого для «потерявшего голову» и бдительность мужчины. Я сам сколько раз попадался в женские сети очаровательных дам.

Было видно, как клоны начинали скукоживаться и падать. Это всё подействовала лекция Петра Петровича. А что же наша очаровательная Ольга Борисовна? И чудо свершилось. Ольга Борисовна своими неотразимыми чарами, и откровенной улыбочкой уморила бедных господ. Они тоже скукожились и рухнули к ногам очаровательной нашей землячки. Там им место. Они все рассыпались в прах.

Но, рано радоваться. В кораблях раскрылись двери, и оттуда стали выбегать гелиозы. Что сделала Ольга Борисовна? Очень просто. Она поклонилась нам, помахала белой ручкой и исчезла. Наверное, она или дома, или в женской команде. Ведь кто-то же должен защищать родную землю! Петр Петрович поднял над головой папку с лекцией и пошел на врагов.

Наконец-то, у меня прорезался голос. Я закричал:

– Петр Петрович, не надо этого делать! Улыбчики, это вам не амбразура! Бегите к нам! Мы вас прикроем!

Поздно. Улыбчики направили свои трубки на нашего лектора, и он упал. Не будет теперь среди нас Петра Петровича.

– Ну, мы им покажем кузькину мать за гибель нашего товарища и друга! – закричал Федя. И он стал стрелять по улыбчикам. Все мои друзья последовали примеру Феде. Как я понял, и большая команда Турса атаковала гелиозов с воздуха. Но, мы их не видели. Это можно понять. Потому что, гелиозы десятками падали и тут же рассыпались в прах.

– А теперь, товарищи дорогие, надо уничтожить корабли и саму базу, – услышали мы голос Турса.

Мы все встали и ровным рядом пошли на оставшихся врагов.

Кажется, все улыбки исчезли. Развалились и красивые, разрисованные дома. Они просто превратились в пыль. Тут же проявились и все помощники Турса. Это был огромный отряд. Они ворвались в корабли, а мы подошли к базам. Непонятные сооружения, состоящие из кубиков и шариков. И все они утыканы трубочками и блестящими проводами.

– Вот эти страшные детали могли быть направлены на ближайшие селения. Они бы отрицательно подействовали на людей. Мы успели их захватить. Пока мы их видим. Но через какое-то время они бы стали невидимыми. Из них направляются в голову человека, конечно, без всякой боли, элементы гелиоза. И человек находится под властью гелей. Вот такие аппараты есть и в вашем мире. Вот они-то и входят в ваших людей, начиная от ребенка до взрослого.

– Так вот вы, какие твари из чужого нам мира, – сказал я, и подошел к аппарату. Турас успел меня перехватить. Оттолкнул от приборов.

– Вам нельзя приближаться к ним. Они у вас могли бы взять всю вашу энергию. И тогда я не знаю, чтобы было с вами? То, что было бы плохо, это, правда.

Мне пришлось даже отбежать. Турас о чем-то поговорил со своими приближенными. Что они делали с приборами, нам неизвестно, но эти зловередные станки стали разваливаться. И вскоре вместо этих колючих приборов, остались две кучки серого мусора. А в это время из двух кораблей выбежали воины Турса. Он нам сказал:

Сейчас всё взорвется.

И мы бросились к лесу. Кстати, мы искали тело Петра Петровича, но так и не нашли.

Мы залегли в небольшой канаве, а воины Турса и он сам исчезли. И вот раздался взрыв. Он был не громким. Звук был похож на хлопок лопнувшего надувного шарика. А вот огня было много. Оба корабля охвачены огнем. Мы, молча, наблюдали, как догорали два космических корабля, прилетевших к нам из глубин далеко космоса. И здесь, на нашей земле, они нашли свою погибель.

Огонь прекратился. Мы встали и пошли к месту, где стояло два грозных корабля. На этом месте было две маленькие кучки пепла. Легкий ветерок развеял и эти кучки. И там, где были аппараты уже и следов не осталось. Будто здесь и ничего не было.

Но тишины не было. Опять запели птички, появились кузнечики. Куковала кукушка, даже ворона каркнула.

Появился Турас. Он подошел к нам, и каждому из нас пожал руки.

– С победой вас, друзья мои, с победой. А с теми двумя точками справятся другие люди, такие же отчаянные парни, как вы.

– Вот так бы на всей нашей прекрасной планете начать очищать её от грязи, – сказал Михаил. – Но, к сожалению, многие наши господа не позволят, защищать родную Землю.

– Пройдемте к лесу, к тому месту, где есть ваша палатка.

Мы отправились на то место. Стали собирать еду, которая осталась под палаткой. В это время, словно из воздуха появились длинные столы, лавки. Мы всю еду подняли на стол. Невидимые люди добавляли ещё разную еду. Потом эти люди и сами проявились. Мы и остальные воины Тураса рассаживались за стол. Всем хватило места.

Федя потер руки, и сказал:

– Этово, самово, тово, немного бы чего лязнуть. Так сказать, отметить победу. Бедновато живете. У вас всё хорошо, но вот для полного уважения, чичас бы дернуть чего?

Турас переводил своим воинам то, что говорил Федя. Турас сказал:

– Некоторые слова, как и ваш мат мы не понимаем. Жаль, что нет среди вас Петра Петровича. Он тоже читал свои лекции, и ничего нельзя было понять.

При имени Петра Петрович, Федя даже приподнялся.

– Вот, а я чо говорю? У нас так принято. На радостях, за победу нашей команды по футболу, на свадьбах, именинах, особенно за упокой настоящего героя, всегда выпивают. А здесь я смотрю, ничево нет.

– Как нет выпить? – удивился Турас. – В кувшинах подогретая, чтобы не простыть, есть ключевая вода. Конечно, за Петра Петровича надо выпить.

– Ты хоть чо-нибудь понял? – спросил его Федя. – Ты мне чо тут лапшу на уши вешашь? Какая вода, мать тебя за ногу! Издеваешься? Помянуть надо! Ты понял! Не твоей глупой водой поминают!

– Не понял, – ответил Турас. Он в растерянности развел руки. – Ничего я не понял. Так чем надо вам помянуть?

– Турас, у нас всё это, что перечислил Федя, отмечают водкой! Есть у нас спиртные напитки. Понял?

– Не понял! – повысил голос Турас. – Ведь можно и так посидеть и отметить. Теперь я понял. Вам надо напиться, а потом друг друга начинаете уважать. Потом начинаете драться.

– Ну, это, как водится, – ответил Юра. – Я сомневаюсь в том, что после принятия водочки, Федя не начнет кого-нибудь из вас из-за уважения душить.

– Юра, ты чо буровишь? Мы здесь все уважаемые люди! – повысил голос Федя.

– Ну, вот, – ответил Юра. – Без спиртных напитков появилось вечное слово об уважении.

– Господи, прости нашего товарища за непристойные слова в виде греховодного напитка, – взмолился и начал креститься Виктор. – Извините его, если, что не так он сказал.

– Да я ничего. Но нет у нас этого напитка, – ответил Турас.

– Слушай ты, извиняющийся человек, помолчал бы хоть, – проворчал Федя.

– Давайте лучше кушать, – сказал Михаил. – Спор ради спора никуда не годится. Нет здесь спиртного, Федя, нет! – И Михаил набросился на еду. Мы все начали есть. Федя немного поворчал, и подтянул к себе чашку с пирожками.

Мы отменно пообедали, и столы тут же воины Тураса убрали. Столы и лавки вместе с воинами словно растворились в воздухе.

Я понял, что пришло время прощаться. Турас каждому из нас пожал руки.

– Сейчас наши ученые трудятся над созданием настоящего человека. Мы не желаем быть такими. Мы хотим стать обыкновенными людьми, какими мы были до завоевания нас гелиозами. Нам ещё не раз придется столкнуться с гелями. Прощайте.

И он тут же исчез.

Вскоре приехали на сохатых, запряженных в несколько повозок люди из той деревни, в которой мы были. Все они поднимали руки, приветствовали нас. Они привезли нам подарки в виде разных продуктов. Мы им стали объяснять, что мы сейчас улетим в свой мир, и продукты туда не пройдут. Конечно, они нас не понимали.

И наконец-то, мы услышали голос бабки Лукерьи. Она им всё объяснила. Они с сожалением от нас отступили. А бабка Лукерья сказала:

– Всё, милки, сейчас вы улетите на свой остров, а оттуда по домам. Я прерываю с вами связь, а то эти мои бывшие подружки заловят меня. Прощайте. Я горжусь вами за вашу победу!

И голос её исчез. А мы тут же оказались на острове Диком.

Мы оказались рядом с домом. О, чудо! К нам шел сам Петр Петрович!

– Как?! – воскликнул Федя. – Как?! Откуда ты? Дай-ка я тебя ущипну, ты ли это? А то может ты фантом!

– Да я, это я! – крикнул он. Федя подошел к нему, и ущипнул. Наш бывший лектор вскрикнул. И тогда мы бросились к нему, и стали его обнимать. Было странно то, что у него не было портфеля.

– Петр Петрович, как так? – удивился я. – Многие в нашем городе говорили, что Петр Петрович без портфеля, это не Петр Петрович, а пустое место. Как же так? И потом, как вы остались живы, после того, как в вас всадили много пуль?

– А вы думаете, что я знаю? Помню, как в моё тело вошли какие-то штучки, и я потерял сознание. Очнулся, помню, в каком-то плотном стеклянном сосуде, а кругом вязкая и светлая жидкость. Потом я опять ничего не помнил. А потом очнулся. Стоял вот у этого дома. Сходил в столовую. Товарищ Гнилоседов так и крутился возле меня, почти сам угощал. Даже стакан вина мне позволил выпить. Ему ведь всё передали о нашей борьбе с улыбочками. Говоришь, куда я девал портфель? Отдал мужикам, ну, тем рыбакам. Пусть читают, подумал я. А они мои лекции пустили на поджогу костра. А портфель выкинули в мусорный ящик.

– Не жалко было расставаться со своим кормильцем?

– Если подумать, то, конечно, жалко. Время и меня изменило. Много, что я передумал. Хватит. Всё с этими лекциями. Старый багаж в мусорный ящик. Всё.

– Но, ведь ещё придется путешествовать в другой мир. Лекции быгодились, – ответил Михаил.

– Я их почти все наизусть знаю. Потребуются, то я так закачу, что эти улыбки в прах уйдут. Да, а вино здесь удивительное. За ваше здоровье выпил.

Федя с удовольствием потер руки.

– Ччас мы этово, тово, тоже маненько мякнем.

Перед нами появился Дюрд, посланник от светлых сил. Давно он не провожал и не встречал нашу команду. А тут появился.

– Всё, друзья, ваша энергия на исходе.

Федя возмутился.

– Но, мне тоже захотелось подгузницы! Отметить нашу победу!

– Всё, друзья, всё! Ваш лимит закончился. Теперь вас ждут домашние дела. Всё, друзья, по домам!

После победы, почему же так грустно?

И я тут же оказался у сосны. Один. А где Михаил? Где Федя? Их со мной не было. Хотя, что я говорю? Их могли взять, например, когда они прилегли подремать на диван. А я стоял у сосны. Вот я и один. Интересно, будет ли помнить Ольга Борисовна, как она побывала с нами на той поляне? Как она очаровала трех космических командиров, и превратила их в прах!

Теперь надо бы её увидеть, и узнать, помнит ли она свое путешествие?

Услышал приятную мелодию тайги. И вдруг, уловил нежный голос Катюши.

– Вернулся? Вернулся с победой. Поздравляю.

И тут я решил спросить, как это Ольга Борисовна прошла через сосну?

– У меня к тебе вопрос.

– Спрашивай.

– Как эта дама с приятным личиком сумела проскользнуть через твой ствол?

– Вопрос сложный и простой. Одновременно. Видимо, ей поверили. Уж больно она просилась. Мне было даже жалко её. Она сказала, что не уйдет отсюда. Замерзнет, но не уйдет. Приложилась головой к стволу, и так долго стояла. Потом раскрылось для неё пространство, и она туда быстро проскочила. Больше я ничего не знаю.

– Там она совершила подвиг.

– Возможно, она не будет помнить. Видимо, пока ей нельзя вспоминать. Пойми, женщины более откровенны в разных интимных случаях, чем мужчина.

– Не помнит она. Когда оттуда вышла, то она оказалась в метрах пяти от моего ствола. Она стояла и удивленно оглядывалась. Возможно, даже думала, как это она сюда попала. Скажу тебе одну новость, – сказала Катюша. – Вот, вот меня должны взять отсюда. Моя душа войдет в новорожденную девочку в вашем городе Туманске. Так что, когда моя сосна тебе не ответит, значит, меня там не будет.

– Так эта сосна будет просто дерево? – с сожалением спросил я.

– Конечно. Хоть оно и дерево, но оно живое. Вот только в нем не будет души.

– Жаль, конечно. Не с кем будет в тайге, словом перемолвиться.

– Будешь идти по городу, а я буду в коляске у молодой мамы. Ты говоришь, что не с кем в тайге словом перемолвиться? Ты и так всегда с деревьями, цветами, белочкой, бурундуками разговариваешь. Чего тебе ещё надо? Иди в лес подальше, по ещё не глубокому снегу. Подыши свежим таежным воздухом. После такого путешествия тебе надо набраться таежной энергии от природы. Ты про такое чудо никогда не забывай. Иди.

И я пошел по своему следу, который проделал недавно.

Лесной воздух освежал лицо, бодрил меня, настраивал на песни. Подумал вот о чем. Больше мне не придется разговаривать с сосной. Интересно, а если ли ещё деревья вот такие, в которых втиснута человеческая душа? Я знал, что природа наша вся живая, но она живет по своим законам. Конечно, они по-своему переговариваются. Вот взять нашего тополя.

Они тоже между собой общаются. Но, никогда тайга не примет городской тополь в свои объятия. Это тоже закон. Значит, живая природа. А многие смеются надо мной, если я говорю, что природа живая. Я снова вернусь к тополю. В центре нашего города есть крошечный парк. Там растут дикие деревья. Когда строили город, то взяли и оставили этот участок. Живет этот лесок, и людей радует. И кому-то пришла мысль, а не посадить ли в этом лесочке тополя. Взяли и посадили. А надо сказать, что тополь из всех деревьев самый что ни на есть живучий. Посадили. Ну и что? Не принял лесок этих живучих деревьев. Задавил их лесок. Совершенно засохли. А вы говорите, что деревья, особенно, когда они вместе, не живые. Вот вам ещё одно доказательство.

Я шел по тайге. Но только не надо заходить в темный лес. И мне неожиданно вспомнился лесок и полянка у болота, где пристроились ведьмы. Странно, а почему мне нельзя подумать вот о чем? Почему этот лес в нашем краю такой корявый, чахлый? Нет, надо отбросить такую мысль. Просто, наверное, такая там почва. Теперь может всё придти в голову. Хватит думать о ведьмах. А вот та бабка, что ходит у нас по городу, наводит меня на одну странную мысль. Конечно, она связана с улыбочками. В нашем мире трудно таких улыбочков разоблачить. Попробуй из нашего человека вытравить гелиоз? Тебе такое устроят, что тут же вспомнишь про чудные уколы. А мальчик с открытым ртом, где торчали два белых молочных зубика? И другие дети, и девушки с сигаретой в зубах и с бутылками пива? Да, вдруг мне стало грустно. Ведь после такой победы, почему же мне так грустно?

Шел по тайге, не разбирая того, что подо мной лежит. Запнулся о дерево, которое ещё летом упало от бури. Я поднялся, страхнул снег, и только тогда подумал, что надо идти домой. Далеко ушел в тайгу. Долго выбирался. Вышел к парку. Вот это встреча! Передо мной стояли Михаил Бутаков и Демьян Акинфович Неуспокоев.

– Мы приходили к тебе домой. Ты что, ещё дома не был? – спросил Михаил.

– Брожу по тайге.

– Мы от тебя пошли сюда, и вот ты, – ответил Демьян.
– После возвращения ты, где появился? Сосна? – спросил Михаил.

– Она самая.

– А я на жесткой кровати спал.

– Ольга Борисовна не будет помнить, – сказал я.

– Оно и правильно, – ответил Михаил.

– Станный у вас разговор, – сказал Демьян. – Раньше бы я над вами посмеялся. Дураками бы назвал. А теперь хотя и не понимаю, но догадываюсь. Там были. Вот бы мне побывать. Слушайте, а что Ольга Борисовна там была? Вот это да! А я что? Не смог бы?

– Всё это, Демьян Акинфович не от нас зависит. Мы ведь тоже не знаем, куда нас направят, – ответил Михаил.

– Ладно, не буду вам мешать, – сказал Неуспокоев. – Дома ждут дела.

И он удалился от нас. Не знаю почему, мне захотелось поговорить с Михаилом на интересующие меня темы. А их у меня много. Возможно, даже слишком много, и некоторых из них я даже боюсь. Мы немного помолчали. Первым заговорил Михаил.

– Бывает странное ощущение насчет разных мыслей. Тону в вопросах. Ищу ответы на них. И от этих вопросов, порой сам себя боюсь.

Надо же такому быть! Другой раз от навязчивых вопросов я тоже сам себя боюсь.

– Со мной такое же происходит, – ответил я.

– Вот ты разговариваешь с сосной. И я верю в это. Ты разговариваешь с деревьями, цветами, птичками. Я верю. И то, что ты написал и напечатал в двух книгах, тоже верю. Люди не верят. И они правы. Я ведь тоже не верил. А вот когда стал проникать в соседний мир, то поверил в твои записи. Ты правильно в конце книги «На острове снов» написал, что это не романы, а записи.

– Да, Михаил, это не романы, это мои записи. Как бы, откровения странного человека. Я бы их так озаглавил «Откро-

вения странного человека». В настоящее время работаю на очередным откровением..

– Порой и мне, кажется, что я тоже кое-что слышу в природе. Я ведь был ученым. Тебе этого не понять. Да и не надо. Ты прошел свои университеты. Ты сам себя образовывал. А мы? Нам вдалбливали в головы прописные истины. С первого класса по десятый класс мы занимались согласно утвержденным учебникам. Октябрюта. Пионерия. Комсомол. Потом институт, звания. Партия. Лекции. Рефераты. Ты таких людей, как Неуспокоев не осуждай. Таких товарищей миллионы. Одно я не пойму, как можно говорить с сосной? У меня возникает такое ощущение, будто это дерево разговаривает с тобой. Понимаю, что есть другие миры. Сам там был. Но, чтобы дерево говорило, для меня не понятно. Попадаем в тот мир. Там всё ясно. Всё по-другому, как в сказке, но в нашем реальном мире не должно быть, как в сказке. И вдруг разговор с сосной. Что это? Любого человека это насторожит. А когда я чего-то не знаю, и не понимаю, то мне хочется узнать и понять. Так я устроен.

– Такое чувство и меня беспокоит. Узнать и понять. Признаюсь тебе. Дерево разговаривает со мной. Хочешь, верь, а не желаешь верить, то и не верь.

И я рассказал ему о дереве-Катюше. Михаил почесал в затылке и ответил:

– Это что-то. Но, я верю. Возможно, из-за того, что вокруг нас всё живое. Ничего нет мертвого. Только мы этого не замечаем. А если люди стали что-то такое замечать, да ещё разговаривать с сосной, то эти люди находятся под подозрением у общества.

– Представь, Михаил, что всё вокруг нас живое. Абсолютно всё. Только мы этого не замечаем. Значит, и планета наша, как живой организм. Мы ей вредим, и порой она нас наказывает. Я это давно заметил, что наша планета живой организм. Мы приняли за правду, в том, что только мы, люди, разумные существа. И отвергаем и не понимаем, что живые и разумные организмы могут быть и другие. Только недавно, мы узнали от наших космонавтов, что мы не одинокие в том,

что что-то есть ещё что-то разумное вокруг нашей планеты. Юрия Гагарина, когда он был в космосе, то его сопровождала удивительная мелодия. Он её не знал. Она появилась только через несколько десятилетий. Музыка из будущего. И другие космонавты реально видели какие-то миражи. Только в нашей стране нельзя было об этом говорить. Наша идеология запрещала об этом распространяться. Вспомни, Михаил, роман Станислава Лемма «Солярис». Там описана живая планета. И потом, как она людей наказывала за их неосторожное обращение с ней. А разве наша планета не наказывает своих неразумных детей за их жестокое отношение к своей родной матери? Да ещё как наказывает.

– Я об этом тоже так думал, – вздохнул Михаил. – На эту тему мы ещё в институте рассуждали. У нас был секретарь партийной организации, так вот он тоже с нами насчет этого был согласен. Даже о Боге говорили. И что? Кто-то заложил этого секретаря. Сняли с должности. Состоялся крупный разговор. Нас троих уволили из института. Много, что я потом сменил. А того товарища я как-то видел на свалке в Москве. Такая была наша страна. Теперь некоторые товарищи вздыхают о тех временах. А я вот не вздыхаю. Всё вокруг нас живое.

– Порой мне, кажется, что и космос живой, – ответил я. – Так что удивляться не надо, если вдруг в нашей реальной жизни появляются странные моменты, в виде разговоров с сосной, или просто с тараканом.

Михаил засмеялся.

– Вот с этими тунеядцами я бы побеседовал. В нашем подвале их, как и клопов много. Плохо то, что они не поддаются уговорам покинуть наш подвал. Вроде я стал замерзать.

– Да и у меня ноги совершенно застыли.

Мы, молча, пошли в город. Почерневшая от напряжения туча напозла на город. Переполненная снегом она цеплялась за две высокие горы, и готовилась сбросить груз на наш городишко. Стало быстро темнеть. В окнах зажглись огни, и только в моем окне чернело стекло. Иногда по нему пробегали кривые отблески от фар проезжающих машин. Дома тепло и уютно. Теплый душ и чай с медом помогли мне согреться. Я

лег на диван. Разговор с Михаилом меня зацепил. В общем-то, ещё с молодости меня интересовал вопрос в том, что всё вокруг нас живое. А когда я побывал в других мирах, то окончательно убедился, что мир не просто сложен, но он ещё и живой. Меня интересовал и сам космос. А почему он не живой? Возьмем те же живые звуки и картины, которые слышали и видели космонавты? А попробую я помечтать насчет всего этого дела. В своей второй книге «На острове снов» я философствовал о строение космоса. Меня он всегда волновал. Мне, кажется, что все наши планеты, что вертятся вокруг солнца, живые. Это одна семья. Они всё знают друг о друге, и если есть возможность, помогают друг другу. Хорошо. На остальных планетах нет жизни, такой, какой мы представляем своим разумом. А если сама жизнь, эта сама планета? Как тогда? Создатель всё предусмотрел. В строгом порядке все планеты вращаются вокруг солнца. Допустим такой вариант. На всех планетах нет биологической жизни. На Земле она появилась. Появились огромные животные. Они царствовали на земле. Вы можете представить, если бы в наше время появились эти гиганты? Я представляю. Был древний человек. Он таким бы и остался древним дикарем. Сейчас ученые гадают, чуть ли ни на кофейной гуще, почему исчезли гиганты? И стал появляться разумный человек. Неизвестным нам способом наш Создатель уничтожил гигантов. И никогда не дано человеку, узнать, как это сделано. И дано было разумному животному развиваться, и стать человеком. Извините, дорогой читатель, мне тоже хочется пофилософствовать. Но, двуногое существо, называемое себя разумным существом, стоящее на двух ногах, стало не лучше тех гигантов-хищников. Последствия его деятельности я не буду перечислять. И долго нашему Создателю терпеть безобразия двуного и разумного существа? Не знаю. Не дано нам знать. Но, терпение может лопнуть, вот тогда и придет апокалипсис. В какой он форме придет, нам и это не известно. Вулканы, наводнения, землетрясения, град метеоров, и даже космические пришельцы опустятся на нашу планету, чтобы навести порядок. А может, и сам Бог появится перед нами, и скажет, хватит безобрази-

чать, и начнется великое наказание за грехи наши. А может, сойдутся светлые силы с темной силой, и начнется великая битва. Но, то, что что-то должно произойти, то я это чувствую. Останутся на нашей планете избранные люди. Вот с них и начнется новая великая и разумная раса. Исчезнут войны, разные распри между странами и народами. Будет одна раса – разумный человек! Будет всего одна вера. Вера в нашего Создателя, в нашего Вселенского Бога. Не будет границ, государств. С лица земли исчезнут такие заразы, придуманные во вред человеку: табак, наркотики, все спиртные напитки и пресловутое пиво. Исчезнет тяга к играм в казино, сохнут с лица земли проституцию, лесбиянок и гомиков. Начнется борьба с болезнями, которые вносятся в наш мир темными силами и пришельцами, которые хотят завоевать нашу планету. Ученые, наконец-то, обратят внимание на солнце и космос, откуда можно брать дешевую энергию. Человек будет жить активно, долго и счастливо. Я всегда выступал и говорил именно за такое будущее на нашей планете. И если внимательно прочитать все мои книги, там читатель и поймет мою сквозную мысль. Мечта о таком обществе. И тогда мы будем жить в дружбе с нашей матерью Землей. Да, она живая. Это живой организм, как и другие планеты вокруг Солнца. А разве Солнце мертвая звезда? И эта звезда живая. В пятнадцати километрах от земли находится плазма. Через неё проходят губительные для человека лучи от солнца, а для плазмы наоборот, питательная среда. И эта плазма есть живой организм. Давайте представим, что именно туда отправляются наши души после физической смерти? Там находится огромный компьютер из плазмы. А вдруг все наши мысли, и те, которые мы должны произвести, имеют тесную связь с нашим мозгом. Ведь наш мозг, это есть вселенная. И всё это связано с солнцем? А разве ад не может быть на солнце? Почему бы и нет? А сама плазма, это хранитель-библиотека наших разных мыслей. Ведь наши мысли материальны. А любопытно вот что, а если у человека разумного осталась всего одна или две извилины, которые направлены только на то, где бы опохмелиться? От остальных мыслей этот мозг очи-

стился. И такие мысли тоже там хранятся? И ведь наши души там тоже трудятся. Они ведь не ведут там, праздную жизнь. Некоторым из них приходится за нами, бедолагами наблюдать, что мы творим. Ведь эти души все там работают. А после физической смерти по его заслугам отправляют туда, куда он заслужил. Вот и бедные греховодники попадают в подземелья под кнут, и таскать тачки с собственными грехами. Потом отправляют в жаркую печь под обжиг от грехов праведных. С солнцем-то шутки плохи. Обжарят, подсушат, глядишь и пригодятся на что-нибудь, если вдруг отправят на Землю. А вот в кого отправят, это только известно самому Создателю. Да и нормального человека после смерти побывавшего в плазме, порой направляют в только что родившегося ребенка. Живи человек! Так что некоторым ученым болтать на весь мир, что в космосе нет жизни, не стоит. Весь над нами звездный небосвод кипит жизнью в живом космосе. Как-то раз, случайно, я услышал, как выступали ученые о том, что в сторону Земли летел огромный метеорит. Пролетал он мимо Юпитера. Эта планета могла бы притянуть на свою орбиту, или так отбросить, что он бы быстрее долетел до нашей планеты. И вдруг метеорит был разорван на мелкие куски. Что это? И я имел право подумать, а не случайно такое произошло. Юпитер не пожелал, чтобы метеорит упал на Землю. Это одна сторона дела. Другая сторона сложнее. Кто-то всем этим делом руководит. Даже невозможно представить такого руководителя! Следовательно, эта Сила следит за солнечной системой. Мы говорим, что солнце это огромный огненный шар. Но ведь кто-то, же создал этот шар, да и другие горячие звезды! И они в строгой последовательности летят в космическом пространстве. А вокруг каждой звезды на строгом расстоянии вращаются планеты. И все эти планеты связаны друг с другом. Наша Луна тесно связана с Землей. Улетит луна, и всё на земле постепенно погибнет. Ведь мы, люди, все животные, зависим от луны. Ведь её тоже кто-то создал для нашей планеты. Она регулирует морскими течениями, от движения которых работает нужный нам климат. Всё завязано. Вся вселенная живой организм. Значит, кто-то создал её вот такую

вместе с галактиками и другими нужными вселенными. Возможно, где-то в необъяснимых просторах бескрайнего космоса находится Он, Создатель всей Вселенной. Сам по себе взрыв не произошел. Кто-то же его организовал! Откуда нам известно, если ли конец бесконечности? Эту бесконечность знает только Он, Создатель, Вселенский Бог. И если она, эта бесконечность? А вдруг, эта самая бесконечность и есть наш Создатель? Значит, нет бесконечности? Он живет там, и наблюдает за своим созданием. Кое-что подправляет, кое-что стирает с тела вселенной. Он вечен. Можно только представить нашего Создателя, каким он есть? Невозможно представить. Космический разум в виде человека в этой бесконечности. И находится он за пределами всех вселенских созвездий. И вся вселенная для него в виде дорогой игрушки. Он настраивает её, подправляет кое-где. Даже невозможно представить, как наш Создатель там живет. Так что той бесконечности, о которой твердят ученые, нет. И все наши вселенные, в виде аквариума, за которым следит наш Создатель. Я уже писал о строении космоса в своей книге «На острове снов». И от той своей теории возникновения вселенных от взрыва, и собороваания её в гигантскую точку, не отказываюсь. Потом они опять разбегаются, потом опять собираются, и за всем этим процессом следит наш создатель. Повторяться не буду. Просто представьте этот аквариум, а вместо воды космическое пространство. Но не в самом, же пространстве Создатель живет. Он создал этот аквариум, и следит за ним. Представьте Создателя, а рядышком аквариум. И в этом аквариуме, вместо водички, космос. А в нем летают разные звезды, не в хаотическом состоянии, а по строгой окружности. Разбегаются, сбегаются, и так они живут в бесконечности. Конец всему знает только Он, Создатель. В любой момент он может прекратить этот процесс. Это только нам кажется, что всё бесконечно, и что нет пространства и времени. Для него всё это есть. В один момент всё уничтожит, и создаст новый живой мир в этом аквариуме. И вся наша вселенная в его могучих руках. Мы вот двуногие разумные существа живем в домах, которые мы построили. И жить нам хочется, как можно дол-

ше, а жрать, как можно слаще. Это наша идеология. Какой его родной дом? И можно только представить этот дом. Он всё создал, в том числе и нас двуногих. Всё у него есть, потому что его дом родной, как раз и есть придуманная учеными бесконечность. И созданная Создателем вселенная как бы тоже дышит, разбегается, потом сбегается. И весь этот процесс во времени скоротечен. За этот короткий промежуток времени, который мы исчисляем в миллиарды лет, а для Создателя совсем короткое время, на живых планетах появляются вот такие, как мы живые существа. Мне ответят, что, мол, на Венере или Юпитере текут реки из метана. Другая планета покрыта льдом. Мы смотрим на собственный пуп. Вот так должно быть, а не иначе. Нет там жизни. А может, жизнь там в другой оболочке? Возможно, сама планета и есть живой организм? Наша планета Земля ведь тоже живой организм. Ведь на отдельных метеорах ученые находят микробы. Ведь это тоже жизнь. Как-то же они образовались, и когда? Мы даже конкретно не знаем, что находится внутри нашей планеты, что есть луна? Что находится за её оболочкой? Ну, например, на Марсе была когда-то жизнь. Зачем-то она была уничтожена? Но, ведь Марс тоже живой организм! Опять хочется пометать. А вдруг, когда эта планета погибала, некоторые разумные существа улетели на нашу планету. Порой меня мучает один вопрос, а вдруг один из моих древних предков был марсианин. Кто нам ответит? Возможно, мы все оттуда? В своей новой книге «Вторжение или сон в тумане» я упоминал пришельцев из далекого космоса Мака и Раду. Ещё в древности, когда по земле бродили гиганты-хищники, люди с той далекой планеты побывали у нас. Некоторые космонавты исчезли. Возможно, погибли от зубов хищников. А вдруг они жили? Кто теперь ответит? Разве я не имею право пометать и представить тех людей, которые остались навсегда на дикой планете? То, что я пишу здесь, боюсь кому-то признаться. Засмеют. А то и хуже может произойти. Надо всегда помнить Сашу Хилопатова. Среди нас, побывавших там, пока нет такого смелого человека. А то, что веду фантастические дневники, для людей это просто фантастика, моя придумка. Даже

мои товарищи, которые тоже пишут и даже издают книжки, говорят, что это я там фантазирую? Ведь Стрелов писал добрые очерки, зарисовки, рассказы и даже фельетоны, ну и продолжал бы писать их. Но, ведь я их тоже пишу. Уже вышло несколько книжек зарисовок о простом человеке. А фантастика пусть для них будет моим хобби. Взяли бы, да и успокоились. А если успокоение не приходит? Ну да ладно. Пусть и не приходит. Это тоже их право.

Размечтался фантазер! Пора и честь знать. От тяжелых дум меня отчего-то потянуло на сон, что я и сделал с великим удовольствием.

Утро. В окно пробивался солнечный день. Тучи не было. Небо было чистое и без единого облачка. Даже сквозь стекла окна было невозможно смотреть на снег, такой он был яркий до блеска. Отошел от окна, и в квартире стало темно. Зажмурился, чтобы привыкнуть к ложной темноте в моей маленькой комнатке. Сел на диван. Потом стал медленно открывать глаза. Меня окружал нормальный квартирный свет. А вот солнечные лучики плотно легли на линолеум, на котором были изображены ветки ели. На кончике ветки увидел комара. А этот кровосос, откуда взялся? Как он проник в мой уголок? Зачем? Спрятаться от холодов? Ведь его собратья, а скорее всего сестры, уже давно погибли. Комар не испугался меня. Моя нога прошла мимо. Сидел. Живой. Клевал своим длинным хоботком. Что он задумал? Я бы ему подсказал, чтобы он пробивался в подвал. Там его товарищи ещё живые. Возможно, переживут в сыром тепле зиму. Пусть комар живет. Через некоторое время он исчез. Может, в подвал перебрался, а может, где спрятался, чтобы ночью напиться моей крови. Теперь это его жизнь и судьба.

Вышел на улицу. На глубокоом свежем снегу ещё не было следов. Возникло странное ощущение, будто я шел один среди панельных и кирпичных глыб, с темными проемами окон. В некоторых из них горел свет. И ещё возникло такое ощущение, будто из всех этих темных проемов за мной наблюдали сотни любопытных глаз. Куда это он опять подался? А подался это странный негодник Стрелов в свою любимую тайгу.

Что он там потерял? А потерял он время на какую-то половину суток, связь с тайгой, с природой.

Разбрызгивая теплыми ботинками пушистый и сверкающий в лучах солнца снег, я пришел в тайгу. За этот промежуток времени, глаза немного стали привыкать к удивительной белизне, которая окружила меня. Я словно попал в сказочный лес. Деревья, словно наряженные человеком новогодние ёлки, замерли в ожидании какого-то чуда. Старался не задевать накрытые снегом ветки деревьев. Пусть радуются снежным нарядом. Получилось непроизвольно, не по моей вине, я оказался рядом с моей сосной. Я осторожно пробрался под кроны её веток, прикоснулся её шершавого ствола. Странно. От неё я не услышал привычной мелодии, которая очаровывала меня. Конечно, как всегда я слышал удивительные звуки леса даже в любую стужу. Всегда наслаждался этими звуками, доходящими до моего сердца. Я понял, душой своей понял, что больше не услышу нежный, необыкновенный голос, и мелодию живой сосны, в которой жила много десятков лет душа человека. Жила душа когда-то загубленной от несчастной любви девушки по имени Катюша. От этого мне стало грустно. По привычке погладил шершавый ствол, но он уже не отдавал мне той теплоты, какую отдавала мне живая сосна. Она тоже мне что-то отдаст, как все деревья в тайге, как и сама тайга, но того тепла, сочувствия, понимания уже не почувствую.

С грустинкой невозвратимой потери, я пошел от сосны. И неожиданно подумал вот о чем. Будет ли в этом месте проход в другой мир? Это не знаю. Да и не дано мне, знать. Мало ли таких мест на земле. Могут взять у окна, или прямо с дивана, когда усну.

Я шел по свежавыпавшему снегу, и легкая грусть не проходила, конечно, из-за потери невидимого друга, с которым у меня была дружеская связь с молодости. А может, ещё от того, что в свои восемьдесят лет, я уже никому негоден. И ничем уже не смогу помочь моему народу, моей родной Земле. И моя жизнь прошла впустую? Может, ещё от этого появилась грусть? Кто мне ответит? А может от того, что творится во-

круг? И то, что творится, мне хочется закричать на весь мир, на всю нашу прекрасную планету, закричать просто от боли за то, что делаем мы с нашей родной планетой. Всеми моими силами мне хочется защищать родную Землю. Возможно, из-за этого я такой для окружающих меня людей странный и непонятный человек, блуждающий в одиночестве по тайге. И у этого странного человека осталась одна отдушина. Путешествия в фантастический, похожий на реальность мир, и его откровения из того придуманного им мира. А, возможно, и не придуманного? И никому не заткнуть эту отдушину. И тут я подумал, а может и в правду вся моя жизнь прошла впустую? Кто ответит? Может, читатель прочтет все мои откровения и подумает и решит, впустую моя жизнь прошла, или как? Право читателя ответить на этот простой и сложный вопрос.

А я всё дальше углублялся в тайгу по молодому и мягкому снегу. Такое было ощущение, что будто я один в тайге. Со всех сторон на меня лилась чудная, успокаивающая симфония моей любимой тайги. И от этого с этой удивительной музыкой, в меня вошло успокоение, потом радость. Мне даже захотелось петь, что я и сделал. Я пел, и почему-то не стеснялся петь. Радость от этого переполняла меня. Мне казалось, что всё вокруг меня поет на разные и чудные голоса.

Я всё дальше углублялся в тайгу...

От автора

Вот я и закончил очередную книгу. Скорее всего, это откровения странного человека. Иначе их не назовешь. А ведь читателю будет интересно, с чего вдруг этот человек взялся за перо? Сам не знаю и не ведаю. Просто вдруг захотелось после окончания этой книги пооткровенничать. Ну, бывает такое. Захотелось вот, хоть вой. В процессе написания, стало интересно. Мне не было тридцати лет, когда я задумал написать книгу «Зона» о своей сложной жизни. Натолкнул меня на это известный писатель Вячеслав Шугаев. Он в те годы работал в областной газете «Восточно-Сибирская правда». Он говорил:

– В твоей жизни ничего не надо придумывать. Твоя жизнь войдет в несколько книг. Садись и пиши.

Тогда я не обратил на эти слова никакого внимания. В конце пятидесятых годов я случайно попал на стройку. А может и не случайно. Ещё до комсомольцев на эту стройку всяких людей гнали эшелонами. Это они начинали всё здесь строить и возводить. Мне уже было двадцать восемь лет. Написал первую зарисовку. Ребята по палатке обнаружили во мне к сочинительству писем для влюбленных ребят. Подходили ко мне незнакомые парни и просили сочинить от него письмо любимой девушке. Я и сочинял. Один из парней взял и отправил одно из моих писем в молодежную газету. Напечатали под названием «Трое у костра». Даже гонорар прислали. Понравилось. Стал писать зарисовки о простом человеке. Из Иркутска приехали журналисты Вячеслав Шугаев и Александр Вампилов. Они не так зарисовками были заинтересованы, как моей сложной судьбой. Тем более они узнали, как я украл себе невесту из зажиточной семьи. Она сбежала ко мне прямо со свадьбы. Они не хотели выдавать за меня мою любимую Шуру. Родом я был из шахтерского города Черемхово Иркутской области. А город этот славился известными банди-

тами и хулиганами. Шугаев даже напечатал в областной газете обо мне очерк под названием «Принцы выходят из сказок». В газете «Правда» был напечатан его рассказ обо мне. Вот тогда он и сказал, чтобы я начал писать серьезную вещь о своей жизни. И стал я потихоньку писать, как говорится «в стол». Как-то Шугаев приехал в наш город. Он пришел ко мне, прочитал то, что я написал. И вот, что он сказал:

– Вещь стоящая, но её нигде не напечатают. Ты здесь пишешь весьма откровенно. У нас это не любят. Поезжай в Москву. Поживешь там месяца два или три, а потом можно протолкнуть в одно из американских издательств. Тогда держись. Тебе не завидую. Съедят. Придется тебе бежать за бугор.

Тогда у меня была жена и двое детей. Да и Шура болела туберкулезом. Судьба распорядилась со мной иначе. В книге «Зона» я всё написал откровенно. Продолжал писать «в стол». То, что происходило в нашей жизни, ничего не придумано. Пытался писать только правду и ничего кроме правды. А в моей фантастике тоже можно найти ответы на волнующие вас вопросы. Если взять вторую книгу «На острове снов», то там наша жизнь тоже не придумана. Пришлось менять фамилия реальных героев. Да, и добавил художественность. А без неё получился бы протокольный отчет, информушки. Так что там фантастика, это почти реальная жизнь, если, конечно, смотреть с какого боку. Вот такая была жизнь в нашей глухой провинции. И опять бы нигде не напечатали. Опять писал «в стол». Потом пришло капиталистическое время. Чтобы напечатать, нужны деньги. А где я их возьму? Живу от пенсии до пенсии. Для того, чтобы напечатать две книги «Зона» и «На острове снов» приходилось экономить. До сих пор живу на суповых пакетах, крупах, хлебе. От мяса и сала отказался. Я уже писал, что в одной из газет попробовали напечатать три мои зарисовки о том, как строили железную дорогу. Что тут началось! Звонки с угрозами. Меня встречали люди и ругали на чем свет стоит. В общем, газета отказала продолжать печатать мои материалы. Со своими книгами я даже и не совался. Это происходит уже в наше, современное время. Если разобраться, то, конечно, мне крупно не повезло в этом деле. Стали издавать мои книги в Иркутске, в издательстве «От-

тиск». Здесь появились в печати мои книги: «Он хуже Пугачева», «А мы из Черемхово», «Первопроходцы», «Отчаянные придурки». Некоторые товарищи перестали со мной здороваться. Как бы им хотелось законопатить меня в кандалах куда-нибудь подальше. Так что, читатель, извини, в провинции ещё живые и весьма активные товарищи. Наша глухая провинция штука злая и мстительная. Они бдят. Некоторые из них мне говорят, чтобы я писал о первых комсомольцах, о тружениках. И почему-то все забыли, что я всех больше писал об этих людях. Во многих газетах печатались мои очерки и зарисовки. Напечатана моя книга «Коршуника» о тружениках и комсомольцах, которые начинали строить город с первых палаток. Печатали мои очерки и зарисовки в журналах. Забыли? Конечно, помнят. Но, то, что я издал первые две книги, и описал правду, это их настораживает. Просто я написал всё, как было. А то, что у меня там есть фантастика, и если её прочитали некоторые товарищи, то я здесь не виноват. Всё это от воспитания читателя и его внутреннего состояния личности. Расположение извилин в мозгу у всех разное. Так что я не в обиде на некоторых читателей. Я даже благодарен им. Просто они даже не знают, что они всю мою жизнь помогали мне. Я закалился, возмужал благодаря только этим товарищам. И сейчас они все вместе помогают мне выстоять в этой жизни. Спасибо им. Низкий им поклон.

Ответы знает автор, но только так, как он понимает. Возможно, он и не понимает и во многом ошибается. Спорные ответы. В этом-то и состоит смысл моих будущих фантастических книг. А вот ответы в них читатель пусть сам ищет. И ответы разные. Если кто и совсем не понимает и не разберется в моих откровениях, и даже зубами заскрипит, это дело читателя. Такому читателю я тоже благодарен. И, всё-таки, так я думаю, что главный вопрос и ответ в моих книгах есть. Ответов много, но главный вопрос и ответ состоит в том, надо любить свою родину. Она у всех одна. Это наша любимая планета Земля. И те люди, которые отвернулись от меня, плюются в мою сторону, скрипят зубами, будут мечтать заковать меня в цепи, я люблю их. Мне очень хочется, чтобы наш мир стал таким, каким я его описал в моих удивительных снах, пусть даже в тумане. Чтобы люди стали до-

брее, щедрее и мудрее. Апокалипсиса может и не быть, если современный человек разного положения, поймет всю трагедию, что он творит с планетой, осознает пагубность своих деяний. А если не осознает, то его ждет то, что я описал в двух последних книгах «Отчаянные придурки» и «Сон в тумане». И это уже не фантастика, а реальность. И это всё ещё главный вопрос и ответ. Надо спасать свою родину. Так что мои книги, которые я обозвал фантастикой, есть реальность, и есть предупреждение. А если уж сердиться, то это мне надо сердиться на тех, кто злопыхает после прочтения моих книг. Значит, они в описанных героях узнали себя. Я ведь тоже не святой. Так давайте вместе исправляться. Я ведь тоже могу зубами скрипеть. Правда, плевать я не научен, да и не умею. Мой внутренний мир не позволяет плевать в человека. Как-то не этично, понимаете. Вот, кажется, и всё, что я хотел сказать насчет моих откровений. То, что я хотел сказать, в своих книгах высказал. И, всё-таки, главный ответ – давайте беречь наш мир от нашествия в наши мозги чего-то темного и отвратительного. Будем оберегать нашу родную планету Земля. А продолжать писать я буду. Вот такой вам мой ответ мои дорогие злопыхатели.

Содержание

Часть первая. Лишние люди	3
Разговор с сосной	3
Настораживает	15
Новички	20
Начались первые приключения	33
Дела домашние	75
Часть вторая. Друзья познаются в беде	90
Испытание	90
Дома	117
Всё не так, как бы нам хотелось	133
На суде у Сталина	148
Новые и невероятные приключения придурков	159
Часть третья. Нам отдых только снится	197
Как бы ни так	197
Приключения придурков продолжаются	208
И дома нет мне покоя	264
Часть четвертая. Защищать родную землю	280
И снова в бой	280
После победы, почему же так грустно?	297
От автора	311

Юрий Стрелов
СОН В ТУМАНЕ

Роман
Мистика. Фантастика. Приключения

Издательство «Оттиск».
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 19.06.2014. Формат 60/84/16.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 18,35. Уч. изд. л. 14,85.
Тираж 100 экз. Заказ № 132.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.
Тел. 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru